И 322/102

КРИТИКО-ИСТОРИЧЕСКАЯ

ПОВѢСТЬ

ВРЕМЕННЫХЪ ЛѢТЪ

ЧЕРВОНОЙ

ИЛИ

ГАЛИЦКОЙ РУСИ.

КРИТИКО-ИСТОРИЧЕСКАЯ

ПОВѢСТЬ

ВРЕМЕННЫХЪ ЛѢТЪ

ЧЕРВОНОЙ или ГАЛИЦКОЙ РУСИ.

Сочиненіе

ДЕНИСА ЗУБРИЦКАГО.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ПОЛЬСКАГО

Д. Члена Осипа Бодянскаго.

ИЗДАНІЕ

ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ИСТОРІИ и ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ

ПРИ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

ОТЪ ВОДВОРЕНІЯ ХРИСТІЯНСТВА

ПРИ КНЯЗЬЯХЪ ПОКОЛѢНІЯ ВЛАДИМІРА ВЕЛИКАГО ДО КОНЦА XV СТОЛѢТІЯ.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1845.

2007110031

По опредѣленію Общества. Москва. 1845 года, Мая 21-го дня.

Секретарь О. Бодянскій.

ИМЛИ

Всесоюзная БИБЛИОТЕКА имени В. И. ЛЕНИНА

12637-45

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Представляя это произведеніе Рускому Обществу, считаю нужнымъ сказать отъ себя нѣсколько словъ по поводу его. Прежде всего объ его названіи. Сочинитель, издавая 1-ю книжку, или, какъ онъ выражается, тетрадь, въ 1837 г., на языкѣ Польскомъ, въ Львовѣ, назвалъ свое произведеніе: „Очеркъ исторіи народа Рускаго въ Галиціи и духовной іерархіи въ этомъ королевствѣ (Rys historyi narodu Ruskiego w Galicyi i hierarchij cerkiewney w témże krolestwie)," а послѣ, присылая нашему Обществу исторіи и древностей Рускихъ при Московскомъ университетѣ печатный экземпляръ, со многими поправками и прибавленіями, измѣнилъ названіе такъ: „Матеріялы для составленія исторіи народа Рускаго въ Галиціи, и т. д. (Materiały do napisania historyi narodu Ruskiego w Galicyi, a t. d.);" напослѣдокъ, второй періодъ, представленный Обществу въ подлинникѣ, носитъ еще третье названіе: „Отрывокъ изъ про-

странной исторіи народа Рускаго въ Галиціи, содержащій критико-историческія изслѣдованія съ 1340 по 1492 г. (Ułomek z obszernieyszey historyi narodu Ruskiego w Galicyi, zawieraiący krytyczno-historyczne badania od roku 1340 do 1492).“ Всѣ эти перемѣны показываютъ, что сочинитель былъ недоволенъ данными имъ названіями своему произведенію, и недоволенъ по очень естественной причинѣ, т. е., расширенію объема его. Сначала хотѣлъ онъ, какъ и самъ говоритъ во Введеніи, удовольствоваться только однимъ краткимъ историческимъ очеркомъ, вызваннымъ необходимостью доставить такое же, по крайней мѣрѣ, свѣдѣніе и соотчичамъ своимъ о себѣ самихъ, какое получили о нихъ обитатели государства Австрійскаго и Нѣмецкой земли въ двухъ, упоминаемыхъ имъ, сочиненіяхъ; потомъ рѣшился собирать матеріялы, какіе лишь встрѣтятся ему, для будущей исторіи своего народа, и, въ заключеніе, вѣроятно, вслѣдствіе накопленія этихъ послѣднихъ, предпринялъ написать уже подробную исторію Червоной Руси съ точки критической. Разумѣется, лучше всего знаетъ имя дѣтищу отецъ его, и потому должно довольствоваться имъ всякому, какъ бы ни казалось оно намъ не по вкусу; но тутъ, какъ очевидно, переводчикъ, естествен-

но, поставленъ въ необходимость самъ *окрестить* чужое чадо, дать ему *приличное* имя по своему крайнему понятію, хотя на время, промежду тѣмъ, по пословицѣ: „Хорошо и тамъ и тутъ, гдѣ по имени зовутъ.“ Названія отцовскія не къ лицу теперь его сыну, потому что онъ уже не то нынѣче, что былъ, какъ давались ему оныя; то было—и прошло. Это не очеркъ, не матеріялъ, ни подробная исторія, но именно *критико-историческія изслѣдованія*, расположенныя по годамъ, о судьбѣ Рускаго народа въ нынѣшнемъ королевствѣ Галицкомъ, и доведенныя только до конца XV-го вѣка. Отсюда мое названіе для нихъ: „*Критико-историческая повѣсть временныхъ лѣтъ Червоной, или Галицкой, Руси до конца XV столѣтія.*“ Повторяю, это названіе только *временное*, вынужденное *теперешнимъ* видомъ этого сочиненія. Послѣ оно должно уступить другому, данному самымъ творцемъ его.

Безъ сомнѣнія, произведеніе это замѣнитъ намъ, хотя нѣсколько, нашу, въ буквальномъ смыслѣ слова, бѣдность свѣдѣній о братьяхъ нашихъ, такихъ же, во всѣхъ отношеніяхъ, Рускихъ, какъ и мы, но *непростительно* забытыхъ нами и нашими историками, географами, и т. п. Еще до погрома Татарскаго мы занимаемся ими

кое-какъ; по крайности, наши лѣтописцы неутомимо дѣлятся съ нами свѣдѣніями своими о Червоной Руси; но послѣ Батыя, съ каждымъ годомъ, рѣже и рѣже становятся онѣ, пока, наконецъ, спустя вѣкъ, мы теряемъ совершенно изъ глазъ эту *шестую* дочь нашей общей матери, святой Руси, нашу *старшую*, по имени своему, сестру. Невѣдѣніе до того простирается, что многіе изъ насъ, во глубинѣ души, увѣрены, что *Лембергъ* есть главный городъ одной, чисто Нѣмецкой, области, и ни какъ не въ состояніи растолковать себѣ, отъ чего онъ носитъ еще другое названіе, и притомъ Славянское, *Львовъ*. А есть и такіе, что просто выдаютъ его за изобрѣтеніе извѣстнаго рода людей, видящихъ *во всемъ свое*, и потому не щадящихъ даже самыхъ географическихъ, этнографическихъ, и т. под., именъ, но смѣло и безнаказанно, тутъ переводящихъ, тамъ передѣлывающихъ, выдумывающихъ новыя, или же возобновляющихъ давнымъ давно преданныя вѣчному забвенію. Правда, другіе, хоть и не родные, не забыли этѣхъ Рускихъ: *Энгель* (I. X.) составилъ, для извѣстнаго сборника Всеобщей исторіи (Allgem. Welthistorie), первоначально, особенную: „Исторію Галича и Владиміра по 1772 г.," присоединивъ къ ней отдѣльное разсужденіе о правахъ на эту страну Угріи и Австріи (Ge-

schichte v. Halitsch u. Wladimir. 2 Thle, Wien. 1793), а послѣ, спустя три года, соединилъ ее съ „Исторіей Украйны и Украинскихъ Козаковъ (Gesch. d. Ukraine u. d. ukrainischen Kosaken, wie auch d. Königr. Halitsch u. Wladimir. Halle. 1796.)." Въ одно время съ нимъ издалъ и *Гоне* (I. A.), Австрійскій Училищный чиновникъ, небольшой учебникъ, подъ названіемъ: „Древнѣйшая и новая исторія королевствъ Галицкаго и Володомірскаго (Aelt. und neure Geschichte d. Königreichs Galizien u. Lodomirien. Wien. 1793.)." Но объ этѣ исторіи Червоной Руси не заслуживаютъ, ни въ какомъ отношеніи, имени исторіи, особливо послѣдняя, сборъ безсвязныхъ данныхъ, сшитыхъ кое-какъ на живую нитку для извѣстныхъ цѣлей правительства. Первая же, хотя и составлена по обдуманному чертежу, но безъ всякой исторической критики, съ слѣпой вѣрой въ истинность своихъ источниковъ, т. е., почти исключительно *Польскихъ*, всегда и всюду, съ изумительнымъ упорствомъ и перекоромъ истинѣ старающихся, съ XIV столѣтія по наши дни, провести любимую мысль своего народа, т. е., что Русь Западная и Южная ни въ чемъ никогда не походитъ на Русь Сѣверную и Восточную, беззаконно, по ихъ понятіямъ, присвоившую себѣ

это имя, и принадлежащую совершенно къ другой вѣтви народовъ, между тѣмъ какъ первая, де, съ ними—одно тѣло и духъ, или лучше ихъ *благопріобрѣтенное*, и проч., и проч. Отъ того они такъ и распорядились ею. Въ *четыре* столѣтія успѣли обратить эту землю Осмомысловъ, Даніиловъ, и т. д., въ землю *холоповъ;* древніе боярскіе и вольные люди вытѣснены, прогнаны или же принуждены переродиться постепенно въ родъ противниковъ, отчуждиться и вѣры, и народности, и языка, а простой народъ даже и теперь, насильно и безсознательно, сдѣлаться *получленомъ* другой Церкви. Но велика мать Руская, несокрушима твердость сыновъ ея. Ядро и сущность каждаго народа, такъ называемый простой народъ, не имѣя возможности иначе дѣйствовать для сохраненія роднаго, противопоставилъ всѣмъ посягательствамъ ни чѣмъ неколебимую стойкость Рускаго въ своемъ, свое *Руское упорство*, подавшее даже поводъ къ пословицѣ: „Упартый якъ Русинъ“; онъ уперся на своемъ, и отперъ всѣ нападенія, приговоривая себѣ: „Тверда Русь усе перебуде.“

Картину этой чудной упругости и неимовѣрной выдержки, признака, и вмѣстѣ залога, самостоятельности, вѣковѣчности и величія народнаго характера, представляетъ намъ сочинитель предле-

жащей повѣсти временныхъ лѣтъ Червоной Руси, начертанной рукой критической и, главное, добросовѣстной, плодъ долгихъ и многосторонних изученій и соображеній. Какъ бы желательно было, если бъ кто подарилъ насъ такой же картиной и другихъ двухъ сестеръ ея, Бѣлой и Малой Руси, изобразилъ намъ постепенное, полное движенія и самой бурной дѣятельности, раскрытіе той отдѣльной и своеобразной жизни, какою онѣ жили съ Татарскаго нашествія до хитраго соединенія съ Польшей на Люблинскомъ съѣздѣ въ третьей четверти XVI-го вѣка, но изобразилъ, не какъ второстепенный элементъ въ, такъ называемомъ, Великомъ княжествѣ Литовскомъ, а какъ первый и главный, безъ коего это послѣднее никогда бы не могло быть тѣмъ, чѣмъ онъ было: Литва была и есть народъ малый, незначительный, не могшій никогда, самъ по себѣ, разыграть той блестящей и многознаменательной роли, какую разыгралъ въ упомянутую пору. Онъ только далъ во *благовременіе* первой толчекъ, и указалъ первые шаги къ новой жизни разрозненной и ослабленной до не льзя предыдущими усобицами Руси, слилъ ее воедино и закалилъ надолго и долго, а самъ потомъ вскорѣ, какъ меньшій во всемъ прочемъ, нисшелъ на вторую ступень, потерялся въ необъятности образован-

наго имъ цѣлаго. Это была, такъ молвить, точка *тяготѣнія*, привлекшая къ себѣ своей, относительно большей, плотностью и упругостью разслабленныя отъ долговременныхъ гражданскихъ враждованій и смертельнаго удара Монголовъ части сосѣдственной Руси. Зло дробленія и черезполосности до того усилилось, что даже мечь Азіятцевъ, низвергшій всѣ почти наши княженецкіе столы, не образумилъ старѣйшинъ Руской земли, смотрѣвшихъ на это несчастіе, какъ на временное, переходное, и по прежнему продолжавшихъ *стряпати*, по выраженію лѣтописца, свое княжеское *мѣстничество*. Послѣднее намекаетъ на глубокое вкоренепіе этого своеобразнаго, *Славянскаго*, *Феодализма*, въ жизнь тогдашней Руси, отъ котораго ничто не было въ силахъ избавить ее, и которое, какъ все, истекающее изъ сущности народа, есть плодъ его своеобразнаго развитія, долго еще и послѣ свирѣпствовало и вредило *единству* нашему, именно въ *мѣстничествѣ* бояръ, бывшемъ тѣмъ же самымъ по смыслу и на дѣлѣ, чѣмъ соперничество удѣльныхъ князей. И это тѣмъ естественнѣе, что лица, заспорившія о *мѣстѣ*, были именно, большей частью, бояре-князья удѣльные, наслѣдовавшіе грѣхъ прадѣдовъ и примѣнявшіе его только къ новому своему положенію, отношенію и значенію. Такъ всѣ явленія въ исторіи народовъ, вытекаю-

ція изъ природы ихъ духа, плодъ ихъ особой личности, всегда изумительно живущи, противятся всѣмъ бурямъ и погромамъ, и упорно стоятъ цѣлые десятки вѣковъ, даже и тогда, когда все измѣняется вокругъ, во внѣшнемъ и внутреннемъ, самой народъ принимаетъ другой ликъ, начинаетъ другую жизнь, опѣ—все тѣже, какъ хамелеонъ мѣняютъ свою наружность, ни мало ничего не теряя въ сущности своей. Это составляетъ, такъ называемые, *коренные* грѣхи, недостатки, извѣстнаго народа, отъ коихъ, какъ такихъ, онъ никогда не избавляется *доброй волей*, но всегда внѣшней, неминучей, необходимостью, насильственно, огнемъ и желѣзомъ. Въ противномъ случаѣ они рано, поздо—гробъ народа.

Такой внѣшней, неминучей, необходимостью для Западной и Южной Руси была Литва, коея воинственные князья умѣли во время воспользоваться ихъ слабостью, для расширенія своей власти на развалинахъ могущества прежнихъ своихъ повелителей, обезсилешихъ до не льзя, какъ сказали мы, прежними усобицами и потерявшихъ вконецъ послѣднюю свою энергію отъ удара Монголовъ. Въ этомъ вся тайна и разгадка образованія Велнкаго княжества Литовскаго, въ которомъ столько же было Литовскаго, сколько во всякомъ

другомъ, одинакого съ нимъ происхожденія, на пр., въ государствахъ, Французскомъ, Булгарскомъ, Рускомъ, въ коихъ отъ народа-прибыша, съ оружіемъ ли въ рукахъ, или масличной вѣтвью, сильнаго своимъ единодушіемъ, совокупившаго разрозненные члены великаго, но ослабленнаго чѣмъ бы то ни было, тѣла, въ одно цѣлое, остается, обыкновенно, одно лишь *имя*, а самъ онъ, какъ малочисленный, естественно, мало по малу, сливается съ многочисленнѣйшими, принимаетъ весь складъ и ладъ ихъ. Литовскіе князья не избѣжали этой участи. Всѣ они сдѣлались вполнѣ *Рускими* по вѣрѣ, правамъ, обычаямъ, учрежденіямъ, языку, даже самымъ родственнымъ связямъ, женясь исключительно на Рускихъ княжнахъ. Отсюда, исторія Великаго княжества Литовскаго есть просто исторія Руси Бѣлой и Малой, иначе главныхъ племенъ ея: Кривичей, Дреговичей, Сѣверы, Полянъ, Бужанъ, Уличей и Тиверцевъ, а потому составляетъ такую же неотъемлемую часть исторіи нашей, какъ и исторія нашихъ Сѣверовосточныхъ племенъ, другими словами, Великаго княжества Московскаго, Великаго господина Новагорода и Пскова. Исторіи собственной Литвы тутъ нѣтъ и быть не можетъ, какъ народа, слишкомъ малаго и незначительнаго, и по той причинѣ, ничего, кро-

мѣ однаго имени, не сообщившаго изъ своей жизни соединеннымъ имъ подъ одинъ жезлъ; о ней можно и должно говорить только *до Гедимина* и при *Гедиминѣ*, въ періодъ ея самостоятельнаго развитія себя изъ себя же, при помощи собственныхъ силъ и средствъ. Безъ Руси Литва была бы и осталась навсегда бѣднымъ и незамѣченнымъ исторіей уголкомъ земли; вся сила и извѣстность ея—отъ Руси, безъ коей, какъ она, такъ равно и Польша, не въ состояніи были управиться даже съ Прускими Крестовниками, и коль скоро лишились ея, тотчасъ низошли на степень прежней незначительности. Это понимали и понимаютъ очень хорошо лучшіе головы того и другаго народа, откуда и вѣчное усиліе ихъ воротить утраченное.

Сознавая такую важность исторіи Малой и Бѣлой Руси въ исторіи Рускаго народа, ни коимъ образомъ не слѣдуетъ отдѣлять ее отъ исторіи Руси Великой, какъ это дѣлалось доселѣ и большей частью теперь, но составить изъ нихъ такой же существенный членъ ея, какъ эта послѣдняя. Разумѣется, это потребуетъ критическаго изученія судебъ той и другой въ наши, такъ сказать, Среднія времена, потребуетъ изложить исторію Бѣлой и Малой Руси подъ правленіемъ князей Литовскаго племени, самаго ближайшаго къ Славянамъ изъ всѣхъ другихъ

племенъ великой Индоевропейской семьи, не наслово, безъ всякаго разсмотрѣнія сказаній Литовскихъ и Польскихъ лѣтописцевъ, но съ строгой, неумытной, критикой, показать мѣру участія въ исторіи прежняго Вел. княжества Литовскаго, самой Литвы и Руси, и не приписывать уже, послѣ такого размежеванія, того одному, что не его, а у другаго не отнимать своего, по каждому воздать по *дѣломъ*. Тогда и Козачество Малой Руси перестанетъ казаться какимъ-то іероглифомъ, вдругъ, какъ бы съ неба, свалившимся въ концѣ XV в., и не имѣвшимъ ничего общаго съ прежнимъ порядкомъ вещей, между тѣмъ какъ оно было самое законное и необходимое проявленіе всего предыдущаго, дѣтя Руси Кіевской, отъ Татаръ до смерти послѣдняго *истиннаго* Великаго князя Литовскаго, Александра (отнюдь же не плодъ или слѣдствіе *Варяжничества*). Тогда мы не будемъ обходить больше въ исторіи Южной Руси такъ торопливо этихъ двухъ съ половиной столѣтій (съ полов. XIII по конецъ XV-го), столько безцвѣтныхъ и безжизненныхъ нынѣ; напротивъ, онѣ получатъ, въ глазахъ нашихъ, совсѣмъ иное значеніе. Это была и у насъ, какъ и всюду, въ цѣлой Европѣ, пора переходная, отъ стараго къ новому: древнее *мимо идe, новое бѣ;* пора конечнаго гніенія и разложенія на свои первичныя

части стараго, и броженія, зародыша и образованія новаго, постепенно возраставшаго и зрѣвшаго до самаго конца Среднихъ вѣковъ, и съ первыми годами Новыхъ явившагося во всей своей юношеской красѣ и могуществѣ. Въ образованіи этого, истинно Славянскаго, рыцарства, вытекшаго изъ глубины его тогдашней жизни, принимали также довольно дѣятельное участіе Бѣлая и Червоная Русь, что только въ наши дни начинаетъ открываться, и еще болѣе откроется при дальнѣйшемъ знакомствѣ съ исторіей обѣихъ съ означенной нами точки зрѣнія. Начало, и начало прекрасное и совѣстливо-отчетливое, имѣемъ мы теперь въ предлежащемъ трудѣ г. *Зубрицкаго*, давшаго намъ случай высказать тутъ давнишнія наши задушевныя мысли объ этомъ предметѣ. Не скроемъ, что такое сочувствіе наше къ его образу мыслей и обхожденію съ исторіей Руси, заставило насъ болѣе всего рѣшиться передать его критико-историческія изслѣдованія на родной языкъ, и тѣмъ сдѣлать ихъ доступными и другимъ, изъ коихъ, можетъ быть, нѣкоторые захотятъ даже послѣдовать его примѣру и подарятъ насъ, впослѣдствіи, подобными же розысканіями объ исторіи Бѣлой и Малой Руси. Вѣдь примѣры, говорятъ, заразительны?

Только послѣ подобныхъ предварительныхъ

исторій, по крайней мѣрѣ главнѣйшихъ и существеннѣйшихъ составныхъ частей Руской земли, послѣ исторій Руси Великой, Малой, Бѣлой, Черной, Червоной и Карпатской, можно будетъ надѣяться, что рано, поздо, *новой Карамзинъ* составитъ намъ новое бытописаніе, не одной какой-либо изъ нихъ, хоть бы то самой объмирной и значительной, но именно *всей Руси*, гдѣ каждой отведется *должное* мѣсто, по скольку она входитъ туда своей личностью и особностью. *Такая* исторія, конечно, умѣритъ нѣсколько безотчетное поклоненіе исторіи Западныхъ народовъ, единственныхъ, молъ, дѣйствователей, покажетъ каждому, кто только нарочно не станетъ закрывать глазъ своихъ, что и мы Рускіе, взятые всѣ вмѣстѣ, жили своей, самостоятельной и самообразной, жизнью, тутъ ровной и плавной, тамъ бугристой и кипучей, а тамъ самой огненной и бурной, смотря по обстоятельствамъ, вызывавшимъ ту или другую сторону нашего народнаго характера, то или другое наше племя, что и у насъ разыгрывалась, когда-то, не хуже иныхъ, драма, со всѣми ея излучинами, неровностями и шероховатостью, что и мы были *дѣятели*, только дѣятели *по своему*. А потому, насъ не льзя мѣрять мѣриломъ Запада, судить и рядить по случившемуся и случающемуся тамъ, требовать

и отъ насъ того, что тамъ есть и было добраго или худаго, заставлять не только теперь, но даже и въ *прошедшемъ*, плясать по чужой дудкѣ и погудкѣ, и, не находя сходнаго, или не въ такомъ обиліи, видѣ, и т. д., объявлять народомъ *прозябающимъ*, безсильнымъ ко всему самобытному, и только изъ особеннаго человѣколюбія осуждать на склады и зады азбучные. „Молоды, надо поучиться!“ Такъ; но учень учню—розь; иной, какъ волъ, сидитъ за указкой годъ и два, черепашьимъ шагомъ подвигается впередъ; другой же не успѣлъ освоиться съ буквами, глядишь—что твой дьякъ! учеба, кажется, ему игрушкой, сама идетъ: и легко и весело! Но горе и человѣку, и народу, если вздумаютъ они остаться вѣкъ въ учняхъ, всю жизнь свою истратять на то, чтобъ только набираться уму-разуму, готовиться, какъ бы получше и отчетливѣе зажить, и въ тѣ поры, когда сбираются блеснуть благопріобрѣтеннымъ, къ изумленію своему видятъ, что *дніе ихъ изочтены!* Думы за горами, а смерть за плечами! Нѣтъ такіе люди одно изъ двухъ: или тупы, или глупы, или же, какъ выражаются Сербы, *сувыше мудры*. Можно и должно учиться, сколько угодно кому, даже всю жизнь свою; но что за разстояніе между благородной жаждой любознанія, условливаемой уже самой человѣческой

природой, стремленіемъ каждаго недѣлимаго къ совершенствованію, и школьной указкой, прекрасной и разумной въ извѣстное время и для извѣстнаго возраста! Повторяемъ, вѣкъ съ книжкой за лавкой, значитъ вѣкъ быть *недорослемъ*, отказываться отъ правъ совершеннолѣтія, поднимать, по словамъ Чешскаго витязя XIII-го вѣка, самимъ на себя руки:

„Sami vražbu nad sobú spáchátі;“

добровольно склонять шею свою подъ иго; а добровольное иго — большой *грѣхъ*:

„Hriech v porobu samechtiec dáti šiju“.

Всякое такое рабство, замѣчаютъ старые Чехи—мерзость передъ Богомъ:

Mrzkost jest poroba hospodinu!“

Вѣчный стыдъ и срамъ покроетъ тѣхъ, кои такъ низко о себѣ думаютъ, такъ мало себя уважаютъ и цѣнятъ, такъ вовсе не сознаютъ собственнаго своего достоинства и назначенія, будутъ ли то недѣлимые или даже цѣлые народы. Нѣтъ,

„Zastyd'te sie mužie takých řečí!“ (*)

Въ заключеніе, долженъ замѣтить еще, въ

(*) Смотр. народную Чешскую Думу: „*O velikich boiech křest'an s Tatari*“, иначе „*Jaroslav*,“ помѣщенную въ Краледворской рукописи, найденной и изданной извѣстнымъ Вячеславомъ *Ганкой*. Прага, 1843 Изд. 4.

дополненіе къ сказанному уже выше, что первый періодъ этого сочиненія передань былъ мнѣ Обществомъ уже въ переводѣ для просмотрѣнія и напечатанія подъ моимъ надзоромъ ; но, съ первыхъ строкъ повѣрки съ подлинникомъ, оказалось необходимымъ рѣшительно *снова все перевесть* , что и сдѣлано мною ; а потому отвѣтственность за переводъ какъ этого, такъ равно и втораго періода , во всемъ падаетъ единственно *на меня однаго.* Окончаніе втораго періода , т. е., время отъ смерти Казиміра IV-го до Уніи (1492 — 1596 = 104 г.), равно и все послѣдующее, какъ слышно, исключительно занимаетъ теперь критика-историка судебъ нашей Червоной Руси, столько существенной и важной въ общей исторіи цѣлаго и нераздѣльнаго Рускаго народа. Судя по сдѣланному , можемъ ожидать отъ его остраго и неумытнаго пера проясненія многаго и многаго, особливо любопытенъ долженъ быть періодъ отъ начала введенія *Уніи* до окончательнаго ея утвержденія (1596—1707 г.). Общество сочтетъ своей особенной обязанностью тотчасъ сдѣлать всѣмъ доступнымъ окончаніе этого необходимаго произведенія для каждаго , кому дорого и нужно знать *дни прощедшіе и лѣта вѣчныя* своего народа, какъ скоро оно можетъ располагать имъ по своему усмотрѣнію.

Для скорѣйшаго и удобнѣйшаго ознакомленія съ предлогаемымъ сочиненіемъ, присоединяю сдѣсь *подробный обзоръ* всего важнѣйшаго, заключающагося въ немъ. Подобные обзоры чрезвычайно облегчаютъ намъ употребленіе такого рода произведеній, представляя вдругъ уму нашему цѣлое, въ его стройномъ и сомкнутомъ видѣ, и съ пользой замѣняютъ, такъ называемые, Указатели, обыкновенно прилогаемые въ концѣ сочиненія.

Переводчикъ.

Мая 19-го, 1845.
Москва.

ПОДРОБНЫЙ ОБЗОРЪ СОЧИНЕНІЯ.

Стр.

Предисловіе Переводчика..... I—XXII.

Введеніе, въ коемъ излогаются:

а) Причины къ составленію этого сочиненія. 2.
б) Историческія сочиненія о Червоной Руси.. 3.
в) Матеріялы для исторіи Червоной Руси.... 4.
г) Пособія сочинителя..... 5.
д) Дѣленіе на періоды своего произведенія.... 6.

ПЕРІОДЪ I.

Червоная Русь отъ водворенія христіянства при князьяхъ рода Владиміра Великаго до завоеванія ея королемъ Польскимъ, Казимиромъ III. (988—1340 г.).

§. 1. Мнѣніе сочинителя о старобытности Рускаго народа въ нынѣшнихъ его жилищахъ.. 7—13.

Перечень важнѣйшимъ событіямъ исторіи Славянъ, по *Копитару*..... 13—15.

Предѣлы Червоной Руси 16

§. 2. Введеніе Христіянства въ Червоной Руси. 17.

Доказательства введенія Христіянскаго исповѣданія по Греческому обряду между Славянами еще до Владиміра Великаго..... 18—23.

Стр.

§. 5. Откуда взялись Рускіе за рѣкой Вислокомъ, поставленной прежнимъ Польскимъ правительствомъ границей Рускому воеводству или Червоной Руси..... 24—28.

Предположеніе для объясненія жилищъ *Завислоцкихъ* Русиновъ почти подъ самымъ Краковымъ и принятія ими Православнаго исповѣданія:

Первое, по коему Русины этѣ приняли Православіе еще до Мечислава I-го, князя Польскаго (X-го в.), изъ рукъ учениковъ Славянскихъ апостоловъ, Кирила и Мефодія, вмѣстѣ съ другими Славянами около Дунайца и Вислы..... 28.

Языкъ ихъ мало отличался тогда отъ языка другихъ Славянъ ..... 29.

Причины несходства Червоно- и Великорускої рѣчи съ Древнеславянской ..... 30.

Неосновательность доводовъ о томъ, что языкъ Польскій XV вѣка гораздо ближе къ Рускому, нежели къ нынѣшнему Польскому..... 30—34.

Опроверженіе мнѣнія, будто названіе народа и языка Рускаго появилось только въ XVIII в., напротивъ, нарѣчіе Церковно-Славянское есть нарѣчіе *Старорускоe* (*примѣч.* 234) ..... 31—33.

Нелѣпость названія Русиновъ Рутенами. 33—34.

Древность Православнаго храма св. Креста въ Краковѣ, что на Клепарѣ..... 34—35.

Второе, по коему страна между Вислой и Вислокомъ заселена была Православными Русинами. 36—37.

Третье, по коему ополяченье Русиновъ Завислоцкихъ на равнинахъ произошло только, мало по малу, послѣ завладѣнія Червоной Руси Казими-

Стр.

ромъ III., между тѣмъ какъ Русины-Горцы остались неприкосновенными, защищенные своими жилищами и бѣдностью..... 37.

Обстоятельства, показывающія намъ, что королевство Галицкое простиралось, при князьяхъ и корояхъ Рюрикова племени, даже за р. Вислокъ, до самой Вислы и Дунайца..... 37—39.

§. 4. Политика, коей слѣдовалъ Владиміръ Великій, раздѣляя свое государство между сыновьями..... 40—44.

Малость Польши въ сравненіи съ современными ей государствами (*примѣч.* 27)..... 42.

Причины упадка Рускаго государства при потомкахъ Владиміра Великаго..... 44.

Историческія обстоятельства, показывающія, что древняя Русь превосходила своимъ образованіемъ и гражданственностью Поляковъ, Литовцевъ и Татаръ..... 45—49.

Что остановило блестящее развитіе древней Руси?..... 50—51.

§. 5. Переходъ сочинителя отъ общихъ замѣчаній о всей Руси къ исторіи Червоной Руси, и, прежде всего, исчисленіе замѣчательнѣйшихъ государей ея, съ Андрея, сына Белы III-го, короля Угорскаго, до Юрія Львовича (1185—1302 г.)..... 52—65.

Преемники послѣдняго до пресѣченія Даніилова рода въ мужескомъ колѣнѣ, или до 1340 г..... 65—66.

Доводы въ пользу того, что земля Люблинская или Надвислянская Русь заселена Русинами; объемъ ея (воеводства: Люблинское, Сѣдомірское,

Стр.

Подлѣское и Августовское) и прежнее исповѣданіе, (*примѣч.* 35)..... 54—62.

Первые Католическіе храмы на Червоной Руси (*примѣч.* *) ..... 58—61.

Мѣсто погребенія Льва Даниловича и время основанія города Львова (*примѣч.* 36) ..... 63—64.

§. 6. Состояніе іерархіи въ Червоной Руси въ 1-мъ періодѣ..... 66—72.

Епископства: Галицкое и Перемышльское.. 66—68.

Самборское..... 62—72.

Доказательства въ пользу Галицкой митрополіи въ этомъ періодѣ (*примѣч.* 41) ..... 68—71.

§. 7. Духовныя имѣнія, дарованныя разнымъ епископіямъ, соборнымъ церквамъ и монастырямъ, 72—77.

именно:

Помѣстья епископіи Перемышльской..... 72—73.

———— ———— и митрополіи Галицкой. 74.

———— церкви Николаевской въ предмѣстьѣ Львова и другихъ..... 76—77.

Обстоятельства, показывающія, что Латинскія епископіи явились въ Червоной Руси не прежде конца XIV стол. (*примѣч.* 42.) ..... 74—75.

Надпись на колоколѣ при соборѣ св. Юрія въ Львовѣ и объясненіе ея (*примѣч.* 44.)..... 78—86.

Причины рѣдкости письменныхъ памятниковъ въ Червоной Руси этого времени..... 78—84.

Соборы Рускаго духовенства въ I-мъ періодѣ. 85—86.

§. 8. Состояніе образованія и гражданственности Червоной Руси въ концѣ I-го періода ея исторіи..... 86—90.

Переходъ сочинителя ко второму періоду стр .. .. 91—94.

Стр.

ПЕРІОДЪ II.

Червоная Русь подъ владычествомъ королей Польскихъ, отъ завоеванія ея Казимиромъ III до начала соединенія съ Римской церковью (1340—1596 г.).

§. 9. Шаткое и спорное господство Польши надъ Галицкимъ королевствомъ, съ 1340 по 1349 г ..... 95—129.

Дѣлежъ Червоной Руси между родственниками бездѣтнаго, послѣдняго, князя ея, Юрія, 1337 — 1339 г..... 95—98.

По этому дѣлежу Галиція достается Болеславу Тройденовичу, князю Мазовецкому, сыну сестры послѣдняго князя, а Владимірія прочимъ родичамъ его, находившимся подъ покровительствомъ Литовскаго князя, Любарта, связаннаго родствомъ съ ними ..... 97—99.

Мнѣнія историковъ объ этомъ Болеславѣ Мазовецкомъ, именно: Длугоша, Кромера, Нарушевича, Карамзина и Гнѣзденскаго архидіякона, по коему онъ наслѣдовалъ Галицкій престолъ въ 1337 г. послѣ дяди своего, Казиміра, а въ крещеніи Юрія, или Георгія, исповѣдывалъ Римскую вѣру, и отравленъ новыми подданными своими, спустя два, три, года, за притѣсненія Православію, свободѣ, нравственности и народности Руской..... 99—105.

§. 10. 1340 годъ: *первый походъ Казиміра III-го*, короля Польскаго, для завладѣнія Галиціей послѣ Болеслава Тройденовича, по разсказу Длугоша, и критика его ..... 105—112.

Стр.

§. 11. *Второй походъ* Казиміра III-го на Галицію и покореніе ея..... 121—116.

§. 12. Разборъ причинъ, дававшихъ право Казиміру III-му на Галицкій престолъ, и приводимыхъ Нарушевичемъ въ своей исторіи..... 116—121.

Исчисленіе знаменитѣйшихъ и сильнѣйшихъ боярскихъ Червонорускихъ родовъ того времени ..... 121—122.

Нелѣпость мнѣнія Польскихъ историковъ, мечтающихъ о переходѣ въ это время многихъ знаменитыхъ Рускихъ родовъ изъ Греческой вѣры въ Латинскую, незначительность Поляковъ въ Червоной Руси, и несправедливость утвержденія, будто Казиміръ устроилъ завоеванный край по образцу прочихъ областей своихъ и ввелъ въ немъ Польскій порядокъ ..... 122—124.

§. 13. 1341—1344 годы: Попытка Рускихъ бояръ и князей, при помощи приглашенныхъ къ себѣ Татаръ, освободиться отъ Польскаго короля. 124—129.

Заслуги Руси вообще для Европы въ дѣлѣ защиты ея отъ Азіятцевъ, и несправедливость тѣхъ, кои присвояютъ это Полякамъ (*примѣч.* 29.). 126—127.

§. 14. Галицкое королевство подъ владѣніемъ Польскимъ, съ 1349 по 1370 годъ ..... 129—160.

1349 годъ: Покореніе Любартомъ Гедиминовичемъ Володоміріи послѣ смерти послѣдняго мужескаго потомка Даніилова въ 1337 году, и отнятіе ея, въ 1349, Казиміромъ у Любарта, ослабленнаго ударомъ, нанесеннымъ Прусскими Крестоносцами ..... 130—131.

Стр.

1350 г. Возвращеніе Литовскими князьями Володоміріи, опустошеніе Галиціи и отнятіе назадъ земель: Бельзской, Холмской и Берестской, въ слѣдствіе чего полюбовный договоръ Поляковъ съ Литовцами, по коему первые получаютъ Львовскую землю, а послѣдніе Володимірскую..... 131—133.

1351 г. Новое нападеніе Казиміра на владѣнія Любарта, и новое отмщеніе за то послѣднимъ въ 1353 году, т. е., опустошеніе Галиціи и Польши по самую Вислу; тогда-то Галичъ, разоренный Любартомъ, навсегда утратилъ блескъ свой и знаменитость ..... 133—137.

Всегдашнее благопріятство Русиновъ Литовцамъ по причинѣ взаимныхъ вѣроисповѣдныхъ связей, и участіе ихъ въ предпріятіяхъ этѣхъ противъ враговъ, на пр., въ обозначенные годы противъ Поляковъ и Прусовъ..... 137—138.

Замѣчанія на разсказъ событій этѣхъ (съ 1349 по 1353 г.) Праемъ и Вилани..... 139—141.

Первая, древнѣйшая, изъ достовѣрныхъ грамотъ Червоной Руси, чрезвычайно важная въ законовѣдственномъ отношеніи (*примѣч.* 38).. 134—137.

§. 15. 1355—1356 г. Призваніе Казиміромъ въ опустошенные Польскіе и нѣкоторые Рускіе края Нѣмецкихъ поселенцевъ и дарованіе имъ разныхъ льготъ и позволенія судиться Магдебургскимъ правомъ..... 142—143.

Древнѣйшія Нѣмецкія поселенія въ Червоной Руси относятся не къ Казиміру III-му, но ко Льву и его пріемникамъ (*примѣч.* 39)..... тамъ же.

1359 г. Начало вмѣшательства Польши въ дѣла Молдавіи и Валахіи черезъ Червоную Русь, по поводу усобицъ дѣтей господаря Стефана. Го-

Стр.

сподарства эпѣ составляли древнее Руское достояніе, обитатели коихъ — смѣсь Рускихъ съ Римскими выходцами, составившими одинъ народъ по языку, вѣрѣ, нравамъ, устройству и правленію, и бывшими, сперва, подъ властію Рускихъ, потомъ своихъ, князей, признававшихъ покровительство сильнѣйшаго сосѣда ..... 144—145.

§. 16. 1361 г. Набѣгъ Прускихъ Крестоносцевъ на Русь между Нарвой и Нѣмнемъ, и Литву. 146.

Основаніе Казиміромъ Латинскаго архіепископства въ Львовѣ, посвященіе въ архіепископы Христіяна, и отнятіе главнаго Рускаго Львовскаго храма, вѣроятно св. Креста, для каѳедры его..... 147—149.

§. 17. 1366 г. Нападеніе Казиміра на княжество Бельзское, коего князь, Юрій, поддается ему и получаетъ за то назадъ свое княжество и, въ придачу, Холмскую землю; послѣ этого завоеваніе, въ отсутствіе Литовцевъ, занятыхъ дѣлами съ Прускими Крестоносцами, земель: Луцкой и Владимірской, и миръ, по коему король Польскій получаетъ городъ Владиміръ съ сосѣдними уѣздами, и учреждаются въ Городлѣ пограничные судьи для рѣшенія споровъ и преступленій, Поляковъ по законамъ Польскимъ, и Русиновъ по законамъ Рускимъ ..... 150—153.

1367 г. Дарованіе Казиміромъ грамоты Армянамъ, поселившимся въ Червоной Руси еще при князьяхъ ея, на свободное отправленіе своей вѣры, сохраненіе правъ и обычаевъ..... 152—156.

Внутреннее устройство Армянъ въ Червоной Руси, права, обычаи ихъ, и пр. (*примѣч.* 52.) 156—157.

Свѣдѣнія о прибытіи Караимовъ въ Черво-

Стр.
ную Русь въ 1246 г. (*примѣч.* 51.)..... 153—155.
1369 г. Казиміръ, подъ конецъ своей, не слишкомъ нравственной, жизни (*примѣч.* 27, стр. 125), даритъ сокровища, награбленныя въ церквахъ Русскихъ, своимъ Лашинскимъ костеламъ, въ 1370 г., и сужденіе о немъ..... 157—161.

Галицкое королевство подъ властію собственнаго князя: съ 1370 по 1479 г. (9 лѣтъ). 160—183.

§. 18. Людвикъ, король Польскій и Угорскій, избранный Казиміромъ III-мъ въ преемники себѣ, медлитъ вступленіемъ на Польскій престолъ, принадлежавшій по праву Пястамъ, и потому, сперва, отправляетъ мать свою въ Польшу для разузнанія, потомъ склоняетъ отказаться отъ него ближайшаго притязателя, Владислава, князя Опольскаго, и, наконецъ, послѣ всего этого, является въ Краковъ и вѣнчается ..... 161—162.

Изгнаніе Любартомъ Поляковъ изъ Володоміріи, наѣздъ на Сѣдомірскую землю и возвращеніе Руско-Владимірскихъ городовъ и уѣздовъ, захваченныхъ Казиміромъ въ 1366-мъ г..... 162—164.

Сдѣлка Людвика, для удержанія за собой Польскаго вѣнца съ Владиславомъ, княземъ Опольскимъ, Пястомъ въ мужескомъ и женскомъ колѣнѣ, Угорскимъ палатиномъ и своимъ лучшимъ другомъ, получающимъ отъ него, за такую уступку, Велунское княжество и Галицію въ 1370 г. Первымъ дѣломъ новаго государя Червоной Руси было показать ревность свою къ Римской вѣрѣ..... 164—167.

§. 19. 1371—1377 г. Девятилѣтнее правленіе Владислава Галиціей, за исключеніемъ пограничныхъ мелкихъ споровъ съ Литовской Русью, было, боль-

Стр.

шей частью, спокойно, онъ, въ 1375, г. возводитъ Лашынскаго Львовскаго архіепископа въ митрополиты ..... 169—172.

1377 г. Походъ Людвика на Руско-Бельзскаго князя, Юрія, родственника В. князя Литовскаго, Кейстута, по поводу нападенія на владѣнія его, 1370 и 1375, Литовской Руси, осада Бельза и посредничество Кейстута, настоявшаго на Людвика не только отказаться отъ притязаній своихъ на княжество Бельзское, но еще отчислить къ нему отъ Галиціи землю Любачевскую и платить ежегодно дань по сту гривенъ изъ соляныхъ Бохенскихъ копей ..... 172—175.

1379 г. Переуступка Владиславомъ Опольскимъ Галиціи снова Людвику за земли: Добрынскую, Гнѣвковскую и Бидгощскую (8-го генваря). Къ этому побудило его сознаніе собственной слабости и невозможности защищать свое владѣніе отъ посягательствъ сильныхъ сосѣдей, равно какъ и безнадежность на расположеніе къ себѣ, Католику, подданныхъ Православныхъ..... 175—177.

Вліяніе и учрежденія князя Владислава въ Червоной Руси въ свое 9-лѣтнее правленіе, между прочимъ одна грамота его на Нѣмецкое право, важная для исторіи Рускаго Сельскаго хозяйства (*примѣч.* 73); печать и изображеніе его на ней, и замѣчанія на выходки Нарушевича и другихъ Польскихъ историковъ противу сдѣлокъ Людвика съ Владиславомъ ..... 177—183.

Королевство Галицкое подъ властію Угровъ съ 1379 по 1387.

§. 20. Особенное расположеніе Людвика къ Львову, получившему отъ него многія права, ме-

Стр.

жду прочимъ право складки товаровъ въ немъ Восточными и Западными купцами, какъ городѣ на границѣ королевства Рускаго, слѣдовательно не заключавшаго въ себѣ еще ни Волыни, ни Подола; такое же право получили въ эту пору Владиміръ и Луцкъ отъ своего князя, Дмитрія (Михайловича, Волынскаго, свояка Дмитрія Донскаго) ..... 183—187.

1382. Смерть Людвика, бывшаго для Червоной Руси, за исключеніемъ страсти своей обращать въ Латинство, довольно благосклоннымъ и правившимъ ею посредствомъ своихъ старостъ.... 187.

Возвращеніе Любартомъ забранныхъ у него Червонорускихъ городовъ ..... 189—190.

1384 г. Насильное разорваніе брака Ядвиги, младшей дочери Людвика, съ Австрійскимъ княземъ, по происканъ Рима и Польскаго духовенства, и избраніе въ супруги ей Литовскаго князя, Ягайла. 191—194.

Замѣчанія на польскихъ историковъ о вступленіи Ягайла на Польскій престолъ..... 195—198.

1386 г. Обстоятельное знакомство съ Ягайломъ до женитьбы и отношеніе его къ роднымъ, особенно дядѣ, Кейстуту, котораго убиваетъ, и сыну его, Витовту, сопровождавшему его въ Краковъ на свадьбу и изъ пріязни къ нему окрестившемуся въ Латинскую вѣру. Братья Ягайла, всѣ до одного—исповѣдники Православія, впослѣдствіи Католики, съ ихъ двойными и тройными именами, и названіе Римской церковью Русиновъ язычниками, а церквей ихъ синагогами ..... 198—209.

Королевство Галицко-Руское снова подъ владычествомъ Польскимъ, съ 1387 по 1772 г.

§. 22. Хитрое завладѣніе Польской королевы, Ядвиги, Червоной Русью, принадлежавшей

Стр.

старшей сестрѣ ея, Маріи, королевѣ Угорской, бывшей въ то время въ плѣну у подданныхъ своихъ, грозившихъ ей смертью, именно въ 1387, (а не 1390 г., какъ утверждаютъ Польскіе историки) .. .. 209—219.

§. 23. 1388 г. Задобреніе Ягайломъ Мазовецкаго князя, Земовита, ближайшаго Піасту на Польскій престолъ, выдачей за него сестры своей и уступкой Бельзской земли, и война его съ Витовтомъ за несдержаніе обѣщанія, въ которой послѣдній оспается побѣдителемъ и отстоиваетъ за собой Великокняжескій престолъ, какъ независимый государь .. .. 220—222.

1390 г. Приглашеніе Ядвигой изъ Праги Чешской Бенедиктинцевъ въ Краковъ для отправленія богослуженія на Церковно-Славянскомъ языкѣ въ нарочно построенной ею для нихъ церкви св. Креста, на Клепарѣ; цѣль этого была показать Русинамъ Бѣлой и Червоной Руси возможность признавать папу главой Христіянства и вмѣстѣ молиться Богу на Славянскомъ языкѣ по Восточному исповѣданію..... 222—224.

1392—1393 г. Примиреніе Ягайломъ Витовта съ братомъ своимъ, Скиргайломъ, по коему послѣдній остается удѣльнымъ княземъ Кіевскимъ, но подъ верховнымъ начальствомъ перваго, и скоропостижная смерть Скиргайла, отравленнаго монахомъ и погребеннаго въ Кіевскихъ пещерахъ, а княжество его передано Витовтомъ Андрею Ивановичу, князю Рускому, съ условіемъ зависѣть отъ него..... 224—226.

1396—1398 г. Смерть Ядвиги, повергшей тѣмъ Ягайла въ отчаяніе и рѣшившагося было во-

Стр.

ротишься въ свою Литву, но потомъ убѣжденнаго Поляками остаться и даже женишься, въ 1400 г., на Аннѣ, дочери графа Цили и внукѣ Казиміра III ..... 227—228.

1403—1404 г. Война Ягайла съ братомъ, Свидригайломъ, за Подолъ, и уступка Молдавіи Покушья ..... 228—233

§. 24. 1407 г. Помощь Ягайла Витовту въ войнѣ его съ В. княземъ Московскимъ, и несчастное окончаніе этого похода отъ мора и безвременья.. 234.

1410 г. Битва Витовта и Ягайла подъ Грюнвальдомъ или Таненбергомъ съ Прускими Крестоносцами, выигранная храбростью и стойкостью Русиновъ (Смоленцевъ), какъ многочисленнѣйшихъ, нанесшихъ нѣмъ смертельную рану Нѣмецкимъ рыцарямъ, послѣ которой они не могли уже никогда воротить прежней своей знаменитости, но съ коими ни Поляки, ни Литовцы, отдѣльно и вмѣстѣ, не въ силахъ были бороться..... ... . 236—237.

1411 г. Уступка Ягайломъ Польской части Подола Витовту, и перенесеніе новымъ Латинскимъ архіепископомъ своего мѣстопребыванія изъ Галича въ Львовъ ..... 237—238.

1412. Съѣздъ въ Кошицахъ Польскаго короля, Ягайла, и императора Сигизмунда, гдѣ первый предлогалъ послѣднему удалить Нѣмцевъ изъ Прусіи, а землей ихъ подѣлиться межъ собой. Взаимный брашскій договоръ этѣхъ государей о Галиціи, Подолѣ, Молдавіи и Валахіи, составлявшихъ одно владѣніе, по коему первый отказывался отъ нихъ только на время..... ..... 238—243.

§. 25. Посѣщеніе Ягайломъ столицы Угорской, въ коемъ Сигизмундъ угощалъ его велико-

Стр.

лѣпно и давалъ въ честь ему богатырскія игры, на которыхъ отличились два Рускихъ вишязя изъ дружины Ягайловой. На возвратномъ пути останавливается онъ въ Перемышлѣ, отнимаетъ соборной храмъ у Русиновъ для Католиковъ и ругается гробами предковъ первыхъ..... 243—244.

1413 г. Городельскій съѣздъ Ягайла съ Витовтомъ, на коемъ, для успѣшнѣйшаго дѣйствія противъ Прускихъ Крестоносцевъ, заключаютъ они наступательный и оборонительный союзъ и объявляютъ о возможности въ будущемъ соединиться въ одно тѣло обоимъ государствамъ, а потому условливаются по смерти одного изъ нихъ не приступать къ возведенію на престолъ никого, непріятнаго другому, государю или его чинамъ; наконецъ, поставляютъ нѣкоторыя права и преимущества для исповѣдывающихъ Латинскую вѣру въ обѣихъ владѣніяхъ. Впрочемъ, договоръ этотъ довольно сомнительной подлинности (*примѣч.* 138 и 155)..... .... 244—251.

Мнѣніе о древнѣйшемъ образѣ правленія у всѣхъ Славянскихъ племенъ (*примѣч.* 139.) ....246—249.

1414—1415 г. Обращеніе Жмуди въ Римскую вѣру Ягайломъ, и новая война съ Прускими Крестоносцами ..... 251—252.

1416 г. Вторженіе Татаръ, по наговору Прускихъ Крестоносцевъ, въ Кіевское княжество и опустошеніе столицы его до того, что она съ тѣхъ поръ утратила навсегда свое величіе..... 252.

1417 г. Раздача Ягайломъ множества Рускихъ имѣній своему Польскому дворянству..... 253.

1418 г. Ягайло и Витовтъ получаютъ, за свои услуги Римской вѣрѣ, пишло главныхъ намѣстни-

Стр.

ковъ папы въ земляхъ Рускихъ, и мнѣніе перваго о возможности обращенія Руси въ Католичество..... 253—254.

1420—1424 г. Четвертой бракъ Ягайла съ Русинкой, Софіей, дочерью Кіевскаго князя, Андрея Ивановича, а племянницей Витовпа, и вѣнчаніе ея на Польскій престолъ въ Краковѣ. Она была прамашерью, столько любезныхъ Полякамъ, королей Ягайловцевъ ..... 254—255.

Доказательства, что еще въ XV-мъ вѣкѣ существовали *Кіевскіе Рускіе князья*, равно какъ и другіе, находившіеся подъ верховной защитой и властью Витовпа, бывшаго ихъ Великимъ Княземъ, и причины постепеннаго ослабленія и исчезновенія ихъ (*примѣч.* 143) ..... 255—259.

§. 26. 1426 г. Строгость Ягайла съ Рускимъ дворянствомъ, проспвшимъ его о вознагражденіи за понесенные труды въ Турецкомъ походѣ 1426 г., куда послано было оно въ видѣ помощи императору Сигизмунду подъ Ибраплъ..... 255—259.

Насильное присоединеніе Ягайломъ къ Польшѣ Бельзскаго княжества по смерти Земовпта, князя Мазурскаго, коему отдано оно было имъ, какъ приданое за своей сестрой, и замѣненіе въ немъ Рускаго дворянства Мазовецкимъ..... 260.

1429 г. Знаменитый съѣздъ Сѣверныхъ государей въ *Луцкѣ*, по поводу замышленнаго императ. Сигизмундомъ успокоенія и *преобразованія* Западной церкви посредствомъ добровольнаго соединенія ея, вопреки самому папѣ, съ Гуспптами и Восточной церковію, что и было принято съ величайшимъ одобреніемъ Чехами, Русинами и многими Поляками, хорошо ознакомившимися уже до того другъ съ

Спр.

другомъ. Другое важное предложеніе императора было склоненіе Витовта надѣть на себя королевскій вѣнецъ, чрезвычайно взволновавшее Поляковъ и папу, видѣвшихъ въ томъ, рано, поздо, паденіе свое и прекращеніе вліянія на Сѣверныхъ Славянъ..... 260—267.

§. 27. 1430 г. Смерть Витовта и возведеніе на его мѣсто Ягайлова брата, Свидригайла, какъ старшаго въ царственномъ родѣ, потребовавшаго тотчасъ отъ короля Польскаго возвращенія захваченныхъ имъ Подольскихъ крѣпостей, оставившаго у себя въ плѣну Ягайла до исполненія его требованія, и происшедшая отъ того война съ Польшей..... 268—273.

1431 г. Военныя дѣйствія Свидригайла на Подолѣ и въ Володимиріи, удачная защита Луцка противъ осаждавшихъ его Поляковъ, принужденныхъ, безъ всего и пѣшкомъ, воротиться домой, и миръ, выгодный во всѣхъ отношеніяхъ для Руси Литовской. Война эта ведена была съ рѣдкимъ ожесточеніемъ Свидригайломъ, коему помогали, съ одной стороны, Прусскіе Крестоносцы, опустошившіе Великую Польшу, а съ другой Молдаване, разорившіе Галицію, и печальныя слѣдствія ея для Поляковъ..... 274—288.

Пустое и неосновательное увѣреніе Поляковъ въ томъ, будто они никогда не посягали на жизнь своихъ государей (*примѣч.* 166.) ..... 283—284.

§. 28. 1432 г. Опасенія Поляковъ и Рима за независимость Польши и Латинскую вѣру со стороны Русиновъ, стѣснявшихъ первую и разрушившихъ храмы, до однаго, послѣдней въ предыдущую войну, и разныя сѣти, дипломатическаго и дру-

Стр.

гаго рода (въ дипломатикѣ Поляки столько превышали Русь и Литву, сколько ихъ Нѣмцы: *примѣч.* 173), разставляемыя для погубленія В. князя. Лучшимъ средствомъ къ тому признано было объявить В. княземъ Литовскимъ Виновтова брата, слабоумнаго удѣльнаго Стародубскаго князя, Сигизмунда Кейстутовича, вызвавшагося поддаться волѣ и распоряженіямъ Польши и отказаться отъ земель: Подольской, Луцкой, и т. д..... 289—299.

§. 29. Новая война на Подолѣ, Литвѣ и Волыни. Въ первомъ дѣйствуетъ Федько Острогскій противу Самотульскаго и Мяжика и вытѣсняетъ ихъ оттуда въ Галицію, гдѣ Ягайло, для удержанія Червоной Руси за собой и вліянія на Луцкихъ и Подольскихъ обитателей, даетъ *первую* привилегію ей, охраняя ею неприкосновенность вѣры и имущества. На другой годъ князь Острогскій беретъ Каменецъ, а съ нимъ и Польскаго полководца, соединяется, во Владимірѣ, съ другимъ, Свидригайловымъ, вождемъ на Волыни, Носомъ, отправляется съ нимъ на Подлѣсье и осаждаетъ Берестъ, а Свидригайло тѣснитъ въ Литвѣ, съ своими Русинами и Прусскими Крестоносцами, Сигизмунда Кейстутовича: тутъ нежданно умираетъ Ягайло, на 86-мъ г., въ Городкѣ, подъ Львовымъ, простудившись, слушая ночью соловья. Свойства Ягайла. 300—313.

§. 30. Сынъ и пріемникъ Ягайла, Владиславъ, отъ Русинки, уравниваетъ Галицкое дворянство въ правахъ съ Польскимъ, и поражаетъ, 1435 г., въ лицѣ своего полководца, Свидригайла, подъ Вилкоміромъ, береть въ плѣнъ вождя его, Сигизмунда Корибутовича, бывшаго короля Чеховъ-Гуситовъ, котораго Сигизмундъ Кейстутовичъ приказываетъ замучить въ темницѣ) ..... 313—321.

Стр.

1437—1438 г. Нападеніе Татаръ на Подолъ и Галицкую Русь, и битва съ ними, проигранная Русинами ..... 322—323.

1439 г. Несправедливо, будто постановленія Флоренційскаго собора были приняты Червоной Русью, и неблагосклонный пріемъ ею Исидора. Также неосновательно мнѣніе и Пѣсѣцкаго о соединеніи Православныхъ съ Католиками еще въ половинѣ XIV-го столѣтія ..... 324—329.

§. 31. 1440 г. Свидрѣпства Сигизмунда Кейстутовича въ 7-лѣтнее правленіе его, напоминанія ему даже самыми Поляками быть почеловѣчнѣе, и, наконецъ, насильственная смерть отъ руки заговорщиковъ подъ начальствомъ Рускаго князя, Черторыйскаго; доказательства Рускаго происхожденія этого князя ..... 329—331.

Сдача Черторыйскимъ и его единомышленниками Луцка Свидригайлу и признаніе его Литовско-Рускимъ В. княземъ; новое средство, придуманное Поляками противу него, именно, соперничество Казиміра, сына Ягайлова, а брата короля Польскаго и Угорскаго, и отправленіе его съ войскомъ въ Литовскую Русь въ видѣ своего намѣстника, по другимъ же—добровольное избраніе послѣдняго большинствомъ Литовскихъ вельможъ въ свои В. князья, съ условіемъ, не имѣть ни какихъ сношеній съ Польшей; прибытіе его въ Литву, высылка назадъ окружавшихъ его Поляковъ и намѣреніе этихъ раздѣлить Литву и Русь на нѣсколько частей послѣ возвращенія короля своего изъ Угріи.. 331—335.

1441 г. Поляки, отстраненные отъ обладанія Литовской Русью, принимаютъ сторону Михайла Сигизмундовича и Болеслава Мазовецкаго; полю-

Стр.

бовная сдѣлка Казиміра съ дядей своимъ, Свидригайломъ, именно: уступка этому во владѣніе части Волыни и Подола, а Олеську Владиміровичу Кіевскаго княжества..... 336—337.

1442 — 1443 г. Нападеніе Татаръ на Подолъ и Галицію по Львовъ, насланныхъ Русинами, лишенными своихъ родовыхъ имѣній королемъ Владиславомъ, раздарившимъ ихъ Полякамъ, и шѣмъ заставившимъ однихъ изъ нихъ прямо бѣжать въ Крымъ и приводить мстителей на шираповъ, а другихъ поселяться на берегахъ Днѣпра, около пороговъ, и положить основаніе знаменитымъ, впослѣдствіи, *Козакамъ*, передававшимъ ненависть свою къ Польскому племени изъ поколѣнія въ поколѣніе, и приведшимъ, наконецъ, Польское государство къ паденію. Эта жадность Польскаго дворянства къ Русскому добру и имуществу была главной побудительной причиной многовѣковыхъ настояній ихъ о присоединеніи Русскихъ земель къ своей Польшѣ, и объясняетъ, съ одной стороны, откуда уже въ XI-мъ в. появилось такое множество Польской шляхты на Руси, а съ другой происхожденіе барщины и обращенія, мало по малу, исконно вольныхъ Русиновъ въ своихъ рабовъ и холоповъ (*примѣч.* 215).... 338—343.

1444 г. Начало военныхъ дѣйствій Казиміра съ Болеславомъ Мазовецкимъ за насильное отторженіе этѣмъ, въ 1440 г., во время замѣшательствъ, по случаю убіенія Сигизмунда Кейстутовича, Добрынской земли отъ Литовской Руси, и прекращеніе несогласія мировой сдѣлкой..... 343—344.

§. 32. 1445 г. Вѣсть о смерти короля Владислава подъ Варной 1444 г., павшаго жертвой собственнаго вѣроломства и происковъ Рима, и при-

Стр.

глашеніе Поляками на свой престолъ брата его, Казиміра, В. князя Литовско-Рускаго, который болѣе двухъ лѣтъ отказываетъ имъ въ томъ за ихъ стремленіе къ стѣсненію королевской власти и овладѣнію государственными и его подданныхъ Рускихъ имѣніями, коихъ онъ страстно любилъ языкъ, обычаи, учрежденія, и т. п.; но угроза Польскихъ вельможъ отдать королевскій вѣнецъ князю Мазовецкому, склоняетъ Казиміра и его совѣтъ, вопреки желанію, согласиться на предложеніе Поляковъ ..... 335—346.

1446 г. Условіе Казиміра, на коемъ онъ согласился вступить на престолъ Польши, именно: отреченіе этой отъ своихъ незаконныхъ притязаній на Волынь, Подолъ, Володимірію, и т. д., и отчисленіе имъ отъ Польши, еще до вѣнчанія своего, оторванныхъ прежде отъ Руси земель Рускихъ на лѣвомъ берегу Буга ..... 346—348.

1447 г. Вступленіе Казиміра на Польскій престолъ и причины, заставившія Польскихъ вельможъ во второй разъ обойти Пястовъ, истинныхъ наслѣдниковъ Польскаго вѣнца. Превратное изложеніе Ю. С. *Бандтке* событій отъ смерти Владислава Варнскаго до Казимірова вѣнчанія ..... 349—351.

1448 г. Безуспѣшныя и чудовищныя требованія Поляковъ на Люблинскомъ сеймѣ, походъ Казиміра къ Каменцу по дѣламъ Молдавскимъ, опустошеніе Подола Татарами, внутреннее неустройство королевства отъ своеволія и разбоевъ дворянства, споры его съ Литвинами и Русинами по поводу настояній перваго на сліяніе родины послѣднихъ въ одно тѣло съ Польшей, и законность несогласія Руси и Литвы на такое униженіе.. 351—359.

Стр.

§. 33. 1450—1451 г. Помощь Казиміра родственнику своему, Молдавскому господарю, прошивъ самозванца Богдана, дворянствомъ Червонорускимъ, и страшное пораженіе его въ городѣ, Краснополѣ; дѣла съ Михайломъ Сигизмундовичемъ, разставлявшимъ сѣти королю до самой смерти своей въ Москвѣ, 1450 г., и происки Поляковъ касательно владѣній стараго Свидригайла ..... 360—369.

1452 г. Добровольная передача Свидригайломъ земель своихъ Литовской Руси не задолго до кончины въ этомъ году, и замѣчанія о характерѣ Свидригайла (*примѣч.* 249); подтвержденіе королемъ правъ и вольностей Польскаго дворянства, вынужденное необходимостью ..... 370—372.

§. 34. Возвращеніе, изгнанному самозванцами, Молдавскому господарю престола при помощи Казиміра ..... 375—378.

1453 г. Многократное опустошеніе Рускихъ краевъ Татарами ..... 375—378.

1454—1464 г. Прежнія, почти ежегодныя, настоянія Литовской Руси на Казиміра возвратить старинныя владѣнія ея, захваченныя Поляками, и рѣшительное предложеніе ему оставить Польшу, поселиться въ ней, а не то не сердиться на нее, если она призоветъ себѣ другаго на В. княжескій престолъ и объявитъ войну новымъ его подданнымъ; но король умѣлъ, разнымъ образомъ, не только отклонить ихъ отъ того, но даже согласиться на позволеніе присягнуть въ вѣрности Полякамъ старостѣ Подольскихъ замковъ ..... 378—380.

Кончина Олесницкаго, сдѣлавшагося изъ комнатнаго Ягайлова служителя кардиналомъ, самаго опаснаго врага королевской власти и виновника вре-

Стр.

менная значенія Польши; политика его внутри и внѣ Польши, и характеръ ..... 380—383.

Опять Татары въ Червоной Руси и присоединеніе Бельзской земли Казиміромъ къ Польшѣ по смерти, 1462 г., послѣдняго Мазовецкаго князя, Болеслава, и союзъ Львовской и Жидачевской земель для взаимной обороны отъ нападеній и свирѣпости Крестовиковъ (1464 г.) ..... 383—385.

§. 35. 1465—1474 г. Славный миръ съ Прусскими Крестоносцами въ Торунѣ, 1466 г. Печальное положеніе Червоной Руси, въ которое ввергъ ее расточительный Владиславъ Варнскій, заложивши одному Польскому вельможескому дому, грабившему немилосердо Русиновъ, и всеобщая складка ихъ для выкупленія себя изъ такого постыднаго рабства; также самая судьба постигла и часть Польскаго Подола ..... 386—387.

Подущенія мстительными Козаками (происхожденіе и значеніе этого имени, *примѣч.* 270) Татаръ пустошить Галицкую Русь и двукратное ужасное разореніе ея ими (1469 и 1474 г.), чему также благопріятствовали и сами Литовцы съ Русинами, желавшіе видѣть края свои лучше обращенными въ пепелъ, нежели въ рукахъ Поляковъ. 387—395.

Руское происхожденіе князей Збаражскихъ, Вишневецкихъ, Сангушковъ, Чорторыйскихъ, а Литовское Слуцкихъ (*примѣч.* 274) ..... 390—395.

Постепенное перерожденіе Польскаго образа правленія, изъ самодержавнаго при Пястахъ, въ монархично-олигархическое при Ягайлѣ и первомъ его сынѣ, Владиславѣ Варнскомъ, и, наконецъ, въ 1468 г., при второмъ сынѣ, Казимірѣ, въ монархично-аристократическое ..... 396.

Стр.

Присоединеніе Кіевскаго княжества къ Литвѣ по завѣщанію Симеона Олельковича, умершаго 1471 года и ввѣрившаго, съ тѣмъ вмѣстѣ, и все свое семейство попеченію и защитѣ Казиміра, какъ В. князя Литовскаго ..... 397.

Невозможность короля помочь, при всей своей доброй волѣ, Молдавскому господарю, тѣснимому Турками ..... 397—398.

§. 36. 1475—1478 г. Новая просьба Литвы и Руси къ Казиміру дать имъ одного изъ своихъ сыновей въ государи, и новой отказъ его въ томъ, потому что онъ боялся, что они, мстя Польшѣ, объявятъ ей войну, между тѣмъ какъ самому не льзя будетъ, безъ доходовъ В. княжества, поддерживать свой домъ и вліяніе ..... 399—401.

1484—1488 г. Недобросовѣстный поступокъ Поляковъ съ Молдавскимъ господаремъ, Стефаномъ, обратившимся къ нимъ съ прошеніемъ о помощи противу Турковъ, завладѣвшихъ его землей.. 402—404.

1488—1489 г. Разбитіе королевичемъ, Яномъ Албертомъ, предводившимъ Рускимъ дворянствомъ и подкрѣпляемымъ Козаками, Татаръ, ворвавшихся было въ Русь, и намѣренное преувеличеніе этой побѣды Польскими писателями ..... 404—405.

1490—1492 г. Многократная попытка Русиновъ освободить родной край отъ чужаго ига подъ начальствомъ какого-то Мухи, остановленная хитростью Поляковъ, поселившихся на Руси и выдавшихъ предводителя недовольныхъ королю. 405—410.

1492 г. Кончина В. князя Литовскаго и Рускаго и короля Польскаго, Казиміра, въ Городнѣ, и мгновенное рѣшеніе Литовско-Рускихъ чиновъ избрать себѣ отдѣльнаго государя въ лицѣ третьяго

Стр.

го сына покойнаго, Александра, торжественное вѣнчаніе его на В. княжескій престолъ, описаніе этого обряда, и замѣчательная рѣчь къ нему однаго изъ чиновъ при врученіи меча. Причина, почему Литовско-Руское княжество было столь любезно Ягайловымъ потомкамъ ..... 410—413.

Руское происхожденіе и чрезвычайное значеніе князей Глинскихъ (*примѣч.* 291.) ..... 410—412.

Исправленіе замѣчательнѣйшихъ ошибокъ Русскихъ историковъ, упоминавшихъ, въ своихъ сочиненіяхъ, о Червонорускихъ и Литовско-Русскихъ событіяхъ, именно: Карамзина, Баншыша-Каменскаго и Устрялова, и необходимость лучшаго знакомства Русскихъ съ исторіей прежняго В. княжества Литовскаго и Рѣчи Посполитой Польской (*примѣч.* 292.)..... .... 413—420.

Приложенія, именно: подлинныя бумаги, относящіяся къ этому сочиненію, числомъ 14-ть (отъ А до Н) ..... 1—44.

КРИТИКО - ИСТОРИЧЕСКАЯ

ПОВѢСТЬ

ВРЕМЕННЫХЪ ЛѢТЪ

ЧЕРВОНОЙ

ИЛИ

ГАЛИЦКОЙ РУСИ.

ВВЕДЕНІЕ.

Скончавшійся недавно, Михаилъ *Гарасевичъ*, баронъ Нейштернъ, соборный протоіерей Львовской митрополіи Греческо-Католическаго исповѣданія Рускаго народа, написалъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, по препорученію Высшаго начальства, Изслѣдованіе, на Латинскомъ языкѣ, о религіозномъ и іерархическомъ состояніи Галицкой Руси. Изслѣдованіе это, составленное для особыхъ цѣлей правительства, не было нигдѣ напечатано. Но списки съ него, сдѣланные, какъ обыкновенно водится, ошибочно, ходили по рукамъ нѣкоторыхъ частныхъ лицъ. Одинъ изъ такихъ списковъ послужилъ одному молодому слушателю богословія въ Вѣнѣ поводомъ къ сочиненію на Нѣмецкомъ языкѣ Разсужденія, подъ заглавіемъ: „*Umrisse zu einer Geschichte des religiösen und hierarchischen Zustandes der Ruthener*," которое и было напечатано въ повременномъ изданіи: „*Oesterreichische Zeitschrift für Geschichts-und Staatskunde*, 1835 года," въ книжк. 52, 53, 54, 56, 57, 58, а также и особо (въ 8-ю долю листа, на 26 страницахъ).

Въ это разсужденіе, по причинѣ, приведенной выше, вкралось множество историческихъ и хронологическихъ ошибокъ, что и подало поводъ упо-

мянутому покойному прелату написать свои поправки, напечатанныя издателями того же повременнаго изданія, подъ заглавіемъ: „*Ergänzungsblätter zur österreichischen Zeitschrift für Geschichts- und Staatskunde.*“ 1835, въ 4., стр. 14. (1). Сіи-то

(1) Подобное присвоеніе чужаго труда или открытія въ наши, богатыя писателями, времена, встрѣчается очень не рѣдко. За нѣсколько лѣтъ предъ симъ случилось мнѣ найти Рускую историческую рукопись, писанную, въ половинѣ XVII столѣтія, весьма связной скорописью. Съ большимъ трудомъ списалъ я ее Латинскими буквами, съ тою цѣлью, чтобы послѣ каждый, сравнивая списокъ съ Рускимъ подлинникомъ, могъ легко научиться читать Рускія рукописи, писанныя сокращеніями (подъ титлами). Подлинникъ положилъ я въ Спавропигіяльную библіотеку подъ ч. 426, а списокъ тамъ же, въ Архивѣ, въ связку 606, гдѣ и находятся оба они до сихъ поръ. Списокъ свой далъ я, для прочтенія, одному молодому человѣку, который, какъ догадываюсь, списалъ его, и, въ свою очередь, тоже сообщилъ кому-то другому; потому что съ удивленіемъ прочелъ я въ ученомъ Краковскомъ Четырехмѣсячномъ дневникѣ, 1845, год., том. II, стр. 285, отрывки изъ этой рукописи, открытой, будто бы, кѣмъ-то во время путешествія и составляющей собой литературное сокровище немаловажнаго достоинства.—Изъ этого же самаго источника сообщена ученому *Мацѣевскому* пѣсня объ осадѣ Львова Хмельницкимъ, помѣщенная въ упомянутомъ Дневникѣ, на стр. 313, и выдаваемая за древнюю, находящуюся въ устахъ народа въ окрестностяхъ Львова. Я провелъ всю жизнь свою въ Львовѣ и его окрестностяхъ, среди людей разнаго званія, но ни отъ кого не слыхалъ объ этой пѣснѣ. Панъ *Вацлавъ изъ Олеська*, предпринявшій огромный трудъ собрать все, что только могло быть извѣстно или слышано въ этомъ отношеніи въ Галиціи, равно какъ и воспитанники Руской семинаріи въ Львовѣ, стекшіеся изъ разныхъ округовъ этого края, неутоми-

два сочиненія родили во мнѣ мысль написать Историческій очеркъ народа и Руской іерархіи въ Галиціи, и, нѣкоторымъ образомъ, служили мнѣ основою. Я былъ увѣренъ, что Нѣмецкое повременное изданіе рѣдко кому извѣстно въ Галиціи, что не-худо было бы и намъ, жителямъ Галиціи, знать о своемъ отечествѣ, по крайней мѣрѣ, столько, сколько знаютъ о немъ въ Австріи и Германіи, и что пора бы намъ заняться изслѣдованіемъ дѣяній народа Червонорускаго, заселившаго собой большую часть Галиціи.

Я уже выше сказалъ, что основою мнѣ послужили упомянутыя два сочиненія. Тутъ есть кое-что и моего собственнаго, что, вѣроятно, читатель, легко отличитъ.

Хотя Исторію Галиціи, или Червоной Руси, писали многіе, *Энгель*, *Гопс*, *Гебгарди* и другіе; но какъ она еще несовершенна! —Сколько эпохъ непро-

---

мо забогящіеся отыскивать и списывать все, что только случится имъ слышать, ничего не знаютъ объ этой пѣснѣ. Изъ этого можно заключить, что она составлена въ наше время, и потомъ подарена, какъ старая монета, какому нибудь чужестранцу, путешествовавшему въ этой сторонѣ. Мнѣніе это тѣмъ болѣе вѣроятно, что и пѣсня:

„Węgrzyn, Polak—to bratanki,
I do korda i do szklanki,“

упоминаемая въ томъ же Дневникѣ, на стр. 271, и будто бы извѣстная по обѣимъ сторонамъ Карпатъ, есть, равнымъ образомъ, новое произведеніе пѣвца нашего П. Н. *Калинскаго;* она взята изъ водевиля, представленнаго на Львовской сценѣ, и совершенно неизвѣстна простому народу по обѣимъ сторонамъ Карпатъ.

нутыхъ, событій или необъясненныхъ, или искаженныхъ! Одинъ переписывалъ другаго, никто не коснулся источниковъ; потому что изысканіе сопряжено съ большой тратой времени и трудомъ, не доставало ближайшихъ вспомогательныхъ матеріяловъ, т. е., исторій отдѣльныхъ округовъ, епископій, городовъ, замковъ, монастырей, церквей, семействъ и частныхъ лицъ. Не смотря на то, не льзя, однако же, утверждать, будто бы ужъ совсѣмъ не откуда было черпать для исторіи Галицкой Руси. Ни мало! Мы имѣемъ уже нѣсколько довольно подробныхъ описаній, и, кромѣ того, множество, тамъ и сямъ разрозненныхъ и разсѣянныхъ, матеріяловъ, лѣтописцевъ, историковъ, геральдиковъ, надгробныхъ панегиристовъ, даже Польскихъ полемическихъ писателей, указавшихъ или намекнувшихъ на многія событія и дѣянія. Города имѣютъ свои войтовскія и совѣтническія книги, капитулы, монастыри и больницы—свои архивы и собранія документовъ. Городскія и земскія книги сохранили множество древнихъ судебныхъ и дѣловыхъ книгъ, протестацій, манифестовъ и предложеній. Большая часть этѣхъ документовъ заключаетъ въ себѣ, такъ сказать, исторію отдѣльныхъ происшествій и семействъ. Такимъ образомъ, собравши этѣ золотыя зерна, расположивши ихъ въ лѣточислительномъ порядкѣ, очистивши, съ помощію критики, отъ ошибокъ и предубѣжденій, и слившіи все въ одинъ слитокъ, мы получимъ довольно полную исторію Червоной Руси, если не отъ древнѣйшихъ, Угорскихъ и Руско-Га-

лицкихъ, королей, но, по крайней мѣрѣ, съ 15—16 и позднѣйшихъ вѣковъ, когда эта страна подпала владычеству Польши.

Этимъ путемъ пошелъ было упомянутый священникъ, баронъ Нейштеръ, собиравшій все, что только касается дѣяній нашего народа. И, конечно, это собраніе различныхъ документовъ и выписокъ изъ многихъ Польскихъ и иностранныхъ писателей, приведенное въ порядокъ, составило бы собой важный запасъ для сочиненія исторіи Галиціи.

Имѣя его дружеское обѣщаніе, я ласкалъ себя надеждою, что онъ не откажетъ мнѣ въ своей помощи, дозволитъ пользоваться его замѣчаніями, собраніями и выписками, — какъ вдругъ, при самомъ началѣ моихъ занятій, смерть пресѣкла нить его жизни, и, такимъ образомъ, я увидѣлъ себя ограниченнымъ немногими собственными средствами и пособіемъ извѣстнаго своими литературными трудами, каноника и професора, Григорія *Яхимовича.* Не теряя, однако жь, духа, я рѣшился, въ ожиданіи, пока, кто нибудь другой, способнѣйшій, займется описаніемъ отечественныхъ дѣяній, представитъ, по крайности, этотъ краткій Историческій очеркъ на судъ публики.

Все, что только я помѣщу здѣсь, основывается или на достовѣрномъ писателѣ, или на публичныхъ и государственныхъ грамотахъ, которыя буду приводить собственными ихъ словами, въ приписках, или, даже цѣликомъ, въ прибавленіяхъ, позволяя себѣ выводить собст-

венныя заключенія и догадки шамъ только, гдѣ онѣ согласны съ здравымъ разсудкомъ и могутъ объяснить истину.

Этотъ Историческій очеркъ я раздѣляю на пять слѣдующихъ періодовъ:

I. Червоная Русь отъ водворенія Христіянства при князьяхъ поколѣнія Владиміра Великаго и короляхъ Угорскихъ до завоеванія этой страны Казимиромъ III, королемъ Польскимъ (отъ 988 по 1340 г.).

II. Червоная Русь подъ владычествомъ королей Польскихъ, отъ завоеванія ея Казимиромъ до начала соединенія съ Римскою Церковію (отъ 1340 по 1596 г.).

III. Червоная Русь отъ начала введенія Уніи до окончательнаго ея утвержденія, т. е., отъ 1596 по 1707 г.

IV. Червоная Русь отъ окончательнаго утвержденія Уніи до присоединенія Галиціи, отъ 1707 по 1772 г.

V. Состояніе Церковной Руской іерархіи по присоединеніи Галиціи и Лодоміріи до возстановленія Галицкой митрополіи, и благодѣтельныя учрежденія Австрійскаго правительства, клонящіяся къ благу іерархіи и народа.

ПЕРІОДЪ ПЕРВЫЙ.

Червоная Русь отъ водворенія Христіянства при князьяхъ поколѣнія Владимира Великаго и короляхъ Угорскихъ до завоеванія ея Казимиромъ III, королемъ Польскимъ.

988 — 1340.

ПЕРІОДЪ I.

§ 1.

Не мое дѣло изслѣдывать, какія племена въ отдаленной древности заселяли страну, получившую впослѣдствіи названіе Червоной Руси, т. е., королевство Галицкое и Владимірское. *Для* этого я не имѣю ни времени, ни способности; впрочемъ, если бъ даже и имѣлъ ихъ, и рѣшился заняться подобнымъ изслѣдованіемъ, то преступилъ бы границы, въ которыхъ положилъ необходимымъ заключить свое сочиненіе. При всемъ томъ, я считаю нужнымъ высказать свое мнѣніе, по которому народъ Рускій въ этой землѣ составляетъ племя первобытное (aborigenes), или, по крайней мѣрѣ, съ незапамятныхъ временъ, можетъ быть еще за нѣсколько вѣковъ до основанія Рима, занялъ эту страну и въ ней размножился (1). Руское племя составляетъ многочисленнѣйшую часть самаго многочисленнаго въ Европѣ народа Славянскаго, не смотря на то, что сосѣдственныя племена, Татары, Литовцы и

(1) Мнѣніе, что Славяне составляютъ коренное, Европейское, племя, а не пришедшее, раздѣляетъ и высокоученный *Шафарикъ* въ своихъ Славянскихъ древностяхъ, стр. 425 *(Приписка, сдѣлашая въ 1838 году.)*.

Поляки, силились истребить его (2). На Руси до сихъ поръ существуетъ пословица »Великая Руская Матн.» Слѣдовательно, народъ, такъ многочисленный и занимающій такое огромное пространство, не могъ быть пришельцемъ, что каждый, свободный отъ книжныхъ предубѣжденій, можетъ легко понять, остановившись сколько нибудь на этомъ.

Конечно, толпы, состоящія изъ нѣсколькихъ десятковъ, и даже сотъ, тысячь душъ, могутъ, хотя съ великою трудностію, совершать походы и перемѣнять свои жилища; но никто съ здравымъ умомъ не согласится, чтобы можно было склонить народъ, считающій нѣсколько милліоновъ, оставить свои жилища и скитаться по свѣту. Для такого предпріятія потребовалось бы или общее согласіе всѣхъ отцевъ семействъ и родоначальниковъ, или правитель народа долженъ бы имѣть еще большую физическую силу, нежели весь, нѣсколько-милліонный, его народъ, чтобы противъ воли принудить его оставить свои домы, усадьбы, храмы и могилы предковъ.

Нѣкоторые историки пишутъ, что одинъ народъ подвигалъ передъ собою другой; какъ будто бы народъ, живущій на нѣсколькихъ стахъ или

---

(2) *Mathaei episc. epistola ad abbatem Clarevalensem.* —Народъ Русскій безчисленъ какъ звѣзды на небѣ. Живетъ будто въ другомъ мірѣ. Обитаетъ въ странѣ темной и холодной.—Смотри „*Сходство и различіе между Восточною и Западною Церковію*, и. пр. д. 1831 г. стр. 91.“— Это было въ половинѣ 12 вѣка.

тысячахъ квадратныхъ миль, былъ однимъ лицемъ или глыбою, которую можно двигать! Допустимъ, однако же, что какой нибудь наѣздническій народъ принялъ странное намѣреніе подвинуть впередъ народъ сосѣдственный, живущій передъ нимъ на пространствѣ нѣсколькихъ тысячъ квадратныхъ миль, съ цѣлію занять послѣ него землю; какія же бы средства употребилъ онъ для этого? Если бы онъ пустился въ походъ съ женами, дѣтьми, стадами и всѣмъ движимымъ имѣніемъ по прямой чертѣ, т. е., поставивши желающихъ переселиться въ рядъ отъ границы до границы, то онъ этимъ бы чрезвычайно себя ослабилъ; отдѣльные же его члены тѣмъ бы болѣе подвигали впередъ своихъ непріятелей, чѣмъ вѣрнѣе, какъ отдѣльные, могли быть поражены ими, вовсе не достигнувъ цѣли, и лишившись помощи своихъ братій, разсѣянныхъ по слишкомъ длинной прямой чертѣ. А если бы онъ пошелъ впередъ толпами, полчищами, по одному или нѣсколькимъ направленіямъ, то, конечно, принудилъ бы находящихся на пути оставить свои жилища; однако эти, разбѣжавшись на обѣ стороны по лѣсамъ, болотамъ и другимъ убѣжищамъ, снова, по прошествіи бури, возвратились бы въ свои пріюты. Кромѣ того, здѣсь встрѣчаются и другія препятствія: какъ прокормить въ походѣ толпу, состоящую изъ нѣсколькихъ сотъ тысячъ, или милліоновъ?

Спросимъ, на примѣръ, тѣхъ, которые занимаются продовольствіемъ войска, состоящаго изъ нѣскольк-

кихъ десятковъ тысячь, и идущаго одной дорогой; они скажутъ намъ, что подобное предпріятіе граничитъ съ невѣроятностію, и только лишь писатель можетъ, однимъ почеркомъ пера, пускать цѣлые народы на прогулку.

Безъ сомнѣнія, горсть или толпа храбрыхъ въ состояніи завоевать гораздо многочисленнѣйшій, но изнѣженный, народъ, какъ Испанцы покорили Перу и Мексику, Козаки — Сибирь, Монголы — Китай, Мадьяры — Панонскихъ Славянъ, Литовцы, при Гедиминѣ и Витовтѣ—значительную часть Руси, или пробиться сквозь многочисленнѣйшій народъ, какъ тѣ же самые Мадьяры спремясь, въ нынѣшнія свои жилища, пробились сквозь Рускихъ; но этого не льзя назвать народомъ переходнымъ, а толпой, войскомъ, въ которомъ находятся большей частію юноши и мужи, способные носить оружіе, и небольшое число женщинъ, участвующихъ въ битвахъ. Всѣ они, принужденные излишнимъ многолюдствомъ въ отечествѣ, недовольные правительствомъ, или по какимъ другимъ причинамъ, оставляютъ прежнюю родину, и идутъ, съ оружіемъ въ рукахъ, искать счастія въ отдаленныхъ странахъ (3). Такимъ образомъ, чрезъ Славянскія и Нѣмецкія земли могли проходить въ глубину

(3) *Крибель* упоминаетъ *in der Darstellung der Weltkunde*, 5 Heft 22 Tafel, что Угровъ пришло въ Европу только около милiона. — Теперь найбольшимъ числомъ можно полагать ихъ до четырехъ милiоновъ. Слѣдовательно, въ продолженіе тысячи лѣтъ народонаселеніе ихъ умно-

Европы вооруженныя толпы разныхъ Азіятскихъ народовъ, которые частію истребляли и разгоняли по лѣсамъ встрѣчавшихся имъ на пути обитателей. Наѣздники прошли и исчезли, истреблены, или смѣшались съ Европейскими народами, на прим. Франки въ Галліи, Норманны въ Британіи, а народы, разогнанные по дорогѣ, которой шла эта громада, снова возвратились, лишь только миновала опасность, къ своимъ очагамъ (4).

Слѣд., народъ Рускій и вообще всѣ Славяне, отнюдь не пришельцы въ Европѣ, а народъ туземный,

---

жилось только въ четыре раза. Сохраняя тоже самое соотношеніе при вычисленіи умноженія людности, увидимъ, что Славянъ, которыхъ теперь смѣло можно считать 60 милліоновъ, тогда, т. е., за 1000 лѣтъ предъ симъ, было непремѣнно 15 милліоновъ; и потому никто не допуститъ, чтобы народъ, состоящій изъ 15 мил. душъ, рѣшился скитаться. (*) Даже одномилліонный народъ неспособенъ къ этому, потому что онъ, какъ скиталецъ, долженъ бы гнать съ собою коней, рогатый скотъ, везти телѣги съ старцами, дѣтьми, больными, женами, посудою, вьюками и продовольствіемъ. Калмыки, Киргизы, Ескимосы и Бедуины проводятъ кочующую жизнь въ степяхъ, но не милліонами, а толпами, состоящими изъ нѣсколькихъ сотъ или тысячъ душъ.

(4) Ученый (Игнатій Венедиктъ) *Раковецкій* тоже раздѣляетъ въ сочиненіи своемъ предубѣжденіе, будто Славяне, оставивъ гдѣ-то родину свою, отправились въ походъ для занятія чуждыхъ земель, что меня очень удивляетъ. Сочиненіе его писано съ основательной осмотрительностью, здравымъ умомъ и знаніемъ дѣла. (*Prawda Ruska.* Т. I. стр. 2.)

(*) І. В. І. *Михлъ* въ сочиненіи своемъ „*Obraz Slowesnosti Slowanów.* Прага 1837. *Wiener Intelligenzblatt von 5. Juli 1837,* No 151 стр. 20, считаетъ Славянъ до 80 (*Приписка, сдѣланная въ 1839 году*).

сдѣшній, обитавшій первоначально на Сѣверѣ, отъ моря Балтійскаго до Чернаго, который, вѣроятно, по причинѣ излишняго многолюдства, или трудности продовольствія, высылалъ поселенія свои въ разныя стороны подъ начальствомъ вождей, и, такимъ образомъ, распространился по всей Панноніи, Сербіи, Иллиріи, Далматіи, Хорутаніи и Крайнѣ, съ одной стороны до моря Адріатическаго, а съ другой до рѣкъ Ѣнжи и Лабы, Нѣмецкаго или Сѣвернаго моря.

Упомянутой истины ни мало не опровергаетъ то обстоятельство, что древнѣйшіе писатели до Рожд. Христова, и даже спустя три или четыре вѣка послѣ Рожд. Христова, не упоминаютъ о народѣ Славянскомъ подъ собственнымъ его названіемъ; они могли не знать хорошо народа Сѣвернаго, не имѣть съ нимъ никакого сношенія; а если и знали, то только отдѣльныя племена подъ разными названіями, данными имъ тѣми же самыми чужеземцами, или полученными отъ вождей и жилищъ, названіями, измѣнявшимися съ смертію вождя, или перемѣною жилищъ. Впрочемъ, для насъ все равно, происходятъ ли они отъ Фракійцевъ, Кельтовъ, Скиѳовъ или Вандаловъ (5);

(3) Равнодушіе это должно понимать въ томъ смыслѣ, что цѣль теперешняго нашего сочиненія состоитъ въ критическомъ объясненіи нѣкоторыхъ темныхъ или совершенно опущенныхъ эпохъ Исторіи народа Рускаго въ Галиціи, а не въ изслѣдованіи происхожденія и древностей Славянскаго народа вообще. Въ этомъ отношеніи мы съ нетерпѣніемъ ожидаемъ сочиненія, обѣщаннаго знаменитымъ *Шафарикомъ* (Оно уже явилось — *Приписка 1843 года.*).

довольно и того, что они составляли и составляютъ народъ великій и многочисленный, съ которымъ въ Европѣ могутъ равняться только Германцы, что въ 6-мъ вѣкѣ Хр. лѣтосчисленія они сидѣли на Сѣверъ отъ Дуная и Днѣстра, владѣли многочисленными укрѣпленными городами, имѣли непомѣрное народонаселеніе (*Schaffarick* Ueber die Abkunft der Slaven. Ofen 1828.), и даже (по мнѣнію того же писателя,) считались самыми Греками до введенія Христіянства въ числѣ народовъ образованныхъ, имѣвшихъ свое собственное письмо, называемое *Буквицею* (Bogwiedza, Боговѣда), и разнаго рода искусства (6).

Этого достаточно, и даже слишкомъ много, о Славянахъ вообще, для составленія такого малаго сочиненія; ибо осмѣлюсь ли *я*, на прим., знаніемъ своимъ состязаться съ столь знаменитыми современными намъ Славяновѣдцами, каковы *Шафарикъ*, *Копитаръ*, *Ганка*, *Погодинъ*, *Раковецкій*, *Востоковъ* и другіе? Описывая къ нимъ любознательныхъ читателей, я не могу, однако же, удержаться отъ помѣщенія здѣсь въ лѣтосчислительномъ порядкѣ нѣкоторыхъ важнѣйшихъ историческихъ событій Славянъ, почерпнутыхъ мною изъ статьи *Копитара*, помѣщенной въ »*Jahrbücher der Litteratur, vom Jahre 1829, часть 46. стр. 81.*«

489 год. Болгары, народъ Славянскій, сталъ нападать на Греко-Римскую имперію. Им-

(6) *Шафарикъ* стр. 45., и *Суровецкій* 18 том. Ежегодниковъ Общества любителей наукъ въ Варшавѣ.

нераторъ Анастасій, для защищенія своей столицы отъ оружія ихъ, провелъ, такъ называемую, длинную стѣну передъ Цареградомъ, и волею неволею этотъ »*Imperator, Caesar, Flavius, Justinianus, Alamanicus, Gothicus, Francicus, Germanicus, Anticus, Alanicus, Vandalicus, Africanus, pius, felix, inclytus, victor et triumphator, semper augustus,*« платитъ дань Славянамъ!

610 год. Сербы и Хорваты (Славяне) изъ Великой Хорватіи, за Баваріей *(ultra Bagibariam)*, переселяются въ Иллирію.

678 год. Булгары занимаютъ Мизію, и находятъ тамъ семь Славянскихъ родовъ, о поселеніи коихъ въ этой странѣ, равно какъ и въ Панноніи, Исторія ничего не говоритъ.

687 год. Славяне поселились между Ѳесалоникой и Цареградомъ, и, какъ кажется, были независимы отъ имперіи Греческой и Болгаръ.

705 год. Болгары возвращаютъ Цареградскій престолъ императору Юстиніану II, за что этотъ даетъ имъ Загорье, округъ, лежащій за горами Гемусъ.

746—799 год. Славяне въ Морѣ.—Дань Славянъ *(Slavenzins)* церкви Св. Андрея въ Патрасѣ.

758 год. Славянская область въ Македоніи, на рѣкѣ Стримонѣ *(Slavinia)*.

765—780 год. Никита, патріархъ Константинопольскій, природный Славянинъ.

811 год. Въ сраженіи съ Болгарами палъ на полѣ битвы императоръ Никифоръ со всѣмъ дво-

ромъ и цвѣтомъ юношей Византійскихъ. Болгарскій король Крумъ, какъ его называли Греки, приказалъ изъ черепа императора сдѣлать себѣ чашу, чтобы пить изъ нея съ князьями за здоровье *(Sdrawitza, zdrawitsia)*.

843 год. Король Болгарскій носитъ Славянское имя Владиміръ (Владѣющій міромъ).

842—867 год. Славянинъ Даміянъ—повѣреннымъ министромъ императора. — Единоземецъ и преемникъ его, Василій, дѣлается, наконецъ, самъ императоромъ.

865 год. Болгары—Христіяне.

863—870 год. Кириллъ и Меѳодій, Славянскіе апостолы, вводятъ Кириллицу у Болгарскихъ и Панонскихъ Славянъ.

960 год. Императоръ отправляетъ изъ Ѳракіи, Македоніи и Славоніи войска въ Критъ (Кандію) противъ Арабовъ.

976 год. Самуилъ, король Болгарскій, покоряетъ Ѳракію, Оесалонію, Грецію и Морею. Столица его въ Преспѣ въ Македоніи. (Пересна, приспа; въ Галиціи тоже есть Переспе).

Такъ-то нѣкогда, какъ и теперь, бились Славяне, подъ разными названіями и знаменами разныхъ властителей, оставаясь всегда вѣрны своимъ монархамъ. (7).

(7) Безпристрастное сужденіе о характерѣ, обычаяхъ, качествахъ, былыхъ страданіяхъ и будущемъ назначеніи Славянскихъ народовъ читай въ безсмертномъ твореніи *Гердера*: „*Ideen zur Geschichte der Menschheit. 4 част. Вѣна. 1813.* стр. 32—36.“

Но обратимся къ Червоной Руси, и опишемъ ея границы.

Часть нынѣшняго Галицкаго королевства, отдѣляемая рѣкой Вислокомъ (не Вислокой), отъ истоковъ ея до впаденія въ рѣку Сянъ, потомъ рѣкой Сяномъ до границы царства Польскаго, и лежащая на востокъ, составляетъ часть Червоной Руси; я говорю только часть, потому что границы Галиціи и Лодоміріи, или Червоной Руси, были тогда гораздо обширнѣе. Онѣ занимали еще значительную часть Волыни, Подолья, Подлѣсья, находящихся теперь подъ жезломъ Россіи. Подъ правленіемъ же Польскимъ въ нихъ заключались воеводства Бельзское, Вольнское, Подольское и часть Люблинскаго.

На западъ за чертой, означенной мною рѣками Вислокомъ и Сяномъ, тоже находятся еще значительныя поселенія Рускаго племени, живущаго въ округахъ Сяноцкомъ, Ясельскомъ и Сандецкомъ; но о нихъ я выскажу свое мнѣніе ниже въ § 3.

§ 2.

Всѣ древніе писатели (8) согласны въ томъ, что Владиміръ Великій, государь всей Руси, принявъ Христіянскую вѣру изъ Константинополя въ 987 году, отдалъ повелѣніе всѣмъ Рускимъ племенамъ, находившимся подъ его жезломъ, принимать Св. крещеніе, подъ опасеніемъ лишенія всего имущества. Послушные волѣ своего государя, Ру-

(8) *Несторъ* стр. 84. *Длугошъ* Ист. Пол. I. стр. 113 и друг.

сины въ 987 и 988 годахъ толпами крестились, тѣмъ болѣе, что Божественная служба въ цѣломъ государствѣ совершалась на родномъ Славянскомъ языкѣ.

Не льзя, однако же, допустить, чтобы народъ Червонорускій съ береговъ Вислока, Дунайца, Сяна и Днѣстра, какъ утверждаетъ сочинитель Разсужденія »*Umrisse zur Geschichte der Ruthener*,« за нѣсколько десятковъ миль толпами приходилъ въ Кіевъ, съ тою, единственно, цѣлію, чтобы въ рѣкѣ Днѣпрѣ принимать отъ Греческихъ священниковъ Святое крещеніе, науку вѣры и обрядовъ. То, что древній Лѣтописецъ приводитъ въ этѣхъ словахъ, должно разумѣть о жителяхъ, ближайшихъ къ Кіеву и рѣкѣ Днѣпру; въ болѣе же отдаленныя области, безъ сомнѣнія, посланы были священники для совершенія таинства крещенія, къ коему матеріялъ, т. е., вода, находился вездѣ подъ рукою. Но, что всего вѣроятнѣе, эти священники въ то время были уже разсѣяны по всей Славянщинѣ. — Христіянская религія по обряду Восточной Церкви уже не была чуждою Славянамъ. — Примѣръ и повелѣніе Владиміра В. возвели ее только на степень господствующей вѣры, и обязали каждаго Русина, оставивъ идолопоклонство, исповѣдывать только эту, а не другую, вѣру.

Что дѣйствительно Хр. вѣра Греческаго обряда гораздо ранѣе введена была между Славянами, это подтверждаютъ слѣдующія историческія доказательства.

а) Около 641, слѣдовательно, слишкомъ за два вѣка до Владиміра Рускаго, приняли, по старанію Греч. имп. Ираклія (9), Христіянскую вѣру Далматы, народъ Славянскій, вмѣстѣ съ своимъ княземъ Поргою. У нихъ-то она распространилась и утвердилась; основано было множество монастырей, изъ коихъ въ одномъ заключенъ былъ въ 698 году, сверженный съ престола, императоръ Леонтій, а на VI, вселенскомъ Константинопольскомъ соборѣ, бывшемъ въ 680 году, засѣдали и подписали этотъ соборъ Славянскіе епископы (10).

б) Въ 776 году прибылъ въ Константинополь Теларосъ или Телпригосъ, король Болгарскій, Славянинъ, просилъ крещенія, принялъ его, получилъ званіе патриція и женился на родственницѣ императрицы Ирины (11).

в) Императрица Феодора, мать малолѣтнаго императора Михаила, во время своего правленія, продолжавшагося съ 843 по 856 годъ, съ согласія патріарха Игнатія и по просьбѣ Хозаровъ, народа смѣшаннаго съ Славянами, равно какъ Триваловъ и Болгаръ, посылаетъ философа Константина, названнаго впослѣдствіи Кириломъ, для обращенія въ

---

(9) *Историческое разсмотрѣніе вопроса, есть ли Христіанство въ Богеміи и Моравіи чрезъ Меѳодія по ученію Греческія или Латинскія церкве введено? Въ Будинѣ, печатано при Королевскомъ Университетѣ*, 1797. стр. 2.

(10) *Сарницкій*, Annales, стр. 1041, подъ годомъ 962. Editio Cracoviae. Anni 1587.

(11) *Анастасій* стр. 82. ed. Ven.

Христіянскую вѣру и просвѣщенія этѣхъ народовъ (12).

г) Въ 861 году принимаютъ Христіянскую вѣру Богорисъ, король Болгарскій, названный въ крещеніи Михаиломъ, со всѣмъ своимъ народомъ, и значительная часть Руси (13).

д) Вскорѣ потомъ Радиславъ, В. князь Моравскій, побуждаемый супругою своею, Милославой, дочерью Далматскаго короля, природной Христіянкой, и сыномъ своимъ, Святополкомъ, познакомившимся съ Кириломъ и Меѳодіемъ, монахами Св. Василія, апостолами Славянскими, при Дворѣ Болгарскаго короля, Богориса или Михаила, послалъ къ императору Михаилу съ просьбою о присланіи къ нему учителей Хр. вѣры; императоръ отправилъ къ нему этѣхъ двухъ святыхъ мужей съ нѣкоторыми другими Славянами, которые и обратили народъ Моравскій, т. е., Панонію, въ Христ. вѣру (14). Они были епископами, рукополагали священниковъ и посылали проповѣдниковъ вѣры въ Силезію, Польшу и на Русь. (15).

---

(12) *Историческое разсмотреніе* стр. 2.

(13) *Никита* in vita Ignatii, *и Продолжатель Конст. Багрян.* Lib. 4. c.33. pag. 90.

(14) *Историческое разсмотреніе*, стр. 3 – 4.

(15) Они рукоположиша довольное число священниковъ, христіанство же паче и паче умножашеся. Сосѣдни народы пріяша такожде Христіанское ученіе. Яко они вездѣ Христіанство по ученію Греческія Церкве основаху и утверждаху, свидѣтельствуетъ образъ церквей, яже сооружени быша въ Силезіи, Польшѣ, Россіи, и проч. — Во вся сія земли посылаху они проповѣдниковъ (*Ист. разсмотр.*, стран. 5.).

е) По утвержденіи Христ. вѣры въ Великой Моравіи, Боривой, князь Чешскій, посѣтилъ Святополка, принялъ отъ него 30 вельможами, сопутствовавшими ему, Святое крещеніе, и старался распространить Христіянство въ своемъ владѣніи. Это было въ концѣ 9-го вѣка.

ж) Въ 964 году Ольга, названная въ Св. крещеніи Еленой, Великая княгиня Руская, мать князя Святослава, приняла въ Царѣградѣ Христіянскую вѣру, и старалась распространить ее въ обширныхъ владѣніяхъ своего сына.

з) По разрушеніи Моравскаго царства Мадьярами въ 899—900 годахъ, толпы Славянъ, исповѣдовавшихъ вѣру Христову, оставили Панонію и разсѣялись по сосѣдственнымъ Славянскимъ землямъ. Значительная часть ихъ нашла убѣжище въ пограничной Польшѣ, и тамъ, вмѣстѣ съ Поляками, обращенными въ Христіянство учителями, посланными Св. Кирилломъ и Меѳодіемъ, составили значительное число Христіянъ, имѣли своихъ священниковъ, отправлявшихъ Божественную службу на Славянскомъ языкѣ по Греческимъ обрядамъ, равно церкви, между прочимъ въ Краковѣ церковь Св. Креста, въ которой божественная служба совершалась на Слав. языкѣ по Греческимъ обрядамъ даже въ тринадцатомъ вѣкѣ, »*parum ante patrum nostrorum memoriam*, какъ говоритъ *Сарницкій* въ своей Лѣтописи, напечатанной въ Краковѣ 1587 год. на

стр. 1035 (16). Часть этѣхъ бѣглецовъ укрылась и въ ближайшей, соплеменной имъ, Руской сторонѣ, Святая вѣра сильно распространилась. Славянскій *Старорускій* языкъ, называемый теперь Церковнымъ, былъ или общимъ языкомъ всѣхъ Славянъ, или, по крайней мѣрѣ, понятнымъ отъ моря Адріятическаго до Лабы (17). Въ 879 году даже папа подтвердилъ въ Моравіи Славянскую Литургію, на что имѣлъ весьма основательныя причины, именно: гораздо легче было обратить Славянъ, вводя обряды на родномъ ихъ, нежели чужомъ, парѣчіи, на примѣръ Латинскомъ, совершенно для нихъ не понятномъ. Притомъ всегда оставалась надежда, что впослѣдствіи несравненно легче будетъ ввести Латинскій обрядъ у народовъ Христіянскихъ, чѣмъ у язычниковъ, что дѣйствительно исполнилось, какъ не льзя лучше, въ Моравіи, Чехіи, Хорутаніи, Крайнѣ и Польшѣ (18).

и) Въ первой статьѣ заключеннаго между Русскимъ народомъ и Греческими императорами торговаго договора упоминается въ 945 год. о Рускихъ Христіянахъ. Содержаніе этой статьи слѣдующее:

---

(16) *Нарушевичъ*, том. 2. стр. 71 и 287. Изданіе *Мостовскаго*.

(17) *Раковецкій* въ Руской Правдѣ утверждаетъ и доказываетъ, что языкъ этотъ былъ общимъ *для* всѣхъ племенъ Славянскихъ; впослѣдствіи я буду также имѣть случай поговорить объ этомъ предметѣ обширнѣе.

(18) *Allgemeine Weltgeschichte* nach dem Plan des *Guthrie* und *Gray*. Brün 1788 .Band 50. Seite 550.

»Великій Князь нашъ Игоръ, и князи и бояре его и люди вси русіи послаша ны къ Роману и Стефану и Константину великимъ княземъ грецкимъ, сотворити любовь со самѣми царьми и со всѣмъ боярствомъ и со всѣми людьми грецкими на вся лѣта, дондеже солнце сіяетъ и весь міръ стоитъ. Иже помыслитъ отъ страны рускія разрушити такую любовь, и елико ихъ крещеніе пріяло есть, отъ страны рускія да пріймутъ месть отъ Бога вседержителя, осуждѣнье на погибель въ сій вѣкъ и въ будущій; а елико ихъ не крещену есть, да не имутъ помощи отъ Бога, ни отъ Перуна, да не ущитятся щити своими и отъ стрѣлъ и отъ инаго оружья своего, да будутъ раби въ сей вѣкъ и въ будущій (19).«

Эта статья служитъ вмѣстѣ доказательствомъ, что Русины еще въ язычествѣ вѣрили безсмертію души, ибо въ присягѣ клялись, »да будутъ раби въ сей вѣкъ и въ будущій,« кои нарушатъ договоръ. Слѣдовательно, ложно утверждаетъ *Дитмаръ* на стр. 327, будто Славяне вѣрили, что все оканчивается временною жизнію. Далѣе, эта же статья показываетъ, что число Христіанъ Рускихъ было значительнѣе числа язычниковъ, ибо о Христіанахъ говорится прежде язычниковъ.

і) Послѣ, когда Христіанство сдѣлало въ Славянскихъ земляхъ значительные успѣхи, и, такъ ска-

(19) *Prawda Ruska*, том. II. стр. 9.

зать, укоренилось, столица Римская признала нужнымъ положить предѣлъ усиливающемуся Славянскому богослуженію, и направить его къ единству съ Римомъ какъ въ исповѣданіи, языкѣ, такъ равно и въ обрядахъ. А потому папа Іоаннъ XIII, давая Болеславу II, князю Чешскому, позволеніе учредить епископство въ Прагѣ 967 года, ясно предостерегаетъ его, чтобы онъ поставилъ епископа »*non secundam ritum aut sectam bulgaricae gentis vel Russiae, aut slavonicae linguae, sed clericum latinis litteris eruditum* (20).«

Изъ приведенныхъ историческихъ выписокъ оказывается, что Христіянская религія процвѣтала на Руси гораздо ранѣе 988 года, что она была введена еще въ 861 и постоянно распространялась, что въ 945 было между Русинами болѣе Христіянъ, нежели язычниковъ, а въ 967 находились уже люди, »*Gentis Russiae*,« способные занимать епископскія должности. Владиміръ В., принявши крещеніе въ 987 год., возвелъ Христіянство только на степень вѣры господствующей. Онъ даже не имѣлъ надобности употреблять насильственныя мѣры для распространенія ея, потому что она была уже почти всеобщею. Это побудило *Крибеля*, опытнаго Историка, въ 32 таблицѣ своего »*Weltkunde*« такъ выразиться: »*Er nahm das Christenthum an, und*

---

(20) *Лѣтописецъ Саксонъ* на стр. 311. — *Нарушевичъ*, изданіе *Мостовскаго*. том. II. стр. 288., и *Prawda Ruska*. том. I стр. 71.

verbreitete es voll Eifer ohne durch Zwang, oder andere verhasste Mittel seinen Unterthanen lästig zu fallen.«

§ 3.

Въ связи съ тѣмъ, на что намекнулъ я въ § 1, кстати будетъ сдѣсь привести еще одно, довольно особенное, явленіе въ Галиціи, не обратившее до сего времени ни чьего на себя вниманія, т. е., откуда взялись Русины по ту сторону проведенной мною границы между племенемъ Рускимъ и Польскимъ, именно за рѣкою Вислокомъ и воеводствомъ Рускимъ, равно какъ въ бывшихъ нѣкогда воеводствахъ, Сандомирскомъ и Краковскомъ? Находились ли они уже тамъ прежде 1340 года, въ которомъ Казиміръ III покорилъ и присоединилъ къ Польскому королевству, Червоную Русь, или же они поселены тутъ послѣ какъ плѣнники, взятые въ неволю, или какъ выходцы изъ Руси? Когда случилось это событіе? Что благопріятствовало тому обстоятельству, что они оставлены при исповѣданіи Греческой Церкви и Славянской литургіи? Эти исповѣдники Греческаго обряда держали ль сторону Римской Церкви, или Греческаго патріарха, въ то время, когда Львовская и Перемышлевская епархіи сопротивлялись до самаго конца 17 вѣка Уніи, введенной въ 1595 году? Или, можетъ быть, границы Червоной Руси, т. е., Галиціи, дѣйствительно не простирались далѣе рѣки Вислока, которую прежнее Польское правительство поставило границей Рускому воеводству?

Отвѣтъ на упомянутые вопросы, по крайней мѣрѣ для мѣня, — пруденъ. Можетъ быть это обратитъ чье нибудь вниманіе на упомянутую околицу, и заставитъ открыть публикѣ свои изслѣдованія. Я же помѣщу здѣсь только нѣкоторыя свои замѣчанія, начавъ ихъ статистикой »*Завислоцкой Руси* (такъ впредь буду звать ее).«

За ручьемъ Вислокомъ, составлявшимъ нѣкогда границу между Польшею и Червоной Русью, на западъ, на пространствѣ около 50 кв. миль по Угорской границѣ, въ горахъ Карпатскихъ, по чертѣ длинной, но узкой, по мѣрѣ того какъ горы суживаются или расширяются, именно въ округахъ Сяноцкомъ, Ясельскомъ и Сяндецкомъ, живетъ народъ Рускаго племени, исповѣдующій Греческую вѣру, въ 170 деревняхъ, числомъ 83,000 душъ, владѣющій до сихъ поръ 129 церквями. Эта черта идетъ не только до рѣки Попрада, но и за нее, въ сосѣдствѣ Дунайца, по правой его сторонѣ, въ самомъ отдаленномъ углу, около Штявницкихъ цѣлительныхъ источниковъ, гдѣ находятся Рускія селенія: Шляхтова, Яворки, Чернавода и, достойная особеннаго вниманія, деревня *Бѣлавода.*

Читатель, обращающій вниманіе на этотъ предметъ, пусть отмѣтитъ себѣ на картѣ Галиціи *Лесганика* еще слѣдующія деревни, заселенныя Русинами и лежащія на сѣверъ, въ равнинахъ, т. е., на подгорьѣ за Вислокомъ, именно: Королевскій горобець, Шляхецкій, Ладынъ, далѣе, на пути къ Дуклѣ,

Велике, Завадке, Тростяне на ручьѣ Ясель, Хырове, Мысцёве, Конты на Вислокѣ, Скальникъ, Березове, Пелегримове, Клопотницы, Фолюшъ, Тѣклинску Волю, Беднарку, Менцины, Рыхвальдъ, Бѣлянку, Лось, Климковку, Ласкову, Флоринку, Бинчарове, Руську Королеву, Богушове, Матвіёву, Барновицы, Верхомль и Зубрикъ на Попрадѣ, и получитъ границу Руси Завислоцкой, отдѣляющую ее отъ племени Польскаго, живущаго на равнинахъ. Слѣдоват., всѣ селенія, лежащія по лѣвую сторону этой черты, къ границѣ Угорской, заселены Русинами, которые ни чѣмъ не отличаются отъ Русиновъ, живущихъ по другой сторонѣ Вислока въ горахъ Перемышлевской епархіи. Послѣднее Руское селеніе къ сѣверу, т. е., такъ называемая Руська Королева, едва ли на одну милю отстоитъ отъ Суча, а въ 13 миляхъ отъ Кракова.

Трудно повѣрить, чтобы эти Русины были поселеніе плѣнниковъ, или подданныхъ, выведенныхъ сюда изъ другихъ Рускихъ имѣній. Можно заселить одну, или даже нѣсколько деревень, но заселить нѣсколько десятковъ квадр. миль—это почти невѣроятно. Поселенцы въ продолженіи вѣковъ теряютъ свою народность, и принимаютъ языкъ, народность и вѣру тѣхъ, посреди коихъ поселены: такъ было съ поселенцами Нѣмецкими въ околицахъ Кросна, Горлицъ, Ланцута, Жолыни, и съ Татарскими — въ Куликовѣ и другихъ мѣстахъ.

Въ Завислоцкой Руси находились имѣнія народныя, т. е., старостива, имѣнія епископа Краковскаго, на пр. Мушина, и имѣнія частнаго мѣлкаго дворянства. Какимъ же образомъ эти владѣльцы земли могли согласиться, чтобы, удаливъ общими силами прежнихъ Польскихъ обитателей, поселить на ихъ мѣстахъ новыхъ, Русиновъ? Да и откуда могли они взять ихъ въ такомъ значительномъ количествѣ?—Чтобы утвердить поселенцевъ, нужно назначить имъ хорошую землю; потому что недоступныя и безплодныя горы непривлекательны для поселенца; только горецъ, рожденный и воспитанный въ горахъ, привязанъ непреодолимой любовью къ своей родинѣ. Плодоносныя равнины и обильныя поля для него не имѣютъ ни какой прелести; а потому-то жители горъ вездѣ составляютъ первобытный мѣстный народъ, на пр., Пикты въ Шотландіи, Галы въ Англійскомъ Валисѣ, храбрые Баски въ Испаніи, Гельветы въ Швейцаріи. Точно такъ и наши Русины въ Карпатахъ, суть туземцы, а не пришельцы.

Впрочемъ, если бы даже кто и захотѣлъ поселить въ этихъ горахъ Русиновъ, собранныхъ имъ тамъ и сямъ, то какъ бы неблагоразумно поступилъ онъ! —Поселенные на самой Угорской границѣ, и заслоняемые неприступными горами, они либо стали бы сопротивляться своимъ господамъ, либо бѣжали бы за границу.—Были ль тогдашніе старосты Лашинскаго обряда и Краковскіе епископы, пожизненные владѣльцы Ключа Мушины, столько вѣротер-

пѣливы, что для Русиновъ, живущихъ въ расколѣ, могли строить церкви и давать имъ земли? — Ни мало! Так. обр., изъ приведенныхъ замѣчаній вытекаетъ слѣдующій несомнѣнный выводъ, именно: эти Карпатскіе, Завислоцкіе, Русины — не поселенцы, а первобытный, туземный, народъ, обитавшій тамъ въ отдаленнѣйшія времена, до покоренія Руси Казимиромъ Великимъ.

Если Завислоцкіе Русины не поселеніе, основанное послѣ завоеванія Червоной Руси, то рождается вопросъ, какъ очутились они среди Краковскаго воеводства, почти подъ самою столицею Польскихъ королей? Откуда и когда приняли они Христіянскую вѣру Восточной Церкви?—Чтобъ рѣшить эти вопросы, должно допустить три предположенія.

Первое. Эти обитатели горъ, вмѣстѣ съ другими Славянами, жившими около Дунайца и до Вислы, приняли еще до крещенія Мечислава, князя Польскаго, т. е. въ 9-мъ вѣкѣ, Христіянскую вѣру по обрядамъ Греческимъ, изъ рукъ Панонскихъ проповѣдниковъ, посланныхъ Св. Кириломъ и Меѳодіемъ, и построили церкви, какъ сказано выше, не только въ томъ краѣ, но и въ Краковѣ церковь Св. креста, о которой упоминаетъ ученый *Нарушевичъ*. — Послѣ, по принятіи князьями, властителями Польскими, обряда Латинскаго и утвержденія его, вельможи пошли по слѣдамъ Двора и также приняли Латин. обрядъ. Напротивъ, простой народъ, неохотно послѣдовалъ примѣру и волѣ своихъ господъ, что доказываютъ

мятежи по смерти Мечислава II 1035 и 1036 годовъ. Но горцы остались непоколебимы при Греческомъ обрядѣ, однажды принятомъ ими. — Безъ сомнѣнія, въ то время между нарѣчіями Русскимъ, Польскимъ и другими Славянскими, или вовсе не было никакой розницы, или, если и была, то, самая незначительная (21). Народы Славянскіе, принявшіе Латинскій обрядъ, обработывали языкъ свой въ разныя формы, но всего чаще слѣдовали образцу языка Латинскаго, какъ это случилось съ Польскимъ. Но Славяне, оставшіеся при Греческомъ обрядѣ, жили ль они на Волгѣ или Савѣ, всѣ безъ различія образовали рѣчь свою, болѣе или менѣе приноровливаясь

---

(21) Что древній языкъ Чешскихъ Славянъ ни мало не отличался отъ Сіпарорускаго, или, какъ его называютъ, Церковно-Славянскаго, доказательствомъ служитъ слѣдующая строфа древнѣйшей божественной пѣсни, поемой до сихъ поръ, ежедневно, во время всенощной, духовенствомъ и народомъ въ Пражскомъ соборѣ Св. Вита, что въ Чехахъ.—Каждый, прочитавши ее, убѣдится въ томъ, что она Сіпароруская; я помѣщаю ее Рускими буквами:

Господине помилуй ны
Іисусе Христе помилуй ны
Ты спасе всего міра
Списи жъ ны и услышь
Господине гласы наше
Дай намъ всѣмъ господине
Жизнь а миръ въ земи.

Раковецкій въ своей Правдѣ Руской, том. II, стр 259, доказываетъ, что этотъ языкъ, во время введенія Христіянства, былъ господствующимъ въ Чехіи и Польшѣ.

къ древнимъ образцамъ, находившимся въ Богослужебныхъ книгахъ, переведенныхъ Славянскими апостолами, и молитвамъ, совершаемымъ ими каждый день на этомъ языкѣ.

Насъ не должно удивлять то, что теперешняя Руская рѣчь какъ въ Червоной, такъ и въ Великой, Руси, особенно въ первой, далеко уже отступила отъ этой Древнеславянской рѣчи. Прошло уже тысяча лѣтъ какъ первые переводчики занялись преложеніемъ съ Греческаго языка Евангелій, Апостольскихъ Дѣяній, Псальмовъ и Литургіи на языкъ Славянскій. Языкъ Нѣмецкій 10 и 11 столѣтій понятенъ теперь только малому числу Нѣмцевъ, и даже Библія Мартина Лютера, писанная въ 1522 и 1532 год. образцовымъ Нѣмецкимъ языкомъ, кажется намъ, въ сравненіи съ твореніями Шилера, Гете, Шелинга, Окена и другихъ современныхъ писателей, терпкой и устарѣлой. Совершенно противное говоритъ сочинитель *Разсужденія о Рускомъ языкѣ* (22), именно будто Польскій языкъ 15 вѣка, довольно отличный отъ нынѣшняго, гораздо ближе къ Рускому, нежели къ теперешнему Польскому, и что онъ первому обязанъ своимъ усовершенствованіемъ. Этотъ писатель, желая еще болѣе подтвердить упомянутое мнѣніе, приводитъ слѣдующій отрывокъ изъ письма Польскаго короля, Владислава Ягела, относящійся къ 15 вѣку, и писанный къ Але-

(22) *Ученый Львовскій временникъ* (Czasopism). 1829 год. книж. 3 стр. 78 и 79.

ксандру, господарю Молдавскому: »Ажесь мы одну тысячы рублёвъ Фрязкого сѣребра, пріяшелю нашому Александру Воеводи и Господару земли Мольдавской, что были предковъ его пожычыли, а мы шлюбуемъ пры нашей вѣре заплатыты тыхъ одну тысячы рублёвъ фрязкого сѣребра, а паки ихъ не будешъ, а мы Литовское рубле дамы, паки не будешъ того сѣребра, а мы заплатимъ грошмы по чемъ фрязкое сѣребро идетъ (23).« — *Сарницкій* приводитъ in *Annalibus Poloniae*, подъ 1492 годомъ, на стр. 369

---

(23) Ссылаюсь на это Разсужденіе, хотя, въ другихъ отношеніяхъ, я не могу съ нимъ согласиться. Сочинитель, не смотря на доброе намѣреніе, которое онъ имѣлъ, придерживаясь предположенія, однажды имъ допущеннаго, и не обращая вниманія на свидѣтельство данныхъ и самыя доказательства, старался все примѣнять къ нему. Я приведу здѣсь два, ни на чемъ не основанныя, мнѣнія. На стр. 59 онъ говоритъ такъ: „Названіе народа Рускаго произошло только въ 18-мъ вѣкѣ, а потому названіе языка Рускаго, безъ сомнѣнія, должно быть позднѣе.“. Въ несправедливости этого мнѣнія можно убѣдиться изъ заглавія Греческо-Руской грамматики, изданной въ Львовѣ въ 16 вѣкѣ, т. е., въ 1591 году: „Грамматика доброглаголиваго Еллино-Словенскаго языка, совершеннаго искуства осьми частей слова, ко наказанію многоименитому *Россійскому* роду. Во Львовѣ въ друкарни брацкой року 1591“, также изъ рѣчи Михаила Рогозы, митрополита Кіевскаго, выданной 20 Генваря 1592, помѣщенной въ прибавленіяхъ подъ буквою А., и находящейся въ архивѣ Ставропигіяльнаго братства (*), въ связкѣ 410. Въ этой рѣчи онъ, къ титлу митрополита Кіевскаго, и Галицкаго, присоединяетъ еще названіе митрополита всея Росіи, слѣдуя въ томъ примѣру

(* О Ставропигіяльномъ братствѣ см. сочиненіе мое подъ заглавіемъ: „*Историческое изслѣдованіе о Руско-Славянскихъ типографіяхъ. Львовъ 1836 год.*

надпись, вырѣзанную Рускими письменами на возобновленной Казиміромъ IV церкви Св. Креста, въ которой все еще, какъ сказано выше, Богослуженіе отправлялось на Славянскомъ языкѣ, и въ которой положено было тѣло самаго короля и его супруги, Елисаветы. Такъ какъ церковь болѣе уже не существуетъ, то я и помѣщаю здѣсь эту надпись: »Ку хвалѣ имѣня наивыжшого Бога, ойца всемогужчаго, побудованъ костёлы сѣя каплица, повѣленѣмъ вѣликого и преславного короля просвѣтного Казимира зъ боской милости Польского и велшкого князя

нѣкоторыхъ своихъ предшественниковъ, не смотря на то, что находился подъ Польскимъ владычествомъ; а когда рѣчь идетъ объ языкѣ, то называетъ его Славянско-Російскимъ. Въ Славянскихъ языкахъ, особливо Рускомъ, господствуетъ особенная вольность въ употребленіи гласныхъ, одной вмѣсто другой; такъ одни говорятъ Русія, другіе Россія, а нѣкоторые Рассія. — Герасимъ *Смотрицкій* употребляетъ тоже слово Руссійскій: въ стихахъ, напечатанныхъ въ предисловіи къ Острогской Библіи 1581 год.:

„Восточныя церкве въ Руссійскомъ народѣ
Ея же свѣтлость сіяетъ въ поганской незгодѣ.“

Далѣе, въ этомъ же Разсужденіи, на стр. 80 въ примѣч. сочинитель говоритъ, будто бы Несторъ въ 11 вѣкѣ писалъ Рускія дѣянія нарѣчіемъ Рускимъ, употребляемымъ въ Польшѣ, т. е., Малорускимъ или языкомъ Литовскаго Статута. — Чтобъ представить это совершенно въ другомъ видѣ, я отсылаю читателя къ самому Нестору, и только для примѣра приведу небольшой отрывокъ изъ его сочиненія, изд. въ Гетингенѣ Шлецеромъ 1802 год. том. III. стр. 309. Это статья изъ договора, заключеннаго между Греческимъ императоромъ и Русью въ 912 году:

Литовского, Троцкого и Зомоитского и князятыя Пруское, Пана и дидича тыхъ и иныхъ много зѣмъ Господара, и его королёвей пронаяснѣйшои панѣи Елизабеты зъ поколеня чарского продка пренайяснѣйшого Зыгмiонта Пана зѣми Ракуской, Ческой и Угорской? — По лѣту нароженія Божого пѣрвшого сѣдмдѣсятого тысячного, а докончали сѣя каплица

„По первому убо слову да умиримся зъ вами Греки, да любимъ другъ друга, отъ всея душа и изволенія и не вдадимъ елико наше изволеніе быти отъ сущихъ подъ рукою нашихъ свѣтлыхъ, никакомужъ соблазну или винѣ, потщимся, елико по силѣ на сохраненіе прочихъ и всегда съ вами Греки исповѣданіемъ и написаніемъ со кляпвою извѣщаемую любовь не превратну и не подвижиму.“

Уже ли это нарѣчіе Польско-Руское, употребляемое теперь въ Галиціи, или нарѣчіе Спапупта Литовскаго?— Ни мало! Это нарѣчіе Церковное или *Старорускоe*, понятное каждому Великоросіянину, но не каждому жителю Галиціи.—Я называю это нарѣчіе *Старорускимъ*, по тому, что въ условіи о вырѣзаніи буквъ *для* напечатанія Октоиха, заключенномъ на Нѣмецкомъ языкѣ между Швайбольдомъ Фіолемъ и Рудольфомъ Борсдорфомъ 1491 года въ Краковѣ, помѣщенномъ въ Исторіи Краковскихъ типографій I. C. *Бандке.* стр. 136., буквы этого сочиненія названы „*rewsische schrift*,“ а не „*Slawische*“. „*Slawich*“ есть общее названіе какъ Польскаго, Чешскаго, такъ равно Хорватскаго и Рускаго языковъ.

Равнымъ образомъ я не могу согласиться и съ тѣмъ, что сочинитель этого разсужденія говоритъ о Рутенахъ и Рутенизмѣ. Изъ того, что иностранецъ назвалъ меня страннымъ именемъ на своемъ языкѣ, еще не слѣдуетъ, что я такъ непремѣнно долженъ называться, потому что я свое имя долженъ знать лучше, нежели какой нибудь чужеземецъ. Ни одинъ Славянинъ не называлъ соплеменника своего, Русина, Рутеномъ, но всегда Русиномъ. Точно также изъ того, что какой нибудь Латинскій писака первый упо-

мѣсяца Октябр. 12 дня?“—Надпись эта есть очевидно смѣсь нарѣчія Рускаго съ Польскимъ. Это служитъ доказательствомъ, что церковъ эта была заложена въ 1071 году, а въ 1492 году, по повелѣнію Казимира IV, обновлена, что въ ней-то, еще въ 1492, богослуженіе отправлялось на Рускомъ языкѣ. Послѣднее открывается изъ приведеннаго выше свѣдѣтельства того же *Сарницкаго* (въ § 2. букв. з.), по коему самъ Казимиръ, какъ сынъ Рускій, Софіи, дочери Кіевскаго князя, Андрея Ивановича, ею воспитанный, будучи еще въ молодости княземъ Литовскимъ, благопріятствовалъ Греческому обряду, и хотя по вступленіи на престолъ Польскій 17 лѣтъ, долженъ былъ держаться Латинскаго обряда, однако столько покровительствовалъ Рускому, что даже завѣщалъ положить прахъ свой въ упомянутой церкви.—Въ этой надписи замѣчаю я одно только обстоятельство, которое могло бы оподозрить ее, если бъ она была приведена не столь почтеннымъ писателемъ, каковъ Сарницкій, писавшимъ въ 15 вѣкѣ и вслѣдствіе снять ее

требилъ это названіе, а за нимъ, не останавливаясь и не подумавши нимало, какъ обыкновенно бываетъ, послѣдовали и другіе Латинскіе писатели, вовсе не слѣдуетъ, что такое названіе принадлежитъ этому народу. Впрочемъ, даже и Латинскіе писатели называли эту страну не Рутеніей, но Русіей, а короли Польскіе, вѣрно очень хорошо знавшіе, какъ называется тотъ народъ, коимъ они владѣли и коего имя ставили въ своихъ титлахъ, писались: „Magnus Dux Litvaniae, *Russiae*, Prussiae,“ но никогда „*Rutheniae*.“

съ церкви. Обстоятельство это заключается въ томъ, что королева Елисавета названа въ ней опросліо императора Сигизмунда, между тѣмъ какъ она была дочерью императора Альбрехта, изъ Дому князей Австрійскихъ. Слѣд., выраженіе »*из поколенл царского продка ... Зыгмонта*, должно разумѣть такъ, что она была внучкою Сигизмунда, рожденною отъ дочери его Елисаветы, и обрученою съ Казимиромъ, по договору, заключенному въ Рабѣ. — *Кояткевичъ* ошибается, утверждая въ сочиненіи своемъ, подъ заглавіемъ »Ежегодныя Церковныя дѣянія. Калишъ 1695. стр. 377«, будто бы Владиславъ Ягело велѣлъ построить эту церковь Свят. Креста на Клепарѣ, и поручилъ ее Бенедиктинцамъ, призваннымъ изъ Праги для отправленія въ ней богослуженія на языкѣ Славянскомъ. Упомянутая надпись служитъ доказательствомъ, что эта церковь существовала уже въ 1071 году, равно какъ и другія достовѣрныя обстоятельства явно говорятъ, что она чуть ли еще не древнѣе. — Ягело не имѣлъ нужды вызывать Бенедиктинцевъ изъ Праги, потому что въ собственномъ его краѣ, смежномъ съ Краковомъ, находилось Русское епископство, именно Перемышльское и Холмское, въ которомъ священники отправляли богослуженіе по Славянски ($23\frac{1}{2}$). Сарницкій, на стр. 340., утверждаетъ, что королева Ядвига ввела этотъ

($23\frac{1}{2}$) Здѣсь отказываюсь я отъ того, что написалъ было выше, будто Ядвига не нуждалась вызывать Бенедиктин-

обрядъ 1391 года въ церковь Св. Креста, продолжавшійся до временъ Длугоша, но о Пражскихъ Бенедиктинцахъ совершенно ничего не упоминаетъ.

Предположеніе второе, заключается въ томъ, что полоса земли, лежащая между рѣками Дунайцемъ, Вислой, Сяномъ, Вислокомъ и Угорской границей, была заселена Славянами Рускаго языка и исповѣданія. Но такъ какъ страна эта еще до послѣдняго покоренія Червоной Руси Казимиромъ Великимъ, послѣдовавшимъ въ 1340 году, подвергалась нападеніямъ и грабежамъ Поляковъ въ разныя времена, на прим: въ 1017 — 1018 при Болеславѣ Храбромъ, 1038 год. при Казимирѣ I, 1068, 1069, 1073, 1077 при Болеславѣ Смѣломъ, 1101 при Владиславѣ Германѣ, 1123, 1125, 1136 при Болеславѣ Кривоустомъ, 1153 при Болеславѣ Кудрявомъ, 1179, 1182, 1185, 1187 при Казимирѣ Справедливомъ, 1198, 1205 при Лешкѣ Бѣломъ, 1266 при Болеславѣ Стыдливомъ, и 1280 год. при Лешкѣ Черномъ, то, разумѣется, побѣдитель могъ обитателей плодоносныхъ равнинъ, оставшихся въ живыхъ, заставить бросить

цевъ изъ Праги, имѣя въ своей землѣ Руское Духовенство, отправлявшее божественную службу на Славянскомъ языкѣ. Потому что дѣйствительно вызваны были изъ Чехіи монахи, совершавшіе литургію по Славянски, но монахи, соединенные съ папой. Этимъ хотѣли показать Русинамъ, что можно въ одно и тоже время молиться по Славянски и быть послѣдователемъ Римскаго епископа. Упомянутыхъ монаховъ вызвали въ Прагу изъ Хорватіи. См. *Славинъ*. 2 изд. 1834. стр. 297 и 390.

свои жилища, принять Латинскую вѣру, слѣд. и Польскій языкъ, или же перевесть на ихъ мѣсто поселенцевъ изъ Польши. — Но обитатели безплодныхъ горъ оставались при древнемъ исповѣданіи и Рускомъ нарѣчіи, потому что земля ихъ не представляла собой ничего привлекательнаго для грабежей, и потому что ихъ не легко можно было покорить въ неприступныхъ жилищахъ.

Предположеніе третье. Можетъ быть та перемѣна, о которой мы сей часъ говорили, произошла только послѣ завоеванія Казимиромъ, и притомъ точно такъ, и по тѣмъ же причинамъ, какъ это сказано было нами. Кажется это ближе всего къ истинѣ.

Въ томъ и другомъ случаѣ заключалось бы неоспоримое доказательство, что королевство Галицкое, коего княжество Перемышльское составляло только часть, простиралось при корольхъ и князьяхъ Рюрикова племени, равно какъ и при Андреѣ и Коломанѣ, потомкахъ Св. Стефана и Св. Владислава, корольхъ Угорскихъ, до рѣки Дунайца и Вислы, а не до Вислока.

Эти догадки подтверждаются слѣдующими обстоятельствами: а) За Вислокомъ и между Сяномъ, Вислой и Дунайцемъ, и въ равнинахъ, т. е., въ округѣ Решовскомъ, кромѣ упомянутыхъ Русиновъ-Горцевъ, находится нѣсколько селеній и два прихода въ Лежайскѣ и Дембнѣ, съ народонаселеніемъ за 3,000 душъ Рускаго племени. б) Во время владычества

Польскаго отбирали у Русиновъ церкви и принуждали ихъ принимать Латинскую вѣру, о чемъ можно читать въ повременномъ изданіи, подъ заглавіемъ, »Другъ Христіянской правды (Przyiaciel prawdy chrześciańskiey)«, выходившемъ въ Перемышлѣ, подъ завѣдываніемъ Латинскаго епископа *Корпинскаго*, съ 1835 года, тетр. 3. стр. 117, именно о деревнѣ *Издебкахъ*. Какъ скоро Русинъ принималъ Латинскую вѣру, то Святыя таинства сообщались ему на Польскомъ языкѣ, онъ училъ свой Катихизисъ и *Отче нашъ* по Польски, говорилъ съ священникомъ и господиномъ по Польски, и, такимъ образомъ, замѣнялъ Рускій языкъ Польскимъ. Это случилось впослѣдствіи на Руси со всѣмъ дворянствомъ и мѣщанами, сначала принявшими Унію, а потомъ и Латинское исповѣданіе (24). в) Это пѣмъ вѣрнѣе должно было послѣдовать, что стали запрещать Русинамъ не только строить новыя церкви, но даже и поправлять развалившіяся, о чемъ можно увѣриться изъ 5 чтенія въ Римскомъ служебникѣ въ день Св. Казимира, 4-го Марта, гдѣ читаете: »*Catolicam promevere fidem summopere studuit et Ruthenorum Schisma obolere: qua propter Casimirum patrem* (извѣстно, Св. Казимиръ былъ сынъ Польскаго короля, Казимира IV) *induxit, ut legem ferret, ne schismatici nova templa construant, nec vetera collabentia restaurarent* (25).« г) Руская

(24) *Раковецкій* Руская Правда. Том. I. стр. 71.

(25) *Breviarium Romanum* ex decreto Sacrosancti Concilii Tridentini. Antverpiae. 1685. pars verna. pag. 437. lectio V.

Перемышльская епархія содержала въ себѣ въ древнѣйшія времена, (какъ это доказываетъ Станиславъ *Сарновскій*, Перемышльскій Латинскій епископъ, свѣдѣшель omni exceptione major,), 3,400 приходовъ и около 3,000,000 душъ, а теперь заключаетъ едва 700 приходовъ и 770,000 душъ (26). Куда же, спрашивается, дѣвались эти два милiона душъ и слишкомъ 2,500 приходовъ? —Разумѣется, другаго ни чего не остается думать, какъ что обитатели равнинъ между Вислокомъ, Вислой и Дунайцемъ, приняли Латинскую вѣру, а съ ней и языкъ Польскій ($26\frac{1}{2}$).

---

(26) *Relatio ad S. Sedem Apostolicam* Alexandrum VII. de statu Dioecesis Premisliensis rit. lat. a *Stanislao Sarnowski* episcopo Premisliensi, Abbate Suleioviensi, per ejus Procuratorem Hiacynthum *Mokrski*, Canonicum Premisliensem, S. R Maiestatis Secretarium. Anno 1680, continet expresse sequentia: „Dioecesis Premisliensis Ruthenorum quae 3,400 *parochias continet, numerum trium millionum animarum attingit.*“ — См. Исторію города Ярослава, напис. Францомъ *Сарницкимъ*. Львовъ. 1826 года, стр. 97; также *Schematismus* Universi Ven. Cleri Dioecesis Gr. Cath: Premisl. de Anno 1830. pag. 188.

($26\frac{1}{2}$) Это положеніе подтверждается и тою еще историческою истиной, что въ Верхней и Нижней Силезіи, равно какъ и Краковскомъ воеводствѣ, обитали Хорваты, Хорваны, столицею коихъ былъ Краковъ, и кои употребляли Русскій языкъ и держались Греческихъ обрядовъ до тѣхъ поръ, пока князь Польскій, покоривъ Краковъ и Силезію, не присоединилъ этой стороны къ Польшѣ. См. Викентій *Кадлубекъ*, Историко-Критическія разсужденія гр. Макс. *Осолинскаго*, переведенныя Богумиломъ *Линде* Варшава 1822; также Славинъ *Добровскаго*. 2 изд. 1834., стр. 273.

§ 4.

Русь, озаренная Христ. вѣрой при Владимірѣ Великомъ, взошла на высокую степень могущества. Побѣды Рюрика, Олега, Игоря, Святослава и Владиміра соединили подъ одинъ жезлъ многія Руско-Славянскія племена, такъ что это государ-

---

Намъ остается еще рѣшить слѣд. вопросъ. Въ то время, когда другія епархіи въ 1595 год. приступили къ Уніи, а Перемышльская и Львовская до 1690 года оспавались при Православной вѣрѣ, въ то время, говорю, этѣ Завислоцкіе Русины сопротивлялись ли такому пововведенію, или покорились ему? Въ первомъ нашемъ изданіи въ 1837 год. мы оставили эту загадку нерѣшенною, по причинѣ недостатка въ вѣрныхъ доказательствахъ; но теперь случайно открыта рукопись, подъ названіемъ: „*Liber fundatis Ecclesiae R. C. in Tylicz Circuli Sandecensis*," находящаяся нынѣ въ архивѣ Рускаго Перемышльскаго епископства; изъ нея стр. 40 и 68 можно убѣдиться, что Краковскій епископъ Петръ *Тылицкій*, основавши въ Завислоцкой Руси новый городокъ, названный, по его имени, Тыличемъ, даровалъ ему въ 1612 привилегіи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, позволилъ жителямъ имѣть Рускую церковь, условіемъ, чтобы священникъ сей церкви былъ въ повиновеніи Римскаго папы. Слѣд., очевидно, что Унія была уже введена и въ другихъ селеніяхъ этой Руси, тѣмъ болѣе, что 56 Рускихъ селеній принадлежало Краковскому епископству. Жители Тылича, уступившіе силѣ, и признавшіе священникомъ Рускаго Уніята, не долго наслаждались Славянскимъ богослуженіемъ въ собственной церкви: у нихъ отняли ее, и безбожно истребили все, что могло напоминать Греческую вѣру, заставивъ самихъ ихъ принять Латинскую. Актъ основанія городка Тылича, равно какъ и приговоръ правительства объ отобраніи церкви, какъ доказательство плачевной судьбы тамошнихъ Русиновъ, крѣпко привязанныхъ къ вѣрѣ отцевъ своихъ, я помѣщаю въ Прибавленіяхъ, между

ство занимало собой всю почти нынѣшнюю Европейскую Росію, простираясь отъ озера Ладожскаго до Таврическаго полуострова, и обнимая все, что теперь извѣстно подъ именемъ Великой, Малой, Бѣлой, Черной и Червоной Руси.

Это огромное государство Владиміръ раздѣлилъ между 13-ю сыновьями своими, чѣмъ положилъ краеугольный камень междоусобнымъ войнамъ, истребившимъ милiоны Рускихъ, упадку своего знаменитаго государства и пораженіямъ, понесеннымъ сѣверной Европой отъ Татаръ, не встрѣчавшихъ сильнаго отпора со стороны мѣлкихъ владѣтелей. Если бъ сильное Руское государство Владиміра находилось подъ однимъ самодержавнымъ жезломъ, то, безъ сомнѣнія, оно могло бы уничтожить могущество дикихъ Монголовъ. Какъ бы

документами подъ буквою Г. Считаю нужнымъ сказать еще въ поясненіе, что Рускій епископъ, Іоанъ Малаховскій, о которомъ говорится въ донесеніи, былъ Уніятъ, потому что, кромѣ православныхъ Перемышльскихъ епископовъ, были еще и Уніятскіе Перемышльскіе епископы, имѣвшіе, сверхъ Завислоцкой Руси, малое только число послѣдователей своихъ въ Сяноцкомъ округѣ и тамъ же, въ Санокѣ, иногда проживавшіе, откуда, вѣроятно, происходитъ и употребляемое теперь Перемышльскими епископами титло епископа Сяноцкаго. Такъ какъ имѣнія, принадлежавшія Перемышльскому епископству, находились въ рукахъ Православныхъ, то Уніятскіе епископы получали содержаніе свое отъ правительства, нападая, кромѣ того, вооруженною рукой на владѣнія своихъ противниковъ. Упомянутый Уніятъ Малаховскій, какъ свидѣтельствуетъ донесеніе, старался возвратить церковь, отнятую Латинами *(Приписка 1839 года)*.

то ни было, политика Владиміра Великаго въ раздѣлѣ Рускаго государства между своими сыновьями, хотя и вредная, была общей политикой того времени. — Константинъ Великій раздѣлилъ Римскую имперію между четырьмя, Людовикъ Благочестивый, сынъ Карла Великаго, Французскую державу — между тремя, а Болеславъ Кривоустый, князь Польскій, свое малое королевство — тоже между четырьмя сыновьями. (27) Надобно было пройти нѣсколькимъ вѣкамъ, погибнуть миліонамъ, произойти

(27) Между читателями моими могутъ найтиться люди, мало свѣдущіе и предубѣжденные, которые, выраженіе мое, что Болеславъ Кривоустый раздѣлилъ между четырьмя сыновьями свое малое королевство, почтутъ выраженіемъ, унижающимъ славу Польск. народа. Этимъ, мало свѣдущимъ, я долженъ сказать, что выраженіе *малое* употреблено только въ смыслѣ относительномъ, именно малое въ сравненіи съ тѣми великими монархіями, на ряду съ которыми поставилъ я тогдашнюю Польшу. Такъ Римская имперія, раздѣленная Константиномъ Великимъ, обнимала всю почти Европу, значительную часть Азіи и Африки, словомъ, была обширнѣйшимъ царствомъ въ древнемъ мірѣ. Государство Карла Великаго состояло изъ всей нынѣшней Франціи, Германіи и Испаніи, а Владимірова держава занимала пространство отъ горъ Карпатскихъ до Волги, отъ озера Ладоги до Крыма. Слѣд., въ сравненіи съ такими исполинскими государствами тогдашняя Польша была слишкомъ малою. Она занимала тѣ лишь земли, кои теперь составляютъ царство Польское подъ владычествомъ Россіи, за исключеніемъ воеводствъ Августовскаго, Подлясскаго и части Люблинскаго, далѣе она обнимала княжество Познанское, значительную часть Силезіи и округи Вадовицкій и Бохенскій въ Галиціи; стало быть, никто не будетъ противорѣчить, что она была малою предъ этими колосами. Только

ужаснымъ пораженіямъ въ человѣчествѣ, прежде нежели утвердились права наслѣдованія престоловъ въ Европейскихъ государствахъ. Жизнь, благоденствіе, счастіе, спокойствіе и истинное просвѣщеніе народовъ, зависѣли отъ этого права, и кто только легкомысленно, народъ или царственная особа, осмѣливался посягать на установленный порядокъ престолонаслѣдія, тотъ платился за дерзость свою кровію безчисленныхъ жертвъ. Я не намѣренъ описывать тѣхъ мѣлкихъ междоусобныхъ войнъ, которыя ведены были умножившимися потомками Владиміра, отнимавшими другъ у друга владѣнія, княжества и города.— Непріятно и скучно описывать и читать описаніе подобныхъ войнъ, наѣздовъ и нападеній, которыя едва ли не болѣе истребляли людей и останавливали успѣхи образованія, чѣмъ самыя свирѣпыя войны великихъ государствъ нашего времени. А потому отсылаю любопытнаго читателя къ историкамъ Русскимъ, Польскимъ и Галицкимъ, исчисленнымъ мною во Вступленіи, которыхъ безъ всякаго удовольствія пришлось бы мнѣ выписывать. Тамъ найдетъ онъ, что одна лишь сторона, называемая нами Галиціей, имѣла Удѣльныхъ князей Перемышльскихъ, Белзскихъ, Владимірскихъ, Галицкихъ, Львовскихъ, Теребовльскихъ, Звѣнигород-

---

впослѣдствіи, когда Литва съ своей Руской добычей присоединилась къ Польшѣ, когда была завоевана Червоная Русь, и королевская Прусія вошла въ составъ Польши, это королевство сдѣлалось значительнѣйшимъ государствомъ.

скихъ и Бугскихъ. Эпѣ, равно какъ и другіе, князья Великой, Бѣлой, Черной и Малой Руси, отнимали другъ у друга владѣнія оружіемъ, измѣной, силой и коварствомъ, что продолжалось до тѣхъ поръ, пока, враждуя взаимно между собой, не пали жертвой сосѣдственныхъ завоевателей, Татаръ, Литовцевъ и Поляковъ.

Впрочемъ, не одно раздробленіе на малыя владѣнія и неопредѣленность наслѣдства высшей власти было единственной причиной упадка Рускаго государства при потомкахъ Владиміра. — Произошла перемѣна въ свойствѣ и обычаяхъ народа. Съ возрастающимъ образованіемъ народа ослабѣвалъ духъ мужества и храбрости, потому что побѣды въ тѣ времена зависѣли отъ храбрости, а не отъ искуства, какъ это нынѣ.—Побѣдители Руси, т. е., Татары, Литовцы и Поляки, находились въ то время на гораздо низшей степени просвѣщенія, образованности и гражданственности, нежели Русины, а Исторія народовъ показываетъ намъ, что варвары, даже и малочисленные, всегда побѣждали сильнѣйшихъ и многолюднѣйшихъ народовъ, далеко успѣвшихъ въ предметахъ избытка и довольства. Такъ Монголы, и Манжуры овладѣли Китаемъ, полночные народы Германскаго и Славянскаго происхожденія разгромили повелительницу міра, Римскую имперію, Турки покорили Грецію, а горсть Норманновъ—Великую Британію.—Варваръ сражается съ дикимъ мужествомъ, потому что ему сопутствуетъ надежда получить дорогую добычу и богатства, коихъ у него нѣтъ;

напротивъ, воинъ образованнаго народа, сражающійся противъ воли, не можетъ надѣяться никакой корысти отъ побѣды надъ бѣднымъ полудикаремъ.

Что народъ Рускій въ то время находился на гораздо высшей степени просвѣщенія, образованности и гражданственности, чѣмъ Татары, Литовцы и Поляки, это свидѣтельствуютъ слѣдующія историческія доказательства.

а) Еще до принятія Христіянской Вѣры, въ княженіе Олега, перенесшаго столицу изъ Новагорода въ Кіевъ, Русины предпринимали морской походъ на Царьградъ, побѣдили Грековъ и въ 912 году принудили ихъ заключить выгодный для себя торговой договоръ. Народъ, предпринимавшій столь дальнее плаваніе, по столь бурному морю, каково Черное, и съ такимъ многочисленнымъ войскомъ, долженствовалъ быть свѣдущимъ въ мореплаваніи, къ которому не способны народы дикіе.—Русины какъ въ этомъ, такъ и послѣдующемъ, походѣ, случившемся при Игорѣ въ 945 году, заключивъ перемиріе, выговариваютъ для себя торговыя выгоды. Слѣд., народъ, ищущій съ оружіемъ въ рукахъ торговыхъ выгодъ, долженъ имѣть довольно купцевъ и рынки, а потому находиться на высшей степени гражданственности. — Дикіе и кочующіе народы ведутъ войны для грабежа, добычи, поимки невольниковъ, отнюдь же не для торговыхъ сношеній. — Ни Татарамъ, грабившимъ полночную Европу, ни Мадьярамъ, разорявшимъ среднюю, ни Монголамъ, напа-

давшимъ на Китай, не приходило въ голову принуждать побѣжденнаго къ заключенію съ собой дружескихъ торговыхъ договоровъ. — Эти договоры или пракпаты заключались на письмѣ, слѣд. Русины, какъ сказано выше, имѣли письменность, была ли это Древнеславянская Буквица (Боговѣда), Глаголица, или Кирилица.

б) Торговля, которую сѣверные Русины производили изъ Новагорода съ Швеціей, Даніей и Германіей по Балтійскому, а южные изъ Чернигова, Кіева и другихъ городовъ по Черному морю, доказываетъ существованіе промышленности, знаніе искусствъ, цѣнности вымѣниваемыхъ товаровъ, а равно и знаковъ, выражающихъ эту цѣнность, т. е., дорогихъ металовъ. Новгородцы имѣли церкви свои на островѣ Готландѣ, а у нихъ жили купцы Нѣмецкіе и Шведскіе, тоже имѣвшіе тамъ свои слободы и церкви; Ганзейскій союзъ учредилъ тамъ даже главную свою кантору, привозя издѣлія полуденной Европы и принимая въ замѣнъ произведенія тамошней страны, товары Персидскіе, Индѣйскіе и Арабскіе. — Ежегодно весной отправлялся изъ Кіева по Днѣпру цѣлой торговый флотъ городовъ Новагорода, Смоленска, Любеча, Чернигова и Вышгорода, шелъ Чернымъ моремъ въ Грецію, откуда возвращался назадъ съ богатыми товарами. Черное море было покрыто Русскими кораблями и называлось *Русскимъ* (28).

в) Владиміръ В., распространивъ Христіянство въ обширныхъ своихъ владѣніяхъ, приказалъ пере-

(28) *Раковецкій* Prayda ruska. Томъ I отъ 143 до 147 стр.

весть на Рускій языкъ Св. писаніе, ежели не все, какъ нѣкоторые утверждаютъ, то по крайней мѣрѣ Новый Завѣтъ. Ибо безъ Евангелія, Апостольскихъ Дѣяній, Псалмовъ и Литургіи на языкѣ родномъ, Вѣра Христова не могла принятся и укорениться. — Народъ, сполъ многочисленный, нуждался въ многочисленныхъ священникахъ, а этѣ должны были знать письменность; иначе не могли отправлять божественной службы. »Новымъ Завѣтомъ, переведеннымъ на Рускій языкъ при Владимірѣ В., начинается Руская письменность,« говоритъ *Чацкій* въ сочиненіи: О законахъ Польскихъ и Литовскихъ, Том. I., стр. 53., хотя я того мнѣнія, что онъ переведенъ еще гораздо раньше.—Творецъ сочиненія »Картина Росіи,« Том. II. стр. 366, такъ описываетъ заслуги Владиміра В.—»Заслуги Великаго Владиміра пребудутъ незабвенны: онъ завелъ училища для людей всякаго состоянія, опредѣлилъ къ нимъ Греческихъ наставниковъ для обученія дѣтей, даже противъ желанія ихъ родителей. Издалъ учрежденіе для училищъ, которое сдѣлало бы честь самой просвѣщеннѣйшей націи, содержалъ на своемъ жалованьи мужей искусныхъ въ Греческомъ и Славенскомъ языкахъ, поручилъ имъ перевести Библію и церковныхъ писателей на языкъ отечественный. Подлинники сихъ переводовъ приказалъ, украсивъ золотомъ, серебромъ и драгоцѣнными камнями, положить въ святыхъ храмахъ, списки съ нихъ раздавать народу.“ Завелъ школы, вызвалъ зодчихъ, живописцевъ, писцевъ и. т. п.

г) Константинополь въ то время былъ колыбелью, единственнымъ мѣстомъ въ свѣтѣ, гдѣ процвѣтали науки, искуства, образованіе и гражданственность. — Дворъ Цареградскій соединялъ въ себѣ все, что только роскошь и изобрѣтенія Грековъ и Римлянъ могли имѣть блестящаго и великолѣпнаго. — Уже ли дочь Греческаго императора, воспитанная при такомъ Дворѣ, отдала бы руку свою варвару — Владиміру, согласилась промѣнять великолѣпіе Двора отца своего на шалашъ кочующаго дикаря?

д) Владиміръ В. умеръ; но потомки его, не смотря на междоусобныя брани и семейныя вражды, любили еще нѣкоторое время науки и пеклись о нихъ. — Сынъ его Ярославъ I. занимался науками, чтеніемъ книгъ, завелъ въ Новѣгородѣ училища на 300 отроковъ, предписалъ порядокъ для дѣлъ и занятій, подлежащихъ власти Митрополита, поставленнаго имъ не по рукоположенію Цареградскаго патріярха, но по выбору Рускихъ епископовъ, и даровалъ Новугороду славные законы, извѣстные подъ именемъ »*Руской Правды* (29).« Великіе князья знали, кромѣ отечественнаго, Греческій и другіе языки. Въ 12 вѣкѣ основано было въ Смоленскѣ училище Греческаго и Латинскаго языковъ, а одинъ изъ князей подарилъ этому училищу библіотеку, состоящую изъ 1000 книгъ (30).

---

(29) *Картина Россіи.* Часть II стр. 366 и 369.
(30) *Schlötzer* Russische Annalen. 1. Theil. Seite 11.

е) Несторъ, древнѣйшій Славянскій, или лучше, Новоевропейскій лѣтописецъ, около 1100 года писалъ Поруски свой временникъ, доставившій ему столько славы и удивленія въ потомствѣ; объ немъ ученый Шлецеръ въ Рускихъ Лѣтописяхъ Том. I. стр. 15 пишетъ: »*Ueber die spätteren Isländer und Polen ist der Russe (Nestor) so erhaben, wie die Vernunft die sich wolh manchmal vergiesst, über die permanente Thorheit*«.

ж) Когда Болеславъ Храбрый въ 1018 году взялъ Кіевъ, то нашелъ огромный городъ, соревнующій Византіи, этому новому Риму, въ богатствахъ и торговлѣ, безчисленномъ множествѣ жителей, городъ, украшенный великолѣпными зданіями, вмѣщающій въ себѣ 400 церквей и восемь рынковъ! — Что жъ это за городъ, который заключалъ четыреста храмовъ, воздвигнутыхъ въ продолженіе 30 лѣтъ послѣ водворенія Христіянской вѣры? — Который равнялся столицѣ Христіянства? — Коего ворота украшены были золотымъ окладомъ? — Откуда Болеславъ Храбрый вывезъ безчисленныя богатства? — Который для внука его, Болеслава Смѣлаго и дикарей, съ нимъ пришедшихъ, хотя ограбленный дѣдомъ, былъ тѣмъ же, чѣмъ Капуя для Аннибала? — Безъ сомнѣнія, такой городъ не былъ столицей народа, чуждаго гражданственности. — Чтобы не обвиняли меня въ томъ, что храбрыхъ сподвижниковъ Болеслава Смѣлаго называю дикарями, я помѣщаю внизу, въ примѣчаніи, отрывокъ, взятый

слово въ слово изъ славнаго Польс. историка, *Нарушевича*, Том. II. стр. 265, изд. Мостовскаго (31).

Что же могло быть причиной, что просвѣщеніе и гражданственность на Руси, послѣ такой блестящей эпохи, не только не пошли впередъ, но, спустя нѣсколько времени, приняли даже совершенно обратное направленіе?—Отвѣчать не трудно. Раздробленіе государства на мѣлкія владѣнія, междуусобныя войны, набѣги и раздѣленіе Руси между тремя дикими завоевателями, т. е., Татарами, Литовцами и Поляками, могли остановить успѣхи этого трудолюбиваго и промышленнаго народа. — Татары, опустошая своими набѣгами Рускія страны, наконецъ, овладѣли ими, и держали подъ своимъ

---

(31) Король (Болеславъ) рѣшился остаться въ Кіевѣ, намѣреваясь, возстановленное присутствіемъ своимъ на Руси спокойствіе еще болѣе утвердить, и тотчасъ предался наслажденіямъ, къ которымъ призывали его многолюдство торгующаго съ Греками города, его богатства, мягкость жителей, обезпеченныхъ довольствомъ и роскошью, особенно же красота Русинокъ, способная больше всѣхъ обаяній чувствъ уловлять сердца. *Сарматъ*, одичалый отъ продолжительнаго дѣйствія мечемъ, полюбилъ Кіевскія приманки, какъ вторый Аннибалъ въ Капуѣ: онъ роскошествовалъ, развратился, и ослабѣлъ совершенно. Одна перезимовка въ невоинственномъ городѣ совершенно измѣнила короля и войско. Исчезъ мужественный духъ, заглушенный избыткомъ наслажденій; пропало повиновеніе; народъ, громитель столькихъ племенъ, самъ былъ побѣжденъ развратомъ и негой покореннаго города, такъ что гораздо лучше было бы ему погибнуть отъ меча, нежели отъ своеволія.

ярмомъ слишкомъ 250 лѣтъ, отъ 1223 до 1473, области Задѣпровскія или, такъ называемую, Великую Русь, Литовцы завоевали Русь Бѣлую, Черную и Малую, Волынь и Подолію, а Поляки княжество Перемышльское, Белзское и Червоную Русь, т. е., королевство Галицкое. И въ послѣдующіе вѣки зависть злыхъ сосѣдей всячески старалась препятствовать просвѣщенію Руси. Трепеща предъ физической силой Росіи, они предпринимали всѣ способы для того, чтобъ она не превзошла ихъ и силой нравственной; въ 16 вѣкѣ Польша, Данія, Гамбургъ, Любекъ и Швеція заключили между собою тайный договоръ, цѣлію коего было скрывать отъ Росіи искуство книгопечатанія, искуство дѣлать оружіе и порохъ (Библіотека для чтенія, Том. 25. 1837. стр. 65).

Но и послѣ соединенія коронъ Польской и Литовской Русины не наслаждались сладкимъ покоемъ. Ихъ назначеніе было грудью заслонять Польшу и Европу отъ набѣговъ Татарскихъ. Исторія насчитываетъ нѣсколько десятковъ набѣговъ этихъ дикарей на страны Рускія, но только три раза, т. е., 1240, 1260 и 1287 год. вторглись эти варвары въ предѣлы собственной Польши и ограбили воеводства Сандомирское, Краковское и Мазовецкое (32). Думаю, этого довольно будетъ о Руси во-

(32) Королевство Галицкое было щитомъ Христіянства и прочей Европы отъ нападеній Татарскихъ.—*Карамзинъ* въ 4-мъ том. стр. 113 свѣдѣтельствуетъ объ этомъ въ слѣдующихъ словахъ: „Христіянскія державы

обще, а потому теперь я ограничусь только одной Червоной Русью, или королевствомъ Галицкимъ и Лодомиріей.

§ 5.

Изъ государей, властвовавшихъ въ Галиціи, я упомяну только о слѣдующихъ, отличавшихся особеннымъ могуществомъ и славой. Они суть:

I. *Андрей*, королевичъ Угорскій, сынъ Угорскаго короля Белы III, который, по данной ему Галичанами присягѣ въ 1185 году, взошелъ на престолъ Галицкій, и первый принялъ титулъ короля этой земли, и, слѣд., былъ первымъ Галицкимъ королемъ.

II. *Романъ Мстиславичь*, прежде князь Владимірскій, въ 1198 году занялъ княжество Галицкое, а въ 1202 году принудилъ князей Черниговскихъ признать себя Верховнымъ государемъ Предднѣпровской Руси, побѣдилъ Кіевскаго князя Рюрика и посадилъ на его мѣсто Ингваря, сдѣлавъ его своимъ данникомъ.—Онъ угощалъ у себя въ Галичѣ Греческаго имп. Ласкариса, и съ сильнымъ Рускимъ войскомъ, пришедши на помощь Грекамъ, побѣдилъ Половцевъ и Кумановъ, грабившихъ Фракію, и осво-

---

въ теченіе цѣлаго вѣка (отъ смерти короля Даніила) считали княжество Галицкое вѣрнымъ для себя оплотомъ съ опасной стороны Моголовъ.“ – Даже *Нарушевичь* признаетъ эту заслугу. Сказавъ о смерти послѣднихъ нашихъ Галицкихъ Рускихъ князей, онъ продолжаетъ „Пока они жили, то оплотомъ своихъ владѣній не позволяли проникать Татарамъ въ Польшу.“

бодилъ Греческую имперію; въ 1204 году опустошилъ часть земли Сандомирской, принадлежавшей Польшѣ, хотѣлъ возвратить землю Люблинскую, какъ принадлежность Руси, отвергъ предлагаемый папой Иннокентіемъ III королевскій вѣнецъ и палъ въ битвѣ противъ Поляковъ 1205 года подъ Завихостомъ. Это былъ государь мужественный и дѣятельный (33).

III. *Коломанъ*, Угорскій королевичъ, сынъ вышеупомянутаго Андрея, король Галицкій.—По просьбѣ и избранію народа Руско-Галицкаго, онъ принимаетъ королевство, которымъ владѣлъ уже отецъ его и которое присоединилъ къ своему титлу, вѣнчается на престолъ въ Галичѣ архіепископомъ Стригонскимъ, посломъ папы Иннокентія III, и обручается съ Саломеею, дочерью Лешка Бѣлаго, короля Польскаго. — Но вскорѣ, побѣжденный Поддѣпровскими Русинами, онъ теряетъ престолъ, принадлежавшій ему и по наслѣдству отъ отца, и по избранію Галицкаго народа, и хотя, по смерти Мстислава Мстиславича, получаетъ его вторично, однако опять принужденъ оставить его въ 1222 году.—Государь добрый, но несчастный.

---

(33) Когда папскій посолъ представлялъ ему, сколько блеску придало бы царствованію его соединеніе съ Римской церковью и благословеніе отъ святаго Отца, то онъ, схватившись за мечь свой, отвѣчалъ: „Доколѣ ношу его при бедрѣ, не буду имѣть нужды ни у кого заимствовать блеску.“ — (*Сходство и различіе между Церковію Восточною и Западною*, соч. Франца *Сарчинскаго*. 1831 год. стр. 92.)

IV. *Даніилъ Романовичъ*, т. е., сынъ этого славнаго, описаннаго уже нами Романа; онъ овладѣлъ не только княжествомъ Галицкимъ, но также Владимірскимъ и Кіевскимъ. Въ 1229 году, мстя за смерть друга своего, Лешка Бѣлаго, убитаго бунтовщиками, онъ, вмѣстѣ съ братомъ его, Конрадомъ, осаждалъ Калишъ, гдѣ скрылся одинъ изъ убійцъ, но смягченный просьбами осажденныхъ, даровалъ имъ выгодный миръ, обѣщаясь никогда не тревожить мирныхъ земледѣльцевъ Польскихъ, если только Поляки будутъ поступать подобнымъ же образомъ въ странахъ Рускихъ (34). Въ 1244 году взялъ Люблинъ (35), который, судя по ис-

(34) *Карамзинъ* III. стр. 267.

(35) Есть много доводовъ, что земля Люблинская, и, если не вся, то значительная часть Сандомирской, принадлежали Руси, т. е. Галицко-Владимірскому королевству, и были заселены Русинами. Въ самомъ дѣлѣ:

а) Уже Романъ Мстиславичъ старался возвратить отъ Польши эти, принадлежавшія ему, земли, а потому въ 1204 году велъ за нихъ кровопролитную войну, и если бы не палъ въ 1206 году въ битвѣ подъ Завихостомъ, то, конечно, воротилъ бы эти, оторванныя отъ своихъ владѣній, страны.

б) Идя по его слѣдамъ, достойный сынъ его, король Даніилъ Романовичъ, возвратилъ въ 1244 году, оружіемъ отъ Польши землю Люблинскую, остававшуюся подъ владычествомъ Рускимъ до 1301 год., а по *Энгелю* до 1302, слѣд. цѣлые 57 лѣтъ, и только по смерти Льва, князя Галицкаго, во время ослабленія Галиціи, она снова завоевана Поляками.

в) Около 1236 года, т. е., лѣтъ за восемь до той поры, когда эти Галицко-Владимірскія земли принадлежали еще Польшѣ, и Латинская вѣра распростра-

торическимъ слѣдамъ, составлялъ Руское наслѣдство, и, безъ сомнѣнія, Галицкое, или лучше Владимірское, иначе Лодомірское. Въ 1245 году онъ во-

---

нялась въ нихъ обращеніемъ нѣкоторыхъ туземцевъ и переселеніемъ Поляковъ изъ Краковской и Мазовецкой земель, владѣтель тогдашней Польши, князь Генрихъ, называемый Бородатымъ, рѣшился просить Апостольскій преспоръ объ учрежденіи Рускаго епископства, т. е, для Руси Надвислянской, живущей по обѣимъ сторонамъ Вислы, между Люблиномъ и Опатовымъ. Папа согласился на это желаніе, и *Готгардъ*, абатъ Цистерскій, именованъ былъ епископомъ, а правительство, даровавши этому Рускому епископству городъ и 16 деревень, утвердило столицу его въ Опатовѣ. (*Нарушевичъ* том. 4 стр. 187 383 и 388; *Броцкій*. Извѣстіе объ архіепископствѣ Львовскомъ Лат. обряда; Польск. Пчела 1830 год. том. 3. стр. 10). Но когда черезъ восемь лѣтъ, т. е., въ 1244 году, какъ сказано выше, значительная часть этой Руси, именно земля Люблинская, отошла къ Галицкому королевству, а епископъ Готгардъ умеръ, тогда Генрихъ даровалъ духовную власть надъ малымъ остаткомъ Русиновъ, живущихъ по лѣвому берегу Вислы, и Опатовъ, столицу епископства, епископу Любускому, который съ того времени сталъ называться Рускимъ епископомъ, и силился, впослѣдствіи, распространить власть свою и надъ Червоной Русью. Слѣд., при жизни Готгарда епископство это было дѣйствительное, а не „*in partibus*,“ потому что часть Сандомирскаго воеводства и, кромѣ того, Люблинское были настоящей Русью, и никто епископству „*in partibus* не даритъ города съ 16 деревнями.“

г) Никто, смотря на карту Галиціи и Польши, и имѣя здравый разсудокъ, не станетъ утверждать, что Руское епископство, столицею коего былъ Опатовъ, учреждено было для Червоной Руси, т. е., той, которая теперь составляетъ Львовскую и Перемышльскую епар-

оруженною рукою возвратилъ жезлу своему Рускія страны, покоренныя Литвою. Помазанный и вѣнчанный папскимъ посланникомъ въ Дрогичинѣ 1246 года,

---

хіи. — Цѣль учрежденія этого епископства, по словамъ упомянутыхъ историковъ, состояла въ томъ, „*чтобъ многочисленные христіане, распространившіеся на Руси, не одичали и не обратились къ идолопоклонству.*“ Уже ли епископъ, жившій въ Опатовѣ, такъ далеко отъ Червоной Руси, могъ предупредить эту опасность? — Ни мало! — Слѣдовательно, это епископство было основано ревностію св. Апостольской столицы и Польскаго Правительства къ вѣрѣ, посреди Руси, для Руси Надвислянской, тѣмъ болѣе, что царствовавшій тогда въ Галиціи и Лодомиріи мужественный король Даніилъ не допустилъ бы въ своихъ земляхъ расправы епископа, жившаго за границей, исповѣдовавшаго другую, и притомъ такую, вѣру, отъ которой самъ же онъ отказался. — Напослѣдокъ, король Польскій не дарилъ бы такъ щедро помѣстьевъ епископу „*in partibus*,“ чуждому Польшѣ.

е) „Уже въ то время на Руси христіанство было многочисленно (т. е. Лат. обряда); Латинцы умножались на Руси; многіе изъ Латинцевъ Польскихъ искали тамъ пристанища; крестьяне убѣгали, желая лучше жить съ Русинами, и т. д.,“ говоритъ ученый прелатъ *Нарушевичъ* Том. IV, стр. 385, изд. Мост.; но все это не можетъ относиться къ Червоной Руси. Потому что съ того времени прошло уже болѣе 600 лѣтъ, а все, не смотря на мисіонеровъ, кои въ позднѣйшее время были гораздо ревностнѣе въ обращеніи Русиновъ, и кои особенно, съ правленія Вазовъ до самаго возвращенія Галиціи употребляли различныя средства (о которыхъ говорено было въ § 3.), и не безъ успѣха, все таки число исповѣдующихъ Латинскую вѣру увеличилось здѣсь не такъ сильно, какъ разсказываютъ о томъ тогдашніе историки. Даже теперь въ Латинской Львовской архіепископіи, на пространствѣ около 800 квадр. миль, не взирая на множество

онъ принялъ королевскій титулъ, и назвался »*Rex Russiae, Galiciae, princeps Kiowiae.*« Не смотря на то, все - таки, не хотѣлъ ничего знать о соединеніи съ

Уніятовъ, перешедшихъ къ Латинской вѣрѣ, и поселеніе, въ нынѣшнее кроткое правленіе, многихъ иноземцевъ Латинскаго исповѣданія, епархія эта въ 10 округахъ, въ общемъ народонаселеніи, простирающемся до 2,156,406, насчитываетъ только 356,839 душъ. (*)

е) Къ этой-то Надвислянской Руси относится письмо Владислава Локѣтка, писанное къ папѣ Іоанну XII, у котораго онъ проситъ помощи противъ Русиновъ: „*Terram Ruthenorum nostris contiguam metis, de qua annua tributa consueverant Papae percipere* (Reynald. Annal. Eccles.)." Потому что только эта Руская земли, находясь нѣкоторое время подъ властію Польши, могли платить Святой столицѣ дань, называемую *Святымъ Петромъ* (Swiętopietrzem), а Червоную Русь, въ правленіе Романа Даніила и Льва, трудно было бы склонить къ этому.

ж) До 17 вѣка существовало доказательство, что эта земли были Русскими: это — Руская церковь въ Люблинѣ, которая около 1620 была отнята насильно и обращена въ Латинскій костелъ, но во время Руско-Козацкой войны, 1654 года опять возвращена назадъ (*Grondzki* Samuelis Historia belli Cosacco-Polonici pag. 236.). Церковь эту въ 1659 году Львовское Ставропигіяльное братство надѣлило нужными богослужебными книгами (Хроника ставропигіяльн. общества том. II. стр. 13.).

з) Кромѣ упомянутыхъ заключеній и доводовъ, есть еще одно неопровержимое доказательство, именно свѣдѣтельство историка *Богуфала*, приводимое *Нарушевичемъ* на стр. 58. том. III. издан. Мостовскаго, въ коемъ говорится объ этомъ Рускомъ епископствѣ такъ: „*Henricus monasterium Opatoviense, cuius monasterii Abbas et Ruthenorum Episcopus pro Catholicis ibi* (т. е. около Опа-

(*) Это вычисленіе взято изъ статистической таблицы на 1836 годъ. Округи эта суть Жовковскій, Львовскій, Березанскій, Золочовскій, Тернопольскій, Чортковскій, Коломійскій, Черновицкій, Станиславовскій и Стрыйскій.

Римомъ, т. е. объ Уніи (Франца *Сярпинскаго* Сходство и различіе, стр. 93). Въ 1253 году онъ женилъ сына своего, Романа, на Гертрудѣ, княжнѣ Австрійской.

това и, слѣд.., не въ Червоной Руси) *degentibus de novo fuerat erectus, ad ecclesiam Lubucensem transtulit*," и проч. Теперь рождается вопросъ, какъ далеко простиралась эта Надвислянская Русь, принадлежавшая Владимірскому княжеству или Лодомиріи? Держались ли эти Русины Латинскаго, или Славянскаго обряда? Что касается перваго вопроса, то Русь эта простиралась до границъ Прусскихъ, и обнимала собой все, что составляетъ теперь въ Польшѣ воеводства Сандомирское, Люблинское, Подлясское и Августовское; потому что и теперь еще находятся тутъ Русины, для коихъ Прусское правительство учредило было Руское Супрасльское епископство, а по близости къ Галиціи существуетъ по сю пору Руское Холмское епископство съ 200 приходовъ. По крайней мѣрѣ, никто не отвергнетъ той истины, что гдѣ находился или находилась церковь съ Рускими обрядами и Рускимъ языкомъ, тотъ край долженъ быть Рускимъ. Что касается втораго вопроса, то, хотя еще въ 1491 году Церковныя Руско-Славянскія книги печатались въ Краковѣ, однако, кажется, Русины, жившіе тогда около Опатова, приняли уже большею частію и исповѣдывали Латинскую вѣру, что достаточно подтверждаютъ слова „*pro Catholicis ibi degentibus.*"—Слѣд., жители этой околицы—Русины; но такъ какъ они стали исповѣдывать Латинскую вѣру, то потому впослѣдствіи приняли и нарѣчіе Польское. Если бы кто хотѣлъ заняться изслѣдованіемъ этого предмета въ упомянутыхъ околицахъ, тотъ открылъ бы важные выводы для исторіи. (*).

(*) Здѣсь я принужденнымъ нахожусь сослаться на судъ просвѣщенной публики, приговору которой готовъ покориться въ слѣдующемъ дѣлѣ. Нынѣшнее небольшое сочиненіе мое уже напечатано было въ 1837 году во Львовѣ. Такъ какъ это сочиненіе должно было служить введеніемъ къ Исторіи Галиціи, а исторія эта еще находится въ цензурѣ, то оно и не поступило въ книжную торговлю; не смотря, однакоже, на это, я, исполнил желаніе ученаго *Мацѣевскаго*, къ которому питаю глубокое уваженіе, прислалъ его ему въ Варшаву. Ученый Мацѣёвскій отвергъ

Въ 1255 году потерпѣлъ пораженіе отъ Литовцевъ, проникшихъ до Люблина и сжегшихъ этотъ Рускій городъ. Поводомъ къ этой войнѣ

и) Что эти Рускіе Надвисляпскіе края, и особенно княжество или королевство Владимірское, простирались до границъ Прускихъ, свидѣтельствуетъ и то обстоятельство, что Св. Бруно, призванный проповѣдывать Хр. вѣру и посвященный въ санъ Рускаго и Прускаго

толкованіе мое Богуфала, помѣщенное здѣсь подъ буквою з), и даетъ словамъ этого писателя значеніе, совершенно противоположное моему. Слова „pro *Catholicis ibi degentibus*“ я отнесъ къ околицѣ Опатова и прибавилъ: „т. е, тамъ, около Опатова и, слѣд., не въ Червоной Руси,“ а А. В. Мацѣёвскій въ I томѣ своихъ Памятниковъ, изданныхъ въ Варшавѣ 1839 года, на стр. 110., утверждаетъ, что это относится къ Католикамъ, жившимъ у насъ на Руси, и потому прибавилъ: „(т. е. тамъ на Руси, а не около Опатова).“— Не почитая себя безошибочнымъ, я спрашивалъ мнѣнія здѣшнихъ этимологовъ и людей, свѣдущихъ въ исторіи, и они согласились со мною; но такъ какъ это могло случиться по сходству со мнѣ, то пусть же теперь рѣшитъ просвѣщенная публика. Что у насъ въ Червоной Руси въ началѣ 13 вѣка Католиковъ, т. е, исповѣдующихъ Латин. вѣру, было весьма мало, или совсѣмъ не было, я доказалъ уже тѣмъ, что ихъ и теперь, по прошествіи 600 лѣтъ, находится весьма незначительное количество, не смотря на всѣ усилія умножить число ихъ. Чтобъ еще лучше объяснить, когда у насъ на Руси (Червоной) начали распространяться Латинскій обрядъ, я привожу, здѣсь, въ Прибавленіяхъ подъ буквою k, списокъ всѣмъ древнѣйшимъ Латинскимъ костёламъ, находящимся въ нашемъ краю; въ немъ показанъ годъ основанія и основатель костёла. Списокъ этотъ, подлинный и офиціяльный, находится въ архивѣ главной Львовской Капитулы. Изъ него оказывается, что древнѣйшій Латинскій костёлъ основанъ былъ въ Глинянахъ въ 1397 году, и, слѣд., въ царствованіе Ягела; другія же—гораздо позже, какъ на пр. въ Куликовѣ 1399, въ Бучачѣ 1401 года, и т. д. А гдѣ не было костёловъ, тамъ не могло быть и епископства, ибо надъ кѣмъ надзирать епископу? Слѣд., ежели въ столь обширной Львовской архіепископіи не было до 1397 года, въ коемъ основанъ первый приходскій костёлъ въ Глинянахъ, ни послѣдователей Латин. вѣры, ни костёловъ, то какъ же могли они быть въ 1236 году, почти двумя вѣками ранѣе? Древнѣйшимъ костёломъ въ Руской Галиціи, кромѣ этихъ двухъ приходскихъ (парафіяльныхъ), считается костёлъ Божіей Матери (Панны Маріи) во Львовѣ. Я имѣю предъ глазами подлинный документъ 1353 год., въ которомъ костелъ этотъ названъ поименно. Упомянутый документъ хранится

была отдача папой Литовскому королю, Миндовгу, Рускихъ земель, за то, что Даніилъ не признавалъ власти его надъ собою; а послѣ, когда

архіепископа, обращая въ Прусіи невѣрныхъ къ Христу, принялъ мученическій вѣнецъ на границѣ между Прусіей и Русью „*in Confiniis Russiae*," какъ свидѣтельствуетъ *Дитмаръ и Кведлинбургская* современная *лѣтопись*. Ибо никто, зная исторію и географію, не допуститъ того, чтобы Прусія могла простираться до рѣки Вислока или границы нынѣшней Червоной Руси.

въ архивѣ города Львова, связка 142. ч 1. По всему вѣроятно, что костёлъ этотъ основанъ еще при Львѣ Нѣмцами или для Нѣмцевъ, поселенныхъ имъ тамъ. Изъ монастырей—самый древнѣйшій Францискапскій монастырь Святаго Креста; Доминиканцы же явились гораздо позже. И такъ, кажется, я доказалъ, что на Червоной Руси, выключая позднѣйшихъ Нѣмецкихъ поселенцевъ въ большихъ городахъ, не было послѣдователей Латинской вѣры, и, слѣд, не было священниковъ, и не могло быть епископовъ: напротивъ, между Бугомъ и Вислой или, можетъ быть даже за Вислой, въ прежнихъ, Сандомирскомъ и Люблинскомъ, воеводствахъ, жили Русины, и слѣд., исповѣдающіе Гр. вѣру, которыхъ я назвалъ Русинами Надвислянскими. Къ доказательствамъ, приведеннымъ мною касательно этого втораго обстоятельства, не худо присоединить еще два слѣдующія: во 1-хъ когда Русины и Литовцы (какъ увидимъ ниже въ § 14-мъ, подъ 1351 год.), желая напасть на Польскія страны, пришли къ берегамъ Вислы, тогда мѣлкое дворянство, жившее на правой сторонѣ Вислы, стараясь облегчить единоплеменникамъ и единовѣрцамъ своимъ, Русинамъ, переправу на лѣвый берегъ, показало имъ броды. Эта переправа не удалась; Руско-Литовское войско отступило, а Казимиръ наказалъ мѣлкое дворянство отнятіемъ у него имѣнія и чести. Слѣд, это не были Поляки Латин. вѣры, ибо что могло бы заставить ихъ облегчать переправу иноплеменному и иновѣрному народу, и при томъ для того, чтобъ онъ могъ истреблять ихъ единоземцевъ? Во 2-хъ Казимиръ Ягело (тоже увидимъ въ § 32 подъ 1436 годомъ,), В. князь Литовскій, избранный въ Польскіе короли, прежде нежели принялъ корону, отдѣлилъ отъ Польши край, Ломазы и Полубицы, лежащія между Вислой и Бугомъ и находившіяся до того времени подъ Польскимъ владычествомъ, чего, конечно, не сдѣлалъ бы, если бъ жители этого края были Поляки Латинской вѣры. И такъ, если еще въ 1351 и 1446 годахъ, и въ Люблинѣ въ 1654 г., жили Русины, въ краѣ, между Бугомъ и Вислой, впослѣдствіи ополячившіеся, то почему жъ, въ

и Миндовгъ оставилъ Христіянство, то папа Урбанъ IV отдалъ и Русиновъ и Литовцевъ Отокару, королю Чешскому (*Длуг.* стр. 753. *Наруш.*,

---

i) Посмотримъ еще, какое сообщитъ намъ въ этомъ отношеніи свѣдѣніе славный Рускій дѣятель, *Карамзинъ*. Въ 1141 году Всеволодъ, В. князь Кіевскій,—говоритъ онъ,—даетъ своимъ шурьямъ, Святополку и Владиміру Мстиславичамъ, городъ Брестъ (послѣ названный Литовскимъ, хотя въ то время былъ еще Рускимъ), и землю, къ нему принадлежавшую (Том II. стр. 195.).—Въ 1142 году тотъ же В. князь даетъ родственникамъ своимъ, Давидовичамъ, Брестъ, Дрогичинъ и Брянскъ (Том. II. стр. 197). Впослѣдствіи Лешекъ, герцогъ Польскій, завладѣлъ частію западной Россіи, занявши Брестъ со многими городами, въ окрестностяхъ Буга. Даніилъ жаловался на хитрость герцога и съ собственною дружиною отнялъ у Ляховъ всѣ области Россійскія (Том. III. стр. 179.). — Даніилъ, король Галицкій, основываетъ городъ Холмъ, бывшій впослѣдствіи любимымъ его мѣстопребываніемъ (Том. IV. примѣчаніе стр. 9), живетъ въ Владавѣ (Оводавѣ стр. 10), гдѣ посѣщаетъ его сынъ, Левъ, возвращающійся изъ Угріи. — Въ 1254 году Даніилъ вѣнчается въ Дрогичинѣ и принимаетъ титло Руско-Галицкаго короля

1236 году не могло ихъ быть за Вислой, около Опатова? Пока Славянинъ, обитавшій въ краяхъ, лежащихъ между Польшей и Русью, исповѣдывалъ Греч. вѣру, до тѣхъ поръ онъ самъ назывался и другіе называли его Русиномъ; а какъ скоро принималъ онъ Римское исповѣданіе, то становился, назывался и другіе называли его Полякомъ. Вся прежняя Хорватія, названная впослѣдствіи Малой Польшей, исповѣдывала Гр. вѣру, и, слѣд., была Русью, потому что богослуженіе совершалось въ ней не на Польскомъ, а на Старорускомъ, нарѣчіи, долженствовавшемъ быть понятнымъ для народа. Въ противномъ случаѣ—оно не укоренилось бы такъ сильно, что въ 984 году Св. Войтѣхъ публично проповѣдывалъ и всячески старался, хотя и безуспѣшно, изгнать Славянское богослуженіе и ввести Латинское. „*Er hat dem Volke gepradigt und insbesondere auf die Einführung des latheinischen Ritus und Verdrengung des slavischen hingearbeitet*," пишетъ ученый *Палацкій* въ I-й части Чешской исторіи, изд. въ 1836 году. стр. 236 *(Приписка 1839.)*.

Том. V. стр. 80). Далѣе, онъ помогалъ Белѣ, королю Угорскому, противъ Чешскаго короля Опокара.— Въ 1262 году отправилъ сына своего, Сварна, съ Литовцами воевать Мазовію, 1263 год. княжество Ловицкое, 1265 землю Сандомірскую, а въ

(Том. IV. стр. 53, и *Нарушевичъ* Том. IV. стр. 238) — Въ 1260 году Бурундай, предводитель Татаръ, воюетъ земли Даніила, разоряетъ Владиміръ, Львовъ, Люблинъ Рускій, и, переправившись черезъ Вислу, проникаетъ въ Польшу до самаго Завихоста. (Том. IV. примѣч. стр. 54). Въ 1269 году Владимірскій князь Василько, женилъ сына своего Ивана Владиміра на Ольгѣ, дочери Романа, удѣльнаго Руско-Брянскаго князя. (Томъ IV. стр. 116). И такъ, ясно оказывается, что города, лежащіе по обѣимъ сторонамъ Буга, какъ-то: Брянскъ, Бѣльскъ, Дрогичинъ, Влодава, Брестъ, Люблинъ и Холмъ, были Рускими владѣніями, принадлежащими къ Лодоміріи, что Русь граничила съ Прусіей, и что объ этихъ-то земляхъ сказано „*in Confiniis Russiae.*“ Провесть пограничную черту между нѣмъ и другимъ государствомъ съ тою отчетливостію, съ какого ее проводятъ теперь, совершенно не возможно, потому что въ древнихъ лѣтописяхъ упоминаются только однѣ главнѣйшіе города. — Между Литвою и Руской Лодоміріей граница была съ Руской стороны между Новгородкомъ и Минскомъ, а съ Литовской — между Вильной; ибо по договору, заключенному въ 1259 году Миндовгомъ, княземъ Литовскимъ, съ Даніиломъ, королемъ Галицкимъ и Лодомірскимъ, Литва возвратила королевичу Роману, сыну Даніила, Новгородокъ, Слонимъ и Волковискъ (*Карамзинъ* Том. IV. стр. 82.). *Нарушевичъ* (въ Том. V. стр. 67.) свѣдѣтельствуетъ, что это были именно земли Рускія, только захваченныя Литвою. — Но самое точное опредѣленіе этихъ границъ можетъ дать намъ Рускій языкъ тамошнихъ крестьянъ и обряды Греческой Церкви.

слѣдующемъ, 1266, году скончался. (*Engel* hallische Auflage стр. 574).

V. *Левъ*, сынъ Даніила, нарушилъ 1267 год. священное Славянамъ право гостепріимства, изрубивши на пиру Литовскаго князя, Войшелга, приглашеннаго во Владиміръ. — Въ 1280 год. воевалъ съ Польскимъ княземъ, Лешкомъ Чернымъ, за обладаніе землей Люблинской, и опустошалъ Люблинское и Сандомирское воеводства; Поляки въ свою очередь грабили Галицію и просперли свои набѣги даже до Львова. — Въ 1301 году утратилъ Люблинъ, осажденый Поляками и принужденный голодомъ сдаться. При этомъ государѣ, кажется, Руско-Галицкое королевство наслаждалось нѣкотораго рода покоемъ, потому что, исключивъ раздоръ съ Поляками 1280 и 1301 год., ни Польскіе, ни иностранные, лѣтописцы не упоминаютъ ни о какихъ важныхъ войнахъ въ Галиціи. — Но шуземные памятники, какъ увидимъ ниже, были уничтожены (36).

---

(36) Левъ умеръ въ 1301 или 1302 году, въ монастырѣ Св. Спаса Самборскаго округа, откуда тѣло его перенесено было въ монастырь Лаврскій. — Когда въ 1767 году всѣ деревянныя строенія этого монастыря сгорѣли, а осталась только одна часовня, въ которой находились задѣланные въ каменной стѣнѣ гробы князей, то *Поликарпъ Волынскій*, бывшій тогда игуменомъ, пригласивши настоятелей другихъ ближайшихъ монастырей, приказалъ открыть эту подземную могилу, и въ ней нашелъ двѣ гробницы, обитыя толстыми серебряными бляхами и украшенныя искусной рѣзьбой, и другія дорогія орудія, изъ коихъ на одной изъ нихъ вырѣзано было имя

VI. *Юрій* или *Георгій*, сынъ Льва, наслѣдовалъ не только государство отца своего, т. е., Галицію, но также и Лодомирію, доставшуюся ему по смерти дяди, Мстиславa Даніиловича. Онъ былъ государь сильный, и потому употреблялъ титулъ »*Rex Russiae, Princeps Lodomeriae*;« вступилъ на пре-

---

Льва.—Чтобы кто нибудь не пожелалъ присвоить себѣ открытыхъ сокровищъ, происшествіе это было утаено, а серебро перетоплено и обращено на обновленіе монастыря и церкви. И теперь еще нѣкоторые изъ монаховъ св. Василія разсказываютъ объ одномъ изъ очевидцевъ этого происшествія.—*Зиморовичъ* утверждаетъ, что этотъ князь заложилъ Львовъ, (Изд. Польск. 1835. стр. 68 и 79), но это не справедливо: Львовъ существовалъ уже въ 1259 год. а въ 1261 год. укрѣпленія его и другихъ городовъ короля Даніила долженствовали быть, по требованію Татаръ, срыты (Волынская лѣтопись, писанная современникомъ, и приводимая Карамзинымъ въ том. IV стр. 52 и 53 въ примѣчаніяхъ). Этотъ городъ назывался просто Львовъ, а не Львигородъ, какъ пишетъ Зиморовичъ (стр. 77). Равно ошибается Зиморовичъ (стр. 68), и въ томъ, будто бы князь Левъ основалъ Львовъ на самой границѣ своего государства, ибо самъ же онъ разсказываетъ ниже (стр. 79), что Левъ, не надѣясь на крѣпости Кіевскую и Галицкую, перенесъ сокровища свои въ Львовъ; а потому, если онъ владѣлъ Кіевомъ и Галичемъ, то границы владѣній его были не около Львова. Зиморовичъ писалъ спустя 340 лѣтъ послѣ завоеванія Галиціи Казимиромъ, и почти 380 послѣ смерти Льва, черпалъ только изъ Кромера, Окольскаго и Прущы, слѣд., за исключеніемъ происшествій, современныхъ или близкихъ къ нему, свѣдѣніельство его—весьма сомнительно, что впослѣдствіи еще болѣе объяснится. Уже *Целярій* въ Nova descriptione regni Poloniae. Amstelodami 1659 (и слѣд. прежде Зиморовича), стр. 317, отвергаетъ построеніе этого города Львомъ, утверждая, что онъ только его возобновилъ и укрѣпилъ

столъ въ 1301 или 1302 году и недолго царствовалъ; ибо подъ 1316 год. въ Королевецкомъ (Кёнигсбергскомъ) архивѣ находится письмо сыновей его, Андрея и Льва, къ Великому магистру Нѣмецкаго ордена, и оба они скончались около 1334 года; имъ наслѣдовалъ Юрій, отъ коего также четыре письма къ нѣмъ же магистрамъ, и два 1334 и 1335 год., находятся въ подлинникѣ въ Королевцѣ. — Этотъ послѣдній употреблялъ титулъ „*Dux totius Russiae minoris*“. — На печатяхъ, при этѣхъ письмахъ, съ одной стороны изображенъ государь на престолѣ съ жезломъ въ рукахъ, а съ другой *погоня*, т. е., вооруженный всадникъ со щитомъ и знаменемъ, или же, быть можетъ, съ копьемъ (37).

Хотя исторія Галиціи, отъ смерти Льва 1301 или 1302 год. до покоренія этого края Казиміромъ 1340 года, въ продолженіе 40 лѣтъ, по сю пору не объяснена, какъ слѣдуетъ, однако то не подлежитъ ни какому сомнѣнію, что до самаго 1337 год. властвовали въ ней князья и короли, потомки Льва, и, слѣд., *Нарушевичъ* ошибается въ T. V (стр. 520), равно какъ *Энгель*, *Гоппе* и другіе, послѣдовавшіе ему, будто бы въ 1327 год. Болеславъ Мазовецкій, Тройденовъ сынъ, господствовалъ въ Галиціи, когда какъ, согласно съ сказаннымъ выше, еще въ 1337 году былъ Ирій или Юрій „*Dux totius Russiae minoris*“. Если этотъ Болеславъ правилъ Галиціей, то

(37) *Карамзинъ* въ примѣчаніяхъ том. IV подлин., изд. 2-ое, стр. 132, 164 и 167.

весьма короткое время между 1337 и 1340 год., потому что Русины избавились отъ него, какъ незаконнаго властителя, отправивъ его ядомъ. — Я говорю *незаконнаго*, ибо право наслѣдства, по пресѣченіи линіи Льва, приходилось или побочной линіи князей Рускихъ, еще многочисленныхъ потомковъ Рюрика, или потомкамъ Коломана, королямъ Угорскимъ, выбраннымъ на престолъ волею народа, но никогда наслѣдство престола на Руси не переходило по кудели къ женскому полу, т. е., къ дѣтямъ дочери Льва, бывшей замужемъ за Мазовецкимъ княземъ. Письмо папы Іоана къ Локѣтку (*Нарушевичъ* Том. II. стр. 520)., въ которомъ въ 1337 году называетъ онъ Болеслава »*Dux Russiae*« показываетъ только, что Болеславъ имѣлъ какое-то небольшое Руское княжество, сосѣднее съ Мазовіею, вѣроятнѣе всего между Бугомъ и Наревомъ, въ окрестностяхъ Дрогичина, Бряска, Бѣльска и Бѣлостока.

§ 6.

Я не могу, съ надлежащей точностію, опредѣлить, каково было въ этомъ періодѣ состояніе церковной Іерархіи въ Червоной или Галицкой Руси, а потому приведу только слѣдующія обстоятельства, основанныя на исторіи, подлинныхъ бумагахъ и предположеніяхъ.

а) Въ этой землѣ тотчасъ по введеніи и утвержденіи господствующей христіянской вѣры, учреждены были епископства Перемышльское и Галицкое, и, слѣд., безъ всякаго сомнѣнія, ведутъ

онѣ начало свое съ этого времени (38). Но сомнительно, чтобы эти епископства были основаны только въ 1037 году Ярославомъ Великимъ, какъ утверждаетъ сочинитель Схематизма, потому что невѣроятно, чтобы Ярославъ В., которому въ удѣлъ достался Ростовъ, а послѣ Великій Новгородъ, могъ княжить въ странѣ, столь отдаленной отъ своихъ владѣній, какова Червоная Русь.— Знаемъ, что этотъ самый Ярославъ былъ впослѣдствіи В. княземъ Кіевскимъ, но, не смотря на то, все же невѣроятно, чтобы Галичъ съ Перемышлемъ принадлежали къ Кіевскому удѣлу; напротивъ, они, по землеписному своему положенію, должны были относиться къ удѣлу Волынско-Владимірскому. —

б) Уже въ нѣкоторыхъ спискахъ Несторовой лѣтописи, именно Полиникковскомъ и Софійскомъ, названныхъ такъ Шлёцеромъ, поставлены, въ числѣ Русскихъ епископствъ, Галицкое, Перемышльское и Самборское (39). А Несторъ, какъ извѣстно, лѣтопись свою писалъ около 1100 года.

в) Творецъ небольшаго сочиненія *»Картина Россіи,«* том. II., утверждаетъ, что епархіи: Новгородская, Ростовская, Владимірская на Волыни,

---

(38) *Schematismus cleri Dioeceseos Greco-Catholicae Premisliensis pro Anno Domini* 1830.

(39) *Schlötzers* russische Annalen in slavischer Grundsprache. Гёттингенъ 1802. част. 3. стр. 104.

Бѣлгородская и Черниговская, были учреждены въ 992 году. Можетъ ли же статься, чтобъ столь обширная страна, какъ Червоная Русь, оставалась безъ верховнаго духовнаго пастыря?

г) Въ каждомъ городѣ, бывшемъ мѣстопребываніемъ князя, было и епископство; этого требовало достоинство князя, и, слѣд., оно долженствовало быть и въ Белзѣ (40). А въ столичномъ городѣ верховнаго Удѣльнаго князя, какими были В. князья Кіевскіе, Владимірскіе на Клязьмѣ и Московскіе, какъ въ главномъ городѣ, духовные пастыри носили санъ Митрополитовъ.

д) Не подлежитъ сомнѣнію, что Галицкая митрополія въ позднѣйшія времена, т. е., въ княженіе Романа Мстиславича, владѣвшаго обширными странами, и пріобрѣвшаго такую славу, что папы предлагали ему вѣнецъ, а и того вѣроятнѣе въ княженіе Даніила, даже, можетъ быть, сына его Льва, возвысилась изъ бывшаго дотолѣ епископства на степень митрополіи. Галичь былъ главнымъ столичнымъ городомъ его и слѣдующихъ за нимъ королей; а потому знаменитый государь не могъ допустить, чтобы духовенство земель его зависѣло отъ митрополита чуждаго (41).

---

(40) Холмскіе епископы именовались вмѣстѣ и Белзскими.

(41) Въ пользу существованія Галицкихъ митрополитовъ говорятъ слѣдующія доказательства: а) Грамоты или привилегіи, дарованныя въ 1292, 1301 и 1302 год.

е) О Самборскомъ епископствѣ также упоминается въ спискахъ Нестора, о которыхъ я сказалъ выше подъ буквою б) этого же §. Но прудъ-

---

Леопомъ или Львомъ епископству Перемышльскому, капитулѣ Львовской и церкви Св. Николая въ Львовѣ, помѣщенныя въ Прибавленіяхъ подъ буквами Б, В, Г и Д, изъ коихъ можно видѣть, что при выдачѣ ихъ существовалъ уже митрополитъ Галицкій.—б) Куропалатъ прямо упоминаетъ о Галицкой митрополіи въ книгѣ „*De officiis Constantinopolitanae ecclesiae*" (*Несцкій* том. I. стр. 91.).—в) *Ходыкевичъ*, хотя въ другихъ отношеніяхъ свѣдѣніе самый недостовѣрный, въ сочиненіи своемъ „*Dissertationes historico-criticae de utroque Archiepiscopatu Mitropolitano kiiovensi et halicensi*., *anno* 1770, доказываетъ, что митрополитами въ Галичѣ, отдѣльными отъ Кіевскаго, были до 1296 год. Іосифъ, а съ 1296 до 1306 год. Григорій.—г) Подтвержденіемъ этихъ доказательствъ служитъ и то обстоятельство, что въ древности Кіевскіе митрополиты назывались только митрополитами Кіевскими и всей Руси, а впослѣдствіи, когда митрополія Галицкая возникла, и потомъ пала, верховная же духовная власть надъ всею Русью снова перешла къ Кіевскимъ митрополитамъ, тогда они, къ прежнему титлу своему, присоединили новый, и начали, съ того времени, именоваться митрополитами Кіевскими, Галицкими и всея Россіи, что свѣдѣтельствуетъ подлинникъ буллы подъ буквою А. Разумѣется, этого бы не было, если бъ Галицкое епископство не пользовалось, еще прежде, достоинствомъ митрополіи. — д) Уже въ 1250 году Даніилъ, король Галицкій, и, братъ его, Василько, избрали въ Кіевскіе митрополиты Кирилла, и представили его Цареградскому патріарху для рукоположенія (*Карамз.* IV. стр. 39.); онъ погребенъ не въ Кіевѣ, но во Владимірѣ на Клязьмѣ. — Преемникъ Кирилловъ, Максимъ, по причинѣ опустошенія Кіева и насильства Монголовъ, не имѣлъ, подобно своему предшественнику, постояннаго мѣстопребыванія. Въ 1285 и 1300 год. былъ онъ въ Новгородѣ, а въ 1299 году,

но отгадать, когда, и по какому поводу, оно основано. Самборъ находится такъ близко отъ Перемышля и Галича, что ни коимъ образомъ не могло

переведши Владимірскаго епископа, Симеона, въ Ростовъ, основалъ свою столицу во Владимірѣ (на Клязьмѣ), и навсегда оставилъ Кіевъ (*Карамзинъ* том. IV стр. 152, 166, 170, 190 изложенія, и стр. 120, 128, 133, 136 примѣчаній). Королямъ Галиціи, какъ знаменитѣйшимъ на Руси государямъ, не нравилось, что глава Рускаго духовенства жилъ во Владимірѣ, слишкомъ за двѣ тысячи верстъ отъ ихъ столицы, и, вѣрно они, имѣя перевѣсъ у Цареградскихъ патріярховъ, старались объ учрежденіи собственныхъ митрополитовъ. — е) О перевѣсѣ ихъ, какъ сильнѣйшихъ, въ Царѣградѣ, свѣдѣтельствуетъ, между прочимъ, и то обстоятельство, что, по желанію Галицкаго князя, безъ сомнѣнія Юрія, Львова сына, патріархъ Аѳанасій въ 1307 году посвятилъ въ преемники Максима Петра, не смотря уже на принятіе Геронтіемъ митрополитскаго достоинства (*Карамзинъ* томъ IV стр. 190.). д) Ученый Карамзинъ опровергаетъ существованіе въ то время Галицкихъ митрополитовъ, между тѣмъ самъ, въ IV том., стр. 149., въ примѣчаніяхъ, приводитъ слѣдующій отрывокъ изъ Степенной книги: „Князь же Волынскія земли совѣщаетъ совѣтъ не благъ: восхотѣ Галичскую Епископію въ митрополію претворити.“ Наконецъ ж) сдѣсь должно привести и то, что Кіевскій митрополитъ, Макарій, въ грамотѣ, данной въ 1539 год., Ноября 16., Макарію Тучапскому, первому Галицкому Львовскому епископу, сознается, что митрополичье Галицкое архіепископство было опущено въ продолженіе многихъ лѣтъ, слѣд., этимъ подтверждаетъ, что оно нѣкогда существовало (*Ходыкевичъ* Dissertatio). Время и будущія изысканія еще яснѣе покажутъ истину.—Что бы ни было, Галицкая митрополія существовала не долго, и упала еще до присоединенія Галиціи къ Польшѣ, по тому, что въ письмѣ князя Юрія III., повелителя всей Малой Руси, писанномъ

существовать отдѣльной Самборской епархіи. Можно только предполагать, что въ 1069 году, когда Перемышль взятъ былъ Поляками при Болеславѣ

въ 1334 год. къ Брауншвейгскому князю Людеру, какъ В. магистру Нѣмецкаго ордена, и находящемся въ Королевицкомъ архивѣ (объ немъ упомянуто было въ § 5. сн. VI), говорится уже не о митрополитѣ, а о Галицкомъ епископѣ Хоторѣ (Феодорѣ), какъ современномъ (*Карамзинъ* IV. въ примѣчаніяхъ, стр. 167.).— Здѣсь я долженъ припомнить, что Владимірскій митрополитъ Петръ, о которомъ выше говорено, былъ родомъ Галичанинъ, и еще будучи монахомъ, заложилъ монастырь на рѣкѣ Ратѣ, т. е., въ Верхратѣ, въ Ковковскомъ округѣ, существовавшій до самаго возвращенія Галиціи. Города и селенія, лежащіе при истокѣ какой-либо рѣки, обыкновенно на Руси называются именемъ той же рѣки, съ прибавленіемъ слова „*Верхъ*“; такъ Верхратна, Верхобужъ, Верхотурье, Верхуральскъ, Верхоленскъ, и т. д. (*Карамзинъ*, IV. стр. 149 примѣчаній.) Въ то время были и другіе, знаменитые, монастыри въ Галиціи, которыхъ теперь и слѣдовъ нѣтъ, на пр. въ Синеводскѣ, или, какъ теперь пишутъ, въ Сыноуцкѣ, Спрыйскаго округа. Въ 1240 год. этотъ монастырь былъ посѣщенъ королемъ Даніиломъ, возвращавшимся изъ Угріи; переночевавши въ немъ, онъ, на другой день, получилъ извѣстіе, что Монголы взяли уже столицу его, Галичъ, а потому снова возвратился въ Угрію, и, черезъ Бардіевъ и Сандомиръ, прибылъ во Владиміръ (*Карамзинъ* IV. стр. 9 примѣчаній.) (*).

(*) Къ доказательствамъ о существованіи Галицкой митрополіи, я прибавляю еще одно, вычитанное въ книгѣ, подъ названіемъ „*Описаніе Кіево Софійскаго Собора и Кіевской Іерархіи.* Кіевъ 1825 год., Прибавленіе. стр. 38 и 39.“ Это — запись или обязательство Іоанна, епископа Луцкаго, данное Польскому королю Ягелу 1398 год., по которому онъ обязывается дать королю при отца Русскихъ гривенъ и пятьдесятъ коней, если будетъ Галицкимъ митрополитомъ. Слѣд., нѣтъ сомнѣнія, что Галицкая митрополія существовала, если Польскій король торговался объ ней съ епископами. Эту запись я помѣщаю въ Прибавленіяхъ, между подлинными бумагами, подъ буквою К (Приписка въ 1839 году).

Смѣломъ, тамошній епископъ перенесъ столицу свою далѣе на Русь, т. е., въ Самборъ, а послѣ, возвратившись опять въ Перемышль, присоединилъ къ прежнему своему титулу „и Самборскій.“— Епископства Львовское и Саноцкое возникли только въ позднѣйшія времена, какъ сказано будетъ ниже.

§ 7.

Духъ благочестія, оживлявшій Русскихъ государей, руководилъ ихъ въ щедромъ надѣленіи епископствъ, капитулъ, монастырей и другихъ святыхъ мѣстъ, богатыми имѣніями и доходами.— Впослѣдствіи, значительная часть этихъ имѣній перешла въ другія руки, но нѣкоторыя и до сихъ поръ находятся во владѣніи Русскаго духовенства.

Съ этой-то поры, именно съ княженія короля или князя Льва, извѣстны слѣдующія дарованныя имѣнія:

а) Епископство Перемышльское владѣло помѣстьями въ землѣ Перемышльской: Валявою, Малковицами, Тернавцами, Гнѣвковицами (Гнойницами), Кальинковымъ, Монастыремъ, Грушовицами (Хрушовицами), Ступенкомъ, Макуневымъ, тремя двориками *(Curiolae)* въ Велюницахъ, Коросповицами (не Хоросницы ли?), Дѣвичицами, шестью двориками въ Бонёвахъ (Бонёвицахъ), двумя двориками въ Бушковицахъ, двумя двориками въ Плешовицахъ, тремя двориками въ Гороховцахъ, двумя двориками въ Яскманицахъ, двумя двориками въ Карманицахъ, дворикомъ въ Клоковицахъ, Монастыремъ Мосциска подъ самымъ Перемышлемъ (?), Микулинцами, и пятью дворі-

ками около замка, равно дворикомъ въ Щехальчицахъ (можетъ быть Шегьняхъ); а въ Самборской землѣ: Спрашевицами, Бабинымъ, Волковицами (быть можетъ Волчею), Созанью, Смольницами и многими монастырями. Привилегія короля Владислава Ягайла, относящаяся къ 1407 год., подтвержденная, въ 1535 год., Польскимъ королемъ Сигизмундомъ, и помѣщенная въ Прибавленіяхъ подъ буквою Д, показываетъ, что эти дарованныя помѣстья ведутъ начало свое отъ временъ королей и князей Рускихъ, и что на обладаніе ими даны были королемъ Львомъ грамоты, впослѣдствіи сгорѣвшія. Кромѣ того, Перемышльскіе епископы владѣли двумя ланами (ланъ—тридцать десятинъ земли) и четырьмя соляными копями въ деревнѣ Башевахъ, называемой теперь Нагуевицами, которыя даровалъ имъ также Левъ, а подтвердили короли Сигизмундъ, Августъ и Янъ III.

б) Кромѣ этой привилегіи, исчисляющей вообще всѣ тогдашнія имѣнія Перемышльскаго епископства, находятся еще въ архивѣ тамошней Руской капитулы двѣ частныя подлинныя бумаги того же самаго короля Льва, одинъ отъ 1292 года, помѣщенный въ Прибавленіяхъ подъ Б, а другой отъ 1302 года, тамъ же подъ В., Поруски и Попольски. Первый описываетъ границы имѣнія Спрашевицъ; изъ него оказывается, что имѣніе это занимало собой все пространство, на которомъ теперь находятся деревни Созань, Стрылки, Тысовицы, Плоске, Ленина Малая, Потокъ, Волошинова, Воля Кобляньская, Завадка, Лужекъ Горный, и

ш. д. (*Acta Mitropolitana*). А въ другомъ описаны границы деревни Рушевицъ или Хрущевицъ, сполько же обширной, какъ и Спрашевицы.

в) Ежели Перемышльско-Самборское епископство было такъ щедро одарено, то какъ же долженствовала быть одарена митрополичья церковь въ столичномъ городѣ Галичѣ, какъ въ отношеніи къ особѣ епископа, а послѣ митрополита, такъ и въ отношеніи къ его капитулѣ?—Находится одна только подлинная бумага того же князя Льва 1301 года, относящаяся къ митрополичьей капитулѣ въ Крылосѣ, подъ Галичемъ, помѣщенная въ Прабавленіяхъ подъ букв. Г., и уже Ходыкевичемъ напечатанная Поруски въ его *Dissertatio historico-critica;* въ ней упоминается объ особенныхъ документахъ на церковныя имѣнія. — Но когда 1375 год., въ правленіе Владислава, князя Опольскаго, владѣвшаго этимъ краемъ въ качествѣ Удѣльнаго князя, основано было въ Галичѣ архіепископство Латинское, Руская тамошняя церковь Успенія Божіей Матери (*Panny Maryi*) обращена была въ Латинскій каѳедральный соборъ (42), Рускій епископъ умеръ

---

(42) Что въ Галиціи до 1375 года не было епископствъ Латинскихъ, не смотря на увѣренія многихъ писателей, которые, введенные въ заблужденіе епископствомъ Пруско-рускимъ Св Брунона, и Надвислянскимъ, т. е., Опатовскимъ Гонгарда, и смѣло списывавшіе другъ у друга, творили на Руси каѳедры, доказательствомъ тому служитъ булла Св. Григорія XI, 1372 г., данная Варѳоломею де Альверна, начальнику *Fratrum minorum in par-*

и епархія спротѣла безъ пастыря до 1539 года; имѣнія же, принадлежавшія Руской епископіи, получили иное назначеніе (*Miechovius ad Annum 1375.*, и *Acta metropolitana* § 16.). Послѣднія изъ оставшихся имѣній этой митрополіи были присвоены, другими уже въ 16 вѣкѣ, именно: *Перегинско* дворянином Зброжкомъ, старостой Жидачевскимъ, какъ видно изъ опредѣленія короля Яна III., 1690 год., Февраля 12, а имѣнія Вистово Львовскимъ архіепископомъ, Яномъ Сенинскимъ, какъ свѣдѣтельствуетъ процеспація Рускаго епископа, Гедеона Болобана »*Coram Judicio Castrensi Haliciensi Sabbato post dominicam invocavit quadragesimalem proximo, id est* 27 *Febr.* 1579.

---

tibus Russiae,“ и начинающаяся словами: „*Ad procurandam salutem animarum*“; въ ней заключаются слѣдующія слова: „*Non erant Ecclesiae Cathedrales et parochiales* (обряда Латинскаго) *in Russia, nec rectores earum, quibus cura imminere animarum et cet.*“ Въ другой буллѣ, подобже папы Григорія XI, 1375 года, начинающейся словами: „*Debitum pastoralis officii,*“ находятся слова: „*Halicienses, Premislienses, Lodomerienses et Chelmenses Ecclesiae, quae in illis partibus consistabant, Cathedrales erant et, ante acquisitionem huiusmodi, per schismaticos et haereticos antistites detinebantur,*“ и проч. Эти-то схизматики и еретики были Русины, и только они одни имѣли епископства. Такое историческое доказательство получитъ еще болѣе силы, когда обратимъ вниманіе на то, что, по прошествіи столькихъ вѣковъ, не смотря на неутомимыя искательства папы, за исключеніемъ епископствъ Перемышльскаго и Холмскаго, граничащихъ съ Польшей, Латинскій обрядъ чрезвычайно мало сдѣлалъ успѣховъ въ остальной Червоной Руси, особенно въ Львовской архіепископіи.

Хотя послѣ споровъ, продолжавшихся цѣлые вѣки, епископъ Шумлянскій, приступивъ къ Уніи съ Римскою Церковію, возвратилъ въ 1693 год., въ силу трибунальнаго декрета *Перегинсько*, и села Рунно, Дубу, Лецовку, Дубшаву, Ольховку и мѣстечко Рознятовъ, однако удержалъ за собою только одно Перегинсько, а прочія имѣнія снова насильно были отняты родомъ Конецпольскихъ.

д) Не только епископства, капитулы и монастыри, но и отдѣльныя церкви, было щедро одаряемы Рускими властителями, особенно эшѣмъ королемъ, или княземъ, Львомъ. Онъ-то грамотою или привилегіею, писанною въ 1292 году, даровалъ церкви Св. Николая въ Львовскомъ предмѣстіи, называемомъ теперь Жовковское, многія обширныя земли и другія выгоды. Первопись этой привилегіи на Рус. языкѣ погибла, но подлинникъ ея въ Лат. переводѣ, собственноручно подтвержденный и подписанный королемъ Казимиромъ IV 1448 год., кор. Стефаномъ 1578, Сигизмундомъ III. 1611, Михаиломъ 1672, Яномъ III. 1679 и Августомъ II. 1700, былъ внесенъ, послѣ возвращенія Галиціи въ 1780 год., въ земскую книгу, а въ 179 : въ Львовскія памятныя книги (księgi gruntowe), и находится въ рукахъ правителя этой церкви. Списокъ этой привилегіи, взятый изъ памятныхъ книгъ, помѣщенъ въ Прибавленіяхъ подъ буквою Е (43). Пространство земель, принадлежавшихъ нѣкогда этой церкви, было такъ обширно, что, впослѣдствіи, на немъ возникли селенія: Лисеницы и

Знесенье (*Acta mitropolitana* и *Хроника Ставропигіяльнаго братства* Том. 2. стр. 53.). Монастырь монаховъ Св. Василія въ Лавровѣ тоже имѣетъ подлинный документъ этого же самаго государя, заключающій дарованныя помѣстья, и въ сущности не отличающійся отъ предыдущихъ; онъ помѣщенъ, во всей цѣлости, въ Прибавленіяхъ, подъ буквою Ж.

е) Безъ сомнѣнія, и другіе домы Божіи владѣли богатыми помѣстьями въ земскихъ имѣніяхъ. Совѣтническія дѣла (*consularia*) города Львова 1460 год. Том. I. стр. 1., свѣдѣтельствуютъ, что нѣкто Гринько Калиновичь заложилъ у Армянки, Анны Никошовой, двѣ пергаменныя привилегіи Русскихъ князей на монастырь Св. Юрія въ Львовѣ, и на двѣ, принадлежащія къ нему, деревни. — Деревни этѣ, по замѣчаніямъ священника барона Нейштерна, долженствовали быть Билогощъ и Рясна Руска. Кромѣ того *in Codice archivali*, *in Annalibus Sarnicii* и у *Мѣховиты*, можно читать, что Альбрехтъ, король Польскій, во время прохода своего, 1497 год., въ Валахію съ войскомъ черезъ Львовъ, поставилъ на поляхъ Свято-Юрьевскихъ 80,000 воиновъ и 30,000 телѣгъ съ военными припасами; слѣд., эти поля были весьма обширны.

Сверхъ вышеупомянутыхъ грамотъ, помѣщен-

(43) На концѣ этого сочиненія, въ Прибавленіяхъ, я помѣщу, подлѣ этого документа, подъ буквою Е, мои замѣчанія, что этотъ документъ поддѣльный.

ныхъ въ Прибавленіяхъ подъ буквами Б, В, Г, Е, и Ж, другихъ памятниковъ того времени до сихъ поръ не открыто въ нашемъ краю никакихъ (44). При-

---

(44) Не могу не упомянуть еще кой-чего объ одномъ, и то ужъ последнемъ памятникѣ, т. е., о колоколѣ при Соборной церкви Св. Юрія въ Львовѣ, и, так. обр., сказать обо всемъ, что только осталось намъ отъ древнѣйшихъ временъ, не обращая вниманія на достовѣрность или подложность этѣхъ памятниковъ.

Объ этомъ колоколѣ въ новѣйшія времена говорено было въ Львовскихъ запискахъ (Pamiętnik) 1816 год, Том. I. стр. 15., Исторіи Польскаго королевства *Бандтке* 1820, Том. I. стр. 407, Исторіи Львова *Ходынецкаго* стр. 341 и 342, и Петербургскомъ Нѣмецкомъ журналѣ 1822 года; наконецъ, онъ сдѣлался предметомъ разсужденія и ученыхъ споровъ въ Львовскомъ Временникѣ (Часописмѣ) 1831. тетрадь 4. стр. 123, и 1834 год. тетр. I. стр 41, просвѣщенныхъ мужей, каноника Бенедикта Левицкаго, доктора и професора Богословія, и П. К. Варлаама Компаневича, прокуратора Ордена Св. Василія Великаго. При первомъ Разсужденіи помѣщено изображеніе, сдѣланное на камнѣ, этого колокола, его размѣръ и списокъ, находящіеся на немъ надписи. Вотъ въ чемъ дѣло.

На этомъ колоколѣ находится, въ двухъ строкахъ кругомъ, слѣдующая надпись:

АХ/АЯ | ОН/ІИ ВЪ ЛѢ ҂ЅѠМѲ., СОЛЬѦНЪ БЪІ. КОЛОКЪ СЕІ СТМУ ЮРЬЮ ПРИ КНѦЗИ ДИМИТРИІ ИГУМЕНОМЪ ЕВЪФИМЬЕМЪ

А далѣе, назадъ обращенными буквами: ЪВОКѦЯРОКС ЪЛАСИПА. Эта надпись, написанная гражданскими буквами, читается такъ: „Въ лѣт. (о) 6849. сольянъ бы колоколъ сій стому Юрью при князѣ Дмитріи игуменомъ Евфиміемъ.“ А другая, не много пониже, назадъ обращенными буквами: „А писалъ Скора Яковъ.“

чиной рѣдкости ихъ были слѣдующія обстоятельства. Перемышльскіе архивы, какъ свѣдѣтельствуетъ документъ короля Сигизмунда 1355 год., помѣщенный подъ буквою Д, сгорѣли, а Львовскіе — частію были сожжены и уничто-

---

Греки и Русины вели свое лѣтосчисленіе не отъ Рождества Христова, а отъ сотворенія міра, и, слѣд., 6849 год. отъ сотворенія міра соотвѣтствуетъ 1341 год. отъ Рож. Хр. Но такъ какъ, по мнѣнію всѣхъ историковъ, въ 1340 год. Казиміръ Великій завоевалъ Галицію, а въ 1341 год. господствовалъ уже въ Львовѣ, то колоколъ этотъ не могъ быть вылитъ въ 1341 год., потому что въ этомъ году не князь Димитрій, о которомъ даже совсѣмъ не упоминается въ лѣтописяхъ, но король Казиміръ, былъ государемъ Руси и Львова. Или же, если этотъ колоколъ слитъ при князѣ Димитріѣ, то въ 1341 год. онъ, а не другой, былъ княземъ Руси и Львова, а потому Казиміръ завладѣлъ Рускими краями не въ 1340, но гораздо послѣ 1341 года и отлитія колокола. Каноникъ Левицкій совершенно иначе толкуетъ вылитый ҂Ѕѿ. М҃Ѳ. годъ. на колоколѣ, утверждая, что онъ (колоколъ) отлитъ былъ не въ 6849, т. е., 1341 год., а въ 6800, т. е., 1292 г., и что, хотя въ то время владѣтелемъ и Удѣльнымъ княземъ Червоной Руси и Львова былъ Левъ, сынъ Даніила, короля Галицкаго и Владимірскаго, но Великимъ Рускимъ княземъ, т. е, главою всѣхъ Рускихъ князей, былъ тогда Димитрій Александровичь, сынъ Александра Невскаго, княжившій во Владимірѣ на Клязьмѣ, и слѣд., о немъ-то, какъ главномъ князѣ, говорится въ надписи. Мнѣніе свое онъ основываетъ на точкѣ, находящейся между числовыми буквами ѿ и М, и принимаетъ за числовыя только Ѕ и ѿ, а букву М, означающую число 40, считаетъ просто начальной буквой слова „мѣсяцъ." Если мы допустимъ это, то двѣ числовыя буквы Ѕ и ѿ дѣйствительно будутъ означать 6800, или 1292 годъ, въ которомъ Димитрій былъ В. княземъ во Владимірѣ на Клязь-

жены Казимиромъ Великимъ, который, взявши 1340 год., укрѣпленную церковь Св. Юрія, въ коей Русины съ богатствами своими заключились и за-

---

мѣ, а Левъ господствовалъ въ Галичѣ. Напротивъ, Компанеевичъ, держась прежняго способа объясненія этого числа, полагаетъ, что этотъ колоколъ отлитъ въ 1341 году, что эта точка „*Objectum litis*“, есть случайная, что о Димитріѣ Александровичѣ, В. князѣ, едва ли могли слышать въ Львовѣ; но кто былъ именно князь Димитрій, упоминаемый на колоколѣ, онъ оставляетъ это нерѣшеннымъ. То и другое мнѣніе сопровождено какъ остроумнымъ изложеніемъ, такъ и ссылкою на самыя происшествія (*). Не думая вовсе быть посредникомъ между этими учеными мужами, я сообщу здѣсь только нѣкоторыя изъ моихъ замѣчаній, пришедшія мнѣ мимоходомъ въ голову.

а) Этотъ колоколъ въ 1292 ли, или же въ 1341 году, былъ отлитъ иноспранцемъ, мало свѣдущимъ въ Русскомъ языкѣ и письмѣ, и потому, въ помощь ему, данъ былъ писарь, туземецъ, для помѣщенія надписи. Кажется, Яковъ Скора написалъ ее на пергаминѣ или доскѣ отъ слова „Въ лѣто“, до слова „Евфиміемъ“, и отдалъ литейщику, который, по правиламъ своего искуства, вырѣзалъ буквы обратныя, чтобы, такимъ образомъ, приняли онѣ на колоколѣ настоящій видъ. По окончаніи этого поручено было грамотному Якову Скорѣ самому убѣдиться, хорошо ли Нѣмчинъ изобразилъ надпись на глинѣ, и потомъ присовокупить знаменіе христіанства, т. е., крестъ, съ надписью Й· Ѳ· Х· Ѳ· и ЯІКѦ· Тогда Скора взялъ рѣзецъ, и, желая имѣть заслугу, самъ вырѣзалъ на глинѣ знаменіе креста (чтобъ не осквернила его рука неправославная), а послѣ, желая также и свое имя оставить вѣкамъ грядущимъ, вырѣзалъ его возлѣ именъ князя Димитрія и игумена Евфимія, ниже, обыкновеннымъ образомъ, не обращая вниманія на то, что имя его и знаменіе креста на колоколѣ выльются навыворотъ, что дѣй-

(*) Замѣчанія Компанеевича во Временникѣ 1834 год. только начаты, но не кончены, потому что изданіе этого журнала прекращено было; впрочемъ, сочинитель прислалъ ихъ мнѣ въ рукописи, которую я всю прочиталъ.

щипались до послѣдней капли крови, приказалъ, для острастки городовъ и замковъ, истребить ея гарнизонъ, а потомъ и самую церковь, лишенную драгоцѣнныхъ сосудовъ, равно какъ и окружающія ее

ствительно и случилось, къ великому изумленію какъ самаго писца, такъ князя Димитрія и игумена Евфимія, и, вмѣсто славы, которой ожидалъ писецъ, онъ покрылся безславіемъ и, вѣроятно, получилъ выговоръ. Что это дѣйствительно было такъ, и что литейщикъ былъ малосвѣдущъ въ Руской грамотѣ, нѣтъ ни какого сомнѣнія; иначе, онъ не допустилъ бы столь грубой ошибки вкрасться въ дѣло своего искуства, и, покоряясь человѣческой слабости, скорѣе пожелалъ бы передать потомству свое имя, какъ художника, въ то время на Руси рѣдкаго, нежели имя сочинителя надписи, такъ мало участвовавшаго въ этомъ важномъ дѣлѣ.

б) Мы уже выше показали, что нашъ почтенный соотечественникъ Скора имѣлъ мало предусмотрительности; а точки, столько разъ, безъ всякой надобности, повторенныя въ этихъ немногихъ словахъ, показываютъ, что онъ былъ также и въ Рус. грамотѣ не изъ самыхъ свѣдущихъ, по крайней мѣрѣ, судя по тѣмъ понятіямъ, какія мы имѣемъ въ наше время о письменномъ искуствѣ. Такъ, послѣ слова „Лѣто“ онъ поставилъ точку, послѣ буквы ѡ точку, послѣ буквы ѳ точку и запятую, послѣ слова »сіи“ точку, послѣ слова „Юрью“ точку, послѣ слова „Димитріи“ точку, хотя, по правиламъ нашего правописанія, надлежало бы поставить ее только послѣ числа и на концѣ. Онъ сдѣлалъ еще и другую погрѣшность, именно: вырѣзывая при крестѣ Х, О, вмѣсто буквы О, онъ вырѣзалъ букву Л, а въ словѣ сіи употребилъ Н вмѣсто И.

в) Но важнѣйшая трудность — въ *князѣ Димитріи*; подумаемъ, не льзя ли и ее устранить.—Нѣтъ сомнѣнія, что въ Рускомъ языкѣ выраженіе „*при князи*“ употребляется въ значеніи Польскаго „*pod panowaniem*“, или

зданія разрушить до основанія, частію же духовные архивы и Львовскія подлинныя бумаги сгорѣли послѣ, во время непріятельскаго нападенія, въ Спра-

---

„za panowania," т. е., въ царствованіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ никто не будетъ спорить, что это же выраженіе значитъ и „*въ присутствіи князя.*" Слова, которыя можно толковать двоякимъ образомъ, должно принимать въ томъ смыслѣ, какой болѣе всего согласенъ съ другими обстоятельствами. А такъ какъ мы имѣемъ до сихъ поръ твердыя доказательства, что Казиміръ Великій овладѣлъ Львовомъ въ 1340 году, то и упомянутое выраженіе должны приноровить къ этой же истинѣ, т. е., князь Димитрій или присутствовалъ при славномъ, по тогдашнему времени, предпріятіи отлитія колокола, или, по крайней мѣрѣ, не щадилъ собственныхъ издержекъ на это доброе дѣло. Но изъ того, что онъ назывался княземъ Димитріемъ, еще не слѣдуетъ заключать, что онъ господствовалъ въ Львовѣ. Кто же былъ именно этотъ князь Димитрій, положительно отвѣчать на сей вопросъ я не въ состояніи, и мало о томъ забочусь, потому что

г) Въ то время слово *князь* означало на Руси и въ Литвѣ не только владѣтельную особу, но также и человѣка вольнаго, благороднаго. Слѣдуя Руской Правдѣ Раковецкаго (Том. I. стр. 49), у Славянскихъ Поморянъ каждый владѣтель коня (разумѣется верховаго, пріученнаго къ битвамъ, ein Streitgaul) назывался княземъ (eques), т. е., рыцаремъ, благороднымъ (szlachcicem). Въ Лужицахъ величали княземъ каждаго изъ уваженія.— Въ Польшѣ священникамъ данъ титулъ „*Ksiądz, Xiądz* (Ксіондзъ, Ксіонжъ)." — На Руси, равно какъ и въ цѣлой Славянщинѣ, *князи* не всегда были владѣтельными особами, или происходящими отъ ихъ крови. — Простой, но богатой Кіевскій бояринъ, Родіонъ Несторовичъ, по взятіи въ 1332 году Кіева иноплеменниками, удалился, съ подвластной ему дружиной, состоявшей изъ *князей*, дѣтей боярскихъ и дворянъ, числомъ 1700, на

шинѣ, въ которомъ имѣли свое мѣстопребываніе Рускіе Львовскіе епископы изъ роду Болобановъ, какъ свѣдѣтельствуетъ это присяга Юрія Болобана,

---

службу къ Великому князю Московскому, Ивану (*Карамзинъ* въ примѣчаніяхъ Том. IV. стр. 189).— Въ 1473 году царь Иванъ Васильевичъ возвелъ князя Данила Димитріевича въ достоинство боярина (*Карамзинъ* Том. IV. стр. 83.); слѣд., достоинство княжеское было ниже боярскаго, и т. д.

Въ Польшѣ, которая, по соединеніи своемъ съ Литвой, господствовала надъ значительной частію Руси, находились цѣлыя селенія и большое число частныхъ лицъ, людей вольныхъ, называвшихся князьями. У насъ, въ Галиціи, также есть одно селеніе, извѣстное подъ названіемъ *Любыцкіи князи*, кои, въ отношеніи къ податямъ, стояли на ровнѣ съ прочими деревенскими судьями. Такимъ образомъ, въ 1578 году на Варшавскомъ избирательномъ сеймѣ одобрено, чтобъ деревенскіе судьи, войты, князья, бояре, заплатили въ годъ подати по одному золотому съ уволоки (уволока содержитъ 30 десятинъ) (смотр. Vol. legum, или Жеготы *Онацевича* Царствованіе Баторія. Том. I. стр. 308). — И такъ, князь Димитрій, присутствовавшій при литіи колокола, могъ принадлежать къ разряду сейчасъ упомянутыхъ князей (*).

(*) Читатель не долженъ удивляться, что цѣлыя селенія, или лучше, ихъ жители, украшаются титломъ князей. Еще любопытнѣе, въ Куроніи, въ Голдингскомъ уѣздѣ, находится народъ, занимающій семь деревень, и носящій, съ древнѣйшихъ временъ, титло *королей Коронскихъ*. Предки ихъ, до покоренія этихъ странъ Крыжаками, владѣли, какъ говорятъ, народами тѣхъ краевъ. Этотъ народъ не мѣшается съ нынѣшними обитателями Куроніи, и отличается отъ нихъ языкомъ, нравами и одеждой. До сихъ поръ онъ пользуется льготами, коихъ не имѣетъ простой народъ, и нѣкоторымъ образомъ ровняется дворянству. Прежде они употребляли особенный гербъ, находящійся и теперь въ ихъ храмѣ, и представляющій Коронскаго короля, ѣдущаго на конѣ, съ распущеннымъ знаменемъ, на коемъ написано: „Гербъ Коронскихъ королей.“ Подробнѣйшее описаніе этого народа находится въ газетѣ „Ausland,“ 1838 года. No 189. стр. 755.

королевскаго ротмистра, in Castro Leopoliensi, 1656 года.

Въ этомъ періодѣ, т. е., отъ введенія Христіянства на Руси до покоренія Галиціи и Лодо-

---

д) Я не стану спорить съ тѣмъ, кто бы хотѣлъ непремѣнно причислить этого Димитрія къ колѣну царствующей крови Владиміра В., потому что и это могло быть; но ни какъ не соглашусь, чтобы онъ княжилъ въ Львовѣ, имѣя на своей сторонѣ и дѣписателей Польскихъ, и Руса Карамзина, и приводимую имъ рукописную, современную нашу Волынскую, лѣтопись. Подъ Польскимъ и Литовскимъ владычествомъ находилось множество князей, потомковъ Рюрика, какъ-то: Острогскіе, Заславскіе, Пронскіе, Дубровецкіе, Пупятичи, и другіе, о которыхъ надѣюсь обширнѣе поговорить въ другой тетради. Въ гербѣ они употребляли Святаго Георгія (такъ Острогскіе въ знаменитой библіи 1581 год.), къ чему нѣкоторые присовокупляли *Погоню*, или ѣздока, всадника (*), и придавали другіе знаки, вѣроятно, для отличія въ особицахъ племенъ своихъ, а можетъ быть и по другимъ причинамъ. (**). Казимиръ поступилъ весьма благоразумно, оставивъ мѣлкихъ Русскихъ князей при ихъ удѣлахъ происходившихъ изъ

(*) Кажется, что погоня или всадникъ, т. е., конной ѣздокъ, былъ знаменемъ всѣхъ подобныхъ князей, конныхъ витязей; впослѣдствіи и В. князья Литовскіе приняли этотъ же знакъ для герба своего государства, а прежде употребляли они *чернаго пѣтуха* (Древнія дѣянія Литовскаго народа, Федора *Нарбута*). Печать Гедимина, В. князя Литовскаго, представляла ангеловъ и человѣка, сидящаго на престолѣ и держащаго въ правой рукѣ вѣнецъ, а въ лѣвой жезлъ (*Карамзинъ* IV. Том. стр. 171 примѣчаній). Впрочемъ и В. князья, Московскіе, равно какъ и Татарскіе, употребляли *погоню*, на пр. Димитрій Донской на серебряной монетѣ (*Карамзинъ* V. стр. 121 изложенія, и 74, 75 примѣчаній).

(**) Князь, Константинъ Ивановичъ, Острогскій, Троцкій воевода и В. гетманъ Литовскій, по ненависти къ В. князю Московскому, у котораго былъ въ плѣну, будучи одного съ нимъ поколѣнія, оставилъ гербъ Св. Георгія и принялъ новой. — Сынъ его, также Константинъ, воевода Кіевскій, одинаково употреблялъ и гербъ Св. Георгія, и всадника, и гербъ, принятый отцемъ (Смотри *Острогскую библію*).

міріи Казимиромъ Великимъ, были собираемы слѣдующіе Concilia или Соборы Рускаго духовенства, именно: въ 1274 году, во Владимірѣ на

владѣтельнаго Дома, но покорившихся ему и давшихъ обѣтъ въ вѣрности, и удержавши за собою только верховную власть надъ ними. Для нихъ, ослабленныхъ и изнуренныхъ внутренними распрями, было уже все равно, повиноваться ли одноплеменному В. князю Московскому, или государю Краковскому.— Эти семейства жили подъ жезломъ Польскимъ болѣе двухъ вѣковъ, въ покоѣ и довольствѣ, занимали высокія военныя и гражданскія должности, и только въ царствованіе Базовъ въ Польшѣ, вдругъ исчезли, конечно не безъ подозрѣнія, что того требовала политика.

е) Мнѣ остается еще сказать кое-что и объ игуменѣ Евфиміѣ.—Можетъ быть, кто-нибудь подумаетъ, что онъ былъ вмѣстѣ и литейщикомъ, отливавшимъ колоколъ; но я съ этимъ не согласенъ, хотя мнѣ извѣстно, что доблестное черное духовенство или иноки Св. Василія съ давнѣйшихъ временъ посвящали себя ревностному занятію искусствами и рукодѣліями. — Если бъ онъ былъ искусенъ въ отливаніи колоколовъ, то, какъ игуменъ, хорошо знающій грамоту, не нуждался бы въ рукѣ Якова Скоры для начертанія, надписи на колоколѣ, не сдѣлалъ бы столько ошибокъ въ письмѣ, и, безъ сомнѣнія, нашлись бы, въ этой околицѣ и другіе колокола, свѣдѣтельствующіе объ его дѣятельности. Но иностранецъ, по всему вѣроятію, Нѣмецъ, призванный только для этой цѣли, какъ скоро окончилъ свое дѣло, тотчасъ возвратился въ отечество. Выраженіе на колоколѣ „Игуменомъ Евфиміемъ", показываетъ то лишь одно, что стараніемъ его дѣло это приведено было къ концу.

ж) Еще одно слово! — Издатель Львовскаго временника 1831 год. присовокупилъ, на стр. 132., въ примѣчаніи, свое замѣчаніе, что буква М на колоколѣ по тому уже не можетъ быть численной буквой, что на ней нѣтъ численнаго знака ~. Но онъ ошибается, потому что надъ тремя буквами ставится только одинъ

Клязьмѣ, на которомъ первенствовалъ Кирилъ, митрополитъ Кіевскій. На немъ отвергнуто предлогаемое соединеніе съ Римомъ, и одобрены полезныя для Руской церкви постановленія, подъ названіемъ »*Правила* (*Сярчинскаго*, Сходство и различіе. стр. 95., и *Карамзинъ.* Том. IV. стр. 123.)«. Такимъ же образомъ, въ 1313 или 1314 год., былъ соборъ въ Переславѣ Залѣскомъ, въ присутствіи патріяршаго посла, епископа Ростовскаго, князей Димитрія, Александра и другихъ, также высшаго духовенства, на которомъ митрополитъ Петръ объявленъ былъ невиннымъ противъ навѣтовъ Тверскаго епископа. Въ сочиненіи, изданномъ въ Почаевѣ 1767 года, подъ заглавіемъ „*Bullae et Brevia summorum Pontificum*,“ и. т. д., въ письмѣ папы Бенедикта XIV. къ митрополиту Анастасію Шептицкому, упоминается о народномъ Рускомъ Соборѣ въ Кіевѣ, бывшемъ въ 1146 году, о которомъ, однако же, подробнѣйшихъ извѣстій я нигдѣ не нашелъ.

§ 8.

Въ §. 4. упомянули мы, на какой степени гражданственности и просвѣщенія находился Рускій на-

численный знакъ, и всего чаще надъ послѣдней; такъ 1831 годъ выражается ҂аѾла; знакъ же ᵀ, стоящій надъ ѡ, не есть знакъ численный, а просто буква т, и обѣ они вмѣстѣ составляютъ одну букву, или лучше слогъ *отъ* (*).

(*) Нѣкоторые утверждаютъ, что буква ѡ означаетъ число 800; но я, слѣдуя мнѣнію знаменитаго мужа, Іосифа *Добровскаго*, изложенному въ „*Institutiones Linguae slavicae* (Вѣна 1822. стр. 4), считаю букву Ѿ численной, и притомъ означающей 800.

родъ до Владиміра Великаго, при немъ и его сыновьяхъ. Но трудно съ точностію опредѣлить, въ какомъ состояніи были въ Червоной Руси науки, искуства и промышленность подъ конецъ этой эпохи. Кажется, гражданственность, стоявшая здѣсь на высшей степени, нежели въ полночной Руси, въ слѣдствіе междоусобныхъ войнъ и непріятельскихъ набѣговъ, болѣе и болѣе подавалась назадъ. — Хотя были нѣкоторые знаменитые государи, вступавшіе въ брачныя связи съ славнѣйшими владѣтельными Домами въ Европѣ (Романъ Даніловичъ съ Гертрудою Австрійской, Левъ Даніловичъ съ Констанціей, дочерью Угорскаго короля, Белы IV., и т. д.), и папы старались склонить ихъ на лоно Римской церкви, переписывались съ ними, предлагали имъ королевскіе вѣнцы, но это уже не были Русины Владиміра Великаго. Впрочемъ, и сосѣди ихъ не превышали ихъ ни гражданственностію, ни просвѣщеніемъ. — Гдѣ, среди безпрерывныхъ домашнихъ распрей, никто не обезпеченъ въ своемъ имуществѣ, гдѣ обитатель, принимая сторону то одного, то другаго, князя, занимается только военнымъ ремесломъ, гдѣ селянинъ, ограбленный сначала однимъ, потомъ другимъ, наконецъ чуждымъ, непріятелемъ, лишается всего, гдѣ житель городовъ всегда долженъ быть въ готовности защищать твердыню, въ которой судьба назначила проживать ему, тамъ, разумѣется, науки, искуства, торговля и промышленность должны неминуемо упадать. — Государь, который сегодня занялъ столицу княжест-

ва, не могъ заботиться о судьбѣ и счастіи своихъ подданныхъ, потому что самъ не былъ увѣренъ, что вскорѣ другой, сильнѣйшій не выгонитъ его, и не надѣялся, что сынъ его будетъ владѣть спокойно пріобрѣтеннымъ наслѣдіемъ отца. — Отъ того каждый, временный, властитель, заботился только о движимыхъ сокровищахъ, потому что сегодня господствовалъ въ Галичѣ, завтра въ Перемышлѣ, Луцкѣ или Кіевѣ, либо же искалъ пристанища у гостепріимнаго иноплеменника.

Дворянство, подъ названіемъ бояръ, болѣе и болѣе усиливалось. Князья господствующей крови, для достиженія своихъ гордыхъ цѣлей, нуждались въ ихъ пособіи, и должны были подкупать ихъ; а гдѣ власть государя и обладаніе престоломъ не вѣрны, тамъ среднее состояніе непремѣнно получаетъ значеніе: такъ было на Руси, такъ было и въ Польшѣ въ то время, когда эта страна дробилась между многими владѣтелями. — Эти бояре присвоивали себѣ не только имѣнія и земли, дарованныя имъ въ пожизненное владѣніе, но также и право устранять своихъ наслѣдственныхъ государей и передавать вѣнецъ чуждымъ, какъ это было въ Галичѣ.

Города были многочисленны, укрѣплены валами, деревянными заборами и полисадами, и имѣли обширныя земли. Они выдерживали продолжительныя осады, а горожане, свыкшіеся, въ безпрерывныхъ войнахъ и защитѣ городовъ, съ оружіемъ, часто рѣшали, кому сидѣть на ихъ княжескомъ престолѣ,

Всѣ они (города) были деревянные: *»срубилъ себѣ городокъ,«* пишутъ лѣтописцы. Вотъ почему на Руси нѣтъ ни какихъ остатковъ древняго зодчества отъ 10 или 11 вѣка, которыхъ такъ много видите въ Нѣмецкой землѣ, Франціи и другихъ краяхъ.— Древніе Кіевскіе храмы были ограблены и разрушены Татарами, а существующіе теперь, возобновлены, или даже вновь выстроены, только въ позднѣйшее время (*Краткое историческое описаніе Кіево-печерскія Лавры.* 1798 года.). — Деревянныя избы и общественныя строенія дѣлались пищею огня. — Земли (territoria) городовъ были обширны, такъ что Руско-Галицкіе города, не смотря на все разореніе и уменьшеніе, и до сихъ поръ еще, занимаютъ обширное пространство.

На земляхъ города Львова возникли селенія: Замарстыновъ, Голоско, Клепаровъ, Брюховицы, Билогощъ, Сыгневка, Кульпарковъ, Персеньковка, Козельники, Знесенье и, вѣроятно, Кривчицы.—Еще въ 1460 году, какъ показываютъ Совѣстническія книги (Том. I. стр. 25.), житель предмѣстья Козельниковъ, доносилъ Городскому суду о продажѣ имъ своихъ полей. Тоже сдѣлалъ житель Замарстынова въ 1483, по свѣдѣтельству тѣхъ же Совѣстническихъ дѣлъ (Том. I. стр. 478 N-ro seriali 1324.)— Житель Билогощи въ 1504. (Том. I. стр. 890. N-ro seriali 2595). — Житель Голоска въ 1529 год. (Том. II. стр. 929 N-ro seriali 2342), и т. д. Пространство Галича, какъ говоритъ преданіе, занимало отъ 14 до 21 верстъ. — Равнымъ образомъ и

другіе города, не смотря на то, что ихъ не щадили сосѣди, еще до сихъ поръ владѣютъ довольно обширными землями, на пр. Яворовъ имѣетъ 9380, Городокъ 7684, Долина 10867, Теребовля 4817, десятинъ въ своей окружности, и т. д.

Этѣмъ оканчиваю я первый очеркъ настоящихъ критическихъ изслѣдованій. Итогъ этѣхъ изслѣдованій — чрезвычайно бѣденъ. Эта жатва и навсегда останется бѣдной, ежели, со временемъ, не отыщется другихъ историческихъ памятниковъ, относящихся къ этой эпохѣ, на пр. въ Почаевскомъ монастырѣ, бывшемъ средоточіи всѣхъ монастырей Св. Василія въ прежней Польской Руси, или же въ Кіевѣ.—Можетъ быть при помощи разныхъ сочиненій, выходящихъ въ Россіи, и особенно Исторіи *Николая Полеваго*, удалось бы сдѣлать несравненно больше выводовъ; но сочиненія этѣ извѣстны мнѣ только по однимъ Дерптскимъ или другимъ ученымъ повременнымъ изданіямъ. Равнымъ образомъ, касательно Славянъ вообще, можно бы, также, многое взять изъ Славянскихъ Древностей *Шафарика*, изданныхъ въ 1836 году, въ Прагѣ, на Чешскомъ языкѣ; но, къ сожалѣнію, я получилъ первую тетрадь этого, чрезвычайно любопытнаго и основательнаго, сочиненія тогда только, когда уже кончилъ свой очеркъ и послалъ его въ цензуру, а потому и отсылаю читателей моихъ къ самому подлиннику.

Первая тетрадь этого сочиненія, состоящая изъ 8 §§. и грамотъ отъ А до З, напечатана въ Львовѣ, въ Ставропигіянской типографіи, еще 1837 года. Цѣлью моей было возбудить вниманіе просвѣщенныхъ мужей Галицко-Рускаго народа, исторгнуть ихъ изъ летаргическаго сна и заставить вникнуть въ свое происхожденіе, судьбу и страданія предковъ, слѣдовательно, заохотить заниматься изслѣдованіемъ историческихъ достопамятностей древней своей родины. Словомъ, сочиненіе это долженствовало быть мимолетнымъ, временнымъ, ободрительнымъ, имѣющимъ мѣстную только занимательность. А потому, я коснулся только слегка историческихъ происшествій съ 988 по 1340 годъ, оставляя основательную разработку этого періода тѣмъ ученымъ, которые посвятятъ себя изученію и сочиненію исторіи народа Славянскаго, или же народа Рускаго вообще. Это, впослѣдствіи, совершенно исполнилось. Несравненный Шафарикъ обнялъ своимъ геніемъ цѣлый родъ Славянскій, а Устряловъ разрѣшилъ многіе, самые запутанные, скучные, вопросы общей Руской исторіи.

Пока моя, мелко исписанная, первая тетрадь находилась въ цензурѣ, а потомъ печаталась, кончилъ я съ большою внимательностью, осмотрительностью и раченіемъ, дальнѣйшее изслѣдованіе, съ 1340 года, въ которомъ, по мнѣнію всѣхъ лѣтописцевъ, Галиція покорилась Польшѣ. Это было поприще, на которомъ давно уже хотѣлось мнѣ явиться и сразиться. Плодомъ этого желанія былъ трудъ, объемлющій исторію Галиціи съ 1340 по 1596, отрывокъ коего, съ 1340 по 1492, представляю здѣсь. Можетъ быть, я ошибся кое-гдѣ и въ чемъ; но ошибка свойственна человѣку; за то, можетъ быть, бросилъ я тутъ свѣтъ критики на событія, которыя, или совсѣмъ ложно пе-

реданы намъ, или, даже, были вовсе неизвѣстны, а тѣмъ самымъ поощрить, по крайней мѣрѣ, глубокомысленнѣйшихъ, къ дальнѣйшему и большему изысканію.

Кончивъ второй періодъ, съ 1340 по 1596 годъ, послалъ я его, въ Іюнѣ 1837, въ цензуру; но, къ сожалѣнію, едва по прошествіи трехъ лѣтъ получилъ его обратно, въ Маѣ 1840. Въ теченіе трехлѣтняго ожиданія много случилось мнѣ сдѣлать новыхъ наблюденій, доказательствъ, и тому под., которыя должно было снова вносить въ полученную назадъ рукопись, а другія вычеркивать. Отъ этого сочиненіе мое лишилось нужной связи и точности.

Къ первой тетради присоединены мной, такъ названныя, грамоты князя Льва Галицкаго, подъ буквами: Б, В, Г, Е, Ж. Въ примѣчаніи къ грамотѣ Е я доказалъ подробно, что грамота эта поддѣлана; но теперь объявляю, что и всѣ онѣ подложны, даже и подъ Д, утвержденная Сигизмундомъ Старымъ, 1407, кажется мнѣ подозрительной. Послѣ долговременнаго изслѣдованія, наконецъ, увѣрился я, что многія привилегіи королей Польскихъ, особенно, такъ называемыя, per transsumptum,—поддѣланы. Прочія же бумаги, присовокупленныя мною сдѣсь, всѣ достовѣрны, и я указалъ даже на самыя мѣста, гдѣ хранятся подлинники ихъ.

Остается еще мнѣ оправдаться, зачѣмъ я, разсказывая нѣкоторыя событія, взятыя изъ Польской исторіи, употребилъ слогъ и выраженія жесткія, даже ѣдкія. Торжественно объявляю, что это произошло не отъ ненависти или презрѣнія къ Польскому народу, которому, какъ одной изъ благороднѣйшихъ отпрослей Славянскаго племени, чрезвычайно дивлюсь. Однако, не взирая на то, почти въ цѣломъ сочиненіи обнаруживается какое-то унизительное описаніе Польскихъ дѣяній и подвиговъ, похожее на пренебреженіе. Причина этого заключается въ слѣдующемъ:

Разсуждая о заблужденіяхъ, порокахъ и страстяхъ этого, соплеменнаго намъ, народа, я увѣрился, что источ-

никъ злополучій его надо искать въ легкомыслiи, самохвальствѣ, надмѣнности и ложномъ убѣжденiи, по которому онъ считаетъ себя самымъ доблестнѣйшимъ, благоразумнѣйшимъ, знаменитѣйшимъ, и тому под., въ свѣтѣ. Такое превратное мнѣнiе произвели въ немъ, большею частью, историки и лѣтописцы, питая ложными изображенiями народное чванство и хвастовство, описывая маловажныя стычки, и даже пораженiя, какъ блестящiя побѣды, выставляя прежнее ихъ правленiе и народныя учрежденiя образцемъ совершенства, а государство Польское могущественнѣйшей державой, словомъ, льстя ложному тщеславiю. Вотъ почему я поставилъ себѣ обязанностью обнажить Польскую исторiю отъ всей мишуры, наполняющей головы пустыми парами. Мнѣ хотѣлось бы доказать, что Польское правленiе было вреднымъ безначалiемъ, что ни одно сословiе, исключая малое число олигарховъ, не пользовалось благосостоянiемъ, предлогаемымъ всякимъ, благоустроеннымъ, государствомъ, своимъ гражданамъ, что въ Польшѣ не существовало ни хорошихъ законовъ, ни соотвѣтственнаго судопроизводства, что она была, сначала, мелкимъ государствомъ, и только послѣ соединенiя съ Литвой и Рускими землями, заняла почетнѣйшее мѣсто между Европейскими держа́вами, что даже Крестовыхъ рыцарей, естественныхъ враговъ Сѣверныхъ народовъ, не въ состоянiи была обуздать безъ пособiя Рускаго и Литовскаго народа, что, за исключенiемъ нѣкоторыхъ маловажныхъ побѣдъ, коими воспользоваться не умѣла, почти всегда сносила униженiе, и что, по причинѣ такого внутренняго неустройства, Русь наша представляла, подъ владычествомъ ея, зрѣлище разоренiя, опустошенiя и притонъ для Татарскихъ, Валашскихъ, и другихъ, ордъ.

Конечно, это терпкое, горькое, но съ тѣмъ вмѣстѣ и крайнее, лѣкарство, ослающееся каждому, кто бы хотѣлъ исцѣлить эту благородную, но обольщенную, вѣтвь Славянскаго народа. Дѣйствiя его непремѣнно произведутъ благо-

творное вліяніе, если не на толпу, по крайней мѣрѣ, на многія лица, одаренныя здравымъ разсудкомъ. И, такимъ образомъ, вотъ причина, почему новое мое историческое сочиненіе только на Польскомъ языкѣ можетъ произвести желанное впечатлѣніе.

Въ предлагаемомъ отрывкѣ черты этого рода еще не столь рѣзки. Безначаліе въ Польшѣ только лишь усиливалось. Зато послѣдующее время представляетъ намъ обильные, и самые разительные, примѣры сказаннаго нами выше, но Польскими дѣписателями, большею частью, утаеннаго, или изображеннаго совсѣмъ въ другомъ видѣ.

ПЕРІОДЪ ВТОРОЙ.

Червонная Русь подъ владычествомъ королей Польскихъ, отъ завоеванія ея Казимиромъ III до начала соединенія съ Римской церковію (1340—1596).

Первая половина II-го періода.

1340 — 1492.

ПЕРІОДЪ II.

§ 9.

Шаткое и спорное господство Польши надъ Галицкимъ королевствомъ, съ 1340 по 1349.

1337—1339.

Въ 1337 году оставилъ этотъ свѣтъ Георгій или Юрій, правнукъ Льва, короля Галицкаго и Володимірскаго, послѣдній, кажется, потомокъ мужескаго колѣна, происходившій, по прямой чертѣ, отъ Даніила Романовича, нѣкогда короля Южной Руси. Говорю „кажется, послѣдній," потому что Даніилъ имѣлъ, кромѣ Льва, вступившаго по немъ на престолъ, еще двухъ младшихъ сыновей, Мстислава и Шварна, коихъ мужескіе потомки были, по всему вѣроятію, еще въ живыхъ, и владѣли, по обычаю Рускихъ князей племени Владиміра Великаго, удѣльными Рускими княжествами подъ верховнымъ начальствомъ старшаго. Въ истинѣ этого можемъ мы убѣдиться какъ изъ послѣдующаго повѣствованія нашего, такъ, равномѣрно, и изъ родословной таблицы потомковъ Романа, Даніилова отца, помѣщенной *Энгелемъ* въ исторіи Галиціи, и объясняющей происхожденіе князей Друцкихъ, Слуцкихъ, Заславскихъ и Осторгскихъ. *Гваньини* тоже самое представляетъ въ подобной родословной дому князей Осторг-

скихъ (въ Польскомъ переводѣ *Пашковскаго*, стран. 316 и 317) (1).

Кромѣ этѣхъ потомковъ, прямо происходившихъ отъ Романа, были еще многіе князья другихъ линій, выводившіе родъ свой отъ одного и того же предка, св. Владиміра, и княжившіе, частію во Владимірѣ на Клязьмѣ, Твери, Псковѣ, Суздалѣ, Москвѣ, Смоленскѣ, Черниговѣ, Ростовѣ и такъ далѣе, а частію имѣвшіе свои удѣлы, коихъ послѣдній потомокъ мужескаго пола, Федоръ Ивановичь, только 1594 переселился въ вѣчность. Но, сверхъ этѣхъ законныхъ наслѣдниковъ мужескаго колѣна, возсѣлъ еще на Галицкомъ престолѣ Болеславъ, сынъ Мазовецкаго князя, Тройдена, рожденный отъ Руской княжны, Маріи, сестры, недавно скончавшагося князя, Юрія. Прежніе Польскіе историки, не исключая и *Нарушевича* (Часть V, стран. 20), утверждали, что эта Марія была дочь короля Льва; но позднѣйшіе, а именно *Карамзинъ* (въ IV части и 6-й родословной таблицѣ, приложенной къ его исторіи), и друг., доказали, что Марія, мать Болеслава Тройденовича, была правнукой Льва, а дочерью Андрея „Ducis totius terrae Russiae, Galiciae et Lodomiriae (2)." Мы не знаемъ, надлежащимъ образомъ, ни событій,

---

(1) *Карамзинъ* (V. стран. 171., изданіе второе). Въ рядахъ Витовта Кейстутовича пали, въ славной битвѣ съ Татарами, на Ворсклѣ, 1399-го, князья Волынскіе, Михаилъ и Димитрій Даніиловичи, бывшіе, по всему вѣроятію, потомки Даніила Романовича. См. ниже прим. 79.

(2) *Карамзинъ* (IV. стр. 164. примѣчаніе).

сопровождавшихъ восшествіе на престолъ Болеслава Мазовецкаго, ни средствъ, употребленныхъ имъ, чужеземцемъ, для этого. Польскіе историки оставили намъ, частію противурѣчащія, а частію запутанныя, свѣдѣнія, объ этомъ происшествіи, и даже самъ Карамзинъ не въ состояніи былъ распутать и объяснить этой эпохи. Исторія то одно лишь говоритъ намъ, что иноземецъ Болеславъ господствовалъ въ Галиціи (впрочемъ, кажется, не надъ всѣми ея краями, принадлежавшими дядѣ его, Юрію), и что долженъ былъ произойти какой-нибудь дѣлежъ земель между Болеславомъ и Русскими князьями, наслѣдниками послѣ смерти бездѣтнаго Юрія, былъ ли то дѣлежъ по доброй волѣ, или подъ вліяніемъ Польскихъ государей. Догадка эта основывается на слѣдующихъ обстоятельствахъ. Изъ памятниковъ перемирія, заключеннаго этимъ Юріемъ съ Великимъ Нѣмецкимъ магистромъ, владѣвшимъ въ Прусіи (3), именно одного перемирія во Владимірѣ „in Ladimiria nostra civitate capitali," 1327, и другаго въ Львовѣ, 1334, открывается (4), что, какъ Галиція, такъ и Володомірія принадлежали этому Юрію, и что онъ сосѣдилъ съ Прусіей, потому что онъ говоритъ въ этихъ своихъ бумагахъ о сохраненіи дружбы, сосѣдняго согласія и единомыслія съ Великими магистрами и владѣніями Ордена, чего ненужно было бы, если бъ предѣлы его не соприкасались непосредственно съ

(3) *Карамзинъ* IV. примѣч. стран. 167 и 168.
(4) *Онъ же* и тамъ же, стр. 167.

предѣлами Прусіи. Напротивъ, когда, 1340, Казиміръ, король Польскій, напалъ, по смерти Болеслава, на края Рускіе и овладѣлъ ими, то добыча его состояла только изъ Львова, Перемышля, Любачева, Тустана, Галича и Санока (безъ Владимірскихъ краевъ); потому что въ этомъ же самомъ, 1340 году „Любартъ, сынъ Гедимина, князя Литовскаго (какъ говоритъ *Кромеръ* въ Латинскомъ Базельскомъ изданіи, 1568, стран. 204, и Польскомъ переводѣ Блажовскаго, стран. 263), женатый на дочери Владимірскаго князя (котораго?), захватилъ себѣ всѣ Рускія земли, смежныя съ Литвой (Бѣльскъ, Брянскъ, Брестъ, Владиміръ, Луцкъ), и заставилъ, частію добровольно покорившься себѣ Рускихъ князей, обезсилѣвшихъ отъ умноженія своего и усобицъ, а частію присягнувъ въ вѣрности.“ Отсюда ясно открывается: а) Что Болеславъ Тройденовичъ владѣлъ не Владиміромъ, но только Галиціей, и, слѣдовательно, получилъ, послѣ дяди своего, не цѣлое государство, но одну только часть его. б) Что королевство Владимірское раздѣлено было между многими небольшими Рускими князьями Даніилова рода, которые владѣли частями его, либо какъ удѣлами, доставшимися имъ отъ прежнихъ, соплеменныхъ себѣ, государей, либо же получили ихъ по смерти Юрія, въ силу какихъ-то договоровъ, для своего упокоенія, и что каждый изъ нихъ, поддаваясь чужой Литовской власти, лучше хотѣлъ что-нибудь имѣть, нежели позволить овладѣть цѣлымъ государствомъ тому изъ среди себя, кому оно принадлежало по праву

наслѣдства. Это подтверждается и выраженіемъ лѣтописца: „обезсилѣвшіе по несогласію ихъ.“ И, наконецъ, в) что Владимірское государство или, если угодно, королевство, находилось въ то время, съ своими Удѣльными князьями, подъ верховной властью или покровительствомъ Литовскаго князя, Любарта, связаннаго узами родства съ Русскими князьями (5).

Въ этомъ не соглашаются самые лучшіе Польскіе дѣписатели, Длугошъ и Кромеръ, что, впрочемъ, вовсе не удивительно: первый писалъ спустя почти сто лѣтъ, а другой двѣсти, послѣ этого происшествія. Длугошъ пишетъ (стран. 1057), что Болеславъ, сынъ Тройдена, князя Мазовецкаго, родился отъ Литвина и Руской, дочери Гедиминовой, между тѣмъ какъ другіе основательно доказали, что онъ былъ сыномъ Мазовецкаго князя изъ дому Пястовъ, а не Литвина. Этотъ же историкъ утверждаетъ, что упомянутый Болеславъ получилъ въ наслѣдство Рускія княжества, Львовское и Владимірское, по Ломбардѣ, Гедиминовомъ сынѣ, а своемъ дядѣ, когда, наоборотъ, онъ получилъ Галицкое королевство послѣ князя Юрія, потомка Даніила, короля Рускаго. Далѣе, онъ (на стран. 1058) говоритъ, что Казиміръ въ первый походъ свой на Русь, въ Апрѣлѣ 1340, занялъ не только Львовъ, но и Владиміръ, а Кромеръ (на стран. 204) утверждаетъ, какъ сказано выше, что онъ овладѣлъ въ первой Апрѣльской походъ только Льво-

(5) Кажется, городъ Любартовъ, лежащій между Вислой и Бугомъ, куда простиралась Надвислянско Володимірская Русь, основанъ былъ этимъ же самымъ княземъ.

вымъ, и, взявши сокровища и сжегши замки, воротился, съ добычей, въ Краковъ. Послѣ во второмъ походѣ, онъ снова пытался овладѣть Володоміріей, но удовольствовался только Перемышлемъ, Сапокомъ, Галичемъ, Теребовлей, Любачевымъ и Тустаномъ. Наконецъ, будто онъ простеръ оружіе свое до самаго Кременца, который, однако же, оставилъ, до поры времени, во власти Литовцевъ. Подобныхъ противурѣчащихъ показаній можно бы привесть безчисленное множество. Это дѣлается вовсе не съ тѣмъ, чтобы унизить заслуги столь знаменитыхъ писателей, но единственно съ цѣлію предостеречь читателя отъ слѣпой вѣры въ каждаго, кто только что-либо написалъ, на все обращать критическій взглядъ, считать истинным одно лишь согласное съ свѣдѣтельствомъ современныхъ писателей и здравымъ разсудкомъ.

Мы не можемъ, также, безусловно основываться и на Карамзинѣ, писателѣ, впрочемъ, осмотрительномъ, потому что и онъ слишкомъ уже довѣрялъ важности историковъ, изъ которыхъ пришлось ему черпать. Онъ утверждаетъ, что Болеславъ Тройденовичъ, князь Черско-Мазовецкій, владѣвшій, по общему мнѣнію, Галиціей, исповѣдывалъ Греко-Рускую вѣру (6). Мнѣніе свое основаетъ онъ на посланіи папы Іоана 1327, къ Владиславу Локѣтку, помѣщенномъ Райнальдомъ въ Церковныхъ лѣтописяхъ (7), въ которомъ напоминаетъ онъ этому ко-

(6) Карамзинъ IV. страница 249.

(7) Вотъ отрывокъ изъ письма, писаннаго королемъ Локѣтком къ папѣ Іоану XXII-му, отъ 21-го Іюля, 1324-го, и помѣщеннаго въ Церковной исторіи Райнальда. Hinc est quod

ролю заохочивать правнука своего „Boleslaum Ducem Russiae,“ оставивъ Греческое заблужденіе и соединившись съ Римской Церковью, ибо этотъ Болеславъ, владѣвшій въ Галиціи только послѣ 1336, не могъ называться въ 1327 „Dux Russiae,“ по той простой причинѣ, что въ Галиціи, т. е., на Руси, въ то время жилъ и княжилъ еще Юрій, правнукъ Даніиловъ. Могъ ли исповѣдывать вѣру, чуждую отцу и народу своему, Болеславъ Тройденовичъ, князь Мазовецкій, сынъ Римокатолика, и хотя рожденный Руской, но княжившій въ Черскѣ, среди Поляковъ и надъ Поляками того же самаго исповѣданія? А потому Болеславъ, объ обращеніи котораго столько

Sanctitati vestrae insinuatione praesentiam cum dolore intimamus, quod cum duo ultimi principes Ruthenorum de gente Schismatica, quos immediatos pro scuto inexpugnabili contra crudelem gentem Tartarorum habebamus decesserunt ex hac luce ex quorum interitu et caetera. *Narusz.* V. p. 51. Вотъ и другой отрывокъ изъ посланія папы Іоанна къ Локьтку, писаннаго 1327-го и относящагося къ этому же Болеславу. Cum itaque sicut exultatione praegrandi nuper audivimus, nobilis vir Boleslauus dux Russiae praenepos tuus qui ex ritus imitatione Graecorum ab universalis Sanctae Romanae matris Ecclesiae unione dividitur, spiritum Domino asspirante conceperit ad unitatem ipsius ecclesiae redeundi, nec bene conveniat, ut ex tuae quod absit degeneratione prosapiae arbor discrepet a radice, rogamus excellentiam regiam, quantum affectuose possumus, et hortamur te nihilominus in remissionem pecaminum obsecrantes, quatenus praefatum ducem, cui super hoc per alias nostras literas scribimus, quod relicto huiusmodi ritu erroneo redeat, seu veniat, in suae salutis proemium ad ipsius ecclesiae unitatem paternis et salubribus inducere monitis non omittas. *Rayn.* Annal. eccl. *Карамзинъ* IV. стран. 199. примѣч.

забоялся папа, долженъ былъ быть другой какой-то Рускій князь, жившій въ Надвислянской Руси, лежавшей между Вислой и Бугомъ. Это подтверждаетъ и лѣтописецъ, Иванъ Виподуранъ (Joannes Witoduranus), приводимый Нарушевичемъ (въ примѣчаніи, стран. 46, часть VI), и выражающійся такъ: „procuravit eis (т. е., Галицкимъ Русинамъ) christianum latinum (этого Болеслава), si illi parere vellent.“ Этотъ же самый Виподуранъ, и, слѣдуя ему, Нарушевичъ (въ части VI. стр. 103, и примѣч. стр. 46) говоритъ, что Татары, по смерти послѣдняго потомка Львова дома, навязывали, около 1324 г., Галицкимъ Русинамъ своихъ царковъ, которыхъ они отравили, лучше желая имѣть государемъ своимъ Полака, нежели навязаннаго Татарами. Однако и это не согласно съ истиной: послѣдній потомокъ Льва владѣлъ еще въ 1336 Галицкимъ престоломъ, и, увѣряя въ дружбѣ своей Великихъ Нѣмецко-Прусскихъ магистровъ, писалъ имъ, что онъ въ состояніи отстоять ихъ и Польшу отъ Татарскаго ига. Что могущество это было довольно значительно, показываетъ отрывокъ изъ посланія Локѣтка къ папѣ, помѣщенный въ примѣчаніи, гдѣ онъ называетъ князей Галицкихъ необоримымъ щитомъ отъ Татаръ „pro scuto inexpugnabili.“ Стало быть, Польскіе писатели слѣдовали въ этомъ Длугошу, который жилъ почти 100 лѣтъ послѣ этого событія. Но свѣдѣтельство самое несомнительное въ этомъ случаѣ, можетъ сообщить намъ Гнѣзненскій архи-

діяконъ, какъ современникъ, который, однако же (in Scriptoribus rerum Polonicarum lib. II. pag. 97. coll. Sommersbergianae), говоритъ только слѣдующее: Post coronationem Casimiri anno 1333 non multo tempore mortuo magnifico principe Kazimiro (dicto Georgio) *totius regni Russiae* duce, Trojden dux Masoviae (rectius filius ejus Boleslaus), qui *avunculo suo* in ducatu Russiae successerat, veneno per Ruthenos intoxicatus interierat." Одно лишь это свѣдѣтельство Польскаго писателя заслуживаетъ полную вѣру, тѣмъ болѣе, что оно подтверждается и соображеніями, приведенными выше, именно. 1) Что только по вѣнчаніи Казиміра Великаго, стало быть послѣ 1332 (иначе 1337), престолъ королевства *totius Russiae* сдѣлался праздными. 2) Что этотъ умершій послѣдній Русскій государь назывался по Славянски Казиміръ, а въ Христіанствѣ Георгій. Точно такъ и св. Владиміръ назывался по Славянски Владиміромъ, а послѣ крещенія получилъ имя Василія. Этому обычаю слѣдовали и другіе старинные Русскіе князья, употреблявшіе два имена. 3) Что Полякъ Болеславъ возсѣлъ на престолъ Русскій не послѣ Татарскихъ царяковъ, какъ увѣряетъ Нарушевичъ, и не послѣ Любарта, какъ утверждаетъ Длугошъ, но послѣ дяди своего, Казиміра или Юрія, что согласно и съ грамотами, приведенными Карамзинымъ. 4) Что это господство Болеслава въ Галиціи продолжалось не 13, какъ говоритъ Нарушевичъ (въ VI части, на стр. 103), но просто только два или три года. 5) Что

нѣтъ ни какихъ доказательствъ и слѣдовъ, чтобы онъ, какъ утверждаетъ тотъ же Нарушевичъ, былъ Греческаго исповѣданія, а потому всегда оставался послѣдователемъ Латинскаго. 6) Что долженъ быть, какъ сказано выше, другой, какой-то, Рускій Болеславъ, родственникъ Локѣтка, исповѣдывавшій Греческую вѣру, и жившій нѣсколько *прежде*, въ царствованіе Локѣтка, слѣдовательно, не тотъ, котораго Галицкіе Русины отравили. 7) Что онъ дѣйствительно былъ отравленъ Галицкими Русинами. 8) Что разсказъ Нарушевича объ апостольствѣ этого Болеслава и умноженіи при немъ Католическихъ Мазовецкихъ поселеній на Руси составляетъ просто выдумку; потому что въ теченіе двухъ, трехъ, лѣтъ можно было развѣ только что-либо подобное задумать, но отнюдь не осуществить, и притомъ у народа, пламенно привязаннаго къ своему исповѣданію; и, наконецъ. 9) Что ложно увѣреніе Стрыйковскаго (изданіе Богомольца, стр. 375, 6, и 7), будто Литовцы, разбивъ, въ 1331 году, Татаръ на Подолѣ, завоевали этотъ край, строили города, и, будто имъ, т. е., Подоломъ, владѣли Коріятовичи по самое *Подгорье и Покутье*, потому что края эти, Подгорье и Покутье, по грамотамъ, приведеннымъ Карамзинымъ, находились во владѣніи Юрія, „principis totius regni Russiae.“ Причины, побудившія Галицкихъ Русиновъ посягнуть на жизнь своего государя, были, по словамъ Польскихъ (8) истори-

(8) *Dlugosz.* Ed. Lips. 1711. pag. 1057. Leopoliensem terram caeteraque Russiae provincias, regno Poloniae vicinas, Boleslao

ковъ, слѣдующія: Угнѣтеніе ихъ тяжкими податями, распутная жизнь и насиліе Рускимъ женамъ, окруженіе себя Поляками, Чехами и Нѣмцами, и раздача, мимо шуземцовъ, должностей иноплеменникамъ, усиліе ввести на Руси свое Латинское исповѣданіе, а Греческое испребить. Къ этѣмъ причинамъ, можно бы, по всему праву, прибавить еще, что Русины считали Болеслава чужеземцемъ, отнявшимъ престолъ у князей мужескаго колѣна, происходившихъ изъ дома ихъ испоконныхъ государей, и потому беззаконно вступившимъ на него.

§. 10.

1340.

Когда Болеславъ умеръ, 25 Марта, 1340 года (9), то Казиміръ, король Польскій, получивъ извѣстіе о томъ, рѣшился воспользоваться этѣмъ проис-

---

filio Troydeni ex Lithvano et Ruthena matre ducissa Masoviae filia Gedemini suscepto (mortuo enim duce Russiae videlicet Leopoliensi et Vladimeriensi, Lombardo filio ducis Litvaniae Gedimini avunculo suo Germano principatum et regimen Baronum Russiae nobiliumque concensu et iure sanguinis propinquitatisque nactus adeptusque fuerat). Primorum Russiae contra illum livor indignatioque grandis et tandem in necem machinatio et vehemens fervidaque conspiratio consurgit. Et licet in dies glisceret, viresque assumeret: multi tamen respectus in opertam rebellionem prodire et principi suo patulam moliri mortem vetabant. Dolis itaque utendum decernunt, veneno in potu propinato in die annuntiationis Sanctae Mariae alias novo calendas Aprilis illum extinquunt, et caet.

(9) *Naruszewicz* (tom. VI. str. 48. not.). Зиморовичь полагаетъ 1339 годъ; но какъ это увѣреніе, такъ и другія бредни его, послѣ Длугоша не заслуживаютъ никакого вниманія.

шествіемъ для овладѣнія сокровищами и богатствами могущественныхъ и бережливыхъ Руско-Галицкихъ государей, хранившимися въ Львовскомъ замкѣ. Съ этой цѣлью онъ, собравши, сколько можно было, на скорую руку своего придворнаго и нѣкоторыхъ изъ своихъ вельможъ войска, выступилъ съ этой дружиной, послѣ Фоминой недѣли, т. е., въ концѣ Апрѣля, въ походъ, пробрался околицей къ Львову, и окружилъ со всѣхъ сторонъ Львовскихъ Русиновъ, жившихъ себѣ мирно. Прежде всего онъ, какъ говоритъ преданіе, сжегъ, для страха, монастырь св. Георгія, а потомъ осадилъ городъ и деревянные замки, негоповые къ оборонѣ и не имѣвшіе достаточнаго войска, и грозилъ обратить ихъ въ прахъ. Городъ, въ такомъ опасномъ положеніи, безъ жизненныхъ припасовъ, оставленный въ добычу голоду, безъ государя и нужнаго войска, принужденъ былъ сдаться смѣлому наѣздинку, обезпечивши, однако же, себѣ у него жизнь и имущество. Казиміръ, ограбивши его и забравши безмѣрныя княжескія, церковныя и частныхъ лицъ, сокровища, находившіяся въ городѣ, какъ по: золото, серебро, драгоцѣнности, перлы, два золотыхъ креста съ частью Св. креста, два золотыхъ вѣнца, богато осыпанные разными драгоцѣнными каменьями, багряницы, и даже дорогой престолъ Русскихъ королей, украшенный золотомъ и бисеромъ, равно какъ и другія безчисленныя сокровища и деньги (10), и предавши

(10) „Quod audiens rex Kragoviae cuius consors soror uxoris regis Ruthenorum iam intoxicati fuerat, illuc cum exercitu pro-

оба замки и городъ огню, прежде нежели народъ успѣлъ опомнишься отъ страха и изумленія, поспѣшно воротился съ добычей своей тѣми же самыми околицами въ нѣсколько дней въ Краковъ. Говорю „околицами," потому что, желая пройти изъ Кракова въ Львовъ съ войскомъ, надлежало непремѣнно проходить либо Саноцкой, Перемышльской, либо же Любачевской, землей, осаждать и брать ихъ города и замки. Казиміръ, не имѣя, въ этомъ первомъ своемъ нападеніи на Русь, необходимаго числа войска, и боясь, чтобы Русины, узнавъ о замыслахъ его, не взяли нужныхъ средствъ для обороны, и, такимъ образомъ, не скрыли бы сокровищъ и драгоцѣнностей, столько привлекательныхъ для него, пробрался окольными дорогами въ Львовъ и назадъ изъ Львова, съ небольшой своей дружиной, составленной изъ смѣльчаковъ, тщательно избѣгая городовъ и замковъ. Онъ занялся, какъ скажемъ о томъ ниже, покореніемъ земель и городовъ, Санока, Перемышля и Любачева, лежащихъ на пути къ Львову, только во второй свой походъ, предпринятый 22 Іюня съ значительнымъ уже числомъ войска. Дружина его долженствовала быть немногочислена, потому что съ значительнымъ числомъ не льзя было пробраться въ Львовъ, какъ путемъ между Санокомъ и Перемышлемъ, такъ равно и между Перемышлемъ и Любачевымъ, особен-

peravit et *immensam poecuniam ab eo relictam rapiens* reversus est." *Vitoduranus* (tomo I. p. 1862. Editio Francofurti et Lipsiae apud Paulum Krauss, anni 1743. Стало быть, здѣсь говорится вовсе не о завоеваніи, а только о расхищеніи сокровищъ. Исторія Виттодурана помѣщена въ Eccardi Historia medii aevi.

по весной, въ Апрѣлѣ, когда рѣки были въ полномъ разливѣ. Притомъ, онъ могъ обратить вниманіе на себя охранныхъ войскъ тѣхъ городовъ, Рускаго дворянства, и, такимъ образомъ, подвергался опасности потерять сообщеніе съ собственнымъ своимъ краемъ.

Прежде нежели приступлю къ описанію втораго Казимірова похода на Русь, и приведу замѣчанія свои вообще на оба, равно какъ причины, произведшія ихъ, и слѣдствія того, считаю нужнымъ войти въ нѣкоторыя подробности этого перваго похода въ томъ видѣ, какъ описалъ его, спустя сто лѣтъ, Длугошъ, и какъ послѣдующіе историки украсили оный.

Онъ пишетъ, что Казиміръ, окруживъ Львовъ и держа его, вмѣстѣ съ обоими замками, нѣкоторое время въ осадѣ, принудилъ этимъ начальниковъ ихъ отправить къ себѣ посольство, съ предложеніемъ сдачи, если только король обяжется не посягать на ихъ вѣроисповѣданіе и не измѣнять его. Король охотно согласился на это условіе, предвидя, что Русины, какъ народъ упорный, готовы выдержать самую долгую осаду и даже прибѣгнуть къ послѣднимъ средствамъ. Послѣ этого отворили ему ворота, которыми онъ вошелъ въ городъ съ своимъ войскомъ, сдали оба замка, и присягнули въ вѣрности и покорности. Потомъ, король взялъ, какъ сказано было выше, съ собою сокровища, отправился во Владиміръ, овладѣлъ городомъ, замкомъ и всей Волынской землей. А какъ Львовскій и Владимірскій замки были деревянные, требовавшіе, по своей обшир-

ности, большаго числа войска и оружія, и какъ они могли, по отходѣ его, возмутиться, что онъ, потому, сжегъ ихъ, и, оставивши для удержанія за собой земли и города Львова, старосту и чиновниковъ, воротился, обремененный добычей и дарами Русиновъ, какъ побѣдитель въ Краковъ. Такъ повѣствуетъ Длугошъ.

Но событіе это должно было происходить иначе. Уже выше сказано, что Казиміръ отправился, въ концѣ Апрѣля, послѣ Фоминой недѣли, изъ Кракова на Русь съ своей военной дружиной, и воротился назадъ не позже конца Мая. Онъ долженъ былъ непремѣнно воротиться въ Маѣ, потому что имѣлъ еще, послѣ своего возвращенія съ похода, столько времени, что, спрятавъ привезенную съ собой добычу, могъ собрать Польское войско изъ всѣхъ, подчиненныхъ себѣ, земель и краевъ: „exercitum ex omnibus terris contractum," и отправиться вторично на Русь съ войскомъ, въ день Св. Іоана, т. е., 24 Іюня, слѣдов., спустя три недѣли по своемъ возвращеніи. Такимъ образомъ, онъ провелъ, по самой большой мѣрѣ, едва четыре недѣли въ первомъ походѣ. Каждый, потому, безпристрастный, легко убѣдится, что въ 4 недѣли рѣшительно невозможно совершить походъ съ арміей, изъ Кракова въ Львовъ, разстояніемъ 350 верстъ, притомъ весной, когда вовсе не было искусственныхъ дорогъ, напротивъ край оставался покрытъ лѣсами, рѣками и болотами, далѣе, употребить нѣсколько дней на осаду и сдачу Львова, занять го-

родъ и замки, захватишь и уложишь княжескія и церковныя сокровища и драгоцѣнности, выслушать присягу въ вѣрности города и его войска, сжечь замки, отправишься далѣе за 210 верстъ, во Владиміръ, овладѣешь городомъ и замкомъ его, и, наконецъ, завоевавъ всю эту, довольно обширную, Волынскую землю, воротишься въ Краковъ. Словомъ, невѣроятно, въ такъ короткое время, даже съ одной лишь конницей, какъ иначе и быть не могло, сдѣлать столько походовъ и совершить, въ 4 недѣли, столько блистательныхъ и важныхъ богатырскихъ подвиговъ. А какъ это событіе признано, въ сущности своей, справедливымъ, то, потому, слѣдуетъ его измѣнить, какъ сказано было, выше именно, что король Казиміръ очутился подъ Львовымъ вовсе *неожиданно*, съ небольшой дружиной, осаждалъ два или нѣсколько дней городъ и замки, грозилъ истребить стражу и сжечь городъ. А когда городъ, обезпечивши себѣ напередъ жизнь, имущество и вѣру, поддался ему; то онъ, не держа слова, забралъ, что только было драгоцѣннѣйшаго, предалъ огню городъ и замки, и поспѣшно воротился въ Краковъ. Но подъ Владиміромъ и на Волыни онъ тогда не былъ, потому что эти края, какъ сказано выше, принадлежали не Болеславу Тройденовичу, но находились подъ верховнымъ господствомъ Литвы и мелкихъ Русскихъ князей; да притомъ, было невѣроятно и безразсудно предпринимать такое обширное завоеваніе съ горстью всадниковъ, хоть бы даже самыхъ воинственныхъ.

Мы видѣли выше, какъ Длугошъ увѣряетъ въ томъ, будто стража и городъ, сдаваясь, выговорили себѣ свободное исповѣданіе вѣры; но я думаю, что прежде всего должно было обезпечить себѣ жизнь и имущество, потому что безъ жизни не льзя исповѣдывать вѣры. Впрочемъ, король не сдержалъ этихъ условій: онъ, захвативши всѣ богатства, приказалъ сжечь городъ и замки. Далѣе, Длугошъ говоритъ, что онъ, удаляясь въ Краковъ, оставилъ въ Львовѣ, для удержанія Руси въ зависимости и страхѣ, *старосту* и стражу изъ своего войска. Но кто бы оставлялъ стражу среди разрушеныхъ зданій огнемъ, среди пепла? Гдѣ бы же она могла пріютиться? Если бы побѣдитель намѣревался оставить стражу, то не жегъ бы замковъ, напротивъ, помѣстилъ бы ее въ нихъ, какъ мѣстѣ, способномъ для защищенія. Иначе, это было бы тоже самое, если бъ кто-нибудь теперь, завоевавши въ непріятельскомъ краѣ крѣпости, сравнялъ ихъ съ землей, а потомъ оставилъ въ открытомъ полѣ стражу и воротился въ свою сторону. Стража эта, не имѣя убѣжища и защиты, непремѣнно сдѣлалась бы жертвой мести непріятеля. Тоже самое было и въ упомянутомъ случаѣ, потому что въ рукахъ Русиновъ оставалась еще земля и крѣпости: Санокъ, Перемышль, Любачевъ, Галичъ, Теребовля и Тустанъ, т. е., цѣлая Галиція. Для завоеванія этой-то земли и укрѣпленій ея, Казиміръ предпринялъ другой походъ, 24 Іюня, 1340.

§ 11.

Отягченный безмѣрной добычей Рускихъ богатствъ, король Казиміръ воротился побѣдителемъ изъ своего наѣздническаго похода въ мѣсяцѣ Маѣ, въ Краковъ. Слава этого предпріятія, знаменитая добыча, пріобрѣтенная вождемъ и его богатырями, и, можетъ быть, преувеличенная молва о необыкновенныхъ Рускихъ богатствахъ, разнеслись по цѣломъ Польскомъ королевствѣ. Отсюда родилась во всемъ народѣ жажда и стремленіе къ пріобрѣтенію добычи такимъ легкимъ средствомъ. Каждый мечталъ о золотыхъ вѣнцахъ, престолахъ, усѣянныхъ жемчугомъ, и драгоцѣнныхъ одеждахъ. Это воодушевленіе обратилось въ неописанное изступленіе, когда Казиміръ приказалъ выставить въ Краковскомъ соборѣ на видъ всѣмъ золотой крестъ съ частію древа Св. Креста, для воздаянія ему должной чести, равно какъ Рускій престолъ и вѣнцы. Такое исступленіе народа и, увѣнчанный счастливымъ успѣхомъ, первый походъ, склонили короля предпринять второй, и уже не съ цѣлію захватить какую-нибудь добычу, но, если удастся, завоевать какую-либо часть этого, плывущаго медомъ и млекомъ, края, и соединить ее съ Польскимъ королевствомъ. И такъ, онъ объявилъ походъ на Русь, назначилъ мѣсто для сбора и смотра, и, въ три или четыре недѣли, собрались толпы дворянъ и вооруженнаго народа, мечтавшихъ единственно только о драгоцѣнной добычѣ. Предводя войскомъ, пе-

перь уже многочисленнѣйшимъ прежняго, двинулся король Казиміръ, въ день Св. Іоана, для завоеванія Руси. Благопріятнѣйшаго времени никогда не могло быть. Умы Рускихъ бояръ были, смертію Болеслава, раздвоены. Одни желали отдать власть надъ собой законнымъ наслѣдникамъ, потомкамъ древнихъ Рускихъ князей, изъ коихъ каждый, безсильный склонить на свою сторону большинство, завистью своей вредилъ другому. Другіе, помня, что отцы ихъ призвали было, когда-то, на Галицкій престолъ князей изъ королевскаго Угорскаго дома, рѣшились поднесть Галицкій вѣнецъ Угорскому королю, Карлу Роберту, могшему отстоять ихъ отъ ига Польскаго (10). Третьи же, сильнѣйшіе прочихъ, думали, что они, какъ воеводы нѣкоторыхъ краевъ, смогутъ сами удержать за собой и потомствомъ своимъ неограниченную власть и владѣніе землями, отданными имъ въ управленіе. Слѣдовательно, не было ни воли, ни силы къ единенію.

Пользуясь такимъ несогласіемъ бояръ, Казиміръ вступилъ, съ сильнымъ войскомъ, въ Галицію, осадилъ укрѣпленный замокъ, Перемышль, потомъ Сапокъ, Любачевъ, Галичь, Теребовлю, и овладѣлъ этѣми, и многими другими, твердынями Червоной Руси, не безъ сильнаго, впрочемъ, сопротивленія и кровопролитныхъ битвъ, равно какъ побѣдилъ

(10) *Naruszewicz* T. VI. str. 104.

и обратилъ въ бѣгство осмѣлившихся сопротивляться ему въ открытомъ полѣ (11). Тѣхъ же мелкихъ Русскихъ князей, которые поддались ему, оставилъ въ ихъ владѣніяхъ, предоставляя себѣ одно лишь содержаніе въ крѣпостяхъ ихъ охраннаго войска, и, сверхъ того, верховную власть. Такимъ образомъ, онъ покорилъ себѣ страну, бывшую только короткое время во владѣніи Болеслава Тройденовича, и называвшуюся княжествомъ или королевствомъ Галицкимъ. Длугошъ утверждаетъ еще, что Казиміръ завоевалъ, въ этомъ же самомъ году, кромѣ Галиціи, Владиміръ и Луцкъ, т. е., Володомірію; но мы уже выше показали, и еще разъ будемъ имѣть случай повторить, что это было иначе, что Володомірія никогда не принадлежала къ Болеславовымъ владѣніямъ, а имѣла собственныхъ государей. Кромеръ говоритъ, что Казиміръ проникъ до самаго Кременца, оставивъ, однако же, по договору, княжество это, Явнушу и друг. князьямъ Литовскимъ. Этому легко можно повѣрить, потому что, завоевавъ Теребовльское княжество, смежное съ Кременецкимъ,

---

(11) Castra et civitatees caeterasque Russiae munitiones et fortalitia expugnat, nonnullis ultro se dedentibus et in suam redigit potestatem etc. — Quamvis tamen nonnulli ex Russiae nobilibus, principatum Cazimiri regis Poloniae aspernantibus Tartarorum suffragiis freti, resistentiam Casimiro regi facere crebris excursionibus tentassent, pluribus tamen certaminibus (cum universum dimicationis eventum, magnopere potentiam regis veriti extimescerent) fracti ac usque ad interemptionem deleti fugatique sunt etc. *Długosz* pag. 1059.

войско его дѣйствительно могло проникнуть къ Кременцу, отстоящему съ небольшимъ на сто верстъ отъ Львова. Напротивъ, гораздо менѣе вѣроятно извѣстіе Длугоша (стран. 1059) (12), будто Казиміръ, завоевавъ эту страну, соединилъ ее съ Польшей, и будто она, съ тѣхъ поръ, навсегда уже оставалась при ней. Но событіе это совсѣмъ иначе происходило. Это завоеваніе похоже было на завоеванія Татаръ, ограничивалось одной лишь стражей въ укрѣпленныхъ мѣстахъ, между тѣмъ какъ сопротивленіе народа продолжалось, какъ увидимъ ниже, безпрерывно. Притомъ, Галиція имѣла и впослѣдствіи еще своего собственнаго князя, въ лицѣ Владислава Опольскаго, потомъ принадлежала, нѣкоторое время, къ королевству Угорскому, и, наконецъ, послѣднее и прочное покореніе ея наступило только въ 1387, преобразованіе и присоединеніе къ Польшѣ въ царствованіе Владислава Ягайла, 1413, а сравненіе правъ Рускаго дворянства съ Польскимъ при Владиславѣ Варнскомъ, 1431.

---

(12) Et illam (Russiam) in formam provinciae redactam regno Poloniae perpetuo applicat, incorporat, unit et anectit. Nec ab illo tempore regis et regni Poloniae subiectione et obedientia visa est discessisse, sed semper in illius fide, sincera integritate et devotione permansit. *Długosz* pag. 1059. Точность, съ какой Длугошъ описываетъ присоединеніе Руси къ Польшѣ, даетъ намъ знать, что еще и въ его время Русины думали о независимости. Чтобы выгнать изъ головы ихъ такія мысли, онъ подбиралъ выраженія, стараясь доказать, что земля эта навѣки соединена была съ Польшей еще въ царствованіе Казиміра.

Казимiръ, овладѣвъ Червоной Русью, и размѣстивъ, по главнѣйшимъ крѣпостямъ, стражу, состоявшую частью изъ собственныхъ воиновъ, а частью воиновъ сильныхъ Рускихъ бояръ, считавшихъ дѣломъ благоразумiя покориться могущественнѣйшему себя, оставилъ въ Львовѣ значительный гарнизонъ изъ наемныхъ Нѣмцевъ, и воротился, еще того же самаго года, въ Краковъ, разумѣется, и въ этотъ разъ, не безъ добычи.

§ 12.

Теперь приходится намъ остановиться еще на томъ, какое могъ имѣть право Казимiръ на завоеванiе Червоной Руси? Допустивъ, что отравленный Болеславъ былъ законнымъ государемъ и повелителемъ этой земли (на что, однако же, не льзя согласиться), кому, спрашивается, послѣ его, безпотомственнаго, принадлежало право на Галицкiй вѣнецъ? Безъ сомнѣнiя, младшимъ его братьямъ, рожденнымъ съ нимъ отъ одной и той же матери, Русинки, т. е., Земовиту и Казимiру Тройденовичамъ, князьямъ Мазовецкимъ, жившимъ, по свѣдѣтельству Длугоша и другихъ позднѣйшихъ лѣтописцовъ (13), въ это время, потомокъ конхъ, Янъ, еще въ 1525 году носилъ пустое титло, „Dei gratia Dux Masoviae, Russiae et caet. (14).“ Уже Нарушевичъ чувствовалъ неправость этого завоеванiя, и потому старался украсить его

(13) *Naruszewicz* T. V. str. 28. VI. str, 17—18.
(14) Volumina Legum I. pag. 448.

разными, чрезвычайно ничтожными, доказательствами (15). Онъ говоритъ, что эти Мазовецкіе князья, братья отправленнаго Болеслава, уступили права свои королю Казиміру въ обмѣнъ на Бельзское княжество, и ссылается въ этомъ на Лубенскаго „Jura Poloniae in Russiam," акпъ, о которомъ ни одинъ древнѣйшій историкъ ничего не упоминаетъ. Напротивъ, Длугошъ свѣдѣтельствуетъ (16), что Бельзское княжество имѣло своего законнаго государя, Георгія, князя Рускаго, еще въ 1366, равно какъ и впослѣдствіи, даже въ началѣ XIV столѣтія. Стало быть, Казиміръ не только ничего не уступалъ братьямъ отправленнаго Болеслава, напротивъ даже отнялъ, спустя 14 лѣтъ, 1354 г., часть наслѣдственнаго ихъ Мазовецкаго княжества, и заставилъ ихъ, избирая изъ двухъ золъ меньшее, для удержанія при себѣ оставленнаго имъ, поддаться и присягнуть ему въ вѣрности на обладаніе Мазовіей въ смыслѣ Польскаго края, коимъ предки ихъ и они сами всегда владѣли независимо (17). Впрочемъ, допустимъ, что Казиміръ уступилъ Мазовецкимъ князьямъ землю Бельзскую, потому что, въ самомъ дѣлѣ, Мазовецкіе князья, впослѣдствіи, владѣли ей; но развѣ это вознагражденіе? Вѣдь и Бельзская земля была Руской, частью Галицкаго и Володомірскаго королевства, частью владѣній „Ducis to-

(15) Tomo VI. pag. 104.
(16) *Długosz* pag. 1149.
(17) *Długosz* pag. 1098, 1099, 1100.

tius Russiae?“ Но и это иначе было, потому что Мазовецкіе князья, только въ царствованіе Владислава Ягайла получили Бельзскую землю въ смыслѣ нѣкотораго вознагражденія за то, что иноземцы, Литвинъ, Ягайло, и, Угорка, Ядвига, завладѣли Польскимъ престоломъ, принадлежавшимъ, по всему праву, Мазовецкимъ князьямъ, какъ Пястамъ. Далѣе, этотъ же Нарушевичъ упоминаетъ (на той же самой стран.) о какой-то древней верховной власти королей Польскихъ надъ Русью; но и это право столько же шатко, какъ и первое. Оба эти народы, Русскій и Польскій, вторгались, въ военное время, взаимно въ края одинъ другаго. Поляки нападали на Русь между Вислой и Бугомъ, равно какъ и на землю Перемышльскую, а Русины на Мазовію и Куявію; но такія вторженія и нападенія столько же мало даютъ права на владѣніе упомянутыми выше землями, сколько опустошенія предками нынѣшнихъ Угровъ Тюрингіи, Гессена и Саксоніи въ 916 году, равно какъ Алзаціи и Лотарингіи, на владѣніе этѣми краями. Это было бы тоже самое, если бы Шведы объявили право на владѣніе Польшей, потому только, что, раза два, когда-то, завоевали ее, или если бы Французы сдѣлали тоже съ Австріей, Угріей, частью Литвы и Россіи, подъ предлогомъ, что войска ихъ занимали въ 1809 и 1812 часть Австрійской и Руской державы. Далѣе, онъ пишетъ, что сомнительная вѣрность сильнѣйшихъ Русскихъ бояръ, начавшихъ, было, сноситься съ Уграми, побудила короля, Казиміра, овладѣть Русью; но развѣ это давало

ему какое право на присвоеніе чужей страны? Разумѣется, ни какаго! Русины, помня, что на Галицкомъ престолѣ возсѣдалъ, нѣкогда, король изъ дома Угорскаго, могли снова призвать къ себѣ государя изъ этого самаго рода, особенно когда Угорскіе короли, и даже Людвикъ, племянникъ по сестрѣ Казиміра, избранный имъ послѣ въ преемники, называли себя „Reges Gallatiae или Galiciae (18). Но самая смѣшная изъ причинъ, приведенныхъ Нарушевичемъ, для покоренія Руси, слѣдующая: король Казиміръ, а равно и отправленный Болеславъ, были женаты на родныхъ сестрахъ, дочеряхъ Литовца, Гедимина; а потому король, заботясь о безопасности своего престола, счелъ необходимымъ не допустить сосѣдственныхъ народовъ овладѣть Русскими краями, но самъ покорилъ ихъ. Какъ будто, можетъ, по какому бы-то ни было праву народовъ или частныхъ лицъ своякъ наслѣдовать свояку! Между тѣмъ какъ, наоборотъ, этотъ же самый король, Казиміръ, очень справедливо приводитъ, въ договорѣ, 1335 года, съ Карломъ, маркграфомъ Моравскимъ, впослѣдствіи императоромъ Римскимъ, слѣдующія слова въ пользу права своего на нижнюю Польшу: „Рикса, какъ женщина, не можетъ получить въ наслѣдство ни какихъ владѣній и земель: dicebat se jus habere in regno Poloniae inferioris, asserendo quod foemina non potest haereditare in regno (19).“

---

(18) *Тотъ же*, стран. 1102.
(19) *Naruszewicz* tom. VI. str. 69 и not. str. 16.

И такъ, изъ предыдущаго открывается, что король Польскій не имѣлъ другаго права на Русь, кромѣ права сильнѣйшаго, что ни князья Рускіе, ни самъ народъ, не признавали законности его обладанія, а потому оно и не могло никогда быть законнымъ. Но, чтобы обезопасить, сколько можно, добычу свою со стороны Угровъ, Казиміръ, не имѣя потомковъ мужескаго пола, утвердилъ, въ 1349, за Людвикомъ, королемъ Угорскимъ, какъ племянникомъ своимъ, право, по смерти его (Казиміра) на Польскій престолъ, слѣдовательно и на покоренную Русь (20). Упомянутыя выше слова короля Казиміра показываютъ намъ, что женскій полъ тогоже и въ Польшѣ, какъ и на Руси, не имѣлъ, въ то время, ни какаго права на престолъ, и что хотя дочь Казиміра, умершаго въ 1370, Елисавета, супруга Богуслава, князя Поморскаго, пережила отца своего (21), однако же не она, но Людвикъ сдѣлался королемъ Польскимъ. Какъ же, стало быть, могъ Болеславъ Тройденовичъ возсѣсть на Галицкомъ

---

(20) Et quo certior quietiorque ipsi (Cazimiro) esset Russiae possessio, quoniam Ungarorum reges ad se eam pertinere antiquo iure, sicuti supra memoravimus, contendebant, cum Ludovico rege eius gentis assentiente etiam Stephano fratre Ludovici duce Slavoniae ac Dalmatiae transegit, et contra Crucigeros societatem iniit, atque eundem Ludovicum certum sibi successorem in regno Polonorum designavit, si ipse sine masculis liberis discederet. Quod si Ludovicus quoque nullos *masculos liberos* relinqueret, Joannes Stephani fratris eius filius rex Polonorum esset. *Cromer* pag. 208.

(21) *Naruszewicz* T. VI. str. 16.

пресполь послѣ дяди своего, ссылаясь на мнимое право своей матери, если дочь, Елисавета, не могла взойти на него по смерти отца своего, Казиміра?

Не приступая еще къ дальнѣйшему описанію Червоно-Руских дѣяній, слѣдовало бы намъ исчислить нѣкоторыхъ изъ могущественнѣйшихъ Руских родовъ, имѣвшихъ когда въ этомъ краѣ значеніе и вліяніе; но число ихъ, по неимѣнію источниковъ, изъ коихъ бы можно было черпать, чрезвычайно ограничено. Въ грамотахъ послѣдняго Руско-Галицкаго князя, Георгія, писанныхъ въ 1334 и 35 къ Великому магистру Крестоносныхъ рыцарей, упоминаются: Дмитро Дядька, (пѣстунь, званіе, сходное съ нынѣшнимъ Великимъ гофмейстеромъ двора), Хотько, сынъ Яроміра, Judex Curiae (Придворный шивунъ, Великій гофмаршалъ), Георгій Калва, Михаилъ Елезаровичь, воевода (palatinus) Бельзскій, Александръ Молдавовичь, Борисъ Кракуша, воевода Львовскій, Васько Кудриновичь, Великій гофмаршалъ, Грицко Косачовичь, воевода Перемышльскій, Ходоръ или Федоръ Ошекъ, воевода Луцкій. Польскіе историки приводятъ еще, подъ 1344, Дашка, старосту Перемышльскаго, и Данила изъ Острога (22), о которыхъ сейчасъ скажемъ ниже. Угорскіе же историки (Турочь и Прай), упоминаютъ, подъ 1338, о какомъ-то Лохкѣ или Лохцкѣ „dux Russiae.“ Въ

(22) Предокъ князей Рускихъ Острогскихъ, происходилъ отъ Святаго Владиміра.

грамотѣ, данной королемъ Казиміромъ, 1355, городу Львову (если только признаемъ ее подлинной), исчислены, случившіеся при дворѣ королевскомъ, свѣдѣтели, дворяне, и называвшіеся по имѣніямъ своимъ, лежавшимъ на Руси, именно: Wolek de Drohowyza, Ivan Łogi de Skarzeszów и Słunieczko de Rozbora.

Древніе Польскіе историки, равно какъ и Нарушевичъ, мечтаютъ о переходѣ въ это время многихъ знаменитыхъ Русскихъ родовъ изъ Греческой вѣры въ Латинскую, не называя, однако же ни одного изъ нихъ по имени. Впрочемъ, и самыя тщательныя изысканія не представляютъ намъ ни одного такого; даже знаменитый родъ de Chodecz, занимавшій на Руси важныя должности и почитаемый мною, сначала, Русскимъ, былъ либо Чешскимъ, либо же Польскимъ, но отнюдь не Русскимъ, потому что первый изъ этого роду, бывшій, въ 1352, Львовскимъ старостой, имѣлъ крестное имя Оттонъ, неупотребляемое Руси нами. Переходъ изъ Греческой вѣры въ Латинскую усилился только послѣ введенія Уніи. А потому, должно назвать мечтой и то мнѣніе, какъ мы уже въ первой части сказали, будто на Руси поселилось множество Поляковъ, потому что тутъ и теперь еще, по прошествіи 500 лѣтъ, число Поляковъ незначительно, если исключимъ отсюда Польское дворянство, которому Польскіе короли, а именно Владиславъ Ягайло и, Владиславъ, сынъ его, отнимая имѣнія у Русиновъ, какъ скажемъ о томъ ниже, отдавали ихъ земли, равно какъ и дворянство Руское, перешедшее изъ Уніи въ

Латинскую вѣру, и теперь употребляющее Польскій языкъ, напослѣдокъ, Польское дворянство, утвердившееся въ позднѣйшее время, и Нѣмецкія поселенія, основанныя Казиміромъ въ городахъ (23). Польша сама имѣла столько земель, обезлюдненныхъ Литовцами, Русинами и Татарами, а особливо на правомъ берегу Вислы, что Казиміръ видѣлъ себя принужденнымъ вызывать поселенцовъ даже изъ самой Нѣмецкой земли для заняпія Польскихъ и Русскихъ краевъ. Равномѣрно несогласно съ истиной и то, будто Казиміръ, завоевавъ Галицію, устроилъ ее по образцу прочихъ провинцій и ввелъ въ ней Польскій порядокъ, потому что на Вислицкомъ сеймѣ, 1347, говорится только о воеводахъ: Краковскомъ, Сандомірскомъ, Люблинскомъ и Великопольскихъ, а о Русскихъ—ни малѣйшаго упоминанія (24). Тоже и въ привилегіи короля Людвика, 1374, равно какъ и въ актѣ Радомской конфедераціи, 1382 (25), не говорится ни слова ни объ одномъ Рускомъ городѣ въ Галиціи, за исключеніемъ Войнича, принадлежавшаго Краковскому воевод-

---

(23) Мнѣ удалось открыть источникъ, изъ котораго я убѣдился, какъ не льзя больше, что Нѣмцы еще въ царствованіе королей Русскихъ поселились здѣсь, въ этомъ краѣ, по городамъ и мѣстечкамъ. Значительная торговля съ Востокомъ, которую вела Европа черезъ Галицію, и благодѣтельное правленіе Даніила и его потомковъ, сильно содѣйствовали поселенію ихъ тутъ.

(24) Vol. Leg. 1. pag. 54.

(25) Vol. Leg. 1. pag. 58 — 60.

ству, и только въ мирномъ договорѣ Владислава Ягайла съ орденомъ Крестоносцевъ, 1436 (26), встрѣчаемъ въ первый разъ сановниковъ изъ Руси Червоной, именно воеводъ (palatinos): Львовскаго, Ивана Маншпыка изъ Дубровы, Подольскаго Петра Одровąза, Львовскаго каштеляна, Грыцька Кирдіевича, каштеляна Перемышльскаго, Николая изъ Вышинца, каштеляна Саноцкаго, Петра изъ Смолича, каштеляна Галицкаго Михаила изъ Бучачь, также подкоморыхъ, хорунжихъ, судей и подсудковъ упомянутыхъ земель. Слѣдовательно, это прямо говоритъ въ пользу того, что, какъ уже выше сказано, только въ 1433 Галицкая Русь была присоединена къ Польшѣ и устроена по образцу Польскихъ областей.

§ 13.

1541 — 1544.

Русины, ослабленные собственнымъ несогласіемъ, покорились, наконецъ, силѣ оружія короля Казиміра, который, оставивъ, 1340 года, своихъ старостъ, частью изъ Поляковъ, а частью изъ Русиновъ, съ охраннымъ войскомъ въ знатнѣйшихъ городахъ, а природнымъ князьямъ ихъ владѣнія, подъ условіемъ зависимости, возвратился въ Польшу. Впрочемъ,

---

(26) Vol. Leg. I. p. 117.

духъ свободы, любовь къ родинѣ и собственному правленію, и нерасположенность къ народу и имени Польскому, съ которымъ проведено два вѣка въ войнахъ, равно какъ и опасеніе, чтобы король Польскій, который, хотя самъ и не принадлежалъ къ набожнымъ и примѣрнымъ (27), однако жь, по видамъ политическимъ, или уступая настойчивымъ требованіямъ папы, непріязненнаго Греческому исповѣданію, не посягнулъ, вопреки своему обязательству, на Греческую вѣру, все это побуждало, большихъ и малыхъ, сбросить наложенное на нихъ иго. Два мужа, потомки св. Владиміра (28), Дашко изъ Перемышля, и Даніилъ изъ Острога, стали въ челѣ возставшихъ, которые, зная, что безъ чужой помощи не устоять имъ противу сильнаго Казиміра, а изъ Угріи, по родственнымъ связямъ его съ дворомъ Угорскимъ, не льзя ждать пособія; дру-

---

(27) Казиміръ содержалъ множество непотребныхъ женщинъ, и, что больше всего ужасало въ то время каждаго, даже самыхъ Жидовокъ, и согласился, чтобы сынъ, прижитой съ одной изъ нихъ, былъ воспитанъ въ вѣрѣ Жидовской (*Długosz* 1110). Онъ удалилъ отъ себя законную свою супругу, Аделанду, и женился, еще при жизни ея, на другой, Елисаветѣ Жагапской (*Narusz.* VI. str. 16). Онъ же утопилъ Краковскаго каноника, Баричку, представлявшаго ему, по порученію епископовъ, неумѣренную его жизнь, и такъ далѣе.

(28) Что оба эти, Дашко и Даніилъ изъ Острога, происходили отъ крови прежнихъ Рускихъ князей, въ томъ свѣдѣтельствуетъ и самъ Нарушевичъ, въ томѣ VI-мъ, стран. 58, въ примѣчаніи.

гіе же, Сѣверорускіе князья, одного съ ними происхожденія и исповѣданія, упѣснены Тапарскимъ игомъ, рѣшились просить помощи у самаго могущественнѣйшаго въ то время Сѣвернаго государства, т. е., упомянутыхъ Тапаръ. Они лучше хотѣли зависѣть отъ язычниковъ, не мѣшавшихся ни въ внутреннее правленіе, ни въ дѣла вѣроисповѣданія, а довольствовавшихся только небольшой данью, нежели имѣть государемъ Поляка, который, владѣя малой землей, по необходимости долженъ былъ требовать гораздо большаго, и который, желая слить въ одно тѣло два, правда, одноплеменныя, но вѣрой и нарѣчіемъ разныя, вѣтви Славянскаго народа, гоповъ былъ поднять руку, вопреки данному собой слову, на ихъ вѣроисповѣданіе. Тапары, присвоявшіе себѣ, послѣ несчастной битвы на Калкѣ, нѣкотораго рода верховную власть надъ Русью, съ радостію схватились за этотъ случай, чтобы, такимъ образомъ, распространить, сколько можно далѣе, вліяніе свое и на Малую, иначе Червоную, Русь, составлявшую, сколько лѣтъ, ограду прочимъ Европейскимъ государствамъ (29) отъ ихъ напора. Они соединили многочисленныя полчища свои съ Рус-

(29) Неблагодарная Европа до сихъ поръ не отдала намъ, Русинамъ, должной справедливости объ общемъ благѣ этой части земли, приписывая заслуги наши для нея другому народу. Иноземные писаки ложно утверждаютъ, будто Польша заслоняла Европу и Христіанство отъ нападеній Татаръ. Намъ, намъ, Руси-

ко-Галицкими, по словамъ Виподурана 1341, а Длугоша и Кромера 1344 (30), отправили небольшой отрядъ противъ Угровъ, для занятія ихъ въ

намъ, принадлежитъ честь эта. Русины безпрестанно воевали съ исполинской силой Татаръ и Турковъ; даже попавшись уже подъ иго Татаръ, не переставали воевать съ ними, и, наконецъ, потрясли могущество этихъ дикарей. Они разбили ихъ на Дону, Куликовомъ полѣ, Волгѣ и другихъ мѣстахъ, и, напослѣдокъ, совершенно истребили; они породили богатырей, Козаковъ, присягавшихъ воевать и умирать за Христіянскую вѣру. Рускіе поля и нивы орошены кровію ея сыновъ и невѣрныхъ. Рускіе села и города были жертвой огня, и Рускіе дѣти стопали въ узахъ варваровъ. Рѣдко, рѣдко проникали эти язычники въ Польскіе края, какъ это увидимъ ниже, въ продолженіи этого сочиненія. Старосты и Польское дворянство обогащались плодами Руской земли, которую сыны Руси должны были отстоивать своей грудью. Ниже, подъ 1589, мы разскажемъ, какъ Русь, разоренная вторженіемъ Татаръ, взывала о помощи къ Полякамъ, своимъ притѣснителямъ, а Поляки приказали ей дожидаться сейма. Но кто же причиной этого ложнаго мнѣнія въ Европѣ? Самые Русины, пренебрегавшіе вразумить Европу о настоящемъ положеніи дѣлъ, равно какъ и о томъ, что три четверти земли, нѣкогда называвшейся Польшей, есть Русь, Рускій, а не Польскій, народъ.

(30) Что касается времени, въ которое произошла эта Татарско-Руская война, то показаніе Виподурана, какъ современника, слѣдуетъ предпочесть всѣмъ прочимъ, хотя и на него въ подробностяхъ не льзя полагаться. Онъ писалъ въ Швейцаріи, въ Винтертурѣ, и самъ признается, что свѣдѣнія свои объ этомъ черпалъ не изъ надежныхъ источниковъ, а потому и приводитъ нѣсколько разныхъ сказаній о причинѣ и ходѣ этой войны съ Татарами. Впрочемъ, то не подлежитъ ни ка-

собственномъ ихъ краѣ, потомъ тотчасъ изрубили Польскую стражу въ Галиціи, ворвались, большими толпами, въ Польшу, и, наконецъ, покоривши Краковское, Сандомірское и Люблинское, воеводства, остановились на Вислѣ. Казиміръ, пораженный страхомъ, не смѣлъ встрѣтишь ихъ въ открытомъ полѣ; но, желая заслонишь отъ нихъ остальныя свои земли, расположился на лѣвомъ берегѣ Вислы, съ, собраннымъ имъ, наскоро, войскомъ, рѣшаясь не допускать къ переправѣ страшнаго непріятеля. Татары, принужденные къ спѣху временемъ года и недостаткомъ продовольствія въ опустошенномъ краѣ, почти не пытались перейти на другую сторону; но, ограбивши Польскіе края и забравши, по своему обыкновенію, безмѣрное число людей, скота и сокровищъ въ полонъ, отправились, Люблинской дорогой, въ свою землю. Они сбирались, было, овладѣть, мимоходомъ, Люблинскимъ замкомъ, въ которомъ надѣялись найти богатства; но, встрѣтивъ сопротивленіе въ немъ, и, не желая тратить времени на осаду, къ коей мало имѣли склонности, пустились далѣе своимъ путемъ. Казиміръ, переправившись осторожно черезъ Вислу, захватилъ, какъ-то, въ плѣнъ часть задней Татарской стражи въ окрестностяхъ Люблина, и выкупомъ ея умножилъ казну свою; но, опустошенія, причиненнаго Польскому краю, не въ состояніи былъ

кому сомнѣнію, что какъ Польша, такъ и Угрія, видѣли вторженіе Татаръ.

вознаградить (31). Но, что сдѣлалось съ Червоной Русью, о томъ Польскіе историки молчатъ; а потому заключать можно, что ничего не было хорошаго для ихъ славы и пользы. Она, судя по всему вѣроятію, оставалась вольной по самой 1349 годъ, потому что, какъ уже выше упомянуто было, Казиміръ, давая, 1347, права краямъ, бывшимъ подъ его властью, и исчисляя ихъ поименно, рѣшительно ничего не говоритъ о нашей Руси.

§ 14.

Галицкое королевство подъ владѣніемъ Польскимъ съ 1349 по 1370.

1349.

Мы уже выше упомянули, говоря о вступленіи на Руско-Галицкій престолъ Болеслава Тройденовича, что Любартъ Гедиминовичъ, князь Литовскій, женатый на дочери Галицко-Владимірскаго князя, Андрея „Ducis totius terrae Russiae, Galiciae et Lodomeriae (по бумагамъ, приведеннымъ Карамзинымъ)," овладѣлъ, по смерти послѣдняго потомка короля Даніила въ исходящей линіи, по крайней мѣрѣ, какъ увѣряютъ Польскіе писатели, Владимірскимъ краемъ или Володоміріей, около

(31) *Długosz* str. 1071—72. *Kromer* str. 206. *Naruszewicz* VI. str. 114—117.

1337, собственно въ то самое время, когда Болеславъ захватилъ Галицію (32). Такимъ образомъ, подѣлившись незаконной добычей, они вступили между собой въ сношенія; но потомъ, по смерти Болеслава, Казиміръ рвинулся на Галицію и присвоилъ ее себѣ, сбираясь, также, завоевать и самую Володомирію, и выжидая для того только благопріятнаго случая. Въ прошломъ, 1348, году Литовскіе князья, Любартъ, Кейстутъ и Патрикъ, собравши многочисленное, Литовское и Руское, войско (изъ Володоміріи), отправились въ Прусію, но потерпѣли пораженіе отъ Крестоносцевъ. Проницательный Казиміръ воспользовался этимъ происшествіемъ: онъ собралъ нужное войско, пошелъ съ нимъ въ Володомірію, осадилъ и взялъ Луцкъ, Владиміръ, Брестскую землю и крѣпость Брестъ Рускій, называемый теперь Литовскимъ, далѣе взялъ приступомъ Холмъ, гдѣ захватилъ множество богатствъ и драгоцѣнностей Рускаго дворянства; остальныя

(32) *Pistorius*, in Corp. Hist. Pol. III. pag. 166, исчисляя Гедиминовыхъ сыновей, слѣдующее пишетъ, въ родословной таблицѣ Ягайловыхъ потомковъ, о Любартѣ: „Lubardus a patre nihil acceperat, sed ex uxore dux erat *Leopoliensis* et Vladimiriensis.“ Отсюда открывается, что по смерти послѣдняго Галицко-Владимірскаго князя, Юрія, земли его раздѣлены были между двумя сестрами, старшей, матерью отравленнаго Болеслава, и младшей, женой Любарта. Любартъ, опираясь на правѣ своей жены, занялъ Владиміръ (Володимірію), а Болеславъ вступилъ на Галицкій престолъ. Впрочемъ, ни тотъ, ни другой, не имѣлъ на то права, потому что наслѣдство на Руси шло по мужескому, а не женскому, колѣну.

же мелкія крѣпости сами отворили ворота свои побѣдителю. Рускіе князья, остававшіеся еще въ значительномъ числѣ въ своихъ удѣлахъ, сдались Казиміру на милость, присягнули въ вѣрности и получили отъ него собственныя свои земли, наслѣдованныя послѣ независимыхъ предковъ, въ зависимое владѣніе (33). Такимъ образомъ, Казиміръ, овладѣвъ кромѣ Володиміріи, Дрогичинымъ, Брянскомъ и другими, смежными съ Прусіей, краями, и оставивъ, въ главнѣйшихъ крѣпостяхъ, Польскую стражу, возвратился, съ награбленной добычей, въ Краковъ.

1350.

Казиміръ, привезши съ собой награбленную добычу въ Краковъ, не долго, однако же, пѣшился

(33) Ad Chelmensem posthaec terram descendit, et castro principali Chelm crebris proiectionibus bombardarum expugnato, multis fortunis et clenodiis nobilibus illic potitus est etc. Nonnullorum autem ducum Russiae (plures enim ea tempestate extabant) praecibus placatus, eos in gratiam et foedum suscepit et iuramento fidelitatis et homagii suscepto, omnia quae iuris eorum esse dinoscabantur restituit. *Długosz* pag. 1088. Отсюда видимъ, что, какъ въ Галиціи, такъ и въ Володиміріи, были и владѣли еще небольшими удѣлами Рускіе князья, происходившіе отъ святаго Владиміра и короля Даніила, истинные господа этѣхъ краевъ, а между ними и Георгій, князь Бельзскій, потому что Кромеръ (на страницѣ 208) упоминаетъ подъ этѣмъ годомъ не только о завоеваніи Холмской и Брестской земли, но также и Бельзской. Слѣдовательно, этѣмъ Рускимъ князьямъ, какъ ближайшимъ къ престолу, принадлежалъ Галицкій и Владимірскій вѣнецъ, а не Поляку, Литовцу, или Угру.

плодами своихъ побѣдъ, потому что въ слѣдующемъ, 1350, году, онъ былъ разбитъ Литовцами и Русинами и принужденъ очистить ихъ край. Упомянутые выше Литовскіе князья, переродившіеся по женамъ съ Русинами, и принявшіе, большей частью, ихъ вѣроисповѣданіе, собрали, въ 1350 году, многочисленное, Руское и Литовское, войско (34), и, вознаграждая себя за, попесенное, въ предыдущемъ году, пораженіе, не только выгнали Поляковъ изъ Володомірін и грабили собственную ихъ землю, но, сверхъ того, вторглись еще въ Червоную Русь, доставшуюся въ то время снова подъ власть Поляковъ, и осадили Львовъ, котораго, впрочемъ, огражденнаго каменной стѣной, сдѣланной Казиміромъ вокругъ замка въ прошломъ году, не могли взять, а опустошили всю Львовскую землю и воротились назадъ Бельзскую, Владимірскую, Холмскую и Брестскую. Казиміръ убѣдился, что на этотъ разъ онъ не въ

---

(34) Et populus suus (Casimiri) cum Lithuanis aut Ruthenis praelia aut certamina particularia exercens, victus, in manu cadebat hostili. *Długosz* pag. 1091.

(35) Dominus Casimirus rex videns se eisdem Litvanis resistere non valere, quia cum ipso nunquam in praelium publicum convenire voluerunt, sed tanquam lupi rapaces terras suas furtive vastantes, raptis praedis fugiebant, cum ipsis Litvanis taliter concordavit, quod demissa illis civitate et terra Vladimiriensi, sibi terram lamburgensem cum omnibus castris oppidis et villis iure dominii reservavit. *Anonim. archidiacon. Gnesnensis* pag. 99.

силахъ одолѣть Литовцевъ и Русиновъ, и потому прибѣгъ къ переговорамъ, которые и заключены были на слѣдующемъ условіи: Король получаетъ Львовскую землю со всѣмъ, принадлежащимъ къ ней, а прочее, т. е., Володомірія, остается въ рукахъ Литовцевъ (35).

1351.

Казиміръ выпутался только на время изъ тѣсныхъ обстоятельствъ и ни мало не думалъ сдержать договоръ; потому онъ обратился къ папѣ, съ просьбой поднять Крестовый походъ на невѣрныхъ (Литовцевъ, Русиновъ и Татаръ), и поджидалъ возвращенія изъ Неаполитанскаго похода племянника и наслѣдника своего престола, Людвика, короля Угорскаго. Когда этотъ воротился, то Казиміръ тотчасъ отправился съ нимъ и соединеннымъ войскомъ обоихъ народовъ, въ слѣдующемъ, 1351, году, довольно поздно лѣтомъ, прошивъ Литовцевъ и Русиновъ. Но весь успѣхъ его ограничился единственно завоеваніемъ Владимірской земли и ея замка, да плѣномъ одного Литовскаго князя, Любарта или Кейстута. Онъ старался склонить этого къ принятію Христіянской вѣры, или лучше Римскаго обряда (36), и потому освободилъ его изъ заключенія, чѣмъ поль-

(36) Чтобы крестился въ вѣру Латцкую, говоритъ *Бѣлскій*, стр. 231.

зуясь послѣдній, бѣжалъ отъ него (37). Съ тѣхъ поръ Литовцы и Русины, какъ исповѣдывавшіе одну и туже, Греческую, вѣру, дѣлили одинакую судьбу, отражали, соединенными силами, посягательства Польши, или лучше сказать, пагубныя для нихъ предпріятія Казиміра.

1353.

Любартъ, князь Литовскій, не могъ равнодушно стерпѣть, что Казиміръ, не обращая ни какого вниманія на заключенный договоръ, вторглся во Владимірскую землю и пустошилъ Рускіе края, находящіеся подъ его (Любартовымъ) вліяніемъ; а потому рѣшился заплатить равное равнымъ. Собравши многочисленное войско, онъ вторглся, въ 1353 году, въ Червоную Русь, принадлежавшую, въ то время, Казиміру (39), про-

---

(37) *Długosz* pag. 1092 и 1093.

(38) Не подлежитъ ни какому сомнѣнію, что Львовская земля и Львовъ дѣйствительно находились уже въ 1351, 1352 и 1353 во власти Казиміра, короля Польскаго. Доказательствомъ тому служитъ подлинная грамота, 1351 г., хранящаяся въ архивѣ города Львова, въ связкѣ 292. Эта грамота есть одна изъ самыхъ древнѣйшихъ, какія только удалось открыть по сю пору въ Галиціи; разумѣемъ изъ числа несомнительныхъ и не поддѣланныхъ бумагъ, касающихся этого края. Мы помѣщаемъ ее сдѣсь, цѣликомъ, удерживая тоже самое правописаніе, какое въ ней находится, и присоединяя только въ концѣ нѣсколько своихъ замѣчаній на нее. „Во имя ѡ҃тця и с҃на и с҃тго д҃ха божимъ истворѣньемъ оу вѣки аминь. И сталося подъ державою великого кроля

никъ до самаго Галича, и, ограбивъ и разоривъ этотъ городъ и его окрестности, пошелъ оттуда, въ Сентябрѣ, съ значительной добычей, въ Польшу, къ Вислѣ, подъ Завихвостъ. Тутъ, разоривъ все на нѣсколько десятковъ верстъ огнемъ и ме-

---

Краковьского Казимира и господаря Рускоѣ землѣ. и сталося при державѣ пана Оты старосты Рускоѣ злѣ (землѣ) оже купилъ панъ вятславъ Дмитровьскии дворище исъ землею ꙗко извѣка слушало къ тому дворищю вшитци вжиткове что днесь суть и потомъ могутъ быти а што може причинити болше межи тѣми вжитки, то на своѥ полѣпшеньѥ. якожь торговля и сталася купилъ панъ вятславъ оувѣки оу василя ѥмужь рѣчють скибича и въ ѥго брата на имя оугѣнка и въ ѥхъ сновця оу оленка иже купилъ панъ вятславъ во всѣхъ шрии тожь ту именовани далъ имъ панъ вятслмъ ҂ҁ копъ грош: вятского срѣбра а далъ имъ всѣмъ тремъ то срѣбро посполною рукою тогды они пришедши вшитци и своимъ племенемъ оуздали пану вятславу совсѣми обьѣзды того дворища по своѥй доброй воли и за иныѣ молвили абы вдобромъ покои вжити тѣхъ вжковъ (вжитковъ) пану вятславу яковъ здали при пану блотишевьскомъ воѥводѣ илвовьскомъ а то свѣдци мѣстичи панъ Кнефль михно воитъ ꙗрославьскии а се бояре пѣтръ мошенка ходколоѥвич, а се попове бѣсни попъ юрко кропышевич поп лои а се сусѣде околини описимъ, а се дьꙗци степанъ мелехович мелентии Куцевич семенъ понахидич иванъ Кузмич, а се бортници пашко бортикъ исъ ѥмелина юрко мошнич, тихно великопольскии голко залѣскии а выѣздилъ ту землю ходоръ Чеолчич тотъ обьѣздилъ ѿ пана оты старосты а пини то вшитко свидци а писана грамота тисяча лѣтъ по божимь рожествѣ ҂ҁ лѣт ҂ҁ лѣтъ и одно лѣт а писалъ грюдкович иван. а писано оу кнефля вдому оу вѣки аминь.“ Въ этой бумагѣ слѣдуетъ обратить вниманіе на слѣдующія обстоятельства: а) Что Русины называли Казиміра королемъ Краковскимъ (*Vitoduranus* также на-

чемъ, онъ, прежде нежели Поляки успѣли собраться, воротился, съ огромной корыстью, назадъ, въ свои предѣлы (*Длугошъ* стр. 1097). Съ этѣхъ поръ Галичь, нѣкогда обширный и многолюдный городъ, опустошенный Любартомъ, не могъ уже никогда возвратить прежней своей знамени-

---

зываетъ его „Rex Cracoviae.") б) Что, слѣдуя Рускому праву, при продажѣ Государственныхъ имуществъ, должны были присутствовать свѣдѣтели разныхъ состояній и достоинствъ, какъ-то: владѣтели земскихъ имуществъ „Мѣстичи (помѣщики)," второстепенное дворянство, рыцари „бояре", духовенство „поповѣ", ближайшіе сосѣди „сусѣде", люди грамотные, законники „деяцы", и вольные люди, занимавшіеся пчеловодствомъ, стало быть отдѣльное и важное сословіе мелкихъ обитателей „бортницы". в) Что земская продажа производилась въ присутствіи начальника края (старосты), который приказывалъ низшему чиновнику осмотрѣть продаваемое имѣніе или лучше границы его (reambulare) и возобновить постоянные граничные знаки: „А выѣздилъ ту землю ходоръ Чеолчич, тотъ объѣздилъ ѿ пана оты старосты." г). Что при продажѣ долженъ быть налице не только продававшій, но и все его семейство. д) Условленныя деньги и имѣніе отдавались, въ присутствіи земскаго Уѣзднаго чиновника, называвшагося воеводой. Этѣхъ Рускихъ воеводъ не слѣдуетъ смѣшивать съ позднѣйшими высокими чиновниками, Польскими воеводами. Упомянутые Рускіе воеводы были просто Уѣздные земскіе судьи, и даже, можетъ быть, уголовные, имѣвшіе своихъ помощниковъ. Вся власть такого воеводы ограничивалась небольшимъ округомъ, на пр., мы знаемъ объ одномъ такомъ въ окрестностяхъ Львова, въ самомъ Львовѣ, въ 21 верстѣ отъ него въ Городкѣ, въ 14 верстахъ въ Щерцѣ, въ 21 въ Глинянахъ, и т. д. Наконецъ, е) особеннаго вниманія заслуживаетъ здѣсь то обстоятельство, что въ этой купчей совершенно ни

ности. Кромеръ, позднѣйшій историкъ, подозрѣваетъ разсказъ Длугоша о разграбленіи Галича и его окрестностей Литовцами и Владимірскими Русинами (стр. 209), полагая, что тутъ рѣчь должна быть о Владимірѣ, потому что Галичъ слишкомъ далеко отстоялъ отъ Литвы; но онъ ошибается, смѣшивая два похода Литовцевъ, 1350 и 1353. Въ первомъ походѣ коснулись они одной лишь Львовской земли, но во второмъ и самаго Галича. А намъ извѣстно, что кто былъ въ силахъ опустошить Львовскую землю, для того Галичъ, лежащій именно на границѣ этой земли, не былъ такъ далекъ, чтобы до него не льзя было дойти и разорить.

Изъ предыдущихъ событій ясно открывается, что два непріятеля оспоривали другъ у друга чужую собственность, т. е., пустошили несчастныя Рускія земли, и что Русины, по своимъ

чего не говорится о поддапныхъ, ихъ работахъ на барина или дани ему. Отсюда слѣдуетъ вѣрное заключеніе, что на Руси нашей не существовало ни крестьянъ, ни барщины до самаго Польскаго владычества, даже при Казимірѣ, Людвикѣ, и, можетъ статься, самомъ Владиславѣ Опольскомъ, и что все это явилось, въ первый разъ, только при Ягайловичахъ, раздававшихъ, какъ сказано будетъ ниже, (въ §. 31-мъ), Рускія имѣнія своему Польскому дворянству. Полякъ, получивній въ даръ Рускую землю, принуждалъ доселѣшнихъ ея хозяевъ и мелкихъ владѣльцевъ (подобныхъ, упомянутымъ выше, боршникамъ), либо удалиться съ нея, либо же давать ему дань, отправлять службу. Служба эта, время отъ времени, увеличивалась, и, напослѣдокъ, обратилась въ постоянную барщину.

вѣроисповѣдным связямъ, не только всегда соединялись съ Литовцами противъ Поляковъ, но также дѣйствовали съ ними заодно и противъ Пруссовъ, на пр. дважды въ 1353: „Congesto ex Litvanis et Ruthenis Olgerth, Keystut et Patrik Litvaniae duces exercitu in Prusiam ire pergunt. (*Длугошъ* стр. 1097)." „Copiis in frequentiori quo poterant numero Litvaniae duces Ruthenorum insuper usi auxiliis in Prusiae terram descendunt (*Длугошъ*, стр. 1098) (Въ 1365, стр. 1148; также въ 1370, стр. 1166.)."

Подъ 1351 разсказываетъ Длугошъ (стр. 1093) слѣдующее непріятное происшествіе, именно: два дворянина въ землѣ Люблинской, Пшонка изъ Бабина и Опонъ изъ Щекаржовицъ, измѣнили своей отчизнѣ, вступили въ сношенія съ Литовцами и Русинами, и указали имъ бродъ на Вислѣ, которымъ непріятель могъ переправиться въ Польшу. Иначе ни какъ не льзя отстоять славы народа Польскаго, какъ допустивъ, что оба эти измѣнника были не Поляки, но Русины, жившіе въ Любельской землѣ, бывшей нѣкогда Руской, но завоеванной Поляками и названной мною выше Русью Надвисляиской; а будучи, и по роду, и вѣроисповѣданію, Русскіе, естественно благопріятствовали больше своему собственному народу. Потомки этого Опона Заклика и Тарло, впослѣдствіи, какъ говоритъ Длугошъ (стр. 1094), получили обратно имѣніе предка своего отъ Ягайла, разувѣреннаго въ измѣнѣ, но, потомъ и сами, современемъ, перемѣнили вѣ-

ру и ополячились. Впрочемъ, подъ 1430, увидимъ, что Тарло и тогда еще благопріятствовалъ больше Литовцамъ и Русинамъ, чѣмъ Полякамъ (*Стрыйковскій* стр. 397). Сдѣсь нужно также прибавить, что Длугошъ (стр. 1093), полагаетъ естественной границей Польши, со стороны Руси и Литвы, рѣку Бугъ, на которой лежитъ городъ и замокъ Брестъ; но этого въ его время Польскіе политики столько желали, потому что, какъ мы уже выше показали, и еще разъ повторимъ ниже, жилища Руси находились, также, въ началѣ царствованія Казиміра Ягайловца, и на лѣвой сторонѣ этой рѣки.

Я изложилъ всѣ эти событія, съ 1349 по 1353, придерживаясь, большей частью, Длугоша, какъ писателя осмотрительнаго и достойнаго вѣроятія, всюду взвѣшивая и соображая предлагаемое имъ. Другіе, особливо Угорскіе историки (Прай. II, отъ стр. 92 по 95) и, приводимый Карамзинымъ (IV. стр. 216, въ примѣч.), Матвѣй Вилаш, немного иначе представляютъ нѣкоторыя обстоятельства, на что склоняется, отчасти, и самъ Карамзинъ. Именно, что король Угорскій послалъ въ 1351 или 1352, Казиміру, въ помощь 40 тысячь конницы, что Польскія и Угорскія войска дали, соединенными силами, битву Ташарамъ на Подолѣ и поразили ихъ, что они не только проникли до Днѣпра, но намѣревались было пуститься и далѣе, чтобы подарепныхъ себѣ папой невѣрныхъ, Русиновъ, Литовцевъ и Ташаръ, еще болѣй ограбить, но принуж-

ждены были, по недостатку въ продовольствии, воротиться, что въ 1351 этѣ два короля снова отправились, съ 200 тысячнымъ войскомъ, пропивъ тѣхъ же самыхъ язычниковъ, что ихъ встрѣтилъ лично молодой Татарскій князь, а по другимъ Кейступъ Литовскій, и спрашивалъ о причинѣ войны, что короли заставили его креститься, даровали ему свободу, и не сдѣлали ни какихъ непріязельскихъ шаговъ, что на Подолѣ, въ Брацлавѣ, владѣлъ какой-то князь „infidelis“, зависѣвшій отъ Угровъ, что, согласно желанію его, король Угорскій помогалъ ему, и что этотъ князь былъ, вѣроятно, Федоръ Коріятовичъ, внукъ Гедимина, и такъ далѣе. Всѣ эти разсказы кажутся намъ неосновательны и противорѣчатъ современнымъ и позднѣйшимъ, вскорѣ случившимся, происшествіямъ. Эти войны, или скорѣе, наѣзды, Литовцо-Русиновъ съ Поляками были за Галицію и Володиміріо, а Татары часто находились между Литвой и Русинами, какъ вспомогательное, а не главное войско. Мы не видимъ потомъ ничего такого, что указывало бы на крещеніе Татарскаго князя, потому что этотъ князь былъ Кейступъ или Любартъ, бѣжавшій, какъ мы выше сказали, изъ плѣна. На Подолѣ въ это время владѣли небольшіе Рускіе князья, изъ коихъ важнѣйшимъ былъ Даніилъ изъ Острога, а послѣ сынъ его, Федоръ, о комъ скажемъ ниже, (въ §. 29), и который, по Кромеру (Lib. XX), былъ, „vir strenuus et bellicosus.“ Сверхъ того тогда владѣли уже нѣкоторыми замками и самые Поля-

ки, именно въ окрестностяхъ Теребовли, Бучача и Каменца, считавшихся частью Подола. Слѣдствіемъ всей этой четырехлѣтней войны было удержаніе королемъ Польскимъ за собой Лембургской или Львовской земли. Война Исаполитанская короля Угорскаго и походы Казиміра показываютъ намъ, что ни тотъ, ни другой, ни оба вмѣстѣ, не въ состояніи были выставить двухъ сотъ тысячъ конницы, а потому все это — чистая басня. То лишь одно несомнѣнно, что въ 1352 дѣйствительно заключенъ былъ договоръ между королями, Угорскимъ и Польскимъ, въ силу котораго Казиміръ владѣлъ Галиціей до своей смерти, послѣ которой она должна была перейти къ Уграмъ, обязывавшимся за то взнести сто тысячъ золотыхъ. Такъ-то распоряжались чужой собственностью! Точно также неосновательно, какъ мы видѣли изъ предыдущаго, и увѣреніе Бандтке (I. стр. 307), будто Казиміръ присоединилъ Волынь къ Польшѣ.

§ 15.

1355—1356.

Отдохнувъ послѣ войнъ съ Литвой и Русинами, и заставивъ Земовита, князя Мазовецкаго, признать себя верховнымъ господиномъ захваченныхъ Мазовецкихъ краевъ, Казиміръ занялся внутреннимъ устройствомъ своего государства и введеніемъ Магдебургскаго судопроизводства въ города

Польскіе. Во время пребыванія своего въ Сандомірѣ, 1356, даровалъ городу Львову, замки коего еще прежде обвелъ каменной кирпичной стѣной, грамоту на Магдебургское право, помѣщаемую мной въ Прибавленіи, подъ буквой Л (39). А какъ собствен-

---

(39) Эту грамоту помѣщаю я въ Прибавленіи, подъ буквой Л. Но въ подлинности ея сомнѣваюсь, потому что подлинника ея нѣтъ въ архивѣ города Львова, хотя въ немъ сохранилось множество грамотъ гораздо меньшей важности, даже принадлежащихъ частнымъ лицамъ. Въ немъ находится только подтвержденіе этой грамоты 1460 г., Казиміромъ, слѣдовательно, сдѣланное спустя 104 года (въ связкѣ 193). Владиславъ Ягайло, бывшій, во все царствованіе свое, чрезвычайно ласковъ къ городу Львову, подтверждалъ всѣ права, данныя ему предшественниками своими, Казиміромъ В., Влад. Опольскимъ и Людвикомъ Угорскимъ, и даровалъ новыя, которыя всѣ уцѣлѣли. А потому, если бы городъ имѣлъ эту привилегію, то непремѣнно поднесъ бы ее, для подтвержденія, ему или, сыну его, Владиславу Варискому. Подтвержденіе же ея Казиміромъ, 1460, in transsumpto, ни мало не ослабляетъ моего подозрѣнія. Мнѣ не разъ случалось видѣть много дипломовъ подобнаго рода, данныхъ, будто бы, прежними королями, и преемниками ихъ дѣйствительно подтвержденныхъ, но которые всѣ были выдуманы и хитро подсунуты для подписанія. Такъ и эта грамота, выданная въ 1466-мъ году, безъ сомнѣнія, принадлежитъ къ царствованію втораго Казиміра, и заключаетъ въ себѣ вымышленную грамоту Казиміра Великаго. По соображеніямъ открывается, что даже не было ни какой нужды вымышлять ее, потому что уже во время князя Льва находились Нѣмецкіе поселенцы въ Львовѣ, имѣли Нѣмецкое право и войта, Бертольда, которому этотъ „Leo dux Russiae pro suis fidelibus servitiis,“ далъ право на мѣльницу въ Львовѣ и село Малый Винникъ, какъ показываетъ подлинная привилегія Казиміра Великаго, данная Lemburgae feria quarta infra Octavas assump-

ные его Польскіе края и Русь Червоная много пострѣли отъ моровой язвы и безпрестанныхъ опустошительныхъ войнъ, що, потому, онъ призвалъ изъ Нѣмецкой земли поселенцевъ, коихъ размѣстилъ не только въ Польшѣ, но и на Руси, именно: въ Львовѣ, Ланцутѣ, Пилзнѣ, Горлицѣ, Тришпакѣ и Тычинѣ, даровавъ имъ обширныя земли, разныя права и позволивъ судиться городовымъ Нѣмецкимъ правомъ (40).

tionis S. M. V., 1352-го, и находящаяся въ архивѣ митрополитскаго Латинскаго Львовскаго собора, locutamento 14, volumine 2, pag. Catalogi II. Другой документъ, сохранившійся въ архивѣ города Львова, fascilo 142, Nro Ser. 1., 1352 го, слѣдовательно четырьмя годами передъ Казиміровымъ, даннымъ, будто бы 1356-го, въ Сандомірѣ, говоритъ намъ, что уже тогда существовалъ магистратъ, учрежденный по праву Нѣмецкому, въ которомъ засѣдали „Consules Thuno, Henricus Platner, Cunat de Stynow, Jacusius de Jaroslaw, Johannes de Memil, Jaklo Faber и Bruno advocatus, или войтъ, и имѣли печать съ гербомъ города Львова, какъ и теперь, то есть: открытыя ворота съ тремя башнями, и левъ идущій, точно такъ, какъ употребляли его князья Руско-Галицкіе и Владимірскіе. Отсюда открывается, что Нѣмецкіе ремесленники и художники поселены были въ первый разъ, въ Львовѣ и около Львова, не при Казимірѣ Великомъ, какъ утверждали до сихъ поръ, но еще во время Льва и его Рускихъ преемниковъ, которые призвали ихъ въ это околье, вмѣстѣ съ Армянами, Караимами, и другими. Да и не только въ Львовѣ, но также и въ другихъ городахъ южной Руси, находились Нѣмецкіе горожане въ XIII вѣкѣ, на примѣръ: завѣщаніе Владиміра, 1288 г., князя Владимірскаго, въ городѣ Владимірѣ, объявлено было боярамъ и мѣщанамъ, туземцамъ и Нѣмцамъ (Повѣствованіе о Россіи, томъ II-й, страница 62-я.).

(40) *Kromer.* pag. 211. Прочитайте предыдущее примѣчаніе, и убѣдитесь, что Казиміръ уже засталъ Нѣмцевъ на Руси.

1559.

Страна, называемая теперь Мултаніей или Молдавіей, также Валахіей, и простирающаяся до самаго Чернаго моря и Дуная, была, нѣкогда, Рускою собственностью, заселена Рускимъ народомъ. Народъ, называвшійся прежде Даками, а послѣ Валахами или Волохами, ворвавшись въ эпѣ, Руско-Славянскіе, края, смѣшался съ Русинами, принялъ, большей частью, Рускій языкъ, нравы и вѣроисповѣданіе, и, современемъ, взялъ перевѣсъ надъ пиземцами (41). Впрочемъ, онъ удержалъ при-себѣ Рускую вѣру и языкъ, употреблявшійся даже въ XVI вѣкѣ въ церкви, при дворѣ князей, и вообще всѣмъ народомъ. Въ доказательство этого помѣщается (въ Прибавленіи, подъ буквой M) сдѣсь одно изъ множества посланій Александра IV, князя Молдавскаго, писанное, въ 1558, къ Львовскимъ, Рускимъ, горожанамъ. Какъ этого, такъ и многихъ другихъ князей, преемниковъ его, находится значительное число писемъ въ архивѣ Ставропигіяльнаго Львовскаго учрежденія. А при богослуженіи Рускій языкъ употреблялся, кажется, до самаго XVII столѣт., потому что только въ 1671 напечатаны были первыя книги на Валашскомъ языкѣ, и при томъ Рускими буквами, въ Львовѣ (42).

---

(41) *Długosz* pag. 112. *Карамзинъ* IV. стр. 293. Славянскія древности, *Шафарика*. 1836. § 11, стр. 187.

(42) Смотр. мою Исторію Рускихъ типографій въ Галиціи, стр. 27.

Послѣ ослабленія Рускаго могущества, Валахи и Молдаване имѣли собственныхъ своихъ князей, отдававшихся, смотря по обстоятельствамъ, какъ слабѣйшіе, среди сильнѣйшихъ, подъ власть сосѣднимъ государямъ. При Даніилѣ и Львѣ покорялись они Руссиамъ, потомъ признавали верховную власть Угровъ, а наконецъ Грековъ и Турковъ.

По смерти Стефана, Молдавскаго воеводы, случившейся въ 1359, осталось два сына, Стефанъ и Петръ, которые ни какъ не могли ужиться между собою. Младшій, Петръ, вспомогаемый Уграми, изгналъ старшаго, Стефана, который отдался подъ покровительство Польскаго короля, Казиміра, владѣвшаго тогда Червоной Русью, и просилъ помочь ему, обѣщаясь присягнуть на подданство. Казиміръ помогъ ему, отправивъ войско, составленное изъ Поляковъ и нашихъ Руссиовъ, для возведенія его на княжескій престолъ, которое, однако же, все, до послѣдняго человѣка, было истреблено Молдаванами, державшими сторону Петра. Это было начало вліянія Польши, при посредствѣ Русси, на Молдавію, потому что она, не соприкасаясь прежде съ Молдавіей, не имѣла случая вмѣшиваться въ дѣла этого народа. Впослѣдствіи, мы увидимъ нѣсколько разъ это вліяніе, слѣдствіемъ коего было, что Молдавскіе князья часто орошали, подъ рукой палача, кровью своей Львовскую мостовую.

§ 16.

1361.

Прускіе Крестоносцы, зная, что часть Владимірской Руси (Володомірін), смежной съ ихъ краемъ, и находящейся между Нарвой и Нѣменемъ, изобиловала, по богатству своей почвы, скотомъ и другими потребностями, и зависѣла отъ Литвы, защищавшей ее оружіемъ, рѣшились предпринять, въ 1361 году, походъ въ эту страну, и потому отправили, для завоеванія ея, значительное войско подъ главнымъ начальствомъ Крамфельда (43). Походъ этотъ не удался Крестоносцамъ, встрѣтившимъ сильное сопротивленіе со стороны Русскихъ, почему они и принуждены были обратиться въ другой край, именно въ Литву, которую и опустошили.

Такъ какъ исповѣдниковъ Латинской вѣры набралось теперь довольно на Червоной Руси, именно Нѣмецкихъ поселенцевъ, пришедшихъ въ нее еще до Казиміра и самымъ имъ приглашенныхъ, военной стражи, состоявшей изъ Поляковъ и иноземцевъ, и Поляковъ, получившихъ имѣнія нѣкоторыхъ Русскихъ бояръ во

(43) In Russiae terras, quae et Litvanis parebant, quod et Litvanos, armis gentibusque iuvarent, et propter soli uberitatem, dives enim est illic tam pecoris, quam caeterarum rerum suppellex ad vastandum illas transmittit. *Dlugosz* pag. 1130. *Stryikowski* str. 402.

владѣніе Полякамъ, то Казиміръ, желая показать великолѣпіе и пышность Римскаго обряда, и тѣмъ заохотить обитателей этой страны принимать его, рѣшился основать Латинское архіепископство въ Львовѣ. Онъ получилъ на то согласіе папы, и потому въ санъ архіепископа посвященъ былъ какой-то Христіанъ, происходившій изъ дворянскаго рода (44). А какъ въ то время не было приличной кафедры для новопоставленнаго архіепископа, то Казиміръ приказалъ отобрать у Русиновъ ихъ главную городскую церковь и обратить ее въ Латинскій костелъ (45). Эта насильственная мѣра, вмѣсто же ланнаго успѣха и склоненія Русиновъ къ принятію

---

(44) *Bielski* str. 235.

(45) *Dlugosz* pag. 1131. *Chodyniecki* Historia miasta Lwowa, str. 342. Я думаю, что церковь эта называлась церковью Святаго Креста, и что первымъ архіепископомъ или епископомъ былъ Францисканецъ. Эта церковь, обращенная впослѣдствіи въ костелъ, удержала прежнее свое названіе, оставшееся за ней до самаго уничтоженія Францисканцевъ, и послѣ обращена была въ театръ. Не только этотъ архіепископъ, но и позднѣйшіе, до самаго XV-го вѣка, считали эту святыню своей кафедрой и чаще всего жили при ней. Въ 1370 даровалъ, владѣвшій въ то время князь, Владиславъ или Ладиславъ Опольскій, собственный свой домъ Францискапамъ для жительства при этомъ храмѣ. Уже самое названіе этого костела — костеломъ Святаго креста, употребительнымъ въ Церкви Восточной и вовсе неупотребительнымъ въ Латинской, показываетъ, что онъ обращенъ изъ Руской церкви. Въ нашей Галиціи считается сто восемь церквей Святаго Креста, и ни одного костела съ этимъ именемъ.

Римскаго обряда, сильно огорчила ихъ и возродила еще большую ненависть къ оному. Польскій писатель, именно Броцкій, удачно объясняетъ въ Польской Пчелѣ, 1820 года (Часть IV. стран. 14), ошибку Длугоша, утверждающаго, будто бы позволеніе на основаніе архіепископства дано было папой, Урбаномъ V, а Христіянъ посвященъ Яковомъ Свинкой, архіепископомъ Гнѣзденскимъ. Онъ рѣшительно отвергаетъ основаніе Львовскаго архіепископства въ 1361, опираясь на то, что Урбанъ только въ 1362 вступилъ на папскій престолъ, а Свинка умеръ еще въ 1313. Ошибки эти не подлежатъ ни какому сомнѣнію; при всемъ томъ возможно, что Длугошъ ошибся только въ приведеніи именъ, въ названіи упомянутыхъ лицъ, или же переписчикъ его рукописи, остававшейся много лѣтъ безъ вниманія, допустилъ упомянутые промахи; но что касается самаго событія, то оно могло быть истинно. Позволеніе на основаніе архіепископства могъ выдать Иннокентій VI, а посвященіе совершить Ярославъ, архіепископъ Гнѣзденскій. Такъ, самъ Длугошъ приводитъ въ своей лѣтописи (на стр. 1126), подъ тѣмъ же, 1361, годомъ, рѣшеніе этого архіепископа, Ярослава, касательно Краковской десятины, и по причинѣ ли поспѣшности, или по ошибкѣ, выставилъ, нѣсколько ниже, на стр. 1131, вмѣсто имени Ярослава, имя Якова Свинки. Преданіе и записки, хранящіяся въ Русскихъ архивахъ, увѣряютъ насъ, что Казиміръ дѣйствительно от-

нялъ у Русиновъ Львовскихъ церковь для своего епископа. Безъ всякаго сомнѣнія Львовъ, если не съ 1340, то, по крайней мѣрѣ, съ 1349, находился уже во власти Казиміра; а для утвержденія своей власти въ немъ, Казиміру необходимо было основать епископство или архіепископство. Можетъ быть, архіепископство это, по смерти Христіяна, оставалось безъ своего владыки; можетъ быть, оно было, по причинѣ открывшейся вскорѣ войны, перенесено въ Галичъ, гдѣ дѣйствительно, впослѣдствіи, архіепископы пребывали нѣкоторое время. Какъ бы то ни было, ошибку эту скорѣе можно приписать описк, нежели невѣдѣнію Длугоша; потому что онъ, именно архіепископъ Львовскій и славный историкъ церковныхъ и гражданскихъ дѣяній, долженъ былъ знать лучше всякаго другаго, что и когда случилось. Если мы станемъ сомнѣваться въ этомъ происшествіи, касавшемся Длугоша больше, нежели кого другаго, то можемъ ли, послѣ того, вѣрить другимъ, описаннымъ имъ, военнымъ и государственнымъ событіямъ? Бѣльскій тоже (на стр. 239) увѣряетъ, что Казиміръ именно, въ упомянутомъ выше году, основалъ въ Львовѣ кафедру для своего архіепископа (46).

---

(46) *Островскій* (Федоръ) въ „Dziejach Kościoła Polskiego (tom. II. str. 396), полагаетъ основаніе этого архіепископства въ 1361 г., а утвержденіе папой, Урбаномъ V-мъ, въ 1364 (str. 405).

§ 17.

1366.

Изъ описанія событій, случившихся на Руси между 1349 и 1351, открывается, что Владимірцы и часть Галичанъ, за исключеніемъ Перемышльской, Саноцкой, Львовской и Галицкой земель, освободившись отъ ярма Польскаго, находились подъ властію частію собственныхъ князей, а частію обрусѣвшихъ Литовцевъ, оставаясь, однако же, подъ покровительствомъ Литвы. Въ 1366, а по Бѣльскому (стр. 237) въ 1365 г., Литовскіе князья, занятые ссорами съ Прусаками, не могли обращать надлежащаго вниманія на происходившее на Руси. Проницательный Казиміръ, пользуясь ихъ положеніемъ, рѣшился на дѣйствительнѣйшее завоеваніе остальной Галиціи и Володоміріи. И такъ, собравши многочисленное войско, онъ поспѣшно и нежданно явился на предѣлахъ Бельзскаго княжества. Юрій или Георгій, князь Бельзскій, (слѣд., не Земовитъ или Казиміръ Тройденовичь Мазовецкій, какъ доказано было выше, въ §. 12), устрашенный Польской силой, сдался, добровольно признавъ себя, какъ и прежде, въ 1349, Польскимъ данникомъ, и, такимъ образомъ, не только удержалъ за собой наслѣдственное свое владѣніе, но еще, сверхъ того, получилъ отъ Казиміра завоеванную имъ, Холмскую землю (47). Казиміръ взяв-

(47) *Bielski* str. 237. *Stryikowski* str. 408.

ши съ него присягу, отправился въ землю Луцкую, и, не встрѣчая ни какого, по словамъ Длугоша и Кромера, сопротивленія со стороны Литовцевъ и Русиновъ, завоевалъ ее, равно какъ и земли Владимірскую, Холмскую, замокъ Олесько съ его окрестностями, или нынѣшній Золочевскій округъ (48). Впрочемъ, дальнѣйшія событія этого похода показываютъ намъ, что дѣло происходило совсѣмъ иначе, что нападенные не только мужественно сопротивлялись, но также еще и разбили, гдѣ-то, Казиміра, что, однако же, Польскіе писатели умолчали. Пришлось заключать миръ, который, хотя и былъ выгоденъ для короля, а все же показываетъ, что непріятель былъ не совсѣмъ побѣжденъ. Содержаніе этого договора—слѣдующее: 1) Король Казиміръ получаетъ, съ согласія Ольгерда, Великаго князя Литовскаго, и, брата его, Любарша, Владимірскій замокъ и уѣзды: Городельскій, Любомскій, Туринскій, Рапшинскій, Кошпрскій, также Кременецъ, Боромлю, Олесько, Бельзъ, Грабовецъ, Холмъ, Щебрешинъ и Лопашинъ, предоставляя князьямъ, частію Рускаго, а частію Литовскаго, рода, по прежнему владѣть этѣми землями и уѣздами, но подъ зависимостію Польскаго короля. 2) Ольгердъ и Кейстутъ берутъ себѣ цѣлую Русь, граничащую съ Прусіей, Польшей и Мазуріей, т. е., въ окрестностяхъ Нарвы, Нѣмна и Буга, иначе уѣзды: Бѣльскій, Брянскій, Дрогочинскій, Мельницкій, Брестскій, Каменицкій и

(48) *Dlugosz* str. 1150. *Kromer* str. 215

Кобринскій. 3) Земля Луцкая остается при Любартѣ, со всѣми уѣздами и владѣніями, издавна къ ней относящимися, т. е., Спожокъ, Даниловъ, Закамень, Шуликъ, Острогъ, Полонное, Межибожъ, также земля Владимірская, за исключеніемъ города Владиміра съ замкомъ, равно и города: Ветлы, Лбожъ, Черный Городокъ, Камень и Мельница. 4) Прежніе записные Рускіе князья, именно: Бельзскій, Острогскій, Збарашскій, и другіе, должны оставаться подъ властію Польши, а въ краяхъ, отчисленныхъ къ Литвѣ, подъ властію Литвы. 5) Король Польскій даетъ въ своемъ удѣлѣ Александру Коріятовичу, князю Литовскому, внуку Гедимина, во владѣніе окрестности Боромли, то есть, часть Волыни, доставшейся ему. Этотъ князь оставался Казиміру вѣрнымъ; напротивъ князь Бельзскій, Русинъ, не смотря на уступку себѣ земли Холмской, часто, какъ видѣли выше, пытался освободиться отъ власти Польской, или, какъ выражается объ этомъ Длугошъ, бунтовался (стало быть, не Нормундовичъ и не Коріятовичъ, какъ думаетъ Нарушевичъ) (49). Тогда же установлены были Ольгердомъ, Любартомъ и Казиміромъ въ Городлѣ пограничные суды, долженствовавшіе судить происшедшіе споры, и имѣвшіе власть производить судъ и смертную казнь для Поляковъ по законамъ Польскимъ, а для Русиновъ Рускимъ (50). Дѣя-

(49) *Dlugosz* str. 1149, 1150, 1151. *Kromer* str. 215. *Naruszewicz* VI. str. 234.

(50) Дмитрій *Бантышъ-Каменскій* (въ Исторіи Малой Россіи, томъ I-й, стр. 32), пишетъ, что Казиміръ

пельный Казимiръ приказалъ оградить кирпичной стѣной и Владимiрскiй замокъ, точно такъ, какъ прежде Львовскiй.

1367.

Армяне, народъ торговой, трудолюбивой, и мирной, тѣснимый Сарацинами, принужденъ былъ оставить родную землю и искать убѣжища въ свѣтѣ. Русскiе, Галицко-Владимiрскiе, князья, слѣдуя той же самой политикѣ, по которой они принимали въ свои края и осыпали разными преимуществами, Нѣмцевъ, Карамовъ (51), Сарацин-

---

уступилъ Литвѣ Волынь и воеводство (скорѣе княжество) Бельзское, съ условiемъ, чтобы онѣ, по смерти владѣющихъ этѣми краями, были соединены съ Польшей; но о томъ, особенно о Волыни, не упоминаютъ ни Длугошъ, ни Нарушевичъ. Да оно и быть не могло, потому что Волынь не была Польской, а напротивъ удѣлъ, доставшiйся въ наслѣдство послѣ королей Галицкихъ. Касательно же Бельза, оставшагося при Польскомъ подданномъ, Русинѣ Юрiѣ, то условiе это можно допустить, но только по прекращенiи дома его. Наконецъ, не Казимiръ уступалъ Литвѣ, но Ольгердъ ему. Документъ начинается такъ: Ecce ego magnus dux Olgerdus, et cæt. Гораздо большее право имѣлъ на этотъ край Ольгердъ, или, лучше, Любартъ, братъ его, потому что онъ женатъ былъ на дочери Великаго князя Руско-Владимiрскаго.

(51) Караимы, секта Израильтянъ, отвергающая талмудъ и преданiе, и держащаяся одного Священнаго Писанiя, по сю пору находится въ Галичѣ. Это народъ мирный и трудолюбивый, имѣвшiй свои письменныя acta, сгорѣвшiя, вмѣстѣ съ молельнымъ храмомъ, въ 1830 году. Въ 1838 равинъ и начальникъ этого общества, *Леоновичъ*, сообщилъ намъ свѣдѣнiе о прибытiи ихъ

новъ, т. е., для распространенія у себя промышленности, торговли и рукодѣлій, охотно пустили ихъ въ свою землю, тѣмъ болѣе, что ихъ сбли-

---

на Русь, взятое имъ изъ пергаменной книги, также сгорѣвшей. Вотъ оно: „Это пишется для позднѣйшихъ поколѣній, чтобы они помнили милости Бога предвѣчнаго, оказанныя Имъ намъ. Въ 5003 году отъ сотворенія міра по счисленію Еврейскому, а Христіанскому въ 1243, Эджиры 655. Когда Татары пустошили Рускія и Польскія земли, то два короля, Татарскій, Батуханъ, и Хорватскій, Даніилъ, имѣющій столицу свою въ Галичѣ, заключили между собой миръ. Во время заключенія мира присутствовали, со стороны короля Галицкаго, сынъ его, Великій князь Левъ, и, братъ его, князь Васько. И они помѣстили въ числѣ условій мира, чтобы король Татарскій позволилъ сотнѣ домовъ (семействъ) Караимовъ, проживающихъ въ Крымѣ, переселиться въ Галичь, стольный городъ короля, которыхъ этотъ обязанъ принять на свой счетъ отъ границы, выстроить имъ домы, и помочь вести торговлю, производимую между Востокомъ и землей Руской или Хорватіей (а). Основываясь на этомъ, король Татарскій приказалъ объявить въ Крымѣ: кто захочетъ изъ Караимовъ переселиться въ землю Галицкую, получитъ изъ королевской казны средства для переѣзда и издержки до самой Руской границы, гдѣ примутъ ихъ уже Рускіе люди и проводятъ до того

(а) Когда Караимы пришли въ Галичь, то въ окрестностяхъ его не было еще Жидовъ Талмудистовъ. Это подтверждается свѣдѣтельствомъ путешественника, Жида Веньямина Тудельскаго (упоминаемаго также графомъ, Фадеемъ Чацкимъ, въ своемъ ученомъ сочиненіи, подъ названіемъ „Изслѣдованіе о Жидахъ.“), ни слова не говорящаго, въ описаніи Жидовскихъ синагогъ, о бытіи ихъ въ его время въ этой Руси. Это обстоятельство показываетъ, что Жиды пришли въ Галичь послѣ Караимовъ, что Караимское кладбище находится на самомъ берегу рѣчки Чевы, а Жидовское присоединено къ нему уже только въ позднее время. Упомянутый путешественникъ, Веньяминъ, умеръ въ 1172 году. *Примѣчаніе равина Леоновича.*

жало съ этѣми послѣдними тождество, или, по крайней мѣрѣ, сходство вѣроисповѣданія, узелъ, соединяющій и сливающій въ одно цѣлое народы, са-

---

мѣста, гдѣ имъ захочется поселиться. Нашлось восемьдесятъ домовъ народа Караимскаго, между которыми было четыре рода отъ колѣна жреческаго, шесть Левитовъ и семьдесятъ Израильтянъ. Большая часть была изъ города Солгата, а остальные изъ Маргуфа, Кафы, и такъ далѣе. И въ 5006 отъ сотворенія міра по счисленію Еврейскому, въ 1246 по Христіянскому, а Эджиры въ 658 году, поднялись всѣ они разомъ, и Татары препроводили ихъ до границы своей на подводахъ и на счетъ короля Татарскаго, отъ коей приняли ихъ люди короля Галицкаго, также на его счетъ, и привезли, на его же подводахъ, въ Галичь (б). Король принялъ ихъ, равно какъ и его сановники, выстроили имъ домы противъ королевскаго замка, стоящаго на горѣ, на берегу рѣчки Луковъ, съ сѣверной стороны замка, въ Руской улицѣ, гдѣ стоитъ каменный Руской храмъ, и гдѣ прежде совершалось богослуженіе „Пекъ Осыпа". Для кладбища отвели имъ мѣсто на высокомъ берегу рѣчки Чевъ, противъ храма, называвшагося прежде „Лель, Полель." Каждому изъ Караимовъ далъ король по сту гривенъ серебра, да грамоту на свободное отправленіе торговли въ цѣлой Руской землѣ, равно какъ и на право держать и продавать въ своихъ домахъ всякіе напитки; далѣе, даровалъ имъ земли на горѣ, и поля между рѣчкой Луковъ и рѣкой Днѣпромъ, и подписался на этой грамотѣ король Даніилъ и, братъ его, князь Васько, да епископъ Петро." Такъ перевелъ это, съ Еврейскаго языка, нынѣшній равинъ, *Леоновичъ*; но какъ далеко извѣстіе это согласно съ исторіей, предоставляю позднѣйшему разбору.

(б) Съ этѣхъ поръ ежегодно выставляется въ Календаряхъ (составляемыхъ для себя учеными Караимами) годъ поселенія Караимовъ въ Галичѣ, на примѣръ: слѣдующій Еврейскій 5605 годъ отъ сотворенія міра, Христіянскій 1845, будетъ 598 отъ поселенія Караимовъ въ Галичѣ, и 567 въ Луцкѣ. *Примѣчаніе равина Леоновича.*

мые отличные одинъ отъ другаго языкомъ и обычаями. Такимъ образомъ, Армяне поселились на Руси, въ Львовѣ, Галичѣ, Язловцѣ, Снятинѣ и другихъ Рускихъ городахъ, сохраняя богослуженіе на родномъ языкѣ и по своему обряду. Они вели значительную торговлю съ Востокомъ, ни мало не гоняясь за достоинствами и мѣстами, потому что это могло бы ихъ, какъ малочисленнѣйшихъ, сдѣлать ненавистными народу, давшему имъ убѣжище. Казиміръ, завоевавъ Галицію, нашелъ уже въ ней Армянъ, какъ это подтверждаетъ грамота города Львова, помѣщаемая мною въ Прибавленіи, подъ буквой М, равно какъ и многія другія бумаги, уцѣлѣвшія въ подлинникѣ и хранящіяся въ архивахъ этого города. А въ 1367 Казиміръ, снисходя на прошеніе епископа ихъ, Григорія, далъ, какъ говорятъ, грамоту имъ, по которой позволялось имъ выстроить себѣ въ Львовѣ главный храмъ, и при немъ мѣстопребываніе епископа, также обезпечивалось свободное исповѣданіе вѣры и сохраненіе правъ и обычаевъ Армянскихъ (52).

---

52) *Naruszewicz* (tom. VI str. 241. и not. str. 186. NO. 95. Армянскій народъ, принятый гостепріимно Рускими королями въ этой землѣ, поселился во многихъ городахъ и мѣстечкахъ, и ревностно занимался торговлей. Города, въ которыхъ жили когда-либо постоянно Армяне, суть, безъ сомнѣнія, Рускіе, потому что имъ, какъ разновѣрнымъ не позволялось обитать въ Польскихъ. И они, нѣкогда пламенные послѣдователи своего исповѣданія, заключали только между собой брачныя связи, и не покидали мѣста, гдѣ находилась ихъ святыня и отдѣльное кладбище, на которомъ почивалъ прахъ

1369.

Престарѣлыя лѣта Казиміра (ему было ок. 60) заставили его искать милости Вышняго. Въ то время всѣ считали вѣрнѣйшимъ путемъ къ этому

ихъ предковъ. Львовъ былъ, нѣкоторымъ образомъ, главнымъ ихъ мѣстопребываніемъ, потому что тутъ всегда проживалъ ихъ епископъ, и торговля значительно распространялась. Львовскіе Армяне дѣлились на городскихъ и старосѣловскихъ. Первые имѣли свою фабрику середи города, и пользовались, въ сравненіи съ другими, значительными преимуществами, потому что только поселившійся въ городѣ мѣщанинъ могъ производить обширнѣйшую торговлю и участвовать въ многочисленныхъ правахъ его. Старосѣловскіе же жили либо въ своихъ домикахъ, либо же въ Коморномъ, въ зданіяхъ, выстроенныхъ на землѣ Львовскаго старосты, подъ высокимъ замкомъ. Въ 1518-мъ году считалось Армянъ, поселившихся въ городѣ, сорокъ восемь человѣкъ (Въ 1600-мъ году Сигизмундъ III, постановилъ опредѣленіемъ своимъ, хранящимся въ архивѣ города Львова, Fasciculo 396. NO. Ser. 52, что Армянамъ позволяется имѣть въ городѣ 73 дома). Это знаемъ мы изъ особеннаго судебнаго дѣла, производившагося въ упомянутомъ году. Донесено было бурмистру и совѣтникамъ (consulibus), что Армянинъ, Ивашко, съ Христіянкой (Полькой), Софіей (вѣроятно, вдовой, своей служанкой) a triennio habebat carnalem copulam et prolificaverunt secum.“ Богобоязненная Дума, пораженная такимъ ужаснымъ злодѣяніемъ, то есть, что невѣрный еретикъ, Армянинъ, осмѣлился обратить взоры свои на красивую Польку (описывающій это называетъ ее Лашкой) и имѣть съ нею связь, считала это злодѣяніе, какъ выражено было, Sacrilegium, велѣла схватить обоихъ, и, приступивши тотчасъ, со всей строгостью, къ дѣлу, приказала пытать, потомъ осудила на сожженіе, и тотчасъ же велѣла исполнить свой приговоръ. Благочестивая

одареніе храмовъ, нужды нѣтъ, хоть бы добычей, гдѣ бы то ни было награбленной. Казиміръ не имѣлъ ничего драгоцѣннѣе какъ крестъ, взятый

ревность Думы показалась Армянскому народу несправедливой, который обжаловалъ, потому, Совѣтъ городской у короля, и, послѣ долгихъ проволокъ, какъ обыкновенно бываетъ въ судахъ, получилъ его рѣшеніе, что господа судьи должны заплатить, за такой приговоръ свой, каждому хозяину Армянину, по двадцати грошей „titulo emendae alias basarunku." Это и было сдѣлано; только Армяне, увлеченные благородствомъ чувствъ, на третій же день возвратили деньги господамъ совѣтникамъ (Archiv. civ. Leop. Liber prospectus N0. 1076. pag. 291 и 490). Армянскій народъ въ Львовѣ судился особымъ старымъ Армянскимъ правомъ, подтвержденнымъ, съ нѣкоторыми измѣненіями, королемъ Сигизмундомъ Первымъ въ 1519 году. Судъ состоялъ изъ двѣнадцати пожизненныхъ старшинъ (Seniores nationis Armenae), въ коемъ предсѣдательствовалъ общій войтъ (advocatus) города, тотъ самый, который судилъ дѣла и прочихъ мѣщанъ въ текущемъ году. Жалоба (апеляція) на этотъ судъ, равно какъ и на рѣшеніе городскаго суда, шла къ королю. Но когда Армяне, современемъ, сдѣлались побогаче, то названіе старшинъ народныхъ показалось имъ слишкомъ низкимъ, и потому они выхлопотали королевскую привилегію, по которой позволялось имъ называться судьями народа Армянскаго (Judices nationis Armenae). За исключеніемъ четырехъ случаевъ, предоставлявшихся главной Думѣ, всѣ прочія дѣла между Армянами или противъ ихъ, отдавали суду Армянскому. До самаго 1634 года, когда епископъ ихъ, Николай Торосовичъ, соединился съ Римомъ, о чемъ, равно какъ и о происшедшихъ, впослѣдствіи, насильственыхъ мѣрахъ, скажу послѣ, на своемъ мѣстѣ, Католики почитали Армянъ отщепенцами, зависѣвшими отъ своего патріарха, обитающаго, временемъ въ Персіи, а временемъ въ Турціи. Епископъ избирался Львовскимъ

имъ 1340 года изъ сокровищницы королей Рускихъ и привезенный въ Краковъ. Его-то, цѣнимаго въ то время въ 10 тысячь червонцевъ, обѣщалъ, и, дѣйствительно, даровалъ онъ, въ 1369, соборному Краковскому храму (53). Вѣроятно, также, что и дары, принесенные имъ архіепископскому Гнѣзденскому и Познанскому, соборамъ, составляли часть Руской его добычи, т. е., серебряные сосуды и библіи, потому что, зная жизнь короля, вполнѣ свѣтскую, трудно понять, чтобы онъ занимался скопленіемъ св. утварей, равно какъ дальновидность его не позволяетъ видѣть въ немъ грабителя церквей Римскаго исповѣданія. Стало быть, добыча, взятая имъ изъ церквей Рускихъ, считавшихся еретическими, доставляла ему вдоволь средства осыпать дарами святыни своей земли.

обществомъ, или лучше старшинами общества, котораго попомъ рукополагалъ патріархъ. Не только духовенство низшее, но также и самые епископы, были женаты. Названіе архіепископа получено отъ Римскаго папы только послѣ Уніи. Нѣкоторыя семейства употребляли, передъ прозваніемъ своимъ, придаточное „Деръ", на примѣръ: Дерзахаріяшевичъ, Дерлукашевичъ, и такъ далѣе, что, безъ сомнѣнія, означало высшій родъ. Нѣсколько семействъ ихъ получило дворянство во время Польскаго правленія, на примѣръ: Спендовскіе, Вѣнявскіе, Гадзевичи, Сымоновичи-Бендонскіе, Минасовичи, и другіе; другіе же, впослѣдствіи, доказали свое благородное происхожденіе изъ Валахіи и Молдавіи. Есть слѣды, что Армяне имѣли даже свою книгопечатню въ Львовѣ.

(53) *Długosz* str. 1157. *Naraszewicz* VI. str. 250.

Галицкое королевство подъ властію собственнаго князя.

Съ 1370 по 1379.

Въ 1370 году оставилъ этотъ свѣтъ Казиміръ Третій, справедливо названный Великимъ, государь, подобнаго коему не было ни прежде, ни послѣ на Польскомъ престолѣ, и о коемъ можно повторить сказанное Шанобріяномъ вообще о великихъ государяхъ: „Не должно сравнивать народъ съ частнымъ человѣкомъ. Умѣренность въ счастіи, любовь къ спокойствію, приличны гражданину, но не государству. Конечно, не слѣдуетъ начинать оправдательной войны, ни искать славы несправедливостью; однако же государь, который не умѣлъ бы воспользоваться своимъ положеніемъ для пріобрѣтенія славы, увеличенія и усиленія, показалъ бы болѣе недостатка въ геніи, нежели въ добродѣтельныхъ чувствованіяхъ.“ Казиміръ умѣлъ пріобрѣсть и себѣ, и своему королевству, уваженіе другихъ государствъ, распространить и обезопасить границы его, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, дарованіемъ правъ, построеніемъ и укрѣпленіемъ городовъ, обуздать могучихъ притѣснителей простаго народа, и утвердить счастіе и благосостояніе ввѣренныхъ ему.—Умѣя пользоваться временемъ и обстоятельствами, онъ, однако же, предпочелъ лучше заключить миръ съ Крестоносцами и удовольствоваться ограниченнѣйшими предѣлами, нежели, ввѣряя это дѣло рѣшенію оружія, поста-

вить безопасность и судьбу государства въ сомнительное положеніе. Если онъ велъ войны, то всегда либо съ слабѣйшими себя, либо же съ неготовыми; а приводя въ зависимость независимыхъ, мелкихъ, сосѣдей, каковы, на пр., князья Жеганскій, Мазовецкіе, и другіе, возсѣлъ отечество свое въ Европѣ на степень значенія, которой до тѣхъ поръ оно не имѣло, и снискалъ имя и уваженіе лучшихъ современныхъ государей. А ежели онъ сдѣлалъ въ чемъ-либо государственную ошибку, то это состояло именно въ томъ, что онъ, перенося вѣнецъ на Людвика, уничтожилъ правильное престолонаслѣдіе, безъ котораго ни какой народъ не можетъ достигнуть настоящаго счастія, и тѣмъ подалъ случай вельможамъ выговаривать себѣ лишнія права у незаконнаго преемника престола, что послужило потомъ краеугольнымъ камнемъ будущимъ безпорядкамъ въ Польшѣ (54).

§. 18.

Людвикъ, король Польскій и Угорскій.

Хотя Людвикъ былъ избранъ Казиміромъ въ наслѣдники себѣ, большею частію, по той причинѣ,

---

(54) *Bandtkie* (II. str. 10.) думаетъ, что Казиміръ въ то время, когда Крестоносцы воевали Литву, т. е., въ 1370 году, вытѣснилъ Литовцевъ изъ Волыни и Червоной Руси; но это должно разумѣть, какъ сказали мы выше, о событіяхъ 1365 или 1366 г.

чтобы королевство Галицкое, на которое Угры присвояли себѣ право, навсегда оставить за Польшей, однако онъ медлилъ принять это, зная, что князья, происходящіе отъ колѣна Пястовъ, ближе къ престолу. А потому онъ, прежде всего, послалъ въ Польшу, разузнать обо всемъ, мать свою, Елисавету, а потомъ, склонивши на свою сторону одного изъ самыхъ ближайшихъ притязателей на престолъ, Владислава, князя Опольскаго, уступкой ему нашей Руси, и самъ, наконецъ, по долгомъ соображеніи, согласился на настоянie Польскихъ пословъ, и прибылъ въ Краковъ, гдѣ былъ признанъ и вѣнчанъ королемъ. Между тѣмъ, Польскія владѣнія подверглись нападеніямъ сосѣдовъ съ разныхъ сторонъ. Уже выше, подъ 1366 годомъ, упомянули мы, что Казиміръ, мирясь съ Литовскими и Русскими князьями, оставилъ Владимірскую землю, то есть, часть Володомиріи, во владѣніи Любарта, князя Луцкаго, удерживая за собой одинъ только городъ Владиміръ и его укрѣпленный деревянный замокъ, который, желая еще больше обезопасить свое владѣніе, рѣшился замѣнить каменнымъ, чтобы, так. обр., дѣйствительно можно было отражать нашиски Литвы и Руси. Слишкомъ два года безпрерывно трудились надъ построеніемъ крѣпости, стоившей чрезвычайно много; главное начальство надъ Польской стражей, тамъ находившейся, вѣрено было старостѣ, Петрашу Турскому, а Литвинъ Александръ Коріятовичь, князь Воромельскій, исповѣдывавшій Латинскую вѣру, и, потому, благопріятствовавшій Казиміру, былъ имъ обя-

занъ охранять построеніе ея и, въ случаѣ нужды, помогать Польскому сторожевому войску. Предпріятіе Казиміра построить каменную крѣпость среди Руси безпокоило Литовскихъ князей, то есть, Великаго князя, Кейстута, и Любарта Луцкаго, и, потому, они, лишь только получили извѣстіе о Казиміровой смерти, тотчасъ, пользуясь отсутствіемъ Александра, окружили Рускимъ и Литовскимъ войскомъ Владимірь, и, спустя нѣсколько времени, принудили Турскаго сдать имъ замокъ. Овладѣвъ имъ, они тѣмъ охотнѣе разрушили стѣны его, до основанія, столько въ то время непріятныя Литовцамъ и Русинамъ, что эти напоминали имъ Польское владычество и служили нѣкоторымъ доказательствомъ права на обладаніе. Послѣ того они помѣстили стражу свою въ деревянномъ замкѣ, и, не внимая представленіямъ Елисаветы, королевы Угорской, правившей Польшей отъ имени сына своего Людвика, совершенно выгнали Поляковъ изъ Володоміріи, что подало поводъ Польскому историку жаловаться на безпечность и лѣность, врожденныя, де, его народу (55). Недовольствуясь, одна-

(55) Sed segnities et negligentia Polonis naturaliter inhaerens. *Dlugosz* p. 3. *Бѣльскій* (str. 241) называетъ крѣпость и городъ, занятый Литовцами, Луцкомъ; но онъ въ этомъ ошибается. Противъ него тутъ говорятъ какъ предшествовавшіе ему историки, такъ равно и самой договоръ Казиміра съ Литовскими князьями, заключенный въ 1366 и приведенный мною выше. *Anonim. Gniezniensis archid.* p. 103. Coll. *Somersb.*

ко же, этѣмъ, Липовцы прошикли даже, черезъ Люблинъ, въ Сандомірскую землю и опустошили ее, а Руско-Владимірскіе города и уѣзды, захваченные Казиміромъ въ 1366-мъ, снова, послѣ четырехлѣтняго отпаденія, воротили себѣ назадъ.

Въ этомъ же, 1370 году, произошла, по смерти Казиміра, важная перемѣна съ землей нашей, которой ни одинъ, по сю пору, историкъ не старался, надлежащимъ образомъ, объяснить, а Польскіе лѣтописцы силились, какъ бы нарочно, запутать ее, то есть, Галиція получила новаго, по уже собственнаго своего, государя, и снова заняла мѣсто свое въ ряду независимыхъ Европейскихъ государствъ. Событіе это случилось такимъ образомъ. Людвикъ, король Угорскій, назначенный Казиміромъ въ преемники себѣ на Польскій престолъ, чувствовалъ очень хорошо несправедливость такого поступка и внутренно былъ убѣжденъ, что Польскій вѣнецъ принадлежитъ не ему, но, либо князьямъ Мазовецкимъ, Пястамъ, либо же князю Опольскому, проживавшему у него въ Угріи, почтенному высокимъ званіемъ Палатина Угорскаго королевства, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, самому ближайшему его другу, тоже, въ мужескомъ и женскомъ колѣнѣ (по мечу и веретену), Пясту. Польскіе вельможи успѣли, во время междоусобій и дробленія государства своего на мелкія княжества, навсегда присвоить себѣ земли, полученныя ими прежде, по Славянскому обычаю, отъ Польскихъ государей, въ пожизненное или временное

владѣніе, и обращишь данное предкамъ ихъ и имъ самимъ въ личное пользованіе, съ обязательствомъ отправлять за то службу, нѣкоторымъ образомъ въ наслѣдственное имущество (56), а потому и боялись Пяста, какъ природнаго своего государя, могшаго лишить ихъ присвоеннаго ими. Они хорошо помнили, какъ Владиславъ Локотокъ, а еще больше, сынъ его, Казиміръ, сидѣвшіе твердо на своемъ престолѣ, старались обуздать ихъ своеволіе. Онъ того, и желали они видѣть у себя на престолѣ чужаго государя, который, не имѣя на этотъ вѣнецъ ни какого права, долженъ былъ поддаться и позволить располагать собой призвавшимъ его и могшимъ, со-

---

(56) Точно такъ въ царствованіе неспособныхъ потомковъ Карла Великаго, намѣстники и правители, равно какъ и временные подданные, присвоили себѣ управленіе ввѣренными имъ краями и сдѣлали ихъ своей независимой собственностью. Этотъ примѣръ сильно подстрекалъ Польскихъ вельможъ. Онъ было проникъ и на самую Русь въ лицѣ, если не ошибаюсь, Глинскихъ, и чуть было не утвердился въ ней. Мнѣ кажется, строгости и жестокости царя Ивана Васильевича, имѣвшаго случай какъ въ своемъ малолѣтствѣ, такъ и принявъ бразды правленія, хорошо вникнуть въ стремленіе этой партіи, были слѣдствіемъ убѣжденія, что для спасенія самодержавія, и, слѣдовательно, славы, силы и величія государства, должно было прибѣгнуть къ строгимъ, даже жестокимъ, средствамъ. Кто-нибудь изъ ученыхъ Русскихъ могъ бы заняться дальнѣйшимъ изслѣдованіемъ исторіи своего народа съ этой точки зрѣнія, и, если не оправдать, по крайней мѣрѣ, хотя нѣсколько очистить память этого государя, можетъ быть, избалованнаго.

единясь съ законнымъ наслѣдникомъ, сбросить его при первомъ случаѣ, то есть, если бы онъ осмѣлился посягнуть на захваченное имъ. Напослѣдокъ, онъ, гонялся за приверженностью ихъ къ себѣ, готовъ былъ даровать имъ еще новыя права. Такимъ образомъ, Польскіе вельможи искали, подъ предлогомъ исполненія воли умершаго Казиміра, имѣть королемъ себѣ Людвика, и сильно настояли на него, чтобы онъ принялъ вѣнецъ Пястовъ (57). Исторія показываетъ намъ, что царскій вѣнецъ имѣетъ въ себѣ какую-то особенную прелесть; ей не могъ противиться и Людвикъ. Только предстоялъ вопросъ, какъ успокоить законныхъ наслѣдниковъ? Не наше дѣло розыскивать средства, употребленныя Людвикомъ для утишенія Мазовецкихъ князей. Но что касается до любимца и друга его, Владислава, князя Опольскаго, то онъ даровалъ ему, за отреченіе его отъ правъ своихъ на Польскій вѣнецъ, Велунское княжество и нашу несчастную Галицію, или, какъ называемое, княжество Руское, и притомъ въ личное и удѣльное владѣніе,

(57) Стало быть, вовсе не новость отвратительное ученіе объ удаленіи настоящихъ государей, коимъ принадлежитъ престолъ Божіею милостію и любовію, и возведеніи на него, будто по милости и волѣ народа, того, кто ему понравится, ученіе, образовавшееся въ пустыхъ головахъ восемнадцатаго и девятнадцатаго столѣтій и укоренившееся, къ несчастію, у нѣкоторыхъ Европейскихъ народовъ. Поляки ввели его у себя на самомъ дѣлѣ еще въ четырнадцатомъ вѣкѣ.

Владиславъ согласился на это, не желая ввѣрять права свои рѣшенію оружія, и не чувствуя въ себѣ довольно силъ вести войну съ своими соперниками; Людвикомъ и Земовитомъ Мазовецкимъ, равно какъ и до *обузданія* Польскихъ вельможъ. Онъ взялъ Галицкое княжество въ 1370-мъ, заставилъ присягнуть себѣ въ послушаніи, занялъ города и замки своимъ войскомъ, и, желая показать примѣръ своего благочестія и привязанности къ Римской вѣрѣ, даровалъ Францискапамъ, во время пребыванія въ Львовѣ для принятія присяги, принадлежавшій ему домъ, на церковь (58). Потомъ, утвердивши власть свою и размѣстивши стараста, тотчасъ отправился за дворомъ пріятеля своего, Людвика, гдѣ оставался по 1372-й годъ (59), въ коемъ вторично навѣстилъ Львовъ, и, съ тѣхъ поръ, довольно часто проживалъ уже въ этомъ краѣ.

§ 19.

1371—1377.

Девятилѣтнее правленіе Владислава Опольскаго Русью было, за исключеніемъ пограничныхъ мелкихъ ссоръ съ Литовскими Русинами, спокойно, и

(58) *Chodyniecki* Historia miasta Lwowa (str. 382 и 383). Не на церковь, но на жилище монахамъ, какъ сказано было выше, въ примѣчаніи, подъ 1361 годомъ.

(57) *Тотъ же Ходынецкій* стран. 43, болтаетъ пустое, называя его королевскимъ намѣстникомъ, между тѣмъ какъ онъ былъ независимымъ государемъ Руси.

счастливо. Земледѣліе, промышленность и торговля производились какъ поселившимися и безпрестанно поселявшимися Нѣмцами, такъ равно Армянами, Карапмами и, даже, Татарами, которые утвердясь въ окрестностяхъ Львова и занявши часть предмѣстья, прежде Татарскаго, а теперь Краковскаго, или лучше Жовковскаго (60), занимались ремеслами. Напротивъ, Владимірскіе Русины, находясь подъ вліяніемъ Литвы, почти ежегодно нападали на Прусаковъ или Поляковъ и вели опустошительь-

(60) Еще въ 1407 году (Archiv. civ. Leopol. libro 1076) назывались прежнія Краковскія ворота въ Львовѣ porta tartarica, а предмѣстье suburbium tartaricum. Въ 1509-мъ жили, тоже, въ Львовѣ, какъ Сарацыны, такъ и Татары. Сигизмундъ 1-й, позволяя, письмомъ своимъ изъ Львова, feria tertia proxima post festum Sancti Martini, свободно продавать каждой недѣли, въ суботу, что угодно, безъ всякой платы за мѣсто на общественной площади, замѣчаетъ, однако же, что эта милость должна простираться только на Христіанъ, а не на Жидовъ, Сарацынъ и Татаръ (Archiv. civ. Leopol. fasc. 265). Есть преданіе, что эти Магометане имѣли свою мечеть въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ Доминиканскій монастырь. Эти язычники были частію обращены въ Католичество, а частію изгнаны вонъ Поляками, время отъ времени дѣлавшимися горячими и изступленными приверженцами его. Они, обративши или разогнавши Магометанъ, обратили, потомъ, ревность свою противъ Русиновъ и Армянъ, и, послѣ долгихъ усилій и преслѣдованій послѣднихъ, то есть Армянъ, привели ихъ къ соединенію, съ Римской церковью, около 1634, а Русиновъ только въ концѣ XVII-го вѣка. Замѣчательно, что Латинники нигдѣ не пытались ревностно обращать въ Христіанство Жидовъ, народъ, столько многочисленный въ Польшѣ.

ную для обѣихъ сторонъ войну. Вособенности замѣчателенъ походъ, 1375 года, Кейстута, Ягайла, Виновила и Любарта, князей Литовскихъ, и Юрія, князя Руско-Бельзскаго, которые, собравши многочисленное войско на Руси и Литвѣ, вторглись въ Сандомірскую и Люблельскую земли, опустошили все пространство между Вислой и Саномъ и воротились въ свою отчизну, не встрѣтивъ никакого препятствія со стороны Польши, съ добычей и безчисленными плѣнниками (61).

Въ томъ же, 1375-мъ, году, Рускій князь, Владиславъ, испросилъ позволеніе папы Григорія XI-го, данное булой, пятнадцатаго Февраля, въ Авиньонѣ, „Debitum pastoralis officii“, основать Латинскія епископіи въ Галичѣ, Перемышлѣ, Владимірѣ и Холмѣ, а Галицко-Руское возвесть на степень митрополіи. Выше, въ § 16-мъ, намекнули мы, слѣдуя Польскимъ историкамъ, именно Длугошу, что Львовское архіепископство основано было, по предсѣдательству короля Казиміра, въ 1361-мъ, папой Урбаномъ V-мъ или Иннокентіемъ VI-мъ; но теперь, опираясь на Длугоша (стран. 26) и Кромера (стран. 225), утверждаемъ, что оно получило бытіе свое только въ этомъ, 1375, году. Такое противорѣчіе одного и того же писателя можно согласить лишь слѣдующимъ намекомъ Кромера (стр. 225), то есть, что Львовское архіепископство осно-

(61) *Bielski* str. 248. *Stryikowski* str. 418. *Anonim. Gniezdnensis*, pag. 117, пишетъ: Sacerdotes quam plurimi Ecclesiis crematis interfecti et alii in servitutem deducti.

вано было въ 1361-мъ, а Галицкое епископство въ шекущемъ, 1375-мъ году, соединено съ Львовской епархіей и, вмѣстѣ съ ней, возведено въ достоинство митрополіи (62). Потому что и самъ Длугошъ, подъ 1361-мъ годомъ (стран. 1131), говоритъ только объ одномъ Львовѣ, между тѣмъ какъ въ книгѣ X-й (на стран. 16-й подъ 1375-мъ) не упоминаетъ уже ни слова о Львовѣ, а лишь объ одномъ Галичѣ. Съ другой стороны, изъ письменнаго памятника, находящагося въ подлинникѣ у пишущаго этѣ строки и помѣщаемаго цѣликомъ ниже, въ примѣчаніи 73-мъ, видно, что въ 1378-мъ номинатъ Мацѣй писался не Галицкимъ, но Львовскимъ, архіепископомъ, а еще позже, 1390-го, является намъ Бернардъ, называющій себя архіепископомъ Галицкимъ (63). Мы уже выше, въ §. 16-мъ, сказали, что Длугошъ, судя по его особеннымъ отношеніямъ и званію номинатa Львовской архіепископіи, не могъ сдѣлать такой грубой ошибки. Но и того важнѣе тутъ слѣдующее обстоятельство: какъ могъ папа, снисходя на желаніе князя Влади-

---

(62) Anno sequenti qui fuit 1361, Casimirus rex missis Avinionem ad Urbanum quintum pontificem oratoribus impetravit ut in Russia cathedra mitropolitica instituretur, atque illud perfectum est *eodem anno* primusque Archiepiscopus *Leopoliensis* fuit Christianus homo equestris ordinis et caet. Смотрите Стрыйковскаго страница 421, который говоритъ, что Галицкое архіепископство переведено было въ Львовъ, а Львовское епископство въ Каменецъ.

(63) Була папы, находящаяся въ Архивѣ города Львова (fasciculus 679), слѣдующаго содержанія: „Bonifa-

слава, учреждать епископство во Владимірѣ и Холмѣ, когда первый изъ этѣхъ городовъ находился, въ 1370, во владѣніи Литовско-Рускаго князя, Любарта, а второй, съ 1366, принадлежалъ Бельз-

---

cius Episcopus Servus Servorum Dei. Venerabili fratri Episcopo Premisliensi salutem et Apostolicam benedictionem. Piis Supplicium notis hiis prefertur per quae salus animarum procuratur libenter intendimus et volumus favorabiles inveniri. Dudum siquidem pro parte *Bernardi Archiepiscopi haliciensis* exposito felicis recordationis Urbano Papa III praedecessori nostro. Quod cum olim ecclesia haliciensis consistens in ducatu Russiae, qui per clarae memoriae Ludovicum regem Ungariae de manibus sismaticorum et infidelium ad fidem catholicam et obedientiam (S. romanae Ecclessae de novo reductus fuerat, in potestate dictorum sismaticorum et infidelium tunc exsitens, tanto tempore tunc caruisset catholico antistite, quod ubi, et infra quos confines consistebat dos ecclesiae praedictae de facili sciri non poterat, dilectus filius nobilis vir Ladislaus Opoliensis, tunc Russiae dux, zelo devotionis fidei orthodoxae excensus, oppidum Rohagyn (вѣроятно Rohatyn) et castra Oleszko et Tustan in diecesi haliciensi consistentia cum districtibus villis bonis et caet. unam domum suam in superiori parte Circuli oppidi Lemburgiensis et cact. decimam Theloncorum in eodem oppido et decimam salis in Drohobicz et in Sudarzoia (можетъ быть Жидачевъ?) praefatae ecclesiae tunc ad eundem ducem iusto titulo pertinentia, dictae haliciensi Ecclesiae in dotem donatione perpetua et irrevocabili concesserit, et donaverat, quodque limites dioeceseos praedictae, ac provinciae dictae ecclesiae ex eo discerni non poterant, quod praedicti infideles et scismatici illarum partium dictum ducatum, ante redductionem praedictam occupaverant et detinuerant et caet. Datum Rome apud Sanctum Pertum in Idibus Maii Pontificatus nostri anno primo", то есть, въ 1390 году, потому что Бонифацій былъ избранъ именно въ этомъ году. Безгрѣшный папа все, таки, грѣшитъ въ этомъ случаѣ, потому что не Людвикъ, но Казиміръ, король Польскій, отнялъ этъ края у еретиковъ и невѣрныхъ. Равнымъ образомъ ошибается онъ, также, и въ томъ, будто край этотъ приведенъ былъ въ послушаніе Римской церкви, потому

скому князю, Юрію, исповѣдывавшему Греческую вѣру? Какъ могли назначенные папой комисары, архіепископъ Гнѣзденскій и епископъ Краковскій и Плоцкій, навѣщать этѣ города и доносить ему, что число исповѣдующихъ Римскую вѣру достаточно для возведенія этѣхъ городовъ на степень епископскихъ престоловъ? Смѣло утверждать можно, что ни одинъ изъ этѣхъ прелатовъ не посѣщалъ упомянутыхъ городовъ, и что основаніе этѣхъ двухъ епископій, если онѣ дѣйствительно были, какъ in partibus infidelium, должно отнести къ этому времени.

1377.

Присвоеніе себѣ города и замка Владимірскаго Любартомъ 1370, ограбленіе Сандомірской и Люблинской земель Литовцами и Русинами 1375, и настоянія Польскаго дворянства, потерявшаго, въ этомъ походѣ, имѣнія родныхъ и родственниковъ, склонили короля Людвика предпринять войну. А какъ было небезопасно запрогивать, готовыхъ къ отпору, князей Литовскихъ, то рѣшено показать примѣръ строгости на Юріѣ, князѣ Руско-Бельзскомъ. Потому, переправившись, съ сильнымъ Угорскимъ

что до конца самаго XVI вѣка онъ не признавалъ единенія съ Римомъ, за исключеніемъ небольшаго числа инородцевъ, исповѣдывавшихъ Латинскую вѣру. Впрочемъ, это показываетъ только, что папы не знали, гдѣ были границы этой области.

войскомъ черезъ Карпатскія горы въ окрестности Санока, собравши Польское дворянство около Сандомира, и раздѣливши силы свои на двѣ части, король отправилъ Поляковъ завоевывать землю Холмскую, а самъ подступилъ подъ Бельзъ и осадилъ съ Уграми этотъ, въ то время крѣпкій, городъ. Поляки, имѣвшіе многочисленное войско, взяли, въ восемь дней, Холмъ, покорили Грабовецъ, Городло, и такъ далѣе, и, въ заключеніе, соединились съ королемъ и Уграми подъ Бельзомъ, съ цѣлію овладѣть и этимъ укрѣпленнымъ городомъ. Но, прежде нежели пришло до того, явился, среди воюющихъ, Кейстутъ, Великій князь Литовскій, знаменитый воинъ, родственникъ Юрія Бельзскаго, и, при его посредствѣ, былъ заключенъ миръ на слѣдующихъ условіяхъ: Юрій возобновляетъ присягу въ подданствѣ всѣхъ княжествъ, коими онъ владѣетъ, присягу, столько разъ повторявшуюся и никогда не сдержанную, а король, Людвикъ, не только ничего не береть изъ завоеваннаго въ этомъ походѣ, но еще позволяетъ Юрію отчислить отъ Галиціи къ своимъ владѣніямъ Любачевскую землю съ замкомъ, и обѣщаетъ ему, какъ побѣжденному, давать ежегодно по сту гривенъ изъ соляныхъ Бохенскихъ копей (чего никогда до того времени не бывало). Такъ кончилась война Угорскаго и Польскаго короля съ Руско-Бельзскимъ княземъ. Длугошъ, исчисляющій съ такой подробностью знамена Польскаго дворянства, участвовавшаго въ этой войнѣ, безъ чего, конечно,

могли бы мы обойтись, вовсе не показывает намъ, что побудило обладателя двухъ королевствъ, предводившаго такимъ многочисленнымъ войскомъ и бывшаго въ мірѣ съ Владиславомъ, княземъ Галицкимъ, заключить миръ, если ужь не поносный, то, по всему, невыгодный. Потому что, слѣдуя этому миру, побѣдитель дозволилъ побѣжденному взять себѣ новую, Любачевскую, землю, обязался платить дань по сту гривенъ и обезпечилъ ее Бохенскими соляными копями (64). Нарушевичъ, столько склонный къ мечтаніямъ, думаетъ, что это уступлено было въ замѣнъ земли Холмской, оставшейся за Польшей; но объ этомъ ничего не говорятъ ни безыменный Гнѣзденскій лѣтописецъ, ни Длугошъ, самые древнѣйшіе историки. Наконецъ, тотъ же Нарушевичъ старается сдѣлать изъ этого князя, Юрія, просто досмотрщика Польскаго старосту; однако и объ этомъ ни одинъ древнѣйшій историкъ ничего не упоминаетъ. Если разобрать хорошенько содержаніе этого договора, то событіе представится намъ совершенно въ иномъ свѣтѣ. Кто повѣритъ, чтобы король Угорскій и Польскій велъ войну съ своимъ старостой, а, побѣдивши его, вмѣсто наказанія за возмущеніе, даровалъ ему еще новую землю, обѣщаясь платить, сверхъ того, ежегодную дань, и чтобы Великій князь Литовскій былъ посредникомъ между своимъ сосѣдомъ, королемъ Польскимъ, и его старостой? Сказанное

(64) *Długosz* pag. 36. *Cromer* pag. 225. *Naruszewicz* VII. 96. *Stryikowski* 420.

нами выше, можетъ, безъ дальнѣйшаго, объяснить читателю, кто таковъ былъ этотъ Юрій, князь Бельзскій.

1379.

Послѣдняя война короля Людвика съ княземъ Бельзскимъ, бывшая 1377 года, показала Галицкому князю, Владиславу, что онъ самъ никогда не можетъ противостоять соединеннымъ Литовско-Рускимъ силамъ (65), а съ другой стороны, составляя собой какъ бы переднюю стражу, не льзя также ему полагаться и на миръ Польши и Угровъ съ Литовцами и Русами. Такъ, участвуя въ походѣ 1377 года, онъ, не только ничего не пріобрѣлъ, но еще, сверхъ того, потерялъ Любачевскую землю. Далѣе, размышляя о томъ, что онъ, будучи Полякомъ, исповѣдующимъ Римскую вѣру, не можетъ ожидать себѣ любви Рускаго народа, а наслѣдственное его, Опольское и Велунское, княжество слишкомъ далеко отстоитъ отъ княжества Рускаго, Владиславъ предложилъ королю Людвику уступить ему это княжество за какое-нибудь другое вознагражденіе. Людвикъ охотно склонился на это, и предложилъ ему за Галицію или „Nobile regnum Russiae," уѣзды Добрын-

(65) Cernens Vladislaus quod nobile regnum Russiae propter insultos Lithvanorum pacifice teneri non possit, ipsum, Domino Ludovico regi Hungariae et Poloniae pro terris et ducatibus videlicet Dobrinensi, Gniewkoviensi et Bidgostiensi resignavit. Современный *Anonimus* (pag. 119).

скій, Гнѣвковскій и Бидгощскій, послѣ чего послѣдовало и самое исполненіе на дѣлѣ. Договоръ этотъ состоялся восьмаго Генваря, 1379 года, и помѣщается сдѣсь, въ примѣчаніи (66), слово въ слово. Русины присягнули королю Людвику въ вѣрности и послушаніи. Слѣдовательно, *Ходинецкій* ошибается, утверждая, въ своей Исторіи города Львова (стр. 45), будто князь Владиславъ владѣлъ Галиціей даже въ 1381 году, и назначилъ для постройки Львова дерево изъ королевскихъ лѣсовъ, потому что упомянутой договоръ представляетъ намъ собой самое несомнительное свѣдѣтельство отреченія его отъ этого края въ 1379. Равнымъ образомъ, ошибаются и Польскіе лѣтописцы, помѣщающіе событіе это подъ 1377. Обманъ этотъ плохо обошелся князю Владиславу, потому что, впослѣдствіи, въ 1396 году, Ягайло, по совѣту Польскихъ вельможъ, лишилъ его, коварнымъ образомъ, вымѣненнаго достоянія. Политика этихъ вельможъ состояла, какъ мы уже выше замѣтили, въ томъ, чтобы истреблять князей королевскаго рода, и, такимъ образомъ, самимъ, въ правленіе слабыхъ и незаконныхъ королей, обогащать себя, подъ именемъ старостъ и правителей. Вотъ почему они добивались, въ подтвержденіяхъ своихъ преимуществъ, чтобы князья королевскаго дому или Русскихъ государей, не носили ни какихъ званій, не отправля-

(66) Ladislaus Dei gratia Dux Opoliensis, Velunensis, Vladislaviensis et Dobrinensis. Universis et singulis Baronibus, Terrigenis,

ли ни какихъ должностей и не имѣли бы ни какой особенной власти, надѣясь тѣмъ привести ихъ, современемъ, въ землѣ ихъ предковъ, до совершеннаго ослабленія (67).

Дѣянія и учрежденія князя Владислава на Руси, какія по сю пору удалось мнѣ открыть, суть слѣдующія: Въ 1372 году далъ онъ городу Львову грамоту на 100 Франкскихъ десятинъ (68). Въ 1375, feria VI post decolationem S. Joannis Baptistae, даровалъ, въ Городѣ, fideli Хлебъ Дворщовичь и пріемникамъ его деревню Бышковицы или Бушковицы, подъ Перемышлемъ, съ условіемъ платить отъ каж-

---

Nobilibus, Militibus, Clientibus, Wojewodis, Tribunis, item Advocatis, Consulibus, Civibus, Scultetis, Judicibus et universis incolis in terra Russiae manentibus, sincere dilectis amicitiam cum salute. Vobis universaliter, et cuilibet vestrum singulariter de obedientia, homagio et fidelitatis constantia quibus nos hocusque fideliter et constanter estis prosecuti, multiplices referimus gratiarum actiones; absolventes et liberantes nihilominus Vos et Vestrum quemlibet, principaliter ab huiusmodi homagio, obedientia fidelitatis, et aliis quibusvis promissionibus, quibus nobis *haereditarie* fuistis subiecti, et obligati et astricti. Resignantes, reddentes et restituentes nihilominus Vos, et Vestrum quemlibet universaliter et particulariter Serenissimo Principi, Domino Ludovico Ungariae, Poloniae, Dalmatiae etc. Regi Domino nostro gratioso, praesentium patrocinio mediante. Quibus Sigilla nostra sunt appensa. Datum Veluniae ipso die Octavo festi Epiphaniae Domini. Anno Domini millesimo trecentesimo septuagesimo nono. Locus Sigilli pensilis in cera rubra expressi.—Въ другихъ же бумагахъ, предшествовавшихъ этому событію, онъ подписывался, какъ сейчасъ увидимъ: „Dux Opoliensis, Velunensis, Terraeque Russiae Dominus et Haeres; но тутъ, въ отреченіи своемъ отъ престола, не употребляетъ ужь имени Russiae.

(67) *Długosz* pag. 147 et sequ.

(68) Архивъ города Львова, fascic. 193. Origin.

даго жителя или отъ дыма по два большихъ гроша (grossos magnos) каждый годъ, и, по обычаю прочихъ бояръ земли Руской, итти за княземъ въ его походъ съ однимъ копьемъ (ad se comitandum cum una lancea seu hasta) (подлинникъ въ Архивѣ Перемышльской Латинской капитулы, отдѣленіе Бышковицы №= 1.). Въ томъ же, 1375, году онъ даровалъ какому-то Яшку селеніе Дрошовъ (Dorozsov, Dorozow, in districtu Samboriensi) (69).—Въ 1377 подтверждено было имъ условіе на продажу деревни Малоха (Malechów, подъ Львовымъ) армянина Мардера и покупщика, Львовскаго мѣщанина, Ивана Маховича (70). Въ 1378 далъ грамоту Львову на войтовство, (71) на Годловскомъ полѣ (теперь деревня Гадле, въ Решовскомъ округѣ (72), также Григорью Спехеру, мѣщанину Львовскому, на часть одной земли, равно какъ и Нѣмецкое право на селеніе Малыя Винники (73). Эту послѣднюю гра-

---

(69) *Naruszewicz* VI. I. str. 266., въ примѣчаніи.

(70) Архивъ Львовскій, fasciculus 292. Orig.

(71) Архивъ Львовскій, fasciculus 105.

(72) *Naruszewicz* VII. str. 284., въ примѣчаніи.

(73) Архивъ города Львова, fasciculus 289. Содержаніе этой грамоты слѣдующее: In nomine Domini amen. Decet excelentia principum sùorum subditorum commodis et utilitatibus intendere et dum eorum profectibus invigilant, ipsos in honoris sui promotione et servitiis sentiant promptiores. Nos igitur Ladislaus Dei Gratia Dux Opoliensis haeres Velunensis et Dominus terrae Russiae ad perpetuam rei memoriam volumus advenire quum in nostra nostrorumque seniorum praesentia constitutus discretus vir Gregorius Stecher Civis Lemburgensis proposuit tunc quaerelam, quia multa sustinuisset et adhuc sustinet incommo-

мому я помѣщаю ниже, въ примѣчаніи, какъ заключающую въ себѣ важныя обстоятельства, сопровождая ее нѣкоторыми толкованіями. Наконецъ, онъ

---

da, quia agri ad suam villam Mały Winek, pertinentes, sitam in districtu lemburgensi *non in una linea secundum ius teutonicum annectuntur, sed secundum Rutenorum consuetudinem sparsim et particulatim sunt distincti* imo situ non modicum scimus gnari incomodum. Nos igitur nostros subditos et praesertim incolas nostrae civitatis Lemburgae in ipsorum iuribus et ab omnibus iniuriis et incommodis volumus conservare, agros nostros, prata et rubeta quos et quae habemus in eodem Districtu ex ista parte fluvii, qui fluit per iam dictam vilam Mały Wynik prope metis agrorum iam dicti Gregorii pro ipsius agris ex illa parte praefati fluvii sub monte et in monte particulatim situatos damus, etiam in planitie eiusdem montis quinque mansos, quantum cum quinque aratris colere possit, ex nostra speciali gratia supradicto Gregorio Stecher et suis posteris apropriamus, incorporamus et caet. Actum et datum Lemburgae in die omnium Sanctorum sub anno Domini Milesimo tricentesimo septuagesimo octavo. Praesentibus his dominis et fidelibus nostris. *Domino Mathia electo in archiepiscopum lemburgensem* et strenuo milite Paszkone Glodzey in Czechow, Nicolao de Zbigoria Zawichostensi Castellano, Andreykone Capitaneo Russiae, Johanne Schof nostro Marchalco. Petro Armenknecht Thełoniatore lemburgensi et aliis quam plurimis viris fide dignis (Sigillum pensile) Такимъ образомъ, изъ этой грамоты узнаемъ особенную разницу между землями сельскими, которыми владѣли, по праву Нѣмецкому, и землями, по праву Рускому. Нѣмцы дѣлили село между владѣльцами на длинныя и однообразныя полосы; напротивъ того, Русины владѣли раздѣленной на мелкія части, сообразно съ особенностями и свойствомъ земли. И теперь еще есть въ Галиціи такія деревни „secundum consuetudinem Ruthenorum." Я самъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ жилъ и хозяйничалъ. Въ такихъ селахъ, какъ помѣщикъ, такъ равно и Рускій священникъ и поселяне, владѣютъ полемъ и лугами, подѣленными и разбросанными въ самомъ строгомъ соотношеніи. Конечно, хозяйство и надсмотръ въ этихъ селахъ далеко труднѣе,

выдалъ, въ 1379, грамоту на право складывать товары въ городѣ Львовѣ (74).

Sigillum maiestaticum, большая висячая печать, попадающаяся намъ въ бумагахъ царствованія этого Рускаго князя, представляетъ его сидящимъ на престолѣ, въ шапкѣ, а въ правой рукѣ мечь. Онъ су-

---

нежели въ тѣхъ, коихъ обитатели имѣютъ нивы, раздѣленныя, по Нѣмецки, на полосы, въ двухъ или трехъ кускахъ. При всемъ томъ эта раздробленность указываетъ на недосягаемую древность, неумышленную справедливость, и такое знаніе свойствъ земли при первоначальномъ дѣленіи, какимъ едва ли могутъ похвалиться даже нынѣшніе земледѣльцы-химики. Каждый участокъ земли отличается отъ другаго либо своимъ положеніемъ, свойствомъ почвы, либо же вліяніемъ солнца, вѣтра и воды, и каждый владѣтель такой разнородной части имѣетъ свой относительный пай, то есть, лучшій, средній, худшій, близкій и отдаленный, и на каждый изъ нихъ погода дѣйствуетъ въ равной мѣрѣ. Между тѣмъ какъ владѣющіе, по праву Нѣмецкому, землей на равнинахъ, непремѣнно понесутъ вредъ въ мокрое лѣто, а которые на горахъ или пригоркахъ, выиграютъ, и наоборотъ, въ лѣто сухое и горячее. Этотъ Рускій обычай показываетъ намъ, что Русины должны были прожить на этой землѣ цѣлые вѣка и сдѣлать безчисленные опыты, прежде нежели ввели у себя такой справедливый раздѣлъ.

(74) *Chodyniecki* Historya miasta Lwowa, str. 45. Впрочемъ, я сомнѣваюсь объ этомъ, потому что уже тринадцатаго Генваря, 1379 года, князь Владиславъ отказался отъ княжескаго вѣнца, и городъ Львовъ пользовался съ давняго времени правомъ складывать товары, какъ это увидимъ въ слѣдующемъ параграфѣ. Все же, разсказываемое этимъ самымъ Ходынецкимъ на стр. 44 о возвращеніи, въ 1377 году, земель Бельзской, Холмской и Луцкой, просто бредни, какъ это уже извѣстно читателю изъ предыдущаго.

хощавъ и уже въ пожилыхъ лѣтахъ. Подлѣ престола, на правой сторонѣ, столбъ, а на немъ Польскій орелъ, какъ гербъ потомка Пястовъ, или же, можетъ быть, гербъ Опольскаго княжества, а по лѣвой сторонѣ другой столбъ, на коемъ левъ, поднявшійся на ноги, какъ гербъ Галицкой Руси. На оборотѣ этой печати находится другая, меньшаго размѣра, кругловатая. Въ срединѣ ея видно лице, довольно молодое, а въ трехъ углахъ ея замѣтны три небольшіе столба. На первомъ, надъ самой головой, опять одноглавый орелъ, на другой, внизу, по правой сторонѣ, изломанное колесо о четырехъ спицахъ (можетъ быть гербъ Велунскій), а на пречьей, по лѣвой сторонѣ, левъ Рускій.

Не приступая еще къ разсказу событій, случившихся на Руси Галицкой въ правленіе Угровъ, я долженъ остановиться нѣсколько, съ Парушевичемъ въ рукѣ, на послѣдней, только что описанной мною, эпохѣ исторіи нашей. Парушевичь, по обыкновенію своему, спѣшно вооружается противъ уступки Руси Владиславу Опольскому, равно какъ и противъ послѣдующаго присоединенія ея къ Угріи, ни мало не обращая вниманія на причины, побудившія Людвика уступить се Владиславу, а этого отречься, спустя 9 лѣтъ, въ пользу короля. Современникъ этому происшествію, неизвѣстный Гнѣзденскій архидіаконъ, приведенный нами выше, въ примѣчаніи 65, ничего не видитъ необычайнаго, противозаконнаго въ обладаніи и обмѣнѣ, „Regni Rus-

siae," Владиславомъ, и только позднѣйшій Длугошъ и цѣлый рядъ переписчиковъ его стали нарекать на это.

Тотъ же самый Нарушевичъ (стр. 97, Часть VII-я) говоритъ, что Рѣчь посполитая Польская не хотѣла имѣть ни какихъ связей съ онѣмечившимися Силезскими князьями, какъ будто въ то время существовала уже Рѣчь посполитая Польская, или другое какое учрежденіе противу царствовавшаго дома, какъ это было во время Нарушевича. Если Польша могла принадлежать Угру, Людвику, Литвину Ягайлу, почитаемому варваромъ, или сыновьямъ его, рожденнымъ отъ Литовца и Русинки, то почему жь бы не быть ей и подъ властью Пястовыхъ потомковъ, которые въ то время (да, кажется, и никогда), не были онѣмечены? Но тутъ шло совсѣмъ не о томъ: нѣсколько олигарховъ думало, что власть государя гораздо легче можно будетъ сокрушить, если она находится въ рукахъ иноземца, или женщины, нежели въ рукахъ князя, происходящаго изъ дому, испоконъ владѣтельнаго. Казиміръ, какъ наслѣдственный государь, правилъ самодержавно Польшей, и только преимущества, данныя Людвикомъ дворянству, для удержанія за своимъ домомъ и дочерями вѣнца, полученнаго незаконно, равно какъ и уступки Владислава Ягайла, произвели, въ послѣдствіи, аристократическо-республиканское правленіе въ Польшѣ. Людвикъ получилъ Польскій вѣнецъ несправедливымъ образомъ,

потому что, какъ я уже выше замѣтилъ нѣсколько разъ, были еще ближайшіе родственники въ мужескомъ колѣнѣ, даже самыя дочери Казиміра, имѣвшія, по этому, гораздо ближайшее право на этотъ престолъ, нежели племянникъ и иноземецъ, Людвикъ Угорскій. Впрочемъ, въ то время не могло еще утвердиться въ Польшѣ, Руси и Литвѣ правильное престолонаслѣдіе: кто былъ сильнѣйшій или счастливѣйшій, тотъ и возлогалъ на свою голову королевскій вѣнецъ или княжескую шапку. А чрезвычайно запутанныя брачныя связи между владѣтельными родами въ Польшѣ, Литвѣ и Руси, давали каждому потомку ихъ, не обращая ни какого вниманія на то, былъ ли онъ язычникъ, или же послѣдователь Римскаго, либо Греческаго, исповѣданія, равное право домогаться престола, если только имѣлъ онъ довольно силы овладѣть имъ и потомъ удержать въ своихъ рукахъ.

§ 20.

Королевство Галицкое подъ властію Угровъ.

съ 1379 по 1387.

Уволившись отъ обязанностей вѣрноподданническихъ къ Владиславу, князю Опольскому (75), обитате-

(75) Слѣдуя примѣру Польскихъ писателей, я называлъ всюду этого князя Владиславомъ, хотя онъ писался только Ладиславомъ (Ladislaus), и въ Vol. Legum II. p. 707, названъ даже и по Польски *Ładzisław*.

ли Галиціи тотчасъ присягнули, въ Генварѣ того же, 1379, года, Людвику, королю Угорскому. Угорскіе комисары, назначенные королемъ: Эмерикъ, епископъ Эгерскій, Юрій Задура и Иванъ Заполя, приняли бразды правленія краемъ (76), а войска заняли города и укрѣпленные замки, чѣмъ и началась *новая* историческая эпоха для Галицкаго королевства. Король Людвикъ, за исключеніемъ страстной привязанности къ папамъ и желанія обращать въ Латинскую вѣру (77), былъ для Галицкой Руси вообще, а для города Львова особенности, благосклоннымъ государемъ. Такъ, вскорѣ по занятіи Галиціи, онъ подтвердилъ, въ Маѣ 1379 года, всѣ права города Львова, особливо право складки товаровъ. Это можно видѣть въ подлинной грамотѣ, помѣщаемой мною сдѣсь, въ примѣчаніи (78), и списанной со всею вѣрно-

---

(76) *Długosz* str. 37. *Kromer* 225. *Bielski* 250. *Naruszewicz* VII. 97.

(77) Людвикъ, король Угорскій, приказалъ Латинскому Духовенству, именно Іеронимцамъ, обращать, даже силой, такъ называемыхъ, раскольниковъ въ Банатѣ, и, желая заставить Булгаровъ признать Римскаго папу и принять Латинскую вѣру, воевалъ ихъ въ 1365 и 1366. *Dobrowsky* Glagolitica, изданіе второе *Ганки*.

(78) Архивъ города Львова, fascicul. 293. Nos Ludovicus Dei gratia Rex Ungariae, Poloniae, Dalmatiae et caet. Memoriae commendamus tenore praesentium significantes universis. Quod nos qui pietate regia Civitatem nostram Lemburgensem *in confiniis* regni nostri Russiae habitam et existentem, quae frequentes incursus Lithvanorum solet subire gratiose confovere et ipsam ac eius incolas, in eorum libertatibus pristinis illaesos conservare debeamus, ut dicta Civitas et inhabitatores ipsius eo com-

ствю. Изъ нея открывается, что городъ Львовъ лежалъ тогда на границѣ королевства Рускаго, а потому это королевство, бывшее подъ правленіемъ Угорскимъ, не заключало въ себѣ еще ни Волы-

---

modius populorum multitudine decorentur, ac utilitate commodo et profectu ampliantur. Consideratis praemissis et recensitis fidelitatibus, quibus hucusque constanter se Nostri Maiestati reddiderunt gratos, incolae dictae civitatis pariter et acceptos eandem civitem Lemburgensem et habitantes in ea assumpsimus et praesentium spondemus in omnibus iuribus et libertatibus videlicet *depositione omnium mercantiarum omnium et quorumlibet mercatorum ac transitu seu via* ac omnibus aliis quibus tempore felicis memoriae Domini Casimiri quondam Regis Poloniae, ac demum tempore regiminis, illustris Dominae Elisabethae Reginae nostrae Genitricis carissimae fruti sunt et potiti, gaudere et utifrui volumus et ex nunc ut antea illaesos et illibatos conservare praesentium sub Nostrae Maiestatis sigillo testimonio litterarum. Datt: Dyosgeur die nona mensis Maii anno Domini millesimo trecentesimo septuagesimo nono. L. S. Relatio Petri Zudar Darii in praesentia Archiepiscopi Strygoniensis. Изъ приведенной выше королевской, и, прилагаемой въ слѣдующемъ примѣчаніи, привилегіи, открывается: а) что городъ Lemburga былъ на границѣ (in confiniis) королевства Рускаго; б) что онъ съ давнихъ временъ—городъ торговой и складочный для южной Руси; в) что, кромѣ Львова, пользовались одинакими же правами съ нимъ еще города Владиміръ и Луцкъ; г) это право: „depositorii transitus et viae", состояло въ томъ, что каждый купецъ изъ Нѣмецкой земли и Польши долженъ былъ ѣхать съ товарами своими, назначенными въ Грецію, Тартарію, Литву и Русь, непремѣнно, подъ страхомъ лишенія ихъ, черезъ Львовъ; равнымъ образомъ и каждый купецъ изъ Сѣвера и Востока, отправляясь въ Польшу, Нѣмецкую землю и Угрію, обязывался, прежде всего, завернуть въ Львовъ, и выставить товары свои для продажи на нѣкоторое время Львовскимъ обитателямъ, и толь-

ни, ни Подола. Такое же право складки товаровъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, пути или торговой дороги съ Татарскими землями, проходившей черезъ Львовъ, Владиміръ и Луцкъ, подтвердилъ, въ этомъ же самомъ году, и Дмитрій, Великій князь Владиміро-Луцкій, какъ это свѣдѣтельствуетъ грамота, чрезвычайно важная для объясненія положенія тогдашнихъ дѣлъ, владѣнія Русскими краями и состоянія сѣверной торговли. Грамоту эту помѣщаю тутъ же, въ примѣчаніи, и сопровождаю ее нѣкоторыми моими объясненіями (79).

ко тогда, когда эти послѣдніе не закупили ихъ, вольно было ему вывезть ихъ изъ Львова либо на Востокъ и къ Татарамъ, либо же въ глубь Европы, и продавать тамъ, разумѣется, заплативши, напередъ, пошлину въ Львовѣ. Всякой купецъ, возвращаясь назадъ, обязывался снова посѣтить Львовъ, и предложить для продажи товары, которые онъ везетъ въ замѣнъ прежнихъ. Этимъ правомъ пользовался Львовъ и въ слѣдующіе два вѣка.

(79) Архивъ города Львова, fasciculus 293. Съ подлинника. In dem Namen Gotis amen. Wir groser Furste Demytyr von den genaden gotis von Ladymir und von Luczk gelobin den erbarn Luyten dem Rate, und den gemeynem Burgern und der ganczen Stat czu der Lemburg, das vir Keynen Kaufman nict vellen losen czyn mit zu ine gute her zey fon polen ader fon duyczben. Landen durch unzer Lant Ken Heydenlant, das dy nyderloge blybe czu Ladymir czu Luczk und czu der Lemburg als is von Alders her vormols gewest is Welde uch aber unzer herre der Konig gewalt tun und hyse den gast durch awer lant ken Heydenlant czyn So welde wir ouch den gast durch unse lant losen czyn ken Heydenlant und dy briwe dy wir czwyschen uns vorschrebin han jr sullet uns unsern bryf und wir awern Brif uch antwerten zullen an allen schaden und an

1382.

По отреченіи князя Владислава отъ права на Рускіе края и присоединенія ихъ къ Угріи, Галиція оставалась покойной до самой смерти короля Людвика, наступившей 4-го Сентября, 1382 года, и управлялась Угорскими и своими королевскими старостами. Напротивъ, Володимірія не была такъ счастлива подъ властію Рускихъ и Литовскихъ, большею частію уже обрусѣвшихъ, князей, безпрестанно ссо-

---

alle argelyst und an alle hyndernis Czu eyner befestenunge des geczuyknys desys briwes habe wir angehangen unser Jngezygil Gegeben is der brif an dem achten dage haligen herren sente Mertins des werden Byschhowes noch unsers Herren geburt MCCCLXXIX czu Luczk. L. S. pensillis. На печати левъ, по правиламъ геральдики, идущій отъ лѣвой къ правой сторонѣ, съ надписью кругомъ: „Печать великого князя Димитрія". Остановимся на томъ, кто таковъ былъ этотъ Великій князь Димитрій. Слѣдуя историкамъ Рускимъ, въ то время существовало нѣсколько князей этого имени, изъ коихъ три самые извѣстнѣйшіе въ исторіи, то есть: Великій князь Московскій, Димитрій Донской, Димитрій Михайловичь Волынскій, потомокъ Романа, князя Галицкаго, и своякъ Великаго князя, Димитрія Донскаго, славный вождь и богатырь, больше всѣхъ споспѣшествовавшій храбростью и расторопностью своей къ одержанію побѣды на Дону, 1380 года, и Димитрій Ольгердовичь, младшій братъ Ягайла, рожденный отъ Руской княжны, Рускаго исповѣданія, который, въ то время, когда братъ его, Ягайло, находился въ сношеніяхъ съ Татарами, жилъ съ Рускими князьями въ согласіи и единомысліи, и сражался въ рядахъ Рускихъ на Дону противу Татаръ. Изъ этихъ двухъ послѣднихъ одинъ долженъ быть непремѣнно Ве-

ривщихся и бившихся съ Прускими Крестоносцами, нападавшими на нее, и участвовала, съ Литовцами, въ опустошеніи Прускихъ краевъ. Такъ, въ 1378 и 1382 (*Длугошъ* стр. 43 и 60) мало было того,

---

ликимъ княземъ Владимірскимъ и Луцкимъ, давшимъ, приведенную выше, грамоту городу Львову. Что имъ былъ Димитрій Михайловичь Волынскій, это показываютъ слѣдующія обстоятельства: 1) самое историческое названіе „Волынскій", потому что Владиміръ и Луцкъ лежатъ на Волыни и составляютъ главные города этой страны; 2) что онъ былъ потомкомъ Романа, нѣкогда Великаго князя Владимірскаго и Галицкаго, а потому истинный наслѣдникъ этѣхъ королевствъ; 3) что, по Карамзину, Димитрій Ольгердовичь въ 1378 и 1379-мъ (Томъ V. стран. 53) владѣлъ не на Волыни Владиміромъ или Луцкомъ, но въ Трубчевскѣ, и жилъ въ несогласіи съ братомъ своимъ, Ягайломъ, начальникомъ Ольгердова рода; 4) что въ роду Ольгердо-Литовскомъ Ягайло, какъ старшій, пользовался титломъ Великаго князя, имѣя часть Вильны; но этого титла не могъ употреблять младшій братъ, владѣвшій только родовымъ удѣломъ; 5) что, при раздѣлѣ Ольгердова имѣнія между одинадцатью или двѣнадцатью сыновьями, не могли одному изъ нихъ выпасть на долю такая большая часть, какой было Великое княжество Владимірское и Луцкое; и, наконецъ, 6) что этотъ Димитрій употребилъ на печати своей гербъ не Литовскій, но Южной Руси, то есть льва. Такимъ образомъ, сообразивши всѣ, упомянутыя выше, обстоятельства, не остается ни какого сомнѣнія, что грамоту эту выдалъ Димитрій Михайловичь Волынскій, который, какъ глава своего рода, употреблялъ титло „Великій князь", точно такъ, какъ употребляли его князья Смоленска, Твери, Рязани и другіе. Отсюда слѣдуетъ заключеніе, что Волынь въ то время, не смотря на временныя нападенія Литвы и Польши, не принадлежала ни къ одному изъ этѣхъ государствъ, а имѣла собственныхъ, своихъ, стародавнихъ, князей. Смотрите выше примѣчаніе.

что край этотъ страдалъ уже отъ естественныхъ враговъ, нѣтъ, Янъ, князь Мазовецкій, союзникъ и зять, Великаго князя Литовскаго, Явнуша, собравши свои и, брата своего, Земовита, войска, вторгся въ Подлѣсье, принадлежавшее Володимиріи, овладѣлъ Дрогичевской и Мельницкой землей, размѣстилъ своихъ людей въ главныхъ ея замкахъ, то есть, Дрогичинѣ и Мельницѣ, и, напослѣдокъ, ограбилъ и опустошилъ уѣзды: Бѣльскій, Суражскій, Каменецкій (не Подольскій) и Брестскій. Впрочемъ, Дрогичинъ и Мельница не долго оставались во власти Мазуровъ, потому что Ягайло, князь Литовскій, осадилъ, въ 1383, Дрогичинъ, и, при помощи Русиновъ, составлявшихъ стражу этой крѣпости, воротилъ назадъ какъ этотъ городъ, такъ равно и другіе, сосѣдніе уѣзды (80).

Лишь только Любартъ, князь Литовско-Вольнскій, владѣвшій въ Луцкѣ (я послѣдовалъ тутъ ошибочно за ошибочными Польскими историками, потому что въ то время, какъ это несомнѣнно доказано было мной выше, въ примѣчаніи 79, владѣлъ въ Луцкѣ и Владимірѣ не Любартъ, князь Литовскій, но Димитрій, князь Русскій) узналъ о смерти короля Людвика, тотчасъ приступилъ къ возвращенію городовъ Червоно-Русскихъ, занятыхъ Угорски-

(80) *Długosz* str. 89. *Kromer* str. 236 *Bielski* str. 266. Этотъ же Бѣльскій, пиша о завоеваніи Дрогичина, такъ выражается: „а тутъ Русь, которой былъ полонъ замокъ, какъ и вообще всюду въ этихъ краяхъ обитала въ то время Русь, измѣнила намъ.“ Это лучшее доказательство, что тамъ были Русскіе, а не Польскіе, или Литовскіе, края.

ми войсками. Не желая, однако же, проливать напрасно кровь шамъ, гдѣ и другія средства были достаточны, онъ употребилъ деньги для склоненія на свою сторону Угорскихъ начальниковъ, и, такимъ образомъ, овладѣлъ замками и городами Кременцемъ, Олеськомъ, Лопашинымъ, Городломъ и Сяпынымъ. Длугошъ называетъ (стр. 66) тутъ Каменецъ вмѣсто Кременца, но ошибается, потому что неизвѣстный Гнѣзденскій лѣтописецъ, жившій въ это время, говоритъ о Кременцѣ, и, безъ сомнѣнія, лучше кого другаго зналъ то. Нарушевичъ, имѣвшій, конечно, тутъ свои причины, ставитъ въ числѣ этѣхъ городовъ (часть VII. стр. 143) и Перемышль; но объ этомъ не упоминаютъ ни безыменный Гнѣзденецъ, ни Длугошъ, ни Кромеръ. И справедливо: Перемышль и остальная Галиція оставались, по прежнему, во власти Угровъ. Въ 1384, Марія, королева Угорская, вступившая на престолъ послѣ отца своего, Людвика, даровала, грамотой отъ 2 Апрѣля, 1384, Генриху, Лашинскому епископу Перемышльской и Саноцкой земли, разныя имѣнія, что ни какъ не могло быть, если бъ Перемышль находился, по прежнему, во власти православныхъ Рускихъ князей (81). У-

(81) Эта привилегія помѣщена въ повременномъ изданіи: Przyiaciel chrzesciańskiey prawdy. 1833. str. 100. Anonimus Gnezdnienſis, писавшій въ Гнѣзднѣ, слышa, что на Руси есть городъ Перемышль, тоже отдаетъ его Литовцамъ, но онъ ошибается, потому что Перемышль далеко отстоитъ отъ Городла, Кременца и Сяпина; да и самый документъ на епископство Перемышльское показываетъ, что этотъ городъ принадлежалъ къ Угріи. Coll, Somersbergiana pag. 138.

горскіе военноначальники, не исполнившіе обязанностей своихъ, и позволившіе уловить себя деньгами, понесли заслуженное наказаніе отъ королевы Елисаветы, вдовы Людвика (82).

1384.

Въ то время, когда, по смерти Людвика, остальная Галиція наслаждалась покоемъ подъ правленіемъ Угоровъ, Польша страдала отъ междуцарствія и войнъ, произведенныхъ домогавшимися ея вѣнца и внутренними гражданскими усобицами. Три было главныхъ притязателя на престолъ: Сигизмундъ, маркграфъ Бранденборгскій, зять умершаго короля, супругъ Маріи, назначенный самимъ Людвикомъ на Польскій престолъ, Земовитъ, князь Мазовецкій, ближайшій наслѣдникъ престола въ му-

---

(82) Вся эта война Литовцевъ и Русовъ съ Уграми, и подкупъ Угорскихъ вождей, кажутся мнѣ подозрительны, не смотря на то, что всѣ Польскіе лѣтописцы, одинъ за другимъ, повторили это, потому что, какъ мы видѣли въ документѣ, помѣщенномъ выше, въ примѣчаніи 78-мъ, Львовъ лежалъ „in confiniis Regni Russiae“ принадлежащаго къ Угріи, а потому города, лежащіе значительно на сѣверъ, за Львовымъ, какъ то: Кременецъ, Олесько, Лопатинъ и Городло, не могли имѣть Угорской стражи, равно и документъ, приведенный въ примѣчаніи 79 мъ, показываетъ, что на Волынѣ въ то время владѣлъ не Любартъ, но Димитрій. Слѣдовательно, соображая все, выходитъ, что regnum Russiae, какъ его называли, принадлежавшее тогда къ Угріи, состояло изъ земель Саноцкой, Перемышльской, Львовской, Жидачевской и Галицкой.

женскомъ колѣнѣ, и Владиславъ, князь Опольскій, Велунскій, Добрынскій и, также, нѣкогда, Рускій, то же изъ дома Пястовъ въ мужескомъ и женскомъ колѣнѣ. Но Владиславъ, вѣроятно склоненный къ тому Сигизмундомъ, вскорѣ отказался отъ своихъ притязаній, а Земовитъ, имѣвшій на своей сторонѣ Великую Польшу, и справедливо признанный, значительной частью народа, королемъ, подкрѣплялъ права свои противъ Сигизмунда оружіемъ. Малая Польша приняла сторону Ядвиги, второй дочери Людвика, прося ее пріѣхать въ Краковъ и выйти замужъ за того, кого назначитъ ей народъ. Между тѣмъ богатое дворянство, начинавшее уже брать пагубный перевѣсъ, вело между собой открытую войну. Этотъ безпорядокъ, описаніе коего вовсе не принадлежитъ къ нашему сочиненію, продолжался съ 14 Сентября, 1382, по осень 1384, то есть, до пріѣзда Ядвиги въ Краковъ и вѣнчанія ея на престолъ, 15 Декабря.

Печально было личное положеніе нововѣнчанной королевы, Ядвиги. Оторванная отъ семейнаго лона, и окруженная людьми, лишенными всѣхъ благородныхъ чувствъ, она сдѣлалась жертвой либо низвѣстныхъ намъ частныхъ видовъ окружавшихъ ее Польскихъ вельможъ, не спускавшихъ съ нея зоркаго своего глаза, либо государственной политики, либо же происковъ и дальнѣйшихъ замысловъ Римскаго папы. Ядвига была обручена, слѣдуя склонности своего сердца, Вильгельму, Австрійскому

князю, но, не обращая на то ни какого вниманія, заставили ее отдать, противу воли, руку свою другому (83). Можно полагать, что путь самой дѣятельной пружиной были происки Рима и Польскаго духовенства. Ягайло и значительная часть Литвы, равно какъ и цѣлая Русь, соединенная съ Литвой, исповѣдывали Греческую вѣру. Тутъ расчитывали такъ: „Если онъ (Ягайло), согласно условіямъ брака, женится на Ядвигѣ, и приметъ Римское исповѣданіе, тогда отворятся ворота и для обращенія Литвы и Руси", что и случилось на самомъ дѣлѣ (84). Такая догадка обращается въ вѣроятность, ежели прибавимъ еще къ этому, что папа

---

(83) *Длугошъ*, безъ сомнѣнія, непосвященный въ тайныя политики, сердился на насиліе брачному союзу, а потому и дѣлаетъ острые упреки Польскимъ вельможамъ, говоря, что Ядвига „cum Vilhelmo Duce Austriae, post contracta de prestanti sponsalia, *quindecim diebus in thoro carnali copula etiam subsecuta manserat*," и далѣе: „ex eo insuper facinore a proceribus Poloniae pro ea tempestate in contemptum Christianae religionis patrato, qui catolico principe Vilhelmo Austriae Duce, *a legitima uxore ignominiose excluso foeminam renitentem* Jagelloni Barbaro non abhorendo *adulterii facinus* jungi procurarent. *Dlugosz* pag. 105.

(84) Ягайло, сынъ Олгерда и Іуліаны, Руской княгини, крещенъ по Рускому закону, сдѣлавшися королемъ Польскимъ, крестился паки на Римской въ Краковѣ, и крестилъ свой народъ волею и неволею. *Карамзинъ* V. стран. 97 и 98. Великій князь Ягайло Олгердовичь ѣздилъ женится въ Угорскую землю къ Королю, и женився и тамо крестился въ Нѣмецкую вѣру, и пришедъ изъ Угръ въ Литовскую землю, крести Литву въ Нѣмецкую вѣру половину своего города Вильцы. Примѣчаніе *Карамзина* въ V-й части, изъ Росіповской лѣтописи.

смотрѣлъ сквозь пальцы на нарушеніе брачнаго союза съ Австрійскимъ княземъ, и благопріятствовалъ заключенію чужеложнаго брака съ Ягайломъ, равно какъ и то, что они этого послѣдняго требовали клятвеннаго обязательства, обратить народъ свой въ Католичество (85). Такимъ образомъ, Ягайло, избранный въ мужья ей, прибылъ, двѣнадцатаго Февраля, 1386 года, въ Краковъ, окруженный братьями, Литовскими боярами, Литовскими, Русскими и Польскими вельможами, гдѣ 14 крестился, а 17 вѣнчался съ Ядвигой, и тотъ же часъ взошелъ на королевскій престолъ.

1386.

Прежде нежели познакомимъ читателя съ Ягайломъ (что считаемъ весьма необходимымъ, зная, что онъ и потомство его владѣли слишкомъ полтораста лѣтъ Червоной Русью), остановимся, нѣсколько, на нѣкоторыхъ обстоятельствахъ того времени, упоминаемыхъ Польскими историками. Длугошъ (на стр. 96), а за нимъ и Нарушевичъ (на 196, VI.), приводятъ прекрасную рѣчь Бориса, князя Литовскаго, держанную имъ въ Угріи, королевѣ Елисаветѣ, отъ лица брата своего, Ягайла, въ которой онъ испрашивалъ у нея руки дочери ея, Ядвиги, для этого послѣдняго; но рѣчь эту смѣло можно считать

(85) Jureiurando se adstrinxit Lithvaniam ad fidem orthodoxam reducturum. *Dlugosz* pag. 105.

Длугошевой, сосставленной, спустя сто лѣтъ, послѣ. Это потому, во первыхъ, что Борисъ, котораго онъ самъ называетъ Barbarus, не зналъ ни по Угорски, ни по Латынѣ, но, по большей мѣрѣ, кромѣ своего природнаго, Литовскаго, еще по Руски и, можетъ быть, нѣсколько, по Польски. Во вторыхъ: онъ дѣлаетъ такія обѣщанія въ ней отъ имени Ягайла, которыя случились гораздо позже, то есть, въ 1569, и, при томъ, въ другомъ видѣ, на пр., присоединеніе и сліяніе Литвы съ Польскимъ королевствомъ, чего Ягайло, владѣвшій только частью Литвы (86), не могъ исполнить. Въ третьихъ: обѣщается воротить назадъ Поморье, Силезію, земли: Холмскую (87), Добрынскую, Велунскую, и другія, отпавшія отъ Польши; потому что такое обѣщаніе было бы неблагоразумно и сдѣлало бы непріятелями ему сосѣднихъ государей, короля Чешскаго, князей Силезскихъ и Владислава, князя Опольскаго. Равно можемъ усомниться и въ обѣщаніи Ягайла привезть сокровища свои въ Польшу для возвеличенія ея, потому что онъ не могъ собрать такихъ значитель

---

(86) Смотр. примѣчаніе выше, подъ числомъ 82-мъ, о томъ, что Ягайло владѣлъ только половиной города Вильны, какъ своей собственностью, а другая половина принадлежала, iure paragii, другому князю.

(87) Доказательство, что Холмская земля въ 1377 году рѣшительно не была завоевана королемъ Людвикомъ, какъ думаетъ Нарушевичъ (смотр. выше, §. 19.), потому что Ягайло только обѣщаетъ еще въ 1385-мъ отнять ее у Русиновъ.

ныхъ сокровищъ съ краевъ Литовскихъ, подѣленныхъ между нѣсколькими князьями и истощенныхъ безпрестанными войнами съ Крестоносцами. Въ то время знаменитый народъ находился въ такой бѣдности, что Ягайло, желая склонить его къ принятію Латинской вѣры, принужденъ былъ отправить изъ Польши верхнее платье и рубашки Литовцамъ, въ награду за ихъ согласіе (*Длугошъ*, стран. 110). Бѣдность Литовцевъ подтверждаетъ и Нарушевичъ (стран. 311), говоря: „Литовцы въ то время не имѣли лишнихъ денегъ, ведя жизнь суровую и воинственную.“ Да и самъ Длугошъ, коротко, но мѣтко, описалъ (стр. 115) бѣдность, подданство и дань Литвы Русскимъ князьямъ, равно какъ послѣдующее возмущеніе ея противъ этихъ и покореніе прежнихъ своихъ господъ (88). Наконецъ, Польскій престолъ спали

---

(88) Lithvanica regio in annis superioribus adeo contempta, obscura et vilis fierat, ut Kiovienses principes ab ea et eius incolis ob egestatem et soli nativi sterilitatem, sola perisomata et subera in signum tantum modo subiectionis exigerant. Vithenes, dux Lithvanorum rebellionem primus contra Ruthenos inducens et se ipsum ducem inter populares constituens, astu principes Russiae aggressus conflixit. Sensim quoque adeo crevit viribus, ut iugo principibus Russiae iniecto, etiam in tributa eos redigeret sibi pendenda, quae per plures aetates Ruthenis ipse penderet. *Dlugosz* pag. 115. Далѣе, на страницѣ 117-й, говоритъ опять: „Inter septemtrionales populos obscurissimi. Ruthenorum servituti et tributis vilibus obnoxii, ut cuivis mirum videatur, ad tantam eos felicitatem sive per finitimorum ignaviam et desidiam provectos, ut imperent nunc Ruthenis *sub quorum imperio annis prope mille* veluti servile vulgus fiere.“ Не знаю, потому, какъ согласить современника, Длугоша, съ По-

продавать и покупать только въ позднѣйшее время, именно, въ первый разъ, при Генрихѣ Валуа.

Нарушевичъ увѣряетъ (стран. 204), что Ягайло подтвердилъ присягой, передъ своимъ вѣнчаніемъ, всѣ права и вольности народа Польскаго. Но и этому мы не можемъ повѣрить, потому что современный неизвѣстный Гнѣзденецъ ничего не упоминаетъ ни о договорахъ, ни о присягѣ сохранять ихъ. Обычай подтверждать клятвой, такъ называемыя, pacta conventa, принадлежитъ позднѣйшему времени; Ягайло клялся только, по словамъ Длугоша, обращать Литовцевъ. Притомъ, королевскія права Ягайла были права его супруги, Ядвиги, потому что она была королевой, или лучше королемъ Польскимъ, и когда умерла, то Ягайло намѣревался даже, какъ не имѣющій ни какого права на престолъ, оставить Польшу (89). Не справедливо также, хотя Длугошъ и увѣряетъ (на

левымъ, основательнымъ, впрочемъ историкомъ (часть I. стран. 46 и 128), утверждающимъ, что Литовцы не зависѣли отъ Русскихъ. Признаюсь, я больше вѣрю Длугошу.

(89) *Dlugosz* pag. 165 и 166. Anonimus, въ Сомерсберговомъ сборникѣ пишетъ только слѣдующее (на стран. 154) о вступленіи Ягайла на престолъ: „In civitate Cracoviensi cum multa solemnitate suscipitur.“ И ниже опять: „Cum domina Hedvigis, cum magna solennitate copulatus,“ и ни слова о договорѣ, котораго, разумѣется, онъ не пропустилъ бы, какъ событія, слишкомъ важнаго и до нѣхъ поръ неслыханнаго. Длугошъ говоритъ только, какъ выше ска-

стран. 105), будто Ягайло до, или послѣ, женитьбы „terrasque Lithvaniae, Samogitiae et Russiae, in quibus naturali jure et acquisito habebat dominium merum et mixtum ditioni suae parentes, Regno Poloniae perpetuo inscripsit, univit, invisceravit, adiunxit et incorporavit." Потому что княжество Литовское, не смотря на свое соединеніе съ Польшей въ 1413, всегда, какъ при жизни Ягайла, такъ и послѣ его смерти, составляло отдѣльное государство, имѣло своихъ собственныхъ Великихъ князей, войско, вело особенныя войны, и потому, какъ увидимъ ниже, князья и народъ Литовскій ни коимъ образомъ не соглашались на соединеніе свое съ Польшей. Изъ Русскихъ земель оторваны были отъ Литвы и присоединены къ Польшѣ: Бельская, 1462 (90), Дорогичевская, 1516 (91), Бѣльская, 1547 (92), и воеводства: Волынское, Подляшское, Брацлавское и княжество Кіевское, въ 1569 (93), въ коемъ произошло и самое соединеніе Литвы съ Польшей, не безъ сильнаго, впрочемъ, сопротивленія.

§ 21.

Мы уже въ предыдущемъ параграфѣ обѣщали читателямъ нашимъ ближе познакомить ихъ съ

зано, что отъ „jureiurando se adstrinxit Lithvanos ad fidem orthodoxam reducturum." Но Anonimus даже и объ этомъ не упоминаетъ, а потому всякую присягу Ягайла, приводимую позднѣйшими, можно считать выдумкой.

(90) Volum Legum tomus I. pag. 199.
(91) Volumen Legum, tom. I. pag. 384.
(92) Volumen Legum, tom. I. pag 587.
(93) Vol. Leg. II. 745, 752 и 759.

Ягайломъ, принявшимъ, по переходѣ въ Латинскую вѣру, имя Владислава. Исполняемъ нынѣ это обѣщаніе. Польская и Литовская исторіи подробно распространяются объ немъ; но мы, собирая и разбирая матеріялы, относящіеся къ Руси Червоной, остановимся на немъ не такъ долго. Литовскій и Жмудскій народъ, обитающій въ лѣсныхъ предѣлахъ, между Нѣманомъ и Двиной, малочисленный, находился, сначала, подъ властію Руси. Впослѣдствіи, когда Руское государство распалось на разныя части и ослабѣло отъ Татаръ, онъ не только освободился отъ вліянія Руси, но еще, сверхъ того, подъ начальствомъ храбрыхъ вождей, распространилъ свое верховное владычество надъ сосѣдними Рускими землями. А принявъ ученіе Спасителя и просвѣщеніе отъ Русскихъ, равно какъ вступивъ съ ними въ брачныя связи, составилъ одинъ Литовско-Рускій народъ, какъ говоритъ это и самъ Длугошъ (въ 88 примѣчаніи). Этотъ народъ, ведя безпрерывныя войны съ, нѣкогда, его, съ двухъ сторонъ, Прусскими и Ливонскими, Крестоносцами, усовершенствовался въ военномъ искусствѣ, и сдѣлался изъ дикаго, занимавшагося одной лишь охотой и рыболовствомъ среди болотъ и лѣсовъ, воинственнымъ и завоевательнымъ. Самымъ знаменитѣйшимъ изъ Литовскихъ государей до того времени былъ Гедиминъ, владѣвшій цѣлой Литвой и значительной частью Руси, и бывшій уже столь важнымъ и могущественнымъ, что самъ король Польскій, Владиславъ Локотокъ, считалъ выгоднымъ усильно домогаться руки дочери его, для сво-

его сына, впослѣдствіи короля, Казиміра Великаго. Этотъ бракъ дѣйствительно состоялся потомъ и доставилъ Польшѣ покой со стороны сильнаго сосѣда. По смерти Гедимина, государство его раздѣлено было между седмью сыновьями, изъ коихъ два, Ольгердъ и Кейстутъ, превосходили всѣхъ прочихъ умомъ и способностями. Они, послѣ разныхъ переворотовъ, овладѣли большей частью отцовскаго достоянія, а остальнымъ братьямъ дали Русскіе удѣлы; они вели соединенными силами войны противу Польши, Крестоносцевъ и независимой Сѣверной Руси, и дѣлились поровну, какъ братья, добычей. Оба они были равно воинственны; впрочемъ, Кейстутъ, не уступавшій въ мужествѣ Ольгерду, превосходилъ его добродѣтелью и расторопностью, отъ чего сосѣдственные государи отдавались на его судъ, какъ это видѣли мы выше, подъ Бельзомъ, гдѣ онъ примирилъ Людвика, короля Угорскаго, съ Юріемъ, княземъ Бельзскимъ. И Ольгердъ, и Кейстутъ оставили многочисленное потомство мужескаго пола. Изъ сыновей Ольгерда отличался Ягайло, впослѣдствіи король Польскій, пользовавшійся особенной любовію отца, а изъ сыновей Кейстута Витовтъ, славный мужествомъ своимъ, послѣ Великій князь Литовскій. Ольгердъ умеръ прежде, а потому, слѣдуя праву, или лучше обычаю, введенному въ Литвѣ, право старшинства или родоначальства, переходило на брата, съ исключеніемъ сына, такъ что по смерти Ольгердовой, Кейстутъ, какъ

старшій лѣтами, считался главой рода (94). Хотя каждый оставался при своихъ владѣніяхъ, однако жь семейныя дѣла, равно какъ и всѣ споры членовъ рода о владѣніи, или другомъ чемъ, относились къ Кейстуту и нуждались въ его подтвержденіи, разумѣется по стольку, по скольку онъ былъ въ состояніи поддерживать преимущество свое силой оружія, какъ это обыкновенно было и будетъ во всѣ времена и у всѣхъ народовъ. Однимъ словомъ, въ Литвѣ господствовала не primogenitura, но только senioratus, съ подчиненіемъ себѣ удѣловъ, назначенныхъ отцемъ прочимъ сыновьямъ (за исключеніемъ женскаго пола), шочь въ шочь, какъ это велось и у Русскихъ князей. А потому, смотря только съ этой шочки зрѣнія, можно надлежащимъ образомъ оцѣнишь дѣленіе, подраздѣленіе и вообще удѣлы князей Русскихъ, Литовскихъ, и, даже, Польскихъ, отъ чего подлежашь старшему въ родѣ, кажется, составляетъ истинно Славянскій обычай. По смерши Ольгерда владѣнія его достались одиннадцати или двѣнадцати сыновьямъ его, шакъ что Ягайло, какъ любимецъ отца, получилъ самую значительную часть и удержалъ еще за собой старшинство надъ своими братьями, завися, однако же, наровнѣ со всѣми прочими дядями и братьями своими, отъ старшаго дяди своего, Кейстута, какъ главы цѣлаго рода. Судя по шакому раздробленію владѣній, принадлежавшихъ,

(94) О подобномъ старшинствѣ Русскихъ князей читайте *Карамзина* V. стр. 104.

собственно, отцу его (95), вліяніе и значеніе Ягайла между родственными князьями было, полагать должно, очень ограниченно. И хотя молодой Ягайло получилъ во владѣніе самую значительную часть отцовскаго наслѣдія, при всемъ томъ онъ не былъ, какъ неправильно увѣряетъ Нарушевичъ (часть VII., стр. 134), выше дяди своего, Кейстутта, или, такъ называемымъ, Великимъ княземъ, какъ это увидимъ изъ слѣдующаго обстоятельства (96).

Ягайло имѣлъ, при дворѣ своемъ, какого-то Войдыла, родомъ Рускаго, необыкновеннаго ума, дѣятельности и мужества. Этотъ Войдыло пользовался неограниченной довѣренностью и любовью стараго Ольгерда, а также и молодаго князя. Ягайло до такой степени простеръ привязанность свою къ нему, что не только слѣдовалъ его совѣтамъ, но даже выдалъ за него родную сестру свою, Марію. Этотъ поступокъ Ягайла, сдѣланный имъ безъ по-

---

(95) На долю Ягайла выпала, между прочимъ, только половина города Вильны, какъ это показываетъ приведенное выше, 84-е, примѣчаніе; полученныя же имъ, впослѣдствіи, большая часть наслѣдства и старшинство надъ братьями, были слѣдствіемъ, какъ пишетъ Гваньинъ (стр. 238), расположенія къ нему дяди его, Кейстутта.

(96) Мы уже выше, въ примѣчаніи 79-мъ, показали, что названіе Великаго князя не всегда означало того, кто былъ верховнымъ начальникомъ всѣхъ прочихъ князей, или государемъ цѣлаго народа, но только сильнѣйшаго изъ нихъ, и, даже, можетъ быть, старшаго въ удѣлѣ.

зволенія главы рода, то есть, Великаго князя, Кейстута, сильно вооружилъ этого послѣдняго противъ легкомысленнаго племянника. Кейстутъ видѣлъ въ этомъ униженіе своего дома и неуваженіе къ начальнику царствующаго рода, а потому, на первый разъ, сдѣлалъ выговоръ Ягайлу, присовокупляя, что онъ не признаетъ членомъ человѣка низкаго происхожденія, и накажетъ дерзость его (97). Войдылло замѣтилъ опасность своего положенія, и видѣлъ, что не иначе можетъ сохранить къ себѣ расположеніе своего государя и остаться въ живыхъ, какъ только поссоривши племянника съ дядей. И такъ, онъ склонилъ слабоумнаго государя своего и, вмѣстѣ, своякa заключить тайный, наступательный и оборонительный, договоръ съ Ливонскими Крестоносцами, естественными непріятелями Литвы, пользовавшимися во всякое время усобицами Литовскихъ государей, мѣшаясь въ ихъ дѣла и присвояя себѣ ихъ владѣнія. Одинъ Крестоносецъ, расположенный къ Кейстуту, открылъ ему этотъ договоръ, чѣмъ сильно обиженный Кейстутъ, рѣшился, напослѣдокъ, наказать дерзнувшаго посягнуть на его права и вредить благу своей отчизны. Это тѣмъ болѣе казалось ему необходимымъ, что князья не имѣли ни какого права входить, мимо начальника рода и согласія прочихъ князей, ни въ какія

---

(97) Не спросясь дяди своего и благодѣтеля, Кейстута, онъ выдалъ сестру свою за Войдылла. Это сильно огорчило Кейстута. *Стрыйковскій*, стран. 428.

посторонніе связи, равно какъ и начинать войны, пагубной для всѣхъ прочихъ. Въ это время Ягайло началъ было непріятельскія дѣйствія противъ Рускаго Полоцкаго княжества, желая навязать ему въ государи брата своего, Скиргайла, и тѣмъ самымъ усилить себя; но Кейстутъ схватилъ Ягайла въ Вильнѣ и заключилъ его въ Полоцкомъ замкѣ, а любимца его, злаго совѣтника, Войдыла, приказалъ повѣсить. Спустя нѣкоторое время Ягайло ушелъ изподъ стражи, и, пользуясь отсутствіемъ дяди, воевавшаго тогда Руское Сѣверское княжество, объявилъ войну Кейстуту. Собравъ дружину изъ людей, привязанныхъ къ себѣ и братьямъ своимъ, равно какъ призвавъ Крестоносцевъ, онъ осадилъ городъ Троки, въ коемъ хранились сокровища дяди, и овладѣлъ имъ. Началась война: съ одной стороны, Великій князь, Кейстутъ, съ, воинственнымъ сыномъ своимъ, Витовтомъ, а съ другой, Ягайло, съ братьями и, иноземцами, Крестоносцами. Ягайло, не смотря на Нѣмецкое вспомогательное войско, не въ состояніи былъ одолѣть, въ открытомъ боѣ, дяди своего, и потому прибѣгъ къ коварству. Воспитываясь съ малолѣтства съ Кейстутовымъ сыномъ, а своимъ двоюродными братомъ, Витовтомъ, съ которымъ жилъ въ тѣсной дружбѣ и любви, онъ предложилъ ему примириться и заключить договоръ, прося его быть посредникомъ между отцемъ своимъ и имъ, двоюродными братомъ. Витовтъ, человѣкъ высокаго ума, отправился къ Ягайлу и заключилъ съ нимъ миръ. А чтобы

еще больше подтвердить это, что и самъ Кейстутъ отправился, вмѣстѣ съ Витовтомъ, по приглашенію Ягайла, въ станъ его на пиръ, гдѣ, однако же, оба они были схвачены и обезоружены. Кейстута тотчасъ заковали въ желѣза и бросили въ глубокую башню, въ коей, спустя пять дней, задушили его, а Витовта, хотя по просьбѣ народа и начальника Крестоносцевъ, оставили въ живыхъ, но, за то, посадили въ темницу, изъ которой едва, впослѣдствіи, успѣлъ онъ избавиться, при помощи жены своей, Анны, нарядившей его въ женское платье, и тѣмъ спасшей отъ насильственной смерти. Витовтъ бѣжалъ къ главному начальнику Прусскихъ Крестоносцевъ. Ягайло овладѣлъ теперь землями дяди и двоюроднаго брата, и, будучи могущественнѣйшимъ и, притомъ, Великимъ княземъ, подалъ руку свою, обрызганную кровью дяди, прекрасной и богобоязненной Ядвигѣ. Къ этому больше всего побуждало его опасеніе Витовта и Крестоносцевъ, которые, какъ прежде помогали Ягайлу противъ Кейстута и Витовта, такъ и теперь политика ихъ требовала поддерживать Витовта, нашедшаго у нихъ убѣжище, противу Ягайла, и, тѣмъ, не допущать усилиться въ Литвѣ одному государю, а участвуя въ войнѣ, пользоваться грабежемъ и ослабленіемъ этого края. Потому Крестоносцы дали Витовту значительную помощь; подъ знамена его собралось, также, множество Литовцевъ. Жмудь и Литва орошились кровью междоусобной войны. Мужественный Витовтъ всюду побѣждалъ съ Крестоносцами,

и, можетъ быть, совершенно бы изгналъ Ягайла, которому не доставало личной храбрости, если бы этотъ послѣдній не прибѣгнулъ къ, обыкновенной своей, хитрости и обману (98). Онъ сталъ отправлять къ Витовту тайныя посольства, заклинать его прежней любовью и дружбой, раскаеваться въ сдѣланномъ, но невозвратномъ, обѣщать полное возвращеніе всего, захваченнаго имъ, своему двоюродному брату, какъ скоро сдѣлается королемъ Польскимъ, потому что теперь, боясь унизиться въ глазахъ Поляковъ, не въ силахъ выполнить обѣщаемаго. Этимъ онъ такъ подѣйствовалъ на умъ благороднаго Витовта, что тотъ, вникая глубже въ политику Крестоносцевъ, рѣшился оставить ихъ, возвратился на родину, и удовольствовался временнымъ удѣломъ, частью Володомірін, именно, Русскими уѣздами: Городномъ, Берестомъ, Дорогичинымъ, Мельникомъ, Бѣльскомъ, Суражемъ, Кременцемъ, и другими въ окрестностяхъ Буга. Еще болѣе: онъ до того простеръ довѣренность и непамятозлобіе свое, что сопутствовалъ Ягайлу въ Краковъ на его свадьбу, былъ при вступленіи его на престолъ, и, даже, изъ пріязни къ нему, позволилъ окрестить себя въ Латинскую вѣру.

---

(98) *Вагнеръ*, историкъ Литвы, описывая послѣдній поступокъ его съ дядей (стран. 94), называетъ его трусомъ, говоря: „Niemand ist grausamer, als auch feiger.“ Стало быть, онъ вовсе не былъ такъ храбръ, какъ представилъ намъ его Нѣмцевичь въ своихъ пѣснях.

Что Ягайло, равно какъ и братья его отъ Русинокъ, законные, отъ Юліяны, княжны Вишебской, и побочные, отъ Маріи, княжны Тверской, воспитаны были въ Христіянской вѣрѣ Православнаго, Греко-Рускаго, исповѣданія, это подтверждается не только преданіемъ и Рускими историками, но даже и древними Польскими, именно Длугошемъ, и др. (99). Вотъ имена этѣхъ братьевъ, какъ ихъ называютъ историки: Любартъ, Андрей, Володиміръ, Симонъ, Константинъ, Скиргайло, Свидригайло, Борисъ, Димитрій, Корыбутъ, Наримундъ, Василій, Вигундъ, Александръ, Коригайло, и такъ далѣе. Ихъ не было столько, но каждый изъ нихъ имѣлъ, кромѣ Литовскаго имени, значенія коего не знаемъ, на примѣръ, Скиргайло, Свидригайло, Корыбутъ, Вигундъ, Коригайло, еще Христіянское, по Рускому исповѣданію. А ежели переходилъ въ вѣру Ляцкую, то получалъ и третье, употребляемое Христіянами Латинскими, какъ Свидригайло или Свидригалъ, о комъ послѣ придется говорить намъ много, по Рускому исповѣданію назывался Левъ, а перекрестясь въ Краковѣ, досталъ еще третье, Болеславъ. Кромѣ этого Свидригайла, Льва, Болеслава, снова возвратившагося въ Рускую вѣру, въ Краковѣ (100)

---

(99) Jagieylo, Skirgieylo et omnes adolescentes spectabiles, quos genitrix eorum, ad mores formabat Graecos, ritum Graecum illis instilans. Lib. X. pag. 60.

(100) *Dlugosz* X. pag. 61. 104. 125. 140 и 142. *Stryikowski* pag. 441. *Карамзинъ* V стр. 97, и прим. стр. 51.

крестились еще Коригайло, Вигундъ и Витовтъ, изъ коихъ первый названъ былъ Казиміромъ, а остальные два Александрами (если только Вигундъ и Витовтъ не одно и тоже лице). Прочіе всѣ остались при своей Руской вѣрѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что и отецъ ихъ, Ольгердъ, съ братьями своими, былъ тоже христіяниномъ Греко-Рускаго исповѣданія (101), хотя имена ихъ звучатъ и не по Христіянски, а по Литовски. Разумѣется, они, подобно Ольгердовымъ сыновьямъ, имѣли, кромѣ первыхъ именъ, еще и Христіянскія. Свѣдѣніельство объ этомъ Карамзина кажется намъ тѣмъ справедливѣйшимъ, что, дѣйствительно, и самая исторія показываетъ намъ, какъ предокъ ихъ, Римондъ, княжившій въ Литвѣ около 1283, христіянинъ Греческаго исповѣданія и Рускій черноризецъ, вступивши на престолъ, отрекся было, по совѣту Витенеса, своего христіянства, но послѣ снова принялъ монашескій образъ (102). Пускай не дивится читатель, что христіянинъ, вступая въ Католическую вѣру, долженъ былъ вторично креститься. Даже въ XV и XVI вѣк. существовалъ этотъ обычай въ землѣ нашей, и повокрещенный Русинъ, либо Жидъ, назывался по Латынѣ Neophitus. Это Латинское крещеніе расторгало даже прежній бракъ, если одно лице оставалось при преж-

---

(101) *Карамзинъ* IV. стран. 206. По словамъ *Бандтке* (изданіе 3., часть II., стран. 9) Ольгердъ крестился, по настоянію жены своей, 1333 г.

(102) *Naruszewicz* V. str. 38.

немъ исповѣданіи. Русиновъ Католики считали язычниками (103), а церкви ихъ называли синагогами (104). Этѣмъ, также, объясняется и то мѣсто въ посланіи папы Григорія XI-го къ Литовскимъ князьямъ, Ольгерду, Кейстуту и Любарту, помѣщенномъ въ Церковной исторіи Райнальда (Нарушевичь VI. стран. 32), въ которомъ говорится о нихъ какъ о язычникахъ, то есть, некрещенныхъ по Римскому обряду.

Всѣ эти событія, о которыхъ говорилось въ этомъ §., случились на Литвѣ, между 1381-мъ, или смертью Ольгерда, и 1386-мъ, или избраніемъ Ягайла въ супруги Польской королевѣ.

§. 22.

КОРОЛЕВСТВО ГАЛИЦКО-РУСКОЕ СНОВА ПОДЪ ВЛАДЫЧЕСТВОМЪ ПОЛЬСКИМЪ,

СЪ 1387 ПО 1772.

Приступаемъ теперь къ описанію самаго важнѣйшаго, хотя, въ сущности своей, печальнаго, событія, происшедшаго въ Галицкомъ королевствѣ, то есть, къ переходу его изподъ власти Угровъ

(103) Acta consularia Leopoliensia, tom. II. pag. 329 N. 1174.

(104) Acta consularia Leopoliensia de anno 1467. Tomus I. pag. 146. N. 323.

къ Полшѣ. Всѣ древніе Польскіе писатели (105), а за ними и всѣ ихъ переписчики, ошибаются на счетъ времени этого происшествія, относя его къ 1390, между тѣмъ какъ оно случилось дѣйствительно только въ 1387. Въ началѣ этого года королева Ядвига рѣшилась, во время отъѣзда супруга своего въ Литву, предпринять походъ на Русь и отнять ее отъ Угровъ. Объ этомъ намѣреніи Ядвиги узналъ Владиславъ, князь Опольскій, а прежде Руско-Галицкій, и, благопріятствуя больше Угорской королевѣ, Маріи, равно какъ имѣя приверженцевъ къ себѣ въ Галиціи, между прочимъ и самый главный городъ, Львовъ, отправилъ къ нимъ посланіе, въ день святой Доротеи, то есть, 6 Февраля, 1387, изъ Ченстоховы, въ которомъ извѣщалъ ихъ о намѣреніи Польской королевы, просилъ не передаваться ей, но остаться, попрежнему, вѣрными, обѣщаясь вознаградить ихъ за всѣ потери, понесенныя при отраженіи, и, кромѣ того, давая слово, отъ лица Угорской королевы, не навязывать имъ больше въ главные начальники ни одного Угрина, столько непріятнаго Русинамъ.

---

(105) *Długosz* X. pag. 126, *Kromer* pag. 245. Если въ лѣтосчисленіи встрѣчаются намъ такія важныя ошибки, то очевидно каждому, съ какой осторожностью надо полагаться на слова лѣтописцевъ, особливо несовременныхъ. Мы не знаемъ, сопротивлялся ли кто и какъ этому завоеванію. Но, смѣло можно полагать, что наши Русины, хотя недовольные Угорскимъ господствомъ, безъ сомнѣнія, несравненно больше опасались владычества Польскаго, и, навѣрное, покорились только одной силѣ.

Посланіе это помѣщаю въ примѣчаніи, и, притомъ, въ переводѣ съ Лапицкаго (106). Между тѣмъ, королева Ядвига двинулась съ войскомъ своимъ; окруженная Польскими вельможами, она овладѣла Ярославомъ,

---

(106) Отвѣтъ этотъ находится въ архивѣ города Львова, связка 1047, и содержитъ слѣдующее: „Мы, Ладиславъ, Божіею милостію, князь Опольскій, Велунскій, Добрынскій, и прочая. Объявляемъ всему нашему народу и городамъ Рускимъ, что, если бы государыня королева Польская, Ядвига, пошла съ войскомъ своимъ на Русь, и нашъ народъ и города понесли отъ той войны какой-либо вредъ, то обѣщаемъ вознаградить эту потерю изъ нашихъ Рускихъ владѣній, а равно и то, что ни государыня Елисавета, ни Марія, королева Угорская, ни мы сами, не дадимъ имъ ни какого Угра въ главные начальники, не спрося напередъ согласія ихъ самихъ. А въ случаѣ бы государыня Ядвига, королева Польская, склоняла ихъ поддаться себѣ, тогда они имѣютъ полное право обратиться къ которому-нибудь изъ слѣдующихъ государей: къ королю Чешскому (Вячеславу или Вацлаву, вмѣстѣ и императору Римскому), маркграфу Мишенскому (Вильгельму I-му), князю Гейдельбергскому (Людвику или Конраду); и что они имъ скажутъ дѣлать, то и дѣлали бъ, какъ бы съ согласія насъ самихъ. Мы же обязываемся вознаградить ихъ за все, что ни издержатъ они для этого, равно какъ и они обязываются дѣлать все, что ни велитъ имъ дѣлать кто-либо изъ этѣхъ государей касательно права государыни Польской, Ядвиги, на Рускую землю при жизни упомянутыхъ выше Угорскихъ королевъ, и мы должны съ ними одинаково терпѣть хорошее и худое. Также обѣщаемъ вамъ безъ вашего согласія и вѣдѣнія не дѣлать ни какого договора съ государыней Ядвигой, былъ увѣрены, что и вы не иначе поступите. А для большаго увѣренія въ этомъ прилагаемъ сдѣсь печать нашу. Дано въ Чѣстоховѣ, въ день святой Дороѳеи, 1387-го года (М. П). Изъ этой грамоты можно сдѣлать слѣдующіе выводы:

Перемышлемъ, неизвѣстно, впрочемъ, силою ли, или вслѣдствіе договоровъ, и остановилась въ Городкѣ (107), на второй недѣли великаго поста, слѣдо-

---

а) Хотя Ладиславъ, князь Опольскій, и отказался, по желанію короля Угорскаго, отъ правъ своихъ на Русь, при всемъ томъ, вѣроятно, владѣлъ онъ нѣкоторыми городами въ ней, какъ своей собственностью, или же какъ частное лице, въ смыслѣ ленной зависимости. Города эти, навѣрное, за его расположеніе къ Угорской королевѣ, отняты были у него Ядвигой или Ягайломъ.

б) Онъ больше благопріятствовалъ королевѣ Угорской, нежели Польской, а потому, слѣдуя понятіямъ, какія имѣли онѣ въ то время о правахъ своихъ на Русь, права первой были сильнѣе, нежели послѣдней.

в) Кромѣ этихъ двухъ государынь присвояли еще себѣ какія-то права и притязанія на эту, непререкаемую собственность потомковъ святаго Владиміра, король Чешскій (Вацлавъ или Вячеславъ, вмѣстѣ и императоръ Римскій), маркграфъ Мишенскій (Вильгельмъ 1-й) и князь Гейдельбергскій.

г) Во время Угорскаго господства навлзывали Русинамъ въ начальники или гетьманы Угра, что непріятно было Русинамъ, а потому Ладиславъ, для склоненія ихъ на свою сторону, обѣщаетъ, что отселѣ, безъ согласія Рускаго народа, не будутъ дѣлать этого ни мать, королева Елисавета, ни дочь ея, королева Марія.

д) Даже самая мать королева, равно любившая обѣихъ дочерей, была увѣрена о большемъ правѣ старшей на эту землю, и, потому благопріятствовала Уграмъ. И, наконецъ,

е) Такія присвоенія чужой собственности чрезвычайно вредили достоинству государей, потому что они принуждены были, для удержанія на своей сторонѣ подданныхъ и себя въ незаконномъ владѣніи, обѣщать послѣднимъ многое къ ущербу своей власти.

(107) Для читателей, незнающихъ Галиціи, скажу, что городъ Городокъ, отстоящій отъ Львова около

вательно въ Мартѣ или концѣ Февраля, 1387 года. Пока это происходило, жители Львовской земли собрались толпами въ Львовъ, въ то время сильный и укрѣпленный городъ, и совѣщались, съ городской думой, слѣдуетъ ли имъ защищаться отъ королевы Польской, или нѣтъ. Не извѣстно, каково было слѣдствіе этого совѣта; впрочемъ, полагать можно, мнѣнія были несогласны. Въ то время на Руси было уже нѣсколько Польскаго дворянства отъ временъ Казиміра Великаго, а Львовскіе мѣщане, Нѣмцы, владѣли, въ окрестностяхъ столицы, имѣніями и землями: опи-то и городской совѣтъ, состоявшій, безъ сомнѣнія, изъ купцевъ, склонились, каждый по разнымъ причинамъ, поддаться, безъ всякаго сопротивленія. Первые, по есть, Поляки рѣшались на это изъ расположенія къ своимъ землякамъ, а вторые, Нѣмецкіе купцы, изъ опасенія потерять имущество свое въ войнѣ, и въ надеждѣ получить новыя, торговыя и городскія, преимущества за добровольную сдачу или покорность. Предусмотрительная королева и окружавшій ее совѣтъ Польскій, не хотѣли ввѣрять сомнительнаго дѣла рѣшенію оружія, когда была надежда достигнуть своего путемъ переговоровъ. И такъ, она разбила станъ свой въ Городкѣ и извѣстила, черезъ посла своего, жителей Львовской зем-

---

25 верстъ, назывался прежде, въ отличіе отъ другихъ мѣстечекъ этого же самаго имени: „Городокъ Соляный.“ Конечно, здѣсь былъ нѣкогда соляной источникъ, а нынѣ минерально-сѣрный ключь.

ли и города о желаніи войти съ ними въ свободные переговоры. Предложеніе было принято, и потому потребовали Salvum conductum и поруки какъ самой королевы, такъ и ея Польскихъ совѣтниковъ, въ томъ, что особы, наряженныя для переговоровъ, не подвергнутся ни какой опасности и свободно возвратятся назадъ. Опасныя грамоты тотчасъ были имъ выданы, въ пятницу, на первой недѣлѣ поста, которыя и помѣщаются сдѣсь, въ примѣчаніи (108). Условія были очень выгодны для под-

(108) Этѣ, такъ называемыя, опасныя грамоты, находятся въ архивѣ города Львова (связка 126), и суть слѣдующаго содержанія: *Первая:* „Hedvigis Dei gratia regina Poloniae Lithvaniaeque princeps suprema et caet. Fidelibus dilectis terrigenis Consulibus totaeque communitati civitatis et districtus lemburgensis reginalem gratiam cum favore. Fideles nostri dilecti Vobis et vestrorum cuilibet tenore praesentium, damus securitatem sine fraude et dolo ita, quod ad nostram Maiestatem venire pacifice possit, facta vestra disponere et domum libere recedat, salvis vestris rebus omnibus et personis. Harum quibus nostrum sigillum appensum est testimonio litterarum. Datum in Grodek feria sexta proxima ante Dominicam Reminiscere. Anno domini millessimo trecentesimo LXXX septimo (Sig. pens.)." *Вторая* Польскихъ вельможъ: „Nos Dobeslaus Castellanus Cracovien., Johannes Sandomirien., Sandivogius Calisiens., Spithko Cracoviens., Palati: Drogossius., Iudex Cracoviens., Crzeslaus Castellanus Sandomirien., Cristinus de Ostrow Magister curie Domine Regine Polonie et Gnevossius de Dalenicze, promittimus tenore praesentium terrigenis consulibus totaeque communitati et districtus lemburgensis pro omnimoda securitate, quod ad Dominam nostram Reginam Polonie pacifice devenire possitis, facta sua disponere cum Domina Regina et suis Baronibus loqui ac domum libere recedere salvis suis rebus omnibus et personis, harum quibus sigilla nostra sunt appensa testimonio litterarum. Datum in Grodek feria sexta proxima ante Dominicam Reminiscere. Anno Domini Milles. trecentes. LXXX-mo Septimo." Восемь висячихъ печатей.

дававшихся. Обитатели Львовской земли получали чрезвычайно важныя для себя обѣщанія (109), которыхъ, однако же, не сдержано, а городу подтверждены прежнія, и даны новыя, права (110). Коро-

---

(109) Безъ сомнѣнія, заключенъ былъ также, какой-нибудь договоръ, и съ Русскими землями, то есть, Саноцкой, Перемышльской, Холмской, Львовской и Галицкой. Эти земли имѣли свои особенныя преимущества (privillegia), потому что въ 1454-мъ году Рускій воевода и шесть кастелляновъ отдали, для храненія, совѣтникамъ (консуламъ) города Львова, въ особомъ ящикѣ, три грамоты или привидегіи, данныя землямъ Русскимъ королевой Ядвигой, Владиславомъ Ягайломъ и Владиславомъ Варненскимъ, съ тѣмъ, чтобы никому не показывать ихъ, развѣ только когда всѣ семь, или, по крайней мѣрѣ, четверо изъ совѣтниковъ захотятъ того. Въ 1474-мъ Львовскій архіепископъ и четыре сенатора Рускаго воеводства подвесили этотъ ящикъ съ привилегіями королю, которыя, вѣрно, гдѣ нибудь, находятся въ акцыахъ, или же совершенно затерялись. Двѣ послѣднія хранятся въ архивѣ Львовскомъ, потому что ихъ получили одинаковаго содержанія, какъ городъ Львовъ, такъ и Рускія земли; о нихъ я упомяну въ своемъ мѣстѣ. Но первый, самый любопытный, данный королевой Ядвигой, едва ли уже можно будетъ открыть, потому что онъ данъ былъ ею одному только городу. Документы, подтверждающіе отданіе для храненія и самое подвесеніе этихъ привилегій, находятся въ связкѣ 721-й Львовскаго архива. Изъ семи сенаторовъ, отдавшихъ на сохраненіе упомянутыя привилегіи въ 1454, было пять Поляковъ и два, по видимому, Русина: Ванько de Quaszylovo, Холмскій кастелянъ, и Юрій Мапяшковичъ, жилецъ Саноцкій. Впрочемъ, это тоже подлежитъ сомнѣнію, потому что и Поляки носили имена: Ванька и Юрій.

(110) Эта привилегія слѣдующаго содержанія: „In nomine Domini amen. Decet quorum libet principum legitimas

лева, сопровождаемая своимъ дворомъ и войскомъ, вступила, на третьей недѣлѣ поста, въ городъ Львовъ, въ которомъ даровала ему, въ пятницу третьей недѣли поста, грамоту на разныя права,

---

actiones praesertim perpetuas scripturarum memoriae comendare, ne per oblivionem possint aliqualiter in nihilum redigi et reduci. Igitur nos Hedvigis Dei gratia Regina Poloniae Lithvaniaeque princeps suprema et haeres Russiae et caet. Ad universorum notitiam tam praesentiorum quam futurorum volumus devenire quod considerata fidelitate, constantia ac dilegentius inspectis fidelibus servitiis, quae circumspecti viri Consules, Cives totaque Communitas Civitatis nostrae Lemburgensis progenitoribus nostris et nobis exhibuerunt, ac imposterum exhibere praestantius dante Domino sunt parati, cupientesque de benegnitate nostra ipsos prosequi gratia speciali, omnia et singula ipsorum iura, libertates, privilegia, quae tempore Serenissimorum principum dominorum Casimiri avi, nec non Ludovici genitoris Ungariae et Poloniae Regum nostrorum dilectorum habuerant, confirmamus, ratificamus et tenore praesentium approbamus in omnibus punctis et articulis perpetuo valituros, adiungentes quod nulli hominum in Civitate vel ante civitatem lemburgensem praedictam nulla omnino violentia per quempiam quoquo debet fieri vel inferri. Volumus etiam ut Civitas nostra Lemburgensis praedicta in suis metis et limitibus prout in literis et privilegiis ipsius plenius conscriptum continetur inconcussae debeat permanere, et si aliquid praedictae civitati aut Civibus violenter abstractum existit seu ablatum illa taliter ablata restituere volumus, quae tamen *duntaxat* in nostris manibus obtinemus. Praeterea volumus, ut omnia et singula thelonea et tributa post mortem Serenissimi principis Domini Kazimiri piae memoriae olim Regis Poloniae avi nostri carissimi indebite et iniuste per quampiam statuta omnino et totaliter deponantur. Statuimus insuper quod depositio salis et mercimoniorum in Civitate nostra Lemburgiensi praenotata fore debeat veluti tamen fuit temporibus ab antiquis promitentes tenore praesentium omnes Ruthenos, Armenos, Saracenos et Iudaeos et quemlibet eorum in suis juribus conservare. In quorum omnium

помѣщаемую мною ниже, въ примѣчаніи 110-мъ и подтвержденную, также, и супругомъ ея, Владиславомъ Ягайломъ, посѣтившимъ, по возвращеніи своемъ, того же самаго года, изъ Литвы, нашъ Львовъ. Грамота эта первоначально дана была въ Городкѣ, въ день святаго Луки, то есть, 18-го Октября, а потомъ, снова подтверждена, съ приложеніемъ большой печати, во время вѣнчанія Ягайломъ на престолъ четвертой супруги своей, Софіи, 1424 года. По занятіи Львова, столичнаго города цѣлой Червоной Руси, Ядвигѣ подались также Галичъ, Теребовля, и другіе меньшіе города, однимъ словомъ, вся Галиція. Угры не сдѣлали ни какого значительнаго сопротивленія, потому что Угорская королева, Марія, схвачена была, возмутившимися противъ нея, подданными, коими предводительствовали: Загребскій Латинскій епископъ и начальникъ рыцарей святаго Іоана, и заключена въ шем-

---

praemissorum evidens testimonium praesentes scribi fecimus cumque appensione sigilli communiri. Actum Lemburgae feria sexta proxima post Dominicam Remeniscere anno Domini millesimo trecentesimo octagesimo septimo. Datum per manus honorabilis viri Kelczonis praepositi Sanctae Mariae in Civitate Cracoviensi et Cancelarii aulae nostrae." Это было время, въ которое города играли замѣчательную роль. Окруженные князьми-притѣснителями и сосѣдственнымъ дворянствомъ, они образовали изъ себя, въ Нѣмецкой землѣ, союзы для взаимнаго защищенія и нападенія, и такъ далеко дали почувствовать себя вельможамъ и дворянству, что эти, для удержанія своихъ имѣній, принуждены были принимать права городовъ и входить съ ними въ связи. Ремесленники переселялись изъ Нѣмецкой земли въ Польскіе и Рускіе города, гдѣ также распространяли подобный духъ. Ниже укажу и на слѣды подобной связи и у насъ, на Червоной Руси.

ницу, изъ которой освободилась только 4 Іюня, 1387 года. Мужъ ея, король Сигизмундъ, маркграфъ Бранборскій, былъ такъ слабъ, что не имѣлъ ни какой возможности освободить своей супруги, королевы. Пользуясь этимъ положеніемъ, то есть, нахожденіемъ сестры своей въ рукахъ возмутителей, угрожавшихъ ей смертью, королева Ядвига рѣшилась захватить Галицкую землю, коей Угры владѣли спокойно, хотя незаконно.

Еще до завоеванія нашей Руси Ядвигой, Ягайло, побуждаемый настойчивымъ требованіемъ Рима и Польскаго духовенства, отправился, въ началѣ этого года, въ Литву (111), обращать и крестить не только Литовцевъ и Жмудь, живущихъ еще въ язычествѣ, но даже и христіанъ Греческаго исповѣданія, кто бы таковы они ни были, Литовскаго, или Рускаго, происхожденія. Онъ, окруженный Польскими священниками, горячо принялся за это дѣло: употреблялъ насиліе и наказаніе, увѣщанія и подарки, строилъ церкви, основалъ Латинское епископство въ Вильнѣ, и издалъ повелѣніе, по которому

---

(111) Польскіе лѣтописцы говорятъ, что Ягайло предпринялъ, вмѣстѣ съ супругой своей, королевой Ядвигой, эту поѣздку въ Литву для обращенія ее въ Римскую вѣру; но мы видѣли, какъ ложно это увѣреніе. Королева осталась въ Краковѣ, и въ то самое время, когда онъ апостольствовалъ въ Литвѣ и Жмуди, она, узнавъ, что сестра ея, Марія, попала въ неволю, не дожидаясь мужа, собрала, сколько можно было, войска, отправилась на Червоную Русь и завладѣла ею.

позволялось Литовцамъ Римскаго исповѣданія шѣспить Русиновъ, упорствовавшихъ въ своей вѣрѣ, и удаляшься отъ заключенія съ ними брачныхъ связей. А если бы, не смотря на то, произошелъ гдѣ подобный бракъ, тогда Русинка должна была принять вѣру своего мужа, Католика, а Православный Русинъ вѣру своей супруги, Латинки; въ случаѣ же иссогласія, позволялось прибѣгать даже къ шѣлесному наказанію. Эта ревность доставила Ягайлу имя апостола Литвы (112). Посѣявши сѣмена Латинскаго исповѣданія въ Литвѣ, Ягайло воротился, лѣтомъ, 1387 года, въ Краковъ, и тотчасъ отправился въ Галицію для обозрѣнія завоеваннаго края. Онъ уже въ Октябрѣ этого же года подшвердилъ, какъ сказано было выше, въ Городкѣ грамоту, данную супругой его городу Львову, и, полюбивши эту страну, доставлявшую ему чрезвычайныя выгоды, чаще всего проживалъ въ ней, либо въ Литвѣ.

§. 23.

1388.

Въ 1388-мъ году Ягайло рѣшился вступить въ шѣснѣйшую связь съ Семовитомъ, княземъ Мазовецкимъ, имѣвшимъ, и по родству, какъ потомокъ Пястовъ, и по избранію Великополянъ, гораздо большее право на Польскій вѣнецъ, нежели чу-

(112) *Długosz* pag. 117 и 118. *Bielski* str. 273. *Stryikowski* str. 416.

жой Литовскій князь, или же Угорская королевна; а потому онъ выдалъ за него сестру свою, Александру, съ приданнымъ Бельзской земли, столько богатой всякими произведеніями природы. Трудно отгадать, какая судьба постигла вонственнаго Руско-Бельзскаго князя, Юрія, о которомъ выше, столько разъ, говорили мы, потому что Польскіе историки, какъ вообще, очень мало упоминаютъ о дѣлахъ Рускихъ князей этой земли, такъ, вособенности, объ этомъ князѣ. Безъ сомнѣнія, онъ умеръ княземъ Бельзскимъ, а потомство его было силой изгнано изъ родной земли, и, можетъ быть, дало начало собой какому-нибудь позднѣйшему Рускому княжескому дому, жившему подъ Польскимъ или Литовскимъ владѣніемъ (113).

Согласіе и дружба между Ягайломъ и Витовтомъ были непродолжительны. Хотя первый и получилъ Польскій престолъ, однако не соглашался уступить послѣднему обѣщанной имъ своей части Великаго Литовскаго княжества, а напротивъ отдалъ ее въ управленіе родному брату своему, Скиргайлу. Это породило снова войну между ними; но, какъ она не имѣетъ ни какой связи съ дѣлами Червоной Руси, то я и не считаю нужнымъ описывать ее. Впрочемъ, ни какъ не льзя умолчать о томъ, что Русины, находившіеся подъ властію Литвы, или, лучше, вліяніемъ ея, вовсе не распо-

(113) *Długosz* pag. 119.

ложены были къ королю за его вѣрогоненіе, и крѣпко держались стороны Витовта, одного съ нами исповѣданія (114). Итогъ этой войны, продолжавшейся два, три, года, состоялъ въ томъ, что Витовтъ удержалъ за собой Великое княжество, какъ совершенно отдѣльный и независимый государь. Уже выше, въ §. 21-мъ, подъ 1386-мъ годомъ, мы, слѣдуя Польскимъ историкамъ, сказали, что Витовтъ согласился, по дружбѣ къ Ягайлу, перекреститься вмѣстѣ съ нимъ, въ Краковѣ; но теперь, спустя два года, видимъ, что онъ снова возвратился къ Рускому исповѣданію. Это было причиной, что Русины всѣми силами помогали ему въ войнѣ его съ Ягайломъ. Впрочемъ, впослѣдствіи, опять видимъ, какъ онъ вторично принимаетъ Латинскую вѣру; къ этому, разумѣется, могли склонить его происки папы, обѣщаніе

---

(111) Hunc Withaudus Grodnensis dux, magis modesti, magisque vegeti et semper sobrii vir ingenii et propter Ruthenorum assistentiam, qui illi propter ritus sui identitatem magnopere afficiebantur et caet. *Dlugosz* pag. 120. Я уже довольно много говорилъ въ этомъ сочиненіи о Литвѣ и Литовцахъ, и, не смотря на то, еще не разъ придется говорить о ней. Причина этого заключается въ томъ, что Литовцы первоначально составляли съ Русинами одно государственное тѣло во время Даніила Романовича и его потомковъ. Послѣ Галиціей овладѣли Поляки, а Володоміріей Литовцы. А потому, описывая событія одной части этого королевства, трудно быть понятнымъ, безъ присоединенія событій другой, имѣющихъ между собой соотношеніе, тѣмъ болѣе, что Русины наши въ это время отражали заодно съ Литвой посягательства Польши.

королевскаго вѣнца и настоящія Польскаго духовенства. Сверхъ того, война эта и тѣмъ еще замѣчательна, что во время ея помогали Витовту, и, слѣдовательно, Русинамъ, противъ Поляковъ, державшихъ сторону Ягайла, Прусскіе Крестоносцы, которыми, а равно Англичанами, Французами и многими знаменитыми Нѣмецкими князьями и рыцарями, предводительствовалъ, при осадѣ Русскихъ городовъ, Городна и Береста, князь Ланкастерскій, старшій сынъ Генрика, короля Англійскаго (115).

1390.

Въ 1390-мъ году королева Ядвига призвала изъ Праги монаховъ чина святаго Венедикта, отправлявшихъ богослуженіе на языкѣ Славянскомъ, построила для нихъ церковь и монастырь во имя св. Креста, въ Краковѣ, на Клепарѣ, близъ рѣки Рудавы, и снабдила его разными угодьями, какъ о томъ

---

(115) Этимъ Англійскимъ княземъ былъ князь Генрихъ Герефордъ, сынъ князя Ланкастерскаго, наслѣдовавшій, по отцѣ своемъ, тоже самое титло. Онъ низвергъ съ престола и уморилъ голодомъ законнаго своего короля, Рихарда Втораго, и надѣлъ на себя Англійскій вѣнецъ подъ именемъ Генриха Четвертаго. Точно, онъ былъ потомокъ короля Эдуарда Третьяго, по младшему колѣну, но вовсе не первородный сынъ короля Генриха, какъ утверждаетъ *Длугошъ*. Кажется, также, что эта осада Городна и Береста, при которой находился упомянутый князь, случилась нѣсколько раньше 1389-го года, потому что въ этомъ году князь Ланкастерскій воевалъ въ Испаніи.

сказали мы, уже выше, въ §§. 2-мъ и 3-мъ. Длугошъ (стран. 127) увѣряетъ, что еще онъ видѣлъ и слышалъ богослуженіе этѣхъ черноризцевъ. Цѣль вызова ихъ заключалась въ томъ, чтобы увѣрить Литовскихъ и Галицкихъ Русиновъ, такъ крѣпко отстоивавшихъ богослуженіе на родномъ языкѣ, въ возможности признавать папу главой Христіянства, не отрекаясь, впрочемъ, вовсе отъ Славянскаго языка, потому что эти монахи, хотя совершали литургію по Славянски, однако же держались ученія Римской церкви (116). Ядвига до того заботилась о распространеніи Римскаго вѣроученія въ Литвѣ, что даже въ самой Прагѣ основала бурсу или колегію для двѣнадцати Литовцевъ, желавшихъ слушать тамъ богословіе, и одарила ее прилично (117). Ревность ея не ограничилась одной Литвой: она сильно желала, какъ можно скорѣе, привести въ нѣдро Римской церкви и самую Галицкую Русь, только что завоеванную. Уже Людвикъ, отецъ ея, Владиславъ, князь Галицкій, и, сестра ея, Марія, королева Угорская, одаряли, разнымъ образомъ, Перемышльское епископство; при всемъ томъ ни одинъ Латинскій епископъ не соглашался лично пребывать тамъ (Nullum Catolicum Episcopum personaliter residisse).

---

(116) *Dobrowskys* Slawin. 2-te Aufl. 1834, S. 287, 297 и 300. Впрочемъ, *Сарницкій* увѣряетъ, что храмъ этотъ основанъ былъ въ XII столѣтіи, и предназначенъ для отправленія Славянской литургіи.

(117) Franz *Pubitschka's* Chronologische Geschichte Böhmens. 1788 VII Band. A. Christi 1397.

Теперь, въ 1390-мъ году, она склонила Эрика, до сихъ поръ носившаго только одно имя Перемышльскаго епископа, поселиться въ Перемышлѣ. Такимъ образомъ, принялъ онъ въ руки свои эту разрушенную кафедру, лишенную всякаго достоинства, словно плачущую вдовицу (deformatam et desolatam, quasi viduam dolentem et omni dignitate ecclesiae cathedralis destitutam, a Schismaticis cum multis suis possessionibus occupatam), возобновилъ и осадилъ канониками (Archiv. capit. r. l. Premisl. Bulla ordin. privileg. 2., и каноника: Фридриха *Алембека*, Annulus canonicalis, сочиненный 1644 года, стран. 161). По всему вѣроятію, Латинскіе Перемышльскіе епископы первоначально проживали въ Кросиѣ.

1392—1395.

1392-го года, Октября 28-го, посвященъ былъ въ Тарновѣ, Перемышльскимъ епископомъ, Матвѣемъ, въ Львовскаго архіепископа, Яковъ, герба Спремя, впослѣдствіи причисленный къ лику Святыхъ (118). А въ 1393-мъ году произошелъ споръ Великаго князя Витовта съ Скиригайломъ, братомъ Ягайла, по случаю наслѣдства, оставшагося послѣ Ольгерда, рѣшенный, при посредствѣ короля, такимъ образомъ: Витовтъ долженъ взять себѣ это наслѣдство, а Скиригайло довольствоваться удѣломъ, даннымъ ему этимъ послѣднимъ, и состоявшимъ въ Кіевскомъ княжествѣ, Кременцѣ и Стародубѣ, но подъ вер-

(118) *Długosz* pag. 137.

ховной властію Витовта. На случай же какихъ либо недоразумѣній межъ собой оба должны были отдаваться на судъ, уважаемой ими, Польской королевы, Ядвиги (119). Однако, договоръ этотъ не успокоилъ Литвы и Володимірской Руси, потому что въ слѣдующемъ, 1394-мъ году, Свидригайло, другой Ягайловъ братъ, названный, при перекрещеніи, въ Краковѣ, Болеславомъ, воевалъ, при помощи Русиновъ, исповѣданіе коихъ чрезвычайно уважалъ (120), а равно и Крестоносцевъ, владѣнія Витовта, и, отраженный отъмъ, бѣжалъ въ Прусію, откуда безпрестанно безпокоилъ Литву. Впослѣдствіи, именно, въ 1403-мъ году, мы увидимъ его Подольскимъ княземъ, а по смерти Витовта даже на престолѣ Литовскомъ.

Скиргайло недолго владѣлъ Кіевскимъ княжествомъ, будучи отправленъ монахомъ и погребенъ въ Кіевскихъ пещерахъ. Ягайло напрасно старался склонить его къ Латинскому исповѣданію:

---

(119) *Dlugosz* pag. 138.

(120) Hic siquidem a Boleslao Swidrigiello sectae Rutenicae quam maxime favente et caet. *Dlugosz* pag. 140. Изъ упомянутыхъ здѣсь событій открывается, что Витовтъ, какъ старшій въ родѣ, имѣлъ право требовать себѣ не только владѣній отца своего, Кейстута, но также и дяди, Ольгерда, отца Ягайлова, занятыхъ Скиргайломъ; онъ удержалъ ихъ за собой, назначивши Скиргайлу, для содержанія, Кіевъ. Свидригайло тоже домогался Великаго княжества; однако жь, не смотря на то, что имѣлъ на своей сторонѣ Русиновъ, получилъ Великокняжескій престолъ только по смерти Витовта, потому что былъ младшимъ въ своемъ родѣ.

онъ умеръ православнымъ Русиномъ (121). По смерти его Кіевскимъ княжествомъ овладѣлъ Витовтъ, которое, потомъ, за исключеніемъ Стародуба, назначеннаго имъ въ удѣлъ неспособному брату своему, Сигизмунду, отдалъ онъ Русскому князю, Андрею Ивановичу, удержавъ, впрочемъ, за собой верховную власть надъ нимъ.

Въ 1393-мъ году присягнулъ въ вѣрности за свой край Польскому королю Романъ, а въ 1395-мъ году Стефанъ, Молдавскіе воеводы (122).

1396.

Въ 1396-мъ Шпитко изъ Мельштина, богатый Краковскій воевода, успѣлъ склонить слабаго Ягайла подарить ему въ ленное владѣніе Подольскую землю, въ которой многіе города имѣли, частію Польскую, а частію Литовскую, стражу, другіе же даже еще своихъ Русскихъ князей. Но какъ это не понравилось королевѣ, а больше всего Польскимъ вельможамъ, завидовавшимъ Шпитку, въ, такъ значительной, ловлѣ, что дѣло это и не состоялось (123), и онъ оставался тамъ только старостой по 1398 годъ, управляя нѣкоторыми городами, имѣвшими въ себѣ Польскую стражу. Въ этомъ же году, онъ, сопровождая вмѣстѣ съ Польскимъ и Га-

(121) *Długosz* str. 142.
(122) *Dogiel* I. pag. 599 и 600.
(123) *Długosz* str. 150.

лицкимъ войскомъ, Витовта противъ Татаръ, которыхъ этотъ однажды, въ 1397-мъ, поразилъ было, погибъ на полѣ битвы, въ коей Татары на голову разбили Витовта (124).

Вскорѣ послѣ этого пораженія Витовта скончалась королева Ядвига отъ родовъ, и тѣмъ погрузила въ такую невыразимую печаль супруга своего, что онъ замышлялъ было уже совершенно оставить Польшу и воротиться въ Литву. Но епископы и вельможи Польскіе, убѣжденные, что никогда не имѣть имъ лучшаго, для своихъ намѣреній, короля, склонили его не только остаться у себя, но даже вступить во второй бракъ съ Анной, дочерью графа Цили, а внучкой, по дочери, Казиміра Великаго. Бракъ этотъ дѣйствительно состоялся въ 1400 году.

Хотя Латинское исповѣданіе сдѣлало до сихъ поръ малые успѣхи въ Галиціи, при всемъ томъ произошли, съ недавняго времени, сильные споры между Галицкимъ или Львовскимъ архіепископомъ, Бернардомъ, и Перемышльскимъ епископомъ, Матвѣемъ, о границахъ ихъ епархіи. Такъ-то еще слабо было исповѣданіе это въ Галиціи, что самые епископы не вѣдали, что кому принадлежало. Споръ этотъ отданъ былъ на рѣшеніе папѣ; но и тотъ ничего не зналъ, а потому и назначилъ своему апостольскому послу, Петру, епископу Краковскому,

(124) *Dlugosz* str. 157 и 158. *Kolalowicz* II. str. 63.

отправиться на Русь и раздѣлить ее между этѣми двумя пастырями-соперниками. Епископъ Петръ пріѣхалъ въ Львовъ, 24 Сентября, 1398 года, гдѣ постановилъ границей, отдѣлявшей обѣ паствы другъ отъ друга, черту, проходящую между Любачевской и Городецкой землей, такъ что Любачевъ относился къ Перемышлю, а Городокъ къ Галичу, и простиравшуюся до самой рѣки Рунъ или моста на этой рѣкѣ. А отъ этого моста пограничная черта шла до рѣки или болота Блозевъ, потомъ вдоль этого потока до самаго впаденія его въ Днѣстръ. Далѣе граница шла Днѣстромъ до впаденія въ него Стрыя, и, наконецъ, русломъ Стрыя до самыхъ горъ на Угорской границѣ, такъ что замки Тустань, Самборъ и уѣзды Стрыйскій и Дорогобыцкій, лежащіе на лѣвой сторонѣ рѣки Стрыя, должны принадлежать къ владѣнію Перемышльскаго епископа. (Archiv. Capituli r. l. praemisl. Pulla fundorum N. 3, et manuscrip. Friderici Alembek sub titulo Annulus canonicalis pag. 147).

1405—1404.

Хотя храбрый Вишовитъ и потерпѣлъ, въ 1398-мъ году, унизительное пораженіе отъ Татаръ, однако же, не любя бездѣйствія, рѣшился, въ 1403-мъ, предпринять походъ на княжество Смоленское. Собравши войско, большей частью изъ Литовцевъ и Русиновъ и малой части охочихъ Поляковъ, онъ завоевалъ съ ними это княжество, присоединилъ его къ своимъ владѣніямъ, и увезъ

съ собой безчисленныя сокровища Смоленскихъ Рускихъ князей, состоявшія въ золотѣ, серебрѣ и разнаго рода драгоцѣнностяхъ. Въ то время, какъ Витовтъ занимался покореніемъ чужаго, Свидригайло, Болеславъ, о которомъ упомянули мы выше, ворвался, съ вспомогательнымъ войскомъ Крестоносцевъ, въ Литовскіе края. Ягайло не щадилъ ничего для отстраненія и утишенія его: заплатилъ долги его въ Прусіи, призвалъ его на Русь, даровалъ ему Подолъ, удовлетворилъ притязаніямъ потомковъ Шпитка изъ Мельштына, прежняго Подольскаго старосты (125), присоединилъ къ нему отъ Галицкаго королевства земли Жидачевскую, Стрыйскую, Стобницу, Шидловъ, Дорогиню и Устье, и, наконецъ, положилъ ему ежегоднаго жалованья изъ королевскихъ соляныхъ копей 1400 гривенъ; но всего этого мало было для Свидригайла. Онъ, занявши Подолъ своими Рускими войсками (и, по словамъ Длугоша, стр. 177, даже Польскими, чему, для славы народа, можемъ и не вѣрить), снова воротился въ Прусію, надѣясь овладѣть Великимъ княжествомъ Литовскимъ. Руская стража на Подолѣ (потому что Польской, навѣрное, не было), храня вѣрность къ своему государю, съ которымъ соединяло ее вѣроисповѣданіе, не хотѣла сдать королю замковъ, и, какъ говоритъ Длугошъ, подняла явный

(125) 5000 гривенъ Пражскихъ грошей. *Bielski* str. 286. Ягайло распоряжался Галиціей и составляющими ее частями какъ своей личной собственностью, отнюдь же не какъ частями королевства Польскаго.

бунтъ. Ягакъ, не могши иначе возвратить Подольскихъ крѣпостей отъ, нерасположенныхъ Польшѣ, а вѣрныхъ Свидригайлу, вождей, королю оставалось употребить одно средство, то есть, силу оружія. Такимъ образомъ, въ слѣдующемъ, 1404-мъ году, повелъ онъ свое, Польское, войско на Подолъ, осадилъ крѣпость Каменецъ, которую до тѣхъ поръ поражалъ пушками, пока начальникъ ея принужденъ былъ, наконецъ, послѣ продолжительной и упорной осады, войти съ нимъ въ переговоры и сдать ее. Примѣру Каменца послѣдовали и другіе Подольскіе и Галицкіе города, въ которыхъ находилась Свидригайлова стража, отъ чего край этотъ снова перешелъ подъ власть короля Ягайла, давшаго ему своихъ правителей. Польскіе лѣтописцы не описываютъ намъ какъ этой, Каменецкой, сдачи, такъ равно и многихъ другихъ происшествій, относящихся къ Руси, а письменные памятники, составленные туземцами, утрачены или истреблены. Длугошъ приводитъ, на страницѣ 182, даже дикое, а потому не заслуживающее ни какого вѣроятія, условіе этой сдачи, именно, будто бы Русинъ, Свидригайловъ начальникъ Каменца, сдалъ эту крѣпость подъ тѣмъ условіемъ, завѣреннымъ королевской подписью, чтобы король не вѣрялъ крѣпости и Подола ни одному князю, но только *какому-нибудь Польскому дворянину* (militi). Если бы вождь этотъ былъ Полякъ (въ какомъ случаѣ, конечно, сохранилъ бы намъ названіе его Длугошъ, который описывалъ, съ такой точностью, всѣ мелочи каждаго своего соотечественника, на-

ним., какого онъ былъ герба, какое у него было знамя, или хоругвь), то могъ ли бы онъ вступить въ службу Свидригайла, дерзнувшаго воспротивиться королю, или смѣлъ ли бы онъ поднять бунтъ противъ Польскаго короля въ пользу его противника, и заставить, такимъ образомъ, самаго короля предпринять противъ него походъ? Наконецъ, вѣрилъ ли бы Свидригайло, пользовавшійся расположеніемъ Русиновъ и преслѣдуемый Поляками, такъ важную крѣпость Поляку, а Русину, полководцу Свидригайловъ, могъ ли бы предложить столь чудовищное условіе, совершенно противное выгодамъ своего государя и народа? И, на оборотъ, если бы этотъ начальникъ Каменца и гарнизонъ его были Поляки, то, не ужь-то они не поспѣшили бы сдать эту крѣпость своему Польскому королю еще въ прошломъ году, тотчасъ по удаленіи Свидригайла? А потому, допустивъ, что военоначальникъ этотъ былъ Русинъ, не остается ни малѣйшаго сомнѣнія, что упомянутое условіе было совершенно иное и, притомъ, въ пользу Русиновъ, а не Поляковъ. Впослѣдствіи, мы увидимъ возобновленіе этой войны на Подолѣ Свидригайломъ и Русинами противъ Поляковъ. Русины заботились не о Свидригайлѣ, или комъ-либо другомъ, но о томъ, какъ бы только сбыть съ рукъ Поляковъ, сохранить свою независимость и вѣроисповѣданіе, и, потому, хватались за каждаго, кто только обѣщалъ помочь имъ въ этомъ дѣлѣ, искренно ли, или притворно. При всемъ томъ, они благопріятствовали

этому Свидригайлу больше, чѣмъ кому-либо, какъ показываетъ это вся исторія его жизни. Не знаю, по какому случаю схваченъ былъ Свидригайло въ Кременцѣ, въ 1408-мъ или 1409-мъ, и заключенъ въ темницу Ягайломъ и Витовтомъ, гдѣ оставался около девяти лѣтъ въ цѣпяхъ. Русины, именно Галицко-Волынскіе, жалѣли о печальной его судьбѣ, считая его своей надеждой. А потому, въ 1418-мъ году Дашко Федоровъ, князь Острогскій, вошедши въ сношенія съ нѣкоторыми изъ стражи Кременецкой крѣпости, явился, въ великій четверкъ, ночью, съ пятью стами человѣкъ подъ ней. Соумышленники спустили ему подъемный мостъ, по которомъ войско Острогскаго вступило въ крѣпость, перерѣзало Польско-Литовскую стражу и Ягайловыхъ комисаровъ и освободило изъ узъ Свидригайла, котораго, въ сопровожденіи 150-ти Волынскихъ всадниковъ, препроводили въ Угрію (126). Это событіе показываетъ намъ, какъ велика была къ Свидригайлу любовь князей и народа Рускаго, которую увидимъ мы и въ послѣдующихъ войнахъ, съ 1432 по 1436.

Молдавскіе князья, завидуя одинъ другому, оспоривали взаимно владѣніе этой, также, какъ и наша Русь, несчастной землей, и для удовлетворенія своей гордости и личныхъ выгодъ, прибѣгали, за помощію, къ Польшѣ, и, такимъ обра-

(126) *Карамзинъ* V. стр. 167. примѣч.

зомъ, приводили себя и народъ свой въ подданство Ягайла. Тамъ было два соперника, Романъ и Александръ. Въ 1402 году Александръ присягнулъ въ вѣрности Ягайлу, думая тѣмъ удержать себя на престолѣ; но когда Романъ, бывшій въ плѣну Польскомъ, или, лучше, братья его сдѣлали большія пожертвованія Польшѣ, тогда онъ былъ не только освобожденъ, но также допущенъ къ присягѣ на вѣрность, а Александръ принужденъ уступить ему часть своей земли. Вскорѣ потомъ Романъ умеръ, и Александръ получилъ во владѣніе цѣлую Молдавію; впрочемъ, скоро нашелся новый соперникъ въ Стефанѣ, котораго Ягайло тоже допустилъ, въ 1411, присягнуть себѣ. Но ловкій Александръ и его удалилъ, и, давши Ягайлу 1000 руб., не только удержалъ за собой все княжество, но, еще, сверхъ того, получилъ Рускій край, Покутье, съ замками Снятынымъ и Коломіей (127).

§. 24.

1407.

Великій князь Витовтъ, заключивъ, на нѣкоторое время, миръ съ Крестоносцами, съ которыми, впрочемъ, находился въ безпрестанныхъ стычкахъ, и собравъ войско изъ своихъ Литовцевъ и Русиновъ, къ коимъ присоединилъ, также, нѣсколько охочихъ Поляковъ, отправился, въ 1407

(127) *Dogiel* I. str. 600. *Kromer* str. 257—274. *Gebhardi* S. 103. *Bielski* 310.

году, на Москву, гдѣ опустошилъ края, собралъ огромную добычу и воротился съ ней назадъ въ Литву. А такъ какъ этотъ походъ удался ему, то онъ рѣшился предпринять и другой въ слѣдующемъ году. И такъ, собралъ онъ свои силы, коимъ Ягайло прислалъ въ помощь пять Польскихъ хоругвей, и къ коимъ присоединились добровольно дружины вельможъ Польскихъ, равно какъ и одна хоругвь Прусскихъ Крестоносцевъ, подъ начальствомъ кавалера Маркванда. Съ этимъ многочисленнымъ войскомъ отправился онъ въ походъ противъ Великаго княжества Московскаго, пустошить и ничтожить края собственнаго своего зятя. Когда Витовтъ вступилъ съ оружіемъ въ землю мужа своей дочери, то Свидригайло, владѣвшій въ то время удѣльнымъ Сѣверскимъ княжествомъ, Стародубомъ и Брянскомъ, поспѣшилъ на помощь съ войскомъ своимъ къ Василію противъ Витовта, то есть, зятю противъ тестя, безпокоилъ отряды послѣдняго, и, наконецъ, сразился съ нимъ, за одно съ Московскими войсками, гдѣ-то, надъ рѣкой Угрой, и не допустилъ его къ переправѣ. Начались переговоры, коими опредѣлены были границы владѣній обоихъ государей, и Витовтъ предпринялъ возвратный путь; но моровая язва, болота, топи, лѣса и разливъ рѣкъ, равно какъ недостатокъ въ продовольствіи, испорченныя дороги, напослѣдокъ, нападенія союзныхъ Москвѣ Татаръ, произвели такое страшное опустошеніе въ Витовтовомъ войскѣ, что онъ воротился въ свой домъ

только съ горстью пѣшихъ, потерявши, подобно Французамъ 1812-го года, лошадей, оружіе и запасы (128).

Хотя Прускіе Крестоносцы и помогали Витовту въ Московскомъ походѣ для пріобрѣтенія себѣ корысти, однако не было между ними ни какой пріязни и добраго согласія. Поляки объявляли притязанія свои на Поморье, Добрынскую землю и другія, а Литва на Жмудь, частью которой владѣли Крестоносцы. Несогласіе больше и больше возрастало и усиливалось, потому что и Поляки и Литовцы помнили еще многочисленныя притѣсненія гордыхъ рыцарей, и, потому, предстояло споръ рѣшить оружіемъ. Какъ Ягайло, король Польскій, такъ равно и Витовтъ, Великій князь Литовскій, безпрерывно готовились къ великой войнѣ: оба они съѣхались, 1409 года, въ Берестъ Рускомъ (129), и составили планъ похода. Король охотился зимой въ Бѣловежской пущѣ, и приказалъ посолить убитыхъ звѣрей, скласть въ бочки и отправить ихъ Нарвой, а потомъ Вислой въ Плоцкъ, въ которомъ устроена была главная складка для продовольствія войскъ въ наступающемъ походѣ (130).

---

(128) *Dlugosz* pag. 186, 189, 190. *Карамзинъ* V. стр. 190. *Kojalowicz* pag. 76. *Bielski* str. 208 и 310.

(129) *Dlugosz* str. 207.

(130) *Dlugosz* pag. 208.

1410.

Напрасно Сигизмундъ, король Угорскій и, избранный, король Римскій старался примирить обѣ стороны; война вспыхнула 1410-го года, и произошла знаменитая битва подъ Гранвальдомъ или Тансибергомъ, въ которой Крестоносные рыцари были разбиты на голову, а Великій магистръ ордена ихъ, Ульрихъ де Юнгингенъ, легъ на полѣ сраженія. Въ этой битвѣ участвовали и Володимірскіе Русины подъ предводительствомъ Велнкаго князя Литовскаго, составляя собой, съ Литовцами, полки: Городенскій, Пинскій, Берестскій, Новогородскій, Дорогичинскій, Мельницкій и Кременецкій; кромѣ того участвовали полки, составленные изъ другихъ Рускихъ княжествъ, какъ-то: Смоленскій, Полоцкій, Витебскій, Кіевскій и Стародубскій, равно какъ и наши Галичане, образовавшіе въ рядахъ короля Ягайла пять своихъ отдѣльныхъ полковъ и хоругвей, то есть, Перемышльскій, Львовскій, Галицкій, Холмскій и Подольскій. Всѣ они сражались такъ мужественно, что Смоленцы удостоились особеннаго слова Длугоша, не очень щедраго на похвалы Русинамъ. Когда Литовское войско дало было уже тылъ; они остались на мѣстѣ и удержали его за собой, а потому вся слава этого дня принадлежитъ имъ. Словомъ, Поляки и Литовцы обязаны были этой побѣдой Русинамъ. Въ первый разъ сразились здѣсь многочисленные Рускіе полки въ войнѣ Польской противъ Крестоносцевъ, и сокрушили могущество этихъ храбрыхъ рыцарей, которые, послѣ того, не могли уже ни

какъ ворошить прежней своей знаменитости. Впрочемъ, Поляки и Литовцы не умѣли воспользоваться пріобрѣтенной побѣдой, хотя и овладѣли они, послѣ этой рѣшительной битвы, множествомъ городовъ, и частію ограбили ихъ. Они потеряли плоды побѣды своей безвременной осадой Маріенбурга и неискусными переговорами о мирѣ, заключенномъ въ Турунѣ. Правда, Поляки превышали просвѣщенныхъ Русиновъ и Литовцевъ въ дипломатическомъ искусствѣ, но и они всегда показывали свою слабость въ немъ, какъ скоро имѣли дѣло съ Крестоносцами или другими государствами (131).

1411.

По заключеніи мира уступилъ Ягайло, 1411 года, часть Подола, имѣвшаго Польскіе гарнизоны, Литовцу, и призвалъ къ себѣ назадъ Петра Влодковича, завѣдывавшаго, до тѣхъ поръ, тамошними крѣпостями. Потомъ ворошился онъ, черезъ Польшу, въ Галицію, гдѣ, по смерти Галицкаго архіе-

---

(131) Ни Поляки, ни Литовцы, отдѣльно и вмѣстѣ, не въ состояніи были одолѣть воинственныхъ Крестоносцевъ. И только, когда многочисленныя Русскія войска начали сражаться подъ знаменами ихъ, могущество Нѣмецкихъ Крестоносцевъ совершенно сокрушено было, сперва подъ Грюнвальдомъ, а потомъ въ царствованіе Казиміра Ягайловича. Слѣдовательно, Польша и Литва обязаны были величіемъ и независимостію своей крови и оружію Русскихъ. Представленное выше описаніе войны показываетъ намъ, что подъ Грюнвальдомъ большую часть войска союзниковъ составляли Русскіе.

пископа, Якова, возвелъ на архіепископскій престолъ Николая изъ Сандоміра, герба Трубы, Польскаго вицеканцлера, а по смерти Александра, какого-то Андрея сдѣлалъ Каменецкимъ епископомъ (132). А какъ этотъ Николай получилъ, того же самаго года, Гнѣзденское архіепископство, то, на его мѣсто, наименованъ былъ Иванъ Рѣшовскій, перенесшій, 1416 г., престолъ свой изъ Галича въ Львовъ, (133).

1412.

Въ 1412 году съѣхались, въ Кошицахъ, Сигизмундъ, король Римскій и Угорскій, и Владиславъ, Ягайло, король Польскій. На этомъ съѣздѣ король Польскій предложилъ было удалить Крестоносцевъ изъ Прусіи и подѣлиться имъ, какъ знаменитѣйшимъ тогда въ этѣхъ краяхъ государямъ, землей ихъ; но Сигизмундъ, прикрываясь своимъ долгомъ, по которому обязанъ былъ, какъ король Римско-Нѣмецкій, покровительствовать Орденъ, отстранилъ это предложеніе отъ себя, и даже самаго Ягайла склонилъ отказаться отъ своего желанія. За то, споръ о Червоной Руси, или нашей Галиціи, Подолѣ, Молдавіи и Валахіи, рѣшенъ былъ, промежъ нѣмъ, слѣдующимъ образомъ. Касательно Галиціи: оба короля должны хранить миръ и согласіе до смерти того, кто первый изъ нихъ ум-

(132) *Długosz* p. 312.

(133) *Długosz* pag. 315. *Albertrandi* Dzieie krolestwa Polskiego str. 71.

решъ, и даже послѣ смерти еще пять лѣтъ. Далѣе: король Ягайло во все время мира или перемирія имѣетъ полное право владѣть Рускими землями, точно такъ, какъ до сихъ поръ владѣлъ, безъ малѣйшаго препятствія со стороны короля и королевства Угорскаго. Что же касается Подола, то король Угорскій обѣщаетъ не препятствовать, въ продолженіе упомянутаго времени, владѣть этѣми землями, равно какъ не допущать и своимъ подданнымъ дѣлать то, и, вообще, не давать никому ни какого совѣта, вспоможенія и тому под. причинять такое препятствіе. А о Молдавіи положено было: такъ какъ тамошній воевода, Александръ, обязался зависѣть отъ короля Ягайла, то король Сигизмундъ, по чувству братской любви и искренности, не желаетъ безпокоить въ этомъ короля Ягайла. Впрочемъ, положено было, чтобы этотъ воевода, на случай вторженія Турковъ или другихъ невѣрныхъ въ Угрію, или, если бы король Угорскій предпринялъ походъ противъ Турковъ съ 1000 или больше воиновъ, спѣшилъ на помощь королю Угорскому лично, со всѣмъ своимъ войскомъ, и выполнялъ вѣрно и мужественно свой долгъ. А когда бы онъ не исполнилъ этого, то оба короля возмутъ его края, и подѣлятся ими между собой, именно: королю Ягайлу достанется все пространство, находящееся за чертой отъ Угорскихъ горъ, черезъ лѣсъ, Буковина, вдоль Серета, между Молдавіей и землей, называемой Sepenicensis, отъ малаго лѣса, Буковина, по самую рѣку Прутъ,

оставляя на лѣвой сторонѣ крѣпость, Jasznasathar (нынѣ Ясы), а крѣпость Berleth и проч., на правой сторонѣ, останется коромю Сигизмунду и его Угорскому королевству. Потомъ, перешедши Прутъ, и отправившись прямо черезъ остальные лѣса и пустыя поля до самаго моря, они подѣлятся такимъ образомъ: городъ Feiernar (Бѣлгородъ, нынѣ Акерманъ) беретъ король Ягайло, а городъ Килію съ прочимъ по правой сторонѣ, король Сигизмундъ. Края, отходящіе королю Ягайлу, останутся въ его власти *потому же самому праву, по какому и края Червонорускіе*, и, притомъ, съ условіемъ обмѣна. Но если Молдаванинъ вѣрно исполнитъ приказанія короля Угорскаго, то останется владѣтелемъ этой земли, даже по кончинѣ обѣихъ договаривающихся сторонъ цѣлыхъ пять лѣтъ, и, притомъ, тоже подъ условіемъ: „salvo iure partis utriusque.“ Списокъ съ этого договора, касающагося нашей Галиціи, помѣщается мной, слово въ слово, въ примѣчаніи (134). Изъ него можно вывесть слѣдующія заключенія: 1) Хотя Руско-Галицкіе края и были, въ 1387 году, отняты королевой Ядвигой у сестры своей, Маріи, при всемъ томъ они не составляли безспорнаго владѣнія для Поляковъ; споры за нихъ безпрестанно продол-

(134) Sigismundus Dei Romanorum rex semper Augustus, ac Hungariae, Dalmatiae, Croatiae, Rasciae, Serviae, Galatiae, Lodoringae, Cumaniae, Bulgariaeque Rex. Ad certitudinem et caet. Verum quia super terris Russiae, Podoliae, Moldaviae in-

жались съ королевствомъ Угорскимъ и были предметомъ сношеній. 2) Что король Угорскій даже и въ нынѣшнемъ договорѣ не отступался отъ нихъ навсегда, но только на время (treuga, induciae, Stillstand, перемиріе, временный миръ), позволяя владѣть королю Ягайлу лишь по смерть одного изъ договаривающихся и, даже, въ теченіи пяти лѣтъ, послѣ оной. 3) Что король Угорскій, Сигизмундъ, или его королевство, согласно съ этимъ договоромъ,

---

ter nos et ipsum Dominum Vladislaum Regem Poloniae ex occasione eorundem inter caetera dissensionis materia vertabatur: in facto itaque terrae Russiae inter nos et praefatum Ducem Vladislaum Regem concordatum extitit hoc modo: ut vita nobis et sibi insimul comite usque ad diem obitus unius ex nobis, quem videlicet prius nutu divino ex nobis exemi contingat, ab humanis, inter nos et ipsum Dominum Vladislaum Regem, nec non praefatum Vithaudem ducem, pacis et treugarum foedera habeantur et inconcusse observantur modo infra scripto: quibus treugis durantibus praefatus Dominus Vladislaus Rex Poloniae terram ipsam Russiae pacifice teneat prout tenet, sine impedimento nostro vel Regni aut subditorum nostrorum aliquali. In terra vero Podoliae promittimus eundem Dominum Vladislaum Regem per nosmet ipsos non impedire nec per nostros subditos facere impediri neque alicui ad illum impediendum consilium, favorem aut auxilium praestare treugis durantibus infra scriptis. Item in casu quo nos Regem Sigismundum memorato Domino Vladislao Rege fratre nostro vocatione divina praemori contingat, ex tunc post obitum nostrum praedictae treugae infra quinque annos immediate sequentes debent perdurare. Et e converso si praedictum Dominum Vladislaum Regem prius nobis decedere accidat foedera huiusmodi treugarum similiter infra quinquenium intra Poloniae et Hungariae Regna post huius decessum debent firmiter observari et infra praedictos quinque annos treugarum et caet. Salvo iure partis utriusque et caet.—Datum Lublio anno 1412 quindecimo die Martri. *Dlugoss* pag. 322.

имѣли полное право взять необходимыя мѣры для возвращенія къ себѣ Руси, спустя пять лѣтъ послѣ смерти Ягайла, наступившей 31 Мая, 1434, т. е., по исходѣ перемирія 1 Іюня, 1439 года. Но какъ и самъ Сигизмундъ скончался въ 1437, а королевство Угорское, по смерти его, находилось въ безпорядкѣ и замѣшательствѣ, то, потому, трудно было приступить къ возвращенію Руси. 4) Что, по этѣмъ условіямъ, Руси принадлежали не только паша Галиція, но и Подолъ, вмѣстѣ съ цѣлой Молдавіей, относившейся, по упомянутому выше §. 15, 1359 года, къ Руси, и заключавшей въ себѣ, кромѣ нынѣшней Молдавіи, еще Буковину, всю Валахію и значительную часть Новороссіи (названіе — неудачное, потому что это старородавнія Рускія владѣнія), то есть, Хотинъ, Акерманъ, Килію и Измайловъ, по устье Дуная, ибо, въ случаѣ дѣлежа этого края, Акерманъ обѣщанъ былъ Ягайлу, а Килія Сигизмунду. Sepenicensis terra граничила съ нынѣшней Буковиной, а въ ней были города: Хотинъ, Ченинъ и Хмѣловъ (135). 5) Что договоръ этотъ давалъ Сигизмунду большее право надъ землями, о которыхъ шла рѣчь, потому что онъ постановлялъ перемиріе, такъ что, если бы пришлось когда до дѣлежа Молдавіи, то часть, доставшаяся королю Ягайлу, поступала ему только во временное владѣніе, и могла быть воз-

(135) *Dogiel* I. p. 601.

вращена, напротивъ, достававшаяся Уграмъ, составляла, уже этѣмъ самымъ, недѣлимую собственность королевства Угорскаго. Наконецъ, 6) не смотря на то, что король Польскій и Угорскій входили между собой въ договоры о судьбѣ Руси, она ни одному изъ нихъ не признавала права на то, и всякій разъ старалась освободиться, съ оружіемъ въ рукахъ, изподъ ярма Польскаго, какъ скоро только представлялся къ тому случай, на примѣръ, подъ начальствомъ Свидригайла и Федька, князя Острогскаго, какъ о томъ скажемъ ниже.

§. 25.

Заключивши, такимъ образомъ, перемиріе въ Кошицахъ или Люблѣ, Ягайло и Сигизмундъ отправились въ глубину Угріи, именно, черезъ Токай, Дебречинъ, Варадинъ и Ягеръ, гдѣ охотились въ приличныхъ тому мѣстахъ, и, наконецъ, прибыли въ Будинъ. Въ этомъ послѣднемъ король Сигизмундъ принялъ Ягайла самымъ великолѣпнымъ образомъ и далъ въ честь ему большой турниръ, на коемъ отличались рыцари разныхъ народовъ; между отличившимися храбростію и удальствомъ было, также, два Галицко-Русскихъ богатыря, сопровождавшихъ Ягайла, именно: Петро Цебровскій и Андрей Галицкій. Возвращаясь изъ Угріи, король съѣхался съ, братомъ своимъ, Великимъ княземъ, Витовтомъ, въ Грубешовѣ, отсюда отправился въ, любимый свой замокъ, Медыку, а изъ Медыки въ Перемышль, гдѣ

обрашилъ въ Лашинскій костелъ и подарилъ Католическому епископу соборную Рускую церковь, выстроенную изъ тесанаго камня въ замкѣ и бывшую, какъ прежде, при владѣніи собственныхъ князей, такъ и послѣ, въ завѣдываніи Рускаго архіерея. Еще больше: онъ приказалъ выбросить изъ гробовъ тѣла умершихъ Русиновъ, между коими, безъ сомнѣнія, и князей. Такое насиліе священному мѣсту и нарушеніе покоя мертвыхъ, наполнило печалію Руское духовенство и народъ, проливавшій горькія слезы и неуспѣшно сожалѣвшій о томъ (136).

1413.

Въ слѣдующемъ, 1413 году, съѣхались Ягайло и Витовтъ съ нѣкоторыми изъ своихъ бояръ, перешедшихъ уже къ Лашинскому исповѣданію, въ городѣ Городлѣ на Бугѣ, гдѣ написали и объявили, 2 Октября, „Vladislaus Rex Poloniae nec non terrarum Cracoviae, Sandomiriae, Siradiae, Lancitiae, Cuiaviae, Litvaniae princeps Supremus, Pomeraniae *Russiaeque* Dominus et haeres," и „Alexander alias Vithaudus magnus Dux Litvaniae, nec non *terrarum Russiae* Dominus et haeres," документъ и вмѣстѣ привилегію, цѣлію коего было сообщить, какъ можно, больше силы обоимъ государствамъ противъ Крестоносцевъ и ихъ приверженцевъ. Въ немъ объявляли они: 1) Будущее соединеніе Польши съ Литвой. 2) Подтвержденіе правъ и преимуществъ церквей и духовенства, исповѣдающаго только Римскій обрядъ,

(136) *Długosz* p. 334.

равно какъ бояръ и Литовскаго дворянства, равнявшихъ ихъ съ вельможами Польскими. 3) Литовскіе и Польскіе вельможи имѣютъ право владѣть имѣніемъ, оставшимся имъ послѣ родственниковъ, а равно и полученнымъ отъ кого-либо въ даръ, могутъ его продавать, мѣнять, даровать, въ приданое дать, или поступить въ пожизненное владѣніе. 4) Позволеніе Литовскому дворянству выдавать, по примѣру, существующему уже въ Польшѣ, замужъ дочерей, сестръ и родственницъ, согласно съ своей волей, но только за Католиковъ. 5) Учрежденіе въ Литвѣ, по образцу Польши, достоинствъ и званій воеводъ и каштеляновъ, именно, въ Вильнѣ и Трокахъ, которыя, впослѣдствіи, могутъ быть открыты, согласно съ обстоятельствами, и въ другихъ городахъ. 6) Званія эти ввѣряемы будутъ однимъ лишь особамъ Римско-Католической вѣры. 7) Если бы Великій князь, Витовтъ, умеръ безъ потомства, то Литовцы не станутъ никого избирать въ Великіе князья, не извѣстивъ, напередъ, короля Польскаго, или его преемниковъ, равно какъ и не посовѣтовавшись съ Польскими и Литовскими вельможами. Наоборотъ, и Поляки, въ случаѣ такой же смерти короля ихъ, не смѣютъ приступить къ избранію себѣ государя безъ вѣдѣнія и совѣта Великаго князя, Александра, Витовта и его чиновъ. 8) Подтверждается соединеніе гербовъ, въ знакъ доброй пріязни, нѣкоторыхъ дворянскихъ Польскихъ домовъ съ Литовскими. 9) Достоинства и преимущества, даваемыя этой грамотой, простираются только на од-

шихъ христіянъ Римскаго исповѣданія (137). Допуская истинность, приведенной сейчасъ, грамоты (138) въ ея основаніи, замѣчаемъ, а) Что этотъ договоръ и примиреніе заключены обѣими сторонами противъ общихъ непріятелей, Крестоносцевъ, которымъ готовили второй сильный походъ, и надѣляли Литовцевъ правами, коихъ они прежде не

---

(137) *Dlugosz* pag. 338 и слѣд.

(138) Я нѣсколько сомнѣваюсь въ дѣйствительности этого примиренія, о которомъ первый сообщилъ намъ извѣстіе Длугошъ, умершій въ 1480, слѣдовательно, либо вовсе не жившій во время написанія этого документа, что есть, въ 1413, либо же былъ еще младенцемъ. Причины, заставившія Длугоша вымыслить его, легко отгадать. Въ царствованіе Казиміра Ягайлова, когда Длугошъ жилъ, и, какъ мужъ ученый и опытный въ государственныхъ дѣлахъ, участвовалъ въ совѣтѣ Польскихъ вельможъ, какъ это увидимъ ниже, происходили сильные споры между Польскими и Литовскими вельможами. Первые требовали соединенія Литвы съ Польшей въ одно государственное тѣло, на что Литовцы, ни коимъ образомъ, не хотѣли согласиться, и не согласились. А потому, нужно было, во время Длугоша, увѣрять Литовцевъ и доказывать имъ, что еще предки ихъ согласились было на подобное соединеніе. Этотъ, во всемъ прочемъ, достойный вѣроятія писатель, старался, какъ и выше мы замѣтили, въ §. 11, въ примѣчаніи 6, тоже доказать намъ, что Галиція наша была еще при Казимірѣ Великомъ, 1340, навѣки присоединена и нераздѣльно слита съ Польшей, коей и оставалась всегда вѣрной. Но мы показали читателю, что дѣло происходило совсѣмъ иначе, что по 1349 годъ владѣніе ею Польши было шатко, что съ 1370 по 1379 находилась она подъ правленіемъ собственнаго князя, а съ 1379 по 1387-й принадлежала Угріи. Все это очень хорошо зналъ ученый Длугошъ, но счелъ нужнымъ совершенно умолчать о томъ,

имѣли, чтобы только заставить ихъ принять дѣятельное участіе въ этой войнѣ. б) До заключенія этого договора никто изъ дворянъ и государственныхъ чиновъ Литовскихъ не владѣлъ землей иначе, какъ только по милости Великаго князя, уступаемой имъ въ неограниченное пользованіе единственно по смерть, послѣ которой, а можетъ быть и во всякое время, возвращалась она къ Великому князю. Далѣе, Литовское дворянство не смѣло выдавать, безъ вѣдѣнія своего государя, дочерей, сестеръ и родственницъ своихъ замужъ. А какъ Литву составляли $\frac{3}{4}$ части Руси, то, потому, права эти были чисто Рускія, Славянскія. Стало быть, этѣмъ распадаются въ ничто мечтанія писателей того времени, зараженныхъ правилами, если не демагогическими, то, по крайности, демократическими, именно, о народномъ правленіи древнихъ Славянъ, потому что Русины и Поляки, ядро Славянскаго народа, жили, сколько говоритъ намъ о томъ вѣрная исторія, подъ самодержавными государями (139). в) Хотя

---

(139) Ежели иноземные писатели говорятъ намъ, тамъ и сямъ, о народоправленіи у Славянъ, то это слѣдуетъ разумѣть объ общинахъ, поселеніяхъ и городахъ, лежавшихъ на самыхъ крайнихъ предѣлахъ обширнаго Славянскаго міра, и занимавшихся либо торговлей и промышленостью, либо же набѣгомъ и грабежемъ другихъ. Къ первымъ можно отнести Винету и другіе города на Балтійскомъ поморьѣ, также Новгородъ Великій, а ко вторымъ—Ускоковъ и Запорожскихъ козаковъ. Это были выходцы изъ среды великаго народа, которые выселялись изъ своей отчизны для большей свободы, осно-

Польша и соединялась, по этой грамотѣ, съ Литвой, или, лучше, вступала съ ней въ союзъ, при всемъ томъ каждое изъ этѣхъ государствъ могло имѣть своего

вывали поселенія и вводили народоправленіе; но срединныя и главныя масы народа, у котораго земледѣліе составляло единственный способъ продовольствія, имѣли самодержавное правленіе, похожее на патріархальное или семейное. Какъ отецъ былъ, среди своего семейства, неограниченнымъ начальникомъ его, такъ точно и государь представлялъ собой лице отца цѣлаго народа. Власть отца всегда была неограниченна у Славянъ, даже въ самой Польшѣ, во время, такъ называемой, Рѣчи посполитой. Еще въ XIII, XIV и даже XV-мъ вѣкахъ находимъ, что, не смотря на безпрестанно усиливавшееся, по примѣру Нѣмцевъ, ограниченіе власти государя Польскаго, онъ имѣлъ право не только раздавать земли, но даже и власть надъ лицемъ каждаго, которое могъ сдѣлать свободнымъ и дать ему позволеніе торговать и заработывать, безъ чего никто не смѣлъ ни чѣмъ промышлять, и за что обязанъ былъ платить ему дань или оброчное. Когда власть королей Ягайловскаго дома сильно ослабѣла, то Польское дворянство, всѣми мѣрами заботилось томъ, чтобы получить отъ королей утвержденіе за собой беззапретнаго обладанія собственностью своей. Это больше всего безпокоило и тревожило ихъ, на это оно больше всего жаловалось и нарекало въ царствованіе Казиміра Ягайлова и Сигизмунда Стараго, и, напослѣдокъ, объ этомъ-то сколько жалѣли въ *кокошью* войну. Государи давали подданнымъ своимъ право судить каждаго просполюдина, обитающаго на землѣ, подаренной имъ. Безъ позволенія государя никто не могъ заниматься ремесломъ, быть мясникомъ, хлѣбникомъ, суконникомъ или сапожникомъ, продавать свои произведенія, не получивъ на то особенной привилегіи и не платя за нее ежегодной дани. Можно ли же, потому, требовать еще очевидитѣйшихъ доказательствъ въ пользу самодержавія во вре-

отдѣльнаго государя, лишь бы только избраніе происходило съ вѣдѣнія и согласія владѣтеля и чиновъ другаго государства. г) Что на этомъ съѣздѣ при-

---

мя старыхъ государей Польскихъ? И могъ ли этотъ народъ, имѣя когда-либо народное правленіе, дойти до того, чтобы не только право раздавать какую бы то ни было землю, принадлежало одному лишь государю, но также не льзя было ни одному подданному, безъ его согласія и подачи, промышлять трудомъ и продавать свои произведенія? Точно также, кажется, и въ Чехіи право раздавать земскую собственность принадлежало королю. Вацлавъ или Вячеславъ пытался было, въ концѣ XIII-го вѣка, отнять у сильныхъ вельможъ имѣнія, которыя они почитали уже своей собственностью, но противъ него составился заговоръ и онъ попалъ въ плѣнъ. Очень хорошо замѣчаетъ Устряловъ (Часть I., стран. 293), что Польскіе вельможи, ознакомившись съ основаніями Нѣмецкаго феодолизма, присвоили себѣ огромныя имѣнія, и стремились имѣть въ нихъ тоже самую власть и права, какія имѣли Нѣмецкіе вельможи въ своихъ, то есть, наслѣдственную собственность. Кажется, обычай этотъ проникъ, нѣкогда, и къ нашимъ Галицкимъ боярамъ, начинавшимъ было уже бурлить при потомкахъ Даніила, что такъ понравилось, впослѣдствіи, Литовско-Рускому дворянству. Политикой ихъ было ограничивать власть государя, засматриваясь въ этомъ на ограниченіе власти императорской въ Нѣмецкой землѣ. Одна лишь Восточная Русь сохранила свои Древнеславянскіе обычаи и устройство, хотя и въ нее зараза эта внесена была Глинскими и едва искоренена жестокимъ правленіемъ Ивана Васильевича Грознаго. Не нужно выпускать изъ виду, слѣдя власть государей въ земляхъ Славянскихъ, то мнѣніе глубокаго критика, Венелина, доведенное имъ до вѣроятности, а по мнѣ до несомнѣнности, по которому самодержавный Аттила былъ Рускимъ Славяниномъ, а такъ называемые Гуны—Славянорусами. Онъ никогда бы не могъ получить столь огромной власти и силы въ правленіи народномъ.

существовало только малое число Литовцевъ, перешедшихъ, изъ угожденія Ягайлу, въ Латинскую вѣру, напротивъ, Русскіе бояре и значительная часть Литвы, державшіеся ученія Восточной церкви, не участвовали въ этихъ совѣщаніяхъ, иначе бы они ни какъ не согласились на столь утѣснительныя и поносныя для себя распоряженія. Впослѣдствіи, мы увидимъ, что самые знаменитые бояре Литвы и Руси исповѣдывали еще, свободно и вольно, даже въ XVI и XVII вѣкахъ свою Восточную вѣру. д) Что Ягайло писался только: „Dominus et haeres terrae Russiae", то есть, одной лишь нашей Галиціи, которою владѣлъ, напротивъ Витовтъ, Dominus et haeres „*terrarum* Russiae", то есть, Володоміріи, Подола, Волыни, Витебска, и такъ далѣе. И, наконецъ, е) что, хотя оба эти государства и соединены были одной связью, при всемъ томъ составляли двѣ отдѣльныя державы, и, слѣдуя важнѣйшимъ тайнымъ причинамъ, заключили между собой договоръ, по которому, въ случаѣ смерти Ягайла, имѣвшаго въ то время одну только пятилѣтнюю дочь, Ядвигу, Поляки не должны были призывать на престолъ особы, непріятной Витовту, желавшему видѣть, въ такомъ случаѣ, Польскій вѣнецъ на своей головѣ. Лица, присутствовавшія при этомъ происшествіи и важныя для нашей исторіи, были, епископы: Янъ, архіепископъ Львовскій, Матвѣй Перемышльскій, Михаилъ Кіевскій, Григорій Владимірскій, Сбигнѣвъ Каменецкій (безъ сомнѣнія, такой, какъ нынѣ Варшавскій Русскій); а изъ свѣтскихъ сановниковъ, именно, изъ земель

Рускихъ, то есть, Галиціи, не было ни однаго, за исключеніемъ кастеляна Войницкаго, что, также, составляетъ доказательство въ пользу того, что область эта не была еще тогда слита съ Польшей.

1414—1415.

Составивъ такой сильной союзъ Польши съ Литвой для продолженія войны съ Крестоносцами, Ягайло началъ дѣятельно вооружаться. Но ему предстояло еще одно дѣло. Крестоносцы, опустошая войной Жмудь, зависѣвшую отъ Литвы, вѣчно имѣли въ виду цѣль и причину къ тому, желаніе обратить этихъ идолопоклонниковъ на путь спасенія, а потому опирались въ этомъ на мнѣніе папы и императора Сигизмунда. Ягайло, для удаленія этого препятствія, рѣшился лично, съ избранными помощниками, заняться обращеніемъ Жмуди, бывшей частью языческой, а частью Восточнаго исповѣданія. И такъ, отправился онъ на Жмудь. Тамъ приказалъ онъ погасить языческіе огни и проповѣдывать Римскую вѣру. Обративши, сколько можно было, Жмудь, Ягайло приступилъ, въ 1414-мъ году, къ войнѣ съ Крестоносцами. Не наше дѣло слѣдовать за королемъ-апостоломъ на поле славы въ Прусіи и исчислять его пріобрѣтенія, потому что мы предприняли описывать событія Галицко-Рускія. Мы должны упомянуть только о томъ, что онъ, въ концѣ этого года и началѣ слѣдующаго, 1415-го, прибылъ, черезъ Литву, въ Парчевъ, Сан-

домірѣ, Туховъ, Кросно, Ясло, Ланцутъ, Ярославъ, Перемышль и Львовъ, отпкуда навѣспилъ, послѣ Пасхи, Санокъ, снова воротился въ Львовъ, а изъ него, на Троицкихъ свяшкахъ, проѣхалъ, черезъ Глиняне, Бускъ, Теребовлю, Галичь, Коломію, въ Сняшынъ. Тутъ Александръ, воевода Молдавскій, оскорбившій Угорскаго короля неприсылкой помощи въ войну съ Турками, явился, съ супругой своей, и, въ присутствіи всѣхъ, во второй или пресшій разъ, присягнулъ въ вѣрности Ягайлу, сидѣвшему на престолѣ, далъ угощеніе ему и его придворнымъ, и, обдаривши и обдаренный взаимно, воротился въ Молдавію.

1416.

Въ слѣдующемъ, 1416-мъ году, умерла вторая Ягайлова супруга, Анна, графиня Цилійская. Непріязнь между Крестоносцами съ одной, а Польшей и Литвой съ другой, стороны, продолжалась безпрерывно. Начальникъ Крестоносцевъ снесся, по словамъ хроники, съ Татарами, уговаривая ихъ пустошить Польскія и Литовскія владѣнія въ то самое время, какъ онъ нападетъ на нее. Вслѣдствіе этого соглашенія ворвались Татары въ Кіевское княжество, находившееся подъ покровительствомъ Литвы, которое ограбили, а столичный городъ, Кіевъ, до такой степени разорили осадой своей, что онъ, съ тѣхъ поръ, утратилъ навсегда прежнее свое величіе и великолѣпіе (140).

(140) *Długosz* p. 375.

1417.

Въ 1417-мъ обручился Ягайло со вдовой, Елисаветой Грановской, и вѣнчанъ былъ въ Санокѣ Яномъ Рѣшовскимъ, архіепископомъ Львовскимъ, откуда отправился, съ молодой супругой, въ Львовъ, и потомъ объѣхалъ съ ней разные Галицкіе города. Самую пріятную жизнь провождалъ Ягайло либо у насъ, на Руси, либо въ Литвѣ. Каждый годъ объѣзжалъ онъ тамошнія мѣстечка и села, нерѣдко проживалъ въ нихъ по нѣскольку разъ и бралъ дань, ибо вся почти наша Русь составляла, нѣкоторымъ образомъ, его собственность, и потому платила ему подать, между тѣмъ какъ въ Польшѣ имѣлъ онъ чрезвычайно ограниченные доходы. Изъ этѣхъ имѣній своихъ роздалъ онъ множество Польскому дворянству, умѣвшему пользоваться добротой, или, лучше, слабостью его.

1418.

Въ слѣдующемъ, 1418-мъ году, женился Витовтъ на Юліянѣ, вдовѣ Рускаго князя, Ивана Корачевскаго, происходившей изъ дому князей Голшанскихъ. Въ этомъ году, какъ онъ, такъ равно и Ягайло, удостоились новой чести. Папа, Мартинъ V-й, въ благодарность за ревность этѣхъ государей, особливо Ягайла, при обращеніи Русиновъ къ Римской церкви, назвалъ ихъ обоихъ сво-

ими главными намѣстниками въ Рускихъ земляхъ (Odorici *Raynaldi* Annales ecclesiast. Tomus XVIII, p. 11—12, N. 18-й, 19-й и 20-й). Ягайло заслужилъ эту честь, потому что онъ еще въ 1416-мъ году писалъ на Костницкій соборъ, что, если бы не былъ столько занятъ войнами, то давно бы уже обратилъ Русиновъ (iam diu dictae gentes et aliae de ritu Graecorum ad S. R. ecclesiam rediissent. *Engel.* 619), то есть, если бы онъ не нуждался въ Русинахъ для одержанія побѣды надъ Крестоносцами, то бы ихъ еще больше преслѣдовалъ.

1420.

Въ 1420-мъ году оставила этотъ свѣтъ королева Елисавета, и король заключилъ, въ 1422-мъ, въ четвертый разъ, бракъ, въ Новогородкѣ Волынскомъ, съ Сонкой, дочерью Андрея Ивановича, князя Кіевскаго, Русина, и племянницей Витовта. А какъ она была Греческо-Рускаго исповѣданія, то ее окрестили въ Латинскую вѣру и назвали Софіей (141). Послѣ брака началъ Ягайло войну съ Крестоносцами, продолжавшуюся съ перемѣннымъ счастьемъ. Въ ней онъ начальствовалъ Польскими, Галицкими и Подольскими войсками, а равно и вспомогательными Молдавскими.

---

(141) *Długosz* pag. 446. Filiae Andreae filii Iwanis Ducis Kiioviensis nullam dotem secum laturam accipere induxit. Король женился на двоюродной сестрѣ Витовта, Русинкѣ, дочери Кіевскаго князя. *Bielsky* str. 321.

1424.

Въ 1424-мъ совершилось, въ Краковѣ, великолѣпное вѣнчаніе на престолъ королевы Софіи, въ присутствіи Сигизмунда, короля Римскаго, Эрика Датскаго, и многихъ князей Пястовичей, равно какъ Литовскихъ, Рускихъ (142), и двухъ Прускихъ командоровъ. Эта Русинка, вѣнчанная на Польскій престолъ, была, впослѣдствіи, матерью, бабушкой и прабабушкой, столько любезныхъ Полякамъ, королей Ягайловскаго дома (143).

§. 26.

1426.

Сигизмундъ, король Римскій и Угорскій, занятый, нѣсколько лѣтъ, войной съ Турками, усильно домогался у Ягайла прислать ему помощь, объ-

---

(142) *Dlugosz* pag. 476. Впрочемъ, онъ не называетъ по имени этихъ Рускихъ князей.

(143) Приходится мнѣ теперь еще сказать нѣсколько словъ о происхожденіи этой Русинки, Софіи, королевы Польской. Длугошъ (pag. 442), Кромеръ (pag. 285), Бѣльскій (str. 321), Стрыйковскій (по изданію Богомольца, стран. 520), единогласно называютъ ее Русицкой, дочерью Андрея Ивановича, князя Кіевскаго, а племянницей Витовта. Стрыйковскій даже возстаетъ на утверждающихъ противное, и доказываетъ лѣтописями, что она была не Литовкой, но Русинкой. Это не подлежитъ ни какому сомнѣнію, потому что дѣло это окончательно рѣшаетъ свѣдѣтельство современнаго и осмотрительнаго Длугоша. Однако жь, нѣкоторые изъ

щанную договоромъ. Ягайло медлилъ, сколько могъ, желая тайно, чтобы Сигизмундъ, разбитый Турками, ослабѣлъ; наконецъ, склонился на его желаніе, и приказалъ отправиться въ походъ, въ 1426-мъ

позднѣйшихъ писателей, опираясь на извѣстныхъ, мнимыхъ и ложныхъ, родословныхъ, выдумкахъ о завоеваніи Кіева Гедиминомъ, изгнаніи изъ него Рускаго князя, Станислава, вторичномъ постановленіи своего намѣстника въ этомъ городѣ Ольгердомъ, и послѣдующемъ отданіи его въ удѣлъ одному изъ своихъ сыновей, утверждаютъ, что этотъ Андрей былъ Ольгердовичемъ, Гедиминовичемъ и Литвиномъ, а потому и Софія, рожденная отъ Витовтовой сестры, была, по отцу и матери, Литовкой. Но это, однако же, противорѣчитъ истинѣ. Прежде всего это опровергается свѣдѣтельствомъ современнаго Длугоша, приведеннымъ нами въ примѣчаніи 141-мъ. Во вторыхъ: могла ли сестра Витовта, а дочь Кейстута, выйти замужъ за двоюроднаго брата, сына Ольгердова, особливо, если оба они были Рускаго исповѣданія, потому что у Рускихъ препятствія къ браку еще строже, нежели у Латынянъ? И смѣлъ ли Ягайло жениться на своей племянницѣ, то есть, брашней дочери, безъ разрѣшенія папы? Статочное ли дѣло, чтобы она была до того неизвѣстна ему, своему дядѣ, такому близкому родственнику, что онъ даже отправлялъ пословъ посмотрѣть ее (ad videndam ducissam Soncam Andreae filii Ivanis Kiioviensis ducis. *Długosz* pag. 442)? Напослѣдокъ, если бы этотъ Андрей былъ сыномъ Ольгерда, то, разумѣется, звался бы Ольгердовичемъ, а не Ивановичемъ, потому что имя Иванъ было вовсе неупотребительно въ родѣ Гедимина. Слѣдовательно, остается несомнѣнной исторической истиной, что Сонка, въ Латинской вѣрѣ Софья, была дочерью Рускаго князя, рожденной отъ Литвинки, и что даже въ то время, т. е., *въ 1422-мъ году, были еще Рускіе князья, именно Кіевскіе.* Какъ же

году, пятии тысячамъ человѣкъ дворянъ Руско-Галицкихъ, подъ предводительствомъ Поляка, Яна Кобылинскаго, старосты Саноцкаго. Этотъ отрядъ, послѣ долгаго и труднаго пути дикими и пустын-

---

согласить историческую истину съ завоеваніемъ Литвы и поставленіемъ тамъ Литовскихъ намѣстниковъ? Литовскіе князья, завоевавши Русскіе края, оставляли въ нихъ собственныхъ ихъ испоконныхъ князей при ихъ владѣніяхъ, обязывая ихъ только быть въ зависимости своей, и, можетъ быть, даже платить дань. Они выдавали за нихъ своихъ дочерей или сами женились на ихъ, и, такимъ образомъ, заводили связи, необходимыя для спокойствія государственнаго. Это прямо утверждаютъ прежніе историки, напр., *Длугошъ* и *Кромеръ*. Да оно иначе и быть не могло. Потому что мало побѣдить и завоевать какой бы то ни было край; нужно еще снабдить его охраннымъ войскомъ; а извѣстно, что число небольшаго, чисто Литовскаго, народа было бы недостаточно для удержанія въ послушаніи обширныхъ Русскихъ земель. Эти Русскіе князья добровольно теряли свою власть, привыкая къ зависимости отъ другаго, а послѣ, стѣсненные въ своихъ правахъ, большей частью выселились, либо во владѣнія Москвы, при Александрѣ и Сигизмундѣ Старомъ, корольхъ Польскихъ, либо же вымерли. Я думаю, вопреки увѣренію прочихъ историковъ, что, такъ называемые, Олельковичи, отъ коихъ произошли Слуцкіе князья, были потомки Андрея Ивановича, почему часто ихъ, впослѣдствіи, приглашали на Литовскій престолъ. Въ жилахъ ихъ текла еще, нѣкотор. образомъ, по сестрѣ Витовта, кровь Гедимина; говорю, нѣкоторымъ образомъ, потому что, какъ вскорѣ увидимъ, многочисленный родъ этого Великаго князя началъ упадать. *Энгель* (стр. 30) ошибается, утверждая, что этотъ Андрей Ивановичъ былъ, во время женитьбы Ягайла на его дочери, княземъ Друцкимъ. Энгель основалъ это

ными краями, напослѣдокъ, прибылъ, по условію, подъ Ибраилъ, гдѣ цѣлые два мѣсяца поджидалъ къ себѣ прихода Сигизмунда съ войскомъ, и, какъ это не наступило, воротился домой, совершенно

свое мнѣніе на Стрыйковскомъ (стр. 520); но вѣдь этотъ прямо утверждаетъ, что потомки Андрея должны быть только *впослѣдствіи*, вѣроятно лишь во время Стрыйковскаго, князьями Друцкими? Но и это сомнительно. Равнымъ образомъ ошибается и Стрыйковскій, выводя отъ этого Андрея даже князей Острогскихъ, потому что эти, какъ уже мы достаточно показали выше, происходили прямо отъ Даніила Галицкаго. Приведу еще одно доказательство въ пользу того, что и Андрей Ивановичъ былъ княземъ Рускаго происхожденія, и что, кромѣ его, было, какъ это утверждаетъ и Длугошъ, упомянутый выше, этихъ князей довольно много, присутствовавшихъ при вѣнчаніи на престолъ королевы Софіи въ Краковѣ. Доказательство это есть декретъ или манифестъ Великаго князя Витовта, изданный имъ 1415 г., во всеобщее свѣдѣніе въ краяхъ Рускихъ по случаю низверженія митрополита Фотія и избранія, на его мѣсто, Григорія. Декретъ этотъ находится въ, довольно рѣдкомъ, сочиненіи, изданномъ, въ первый разъ, въ Римѣ, 1734 г., и потомъ въ Почаевѣ, 1759, подъ названіемъ: „Appendix ad specimen Ecclesiae Ruthenae authore Ignatio Kulczynski, pag. 86., и переведенный на Лашинскій языкъ. Четвертая статья его есть слѣдующаго содержанія: „Porro legatis nostris mense Martio in Graeciam expeditis praefiximus terminum redditus eorum, nec non electionis novi Mitropolitae pro festo S. Eliae, deinde eundem terminum prorogavimus ad festum Dormitionis Sanctae Deiparae. Tandem pervenerunt ad nos Disipatus Caesaris, et Gabriel Archimandrita Patriarchae legati, qui rogaverunt nos humillime ut adhuc terminum prorogaremus ad festum S. Philipi Apostoli, donec ipsi redirent in Graeciam et causam Caesari ac Patriarchae ex-

ничего не сдѣлавши. Нѣкоторые изъ Рускаго рыцарства, видя, что король неосмотрительно употребляетъ ихъ на чужія предпріятія, прежде противъ Крестоносцевъ, а нынѣ Турковъ, домогались, чтобы имъ, въ награду за ихъ потери, дано было, согласно съ уставомъ короля Людвика, по пяти гривенъ Польскихъ на копье (человѣка). Ягайло, считая это, справедливое, требованіе, бунтомъ, приказалъ схватить и связать ихъ, а имѣнія и владѣнія ихъ забрать въ свою казну. Только послѣ долгаго времени, и то по предстательству высшаго духовенства и вельможъ Польскихъ, велѣлъ онъ освободить плѣнниковъ изъ темницъ и возвратить имъ отнятое имущество, за исключеніемъ Кроснинскаго войтовства, удержаннаго

---

ponerent. Nos annuentes ipsorum petitioni, concessimus prorogationem termini, quo iam elapso nec tamen praefatis legatis comparentibus, convocavimus ad hanc civitatem *Fratres Nostros Duces Ruthenos* et nostros episcopos ac Archimandritas, cum multo clero, qui in praesenti Synodo elegerunt unanimiter Mitropolitam Kiioviensem ac totius Russiae Gregorium virum religiosissimum.“ Изъ этого можно видѣть, что эти Рускіе князья не были Литовскіе князья, что они владѣли въ своихъ удѣлахъ, признавая Витовта своимъ Великимъ княземъ, что всѣ Рускіе края, за исключеніемъ Великороссіи и нашей Червоной Руси, зависѣли отъ него, а не отъ Польши или Ягайла, что онъ отправлялъ своихъ пословъ къ Греческому императору, и, наоборотъ, такихъ же принималъ у себя, и что, наконецъ, ежели дѣйствительно происходило какое-либо соединеніе въ Городлѣ, 1413, то, разумѣется, цѣлью его было не сліяніе обоихъ государствъ въ одно тѣло, по договоръ для взаимной помощи.

за собой (144). Зимой, 1426 года, отправился король, по обычаю своему, въ свой Липовскій удѣлъ, гдѣ и провелъ цѣлую зиму на охотѣ. Звѣрей, убитыхъ на охотѣ, ежегодно посылалъ онъ въ даръ королевѣ супругѣ, архіепископамъ, епископамъ, Силезскимъ князьямъ, Польскимъ вельможамъ, Краковской капитулѣ, професорамъ Университета и бургомистрамъ города Кракова (145). Такое вниманіе и щедрость пріобрѣтали любовь королю.

Въ этомъ, 1426, году умеръ Земовитъ, князь Мазовецкій, которому, какъ ближайшему наслѣднику Польскаго престола и своему свояку, Ягайло, какъ сказано было выше, въ §. 23-мъ, далъ было, въ замѣнъ его, въ вѣчное владѣніе княжество Бельзское. Но теперь, кажется, Ягайло, не обращая ни какого вниманія на прежнія отношенія, захватилъ это княжество себѣ по смерти Земовита. Владѣя имъ, онъ успѣлъ выжить изъ него Руское дворянство и замѣнить его своимъ, Мазовецкимъ (146).

1429.

Въ 1429 происходилъ въ Луцкѣ, принадлежавшемъ Литвѣ, извѣстный знаменитый съѣздъ Сѣверныхъ государей, на коемъ присутствовали императоръ Сигизмундъ, съ супругой, и Великій князь Витовтъ, съ своимъ совѣтомъ, который, какъ хозяинъ

(144) *Dlugosz* pag. 494. *Kromer* 289.
(145) *Онъ же* стр. 495.
(146) *Онъ же* стр. 496.

и государь этого города, великолѣпно принялъ своихъ гостей (147). Тутъ собралось было множество князей, высшаго духовенства, вельможъ и дворянства Польскаго, Рускаго, Литовскаго, Угорскаго и Чешскаго (148). Императоръ Сигизмундъ прибылъ, на седьмой недѣлѣ послѣ Богоявленія (Septuagesima), гдѣ и имѣлъ съ королемъ и Витовтомъ торжественный въѣздъ верхомъ, и былъ встрѣченъ и привѣтствованъ, какъ верховный государь Христіянскій, епископами Рускимъ, Латинскимъ и Армянскимъ, со всѣмъ духовенствомъ.

Вскорѣ, по прибытіи государей, начались совѣщанія. Императоръ Сигизмундъ, опираясь на договоръ въ Кошицахъ, заключенный 1412-го, приглашалъ

---

(147) Въ продолженіе этого съѣзда, длившагося цѣлыхъ 50 дней, отпускалось, по приказанію Великаго князя, на содержаніе гостей ежедневно по 700 воловъ, 1400 барановъ, по 100 штукъ разнаго рода дичины и по 700 бочекъ меду, кромѣ вина. Такъ, по крайней мѣрѣ, пишетъ *Вагнеръ* (Geschiechte von Lithauen S. 148), коего исторія не что иное есть, какъ извлеченіе изъ *Длугоша* и Польскихъ лѣтописцевъ, и писана совершенно въ ихъ духѣ. Тѣже самые расходы на гостей подтверждаетъ и *Карамзинъ* (стр. 250).

(148) *Коялович* (стр. 126) пишетъ, что на этомъ съѣздѣ было, кромѣ выше исчисленныхъ государей, еще множество князей Имперскихъ, далѣе, Эрикъ, король Датскій, послы императора Греческаго, Ивана Палеолога, Василій, Великій князь Московскій, Борисъ Тверской, Олегъ Рязанскій, Татарскіе ханы, Великій магистръ Прусскій и Ливонскій. Но, чуть ли, отчасти, все это не выдумка.

Ягайла воевать съ нимъ Молдавію и подѣлишься ею, приводя причину, что воевода Молдавскій не помогалъ ему въ войнѣ противъ Турковъ. Но когда Ягайло, желавшій имѣть всю Молдавію подъ своимъ, хотя бы посредственнымъ, вліяніемъ, увѣрилъ императора, что воевода Молдавскій выполнилъ свой долгъ, явившись съ войскомъ на Дунай и поджидая его два мѣсяца, то Сигизмундъ долженъ былъ отказаться отъ своего предложенія. Другое предложеніе было гораздо важнѣе. Раздѣленіе Латинской церкви двумя папами - соперниками, Констанцкій соборъ, ученіе Виклефа, Яна Гуса и Іеронима Пражскаго, наконецъ, секта Утраквистовъ въ Чехахъ, пробудили въ Европѣ пытливый духъ и поселили въ умахъ не только придержащихъ, но и самаго народа, желаніе преобразовать духовенство, исправить все, что отъ времени и невниманія перешло за свои предѣлы въ вѣроученіи и управленіи церкви. Констанцкій соборъ положилъ, въ тридцать девятомъ засѣданіи своемъ, 9-го Октября, 1417 года, созвать снова всеобщій соборъ для преобразованія церкви, именно по истеченіи пяти лѣтъ послѣ Констанцкаго. Новоизбранный папа, Мартинъ V-й, подтвердилъ это распоряженіе, 9-го Апрѣля, 1418 года, и даже назначилъ, съ согласія отцевъ собора и Сигизмунда, самое мѣсто будущаго собора, то есть, городъ Павію (149). Уже одиннадцать лѣтъ прошло по-

149) *Heinrich's* Deutsche Reichsgeschichte, 86 Band, S. 306.

съ Костницкаго собора, а папа все откладывалъ, подъ разнымъ предлогомъ, созваніе новаго собора. Сигизмундъ чрезвычайно нуждался въ немъ. Онъ надѣялся будущимъ преобразованіемъ и согласіемъ на нѣкоторыя требованія Гусситовъ успокоить ихъ (Гусситовъ), которые, сражаясь съ неописаннымъ мужествомъ, лишили его Чешскаго королевства. И хотя они, впослѣдствіи, опять признали его своимъ государемъ, однако подъ тѣмъ только условіемъ, ежели онъ и Угры примутъ ученіе Гуса (150). Сигизмундъ отвергъ это предложеніе, сославшись, однако же, въ головѣ своей мысль, не льзя ли какъ соединить Гусситовъ и Славянъ Греческаго исповѣданія, коихъ находилось чрезвычайное множество въ краяхъ, бывшихъ подъ его правленіемъ, съ церковію Римской посредствомъ будущаго преобразованія, и тѣмъ, теперь и навсегда, успокоить Вселенскую Христіянскую церковь. Но встрѣтивши препятствіе въ папѣ своимъ намѣреніямъ, императоръ рѣшился склонить на свою сторону Ягайла и Витовта, какъ владѣтелей обширныхъ странъ. Онъ былъ увѣренъ, что, если бъ этѣмъ обоимъ и ему удалось осуществить преобразованіе въ своихъ государствахъ, то всѣ препятствія, представляемыя папой, непремѣнно должны кончиться ничѣмъ. Съ этой цѣлью объявилъ онъ Ягайлу и Витов-

(150) *Heinrich's* Deutsche Reichsgeschichte. 86 Band, S. 361.

шу. „Я настоиваю на папу созвать соборъ для успокоенія и умиренія Чеховъ, равно какъ и преобразованія церкви. Я явлюсь туда, если только папа согласится на оный; а ежели нѣтъ, то самъ, властію, данною мнѣ, созову этотъ соборъ. Намъ не должно пренебрегать соединеніемъ съ Греками, какъ исповѣдующими одну и туже съ нами вѣру, и отличающимися отъ насъ только однѣми бородами и женами. Этого не льзя ставить имъ въ порокъ, потому что Греческіе священники довольствуются одной женой, напротивъ того Латинскіе имѣютъ ихъ по десяти и болѣе (151).“ Польскіе историки оставили потомство въ невѣдѣніи насчетъ мнѣнія дворовъ Польскаго и Литовскаго объ этомъ дѣлѣ, не скрывая, однако же, что Русины, исповѣдающіе эту вѣру, а, можетъ быть, и самый Витовтъ и его Литовцы, бывшіе тоже, нѣкогда, Греко-Руской церкви, равно какъ и Чехи, съ восхищеніемъ приняли намѣреніе Сигизмунда и осыпали его похвалами. Не такъ поступило Польское духовенство, вполнѣ преданное папскому престолу. Сбигнѣвъ Олесницкій, епископъ Краковскій, поспѣшилъ увѣдомить папу о намѣ-

(151) Solicito summum Pontificem, ut Concilium pro reductione Bohemorum et reformatione ecclesiae faciat, iturus ad illum si consenserit, si dissenserit authoritate mea illud congregaturus. Nec reductioni Graecorum intendere expedit, cum unam fidem nobiscum profiteantur, barbis duntaxat et uxoribus a nobis secreti sunt. Id tamen illis vitio non est, una enim uxore Graecorum Praesbyteri contenti sunt, Latini decem et amplius tenent. *Dlugosius* pag. 515.

реніяхъ и образѣ мыслей Сигизмунда, и потому Мартинъ V-й старался, всѣми силами, воспрепятствовать замысламъ императора. Ученіе Гусситовъ нашло отголосокъ и послѣдователей не только между Русинами и Литовцами, какъ Греческаго исповѣданія, такъ равно и перешедшими, изъ угожденія своимъ государямъ, къ Римскому, но также и между самыми Поляками. Литовцы, Русины и множество Поляковъ сопровождали Сигизмунда Корибутовича, потомка Ягайлова, въ Прагу на королевскій престолъ, предложенный ему отщепившимися Чехами. Тамъ, среди горнила Гусситскаго ученія, одни напоили себя мнѣніями, господствовавшими въ то время въ Чехахъ, а другіе, то есть, Русины и Литовцы, исповѣдающіе Греческую вѣру, нашли въ ученіи Чеховъ гораздо больше сходства съ своимъ вѣроисповѣданіемъ, нежели въ Римскомъ. Огусситившіеся Поляки до того простерли свою дерзость и неуваженіе къ Римской вѣрѣ, что даже ограбили Ченстоховскій монастырь и наругались надъ святынней. Между ними находился и Рускій князь, Федоръ, названный Длугошемъ (стр. 544) „Fridericus Russiae dux.“ Впослѣдствіи, огусситившіеся Поляки и Чехи, предводимые упомянутымъ Сигизмундомъ Корибутовичемъ, повторили это святотатство и на Кармезіянскомъ монастырѣ, называемомъ Лехница, и лежащемъ на Дунаѣ (152).—

(152) *Długosz* pag. 576.

Третье предложеніе императора Сигизмунда было, чтобы Витовтъ, Великій князь Литовскій, принялъ, предлогаемый имъ, королевскій вѣнецъ, на что склонялся, добродушно, и король Ягайло. Но Польскіе вельможи, особенно Латинское духовенство, дѣлало, прямо и стороной, разныя запрудненія. Папа Мартинъ, побуждаемый представленіями этого духовенства, и, желая воспрепятствовать замысламъ Сигизмунда, котораго и боялся и ненавидѣлъ, писалъ, какъ къ императору, такъ и самому Витовту, возбраняя послѣднему принимать титло короля. Поляки перехватили императорскихъ пословъ, отправленныхъ съ короной въ Литву; но, кажется, всѣ эти пронырства не могли бы заставить Витовта отказаться отъ своего желанія, если бы не воспрепятствовала ему въ томъ глубокая старость его. Она говорила ему, какъ безпотомственному въ мужескомъ полѣ, думать болѣе о вѣчности, нежели о временномъ королевскомъ вѣнцѣ. И, въ самомъ дѣлѣ, смерть постигла его въ слѣдующемъ, 1430, году, Октября 27, и, тѣмъ самымъ, избавила, какъ Римскій престолъ, такъ и Польское духовенство, отъ справедливаго опасенія (153). Говорю отъ спра-

(153) Хвастливые Польскіе лѣтописцы утверждаютъ, что „Veto“ ихъ высшаго духовенства и вельможъ удержало Витовта отъ возложенія на себя вѣнца изъ рукъ императора. Но кто только знакомъ съ современной исторіей, огромнымъ могуществомъ Витовта, кто размышлялъ объ особенныхъ свойствахъ этого вели-

ведливаго опасенія, потому что, если бы Витовтъ имѣлъ потомство, принялъ вѣнецъ и отступилъ отъ слабаго союза съ Польшей, то ему, бывшему въ жизни своей, смотря, какъ того обстоятельства требовали, разъ Рускаго, а другой разъ, Латинскаго, исповѣданія, и считавшему въ то время между своими подданными только кое-гдѣ Латынника, и то лишь новообращеннаго, ничего больше не оставалось, какъ только, держась исповѣданія многочисленнаго своего народа, соединить всѣхъ Русиновъ подъ своимъ жезломъ, возвеличить могущественное Руско-Литовское государство, и, тѣмъ, рано, поздо, привесть къ паденію слабую Польшу, а вліяніе Рима на Сѣверныхъ Славянъ совершенно уничтожить.

Не извѣстно, какіе были другіе договоры и условія на этомъ съѣздѣ. Кажется, король Польскій обѣщалъ дать помощь войскомъ противъ Турковъ. А какъ онъ ее не прислалъ, то и императоръ не посмѣлъ вступить въ сраженіе съ Султаномъ Амурашомъ, но заключилъ съ нимъ миръ (154).

Я долженъ обратить тутъ вниманіе читателя на слѣдующій параграфъ и просить его особенно заняться имъ. Событія, которыя предстоитъ описать

каго, въ свое время, богатыря, можетъ ли повѣрить, чтобы нѣсколько дворянъ и духовныхъ чужаго края удержали его отъ своего намѣренія?

(154) *Gebhardi* 52 Band, S. 56.

мнѣ, однѣ за другими, въ этомъ §., бросаютъ надлежащій свѣтъ на современное отношеніе Польши, Литвы и Руси между собой, и показываютъ намъ, что положеніе дѣлъ въ то время было совершенно въ иномъ видѣ, нежели въ какомъ обыкновенно представляютъ ихъ до сихъ поръ.

§. 27.

1430.

Лишь только умеръ Витовтъ, Литовскіе и Рускіе бояре, не обращая вниманія на пребываніе Польскаго короля въ Литвѣ, собрались для провозглашенія новаго Великаго князя. Слѣдуя порядку наслѣдства, господствовавшему въ Литвѣ, Великокняжескій престолъ принадлежалъ Ягайлу, какъ старѣйшему изъ потомковъ Гедимина; но, какъ онъ принялъ чужой, Польскій, вѣнецъ, и, тѣмъ самымъ, отчуждилъ себя, то и рѣшено было предложить оный старшему по немъ, т. е., брату его, Свидригайлу, тѣмъ болѣе, что онъ исповѣдывалъ вѣру Рускую, хотя и былъ, когда-то, перекрещенъ въ Краковѣ (155). А потому, всѣ Литов-

(155) (Свидригайло) Multorum sibi animos conciliaverat, Ruthenorum singularius, in quorum ritum licet esset Romanae religionis princeps (да, принялъ было ее, но послѣ отказался!) ferebatur inclinatior. In Vithoudi ducis morte etsi nonnulli vultu simularent in prospectu tristitiam, multi tamen et praesertim Ruthe-ni laetabantur nimium, sperantes sibi, et sectae suae shismaticae meliora, rerum permutatione et Switrigelli successione cui magnum Lithvaniae destinabant principatum, preventura. *Dlu-*

цы и Русины, оставивъ короля Польскаго въ сторонѣ, отправились къ Свидригайлу, Льву, Болеславу, возвели его на Великокняжескій престолъ, и, отъ его имени и по его повелѣнію, заняли войскомъ важнѣйшія крѣпости въ Литвѣ и Руси.

Свидригайло тотчасъ по вступленіи на Великокняжескій престолъ сталъ выговаривать Ягайлу, бывшему въ Вильнѣ съ своими совѣтниками, за его прежнее безчеловѣчное обхожденіе съ нимъ, и требовалъ возвращенія нѣкоторыхъ крѣпостей, находившихся на границѣ Подола и занятыхъ Польскимъ войскомъ. Напротивъ, Польскіе совѣтники, желавшіе видѣть Литву Польской областью, своей богатой добычей, и радовавшіеся внутренно, что могутъ получить, подъ пра-

---

gosz pag. 558, 559. *Стрыйковскій* (стр. 536) описываетъ даже какъ бы нѣкотораго рода избраніе Великаго князя. Но этому не льзя повѣрить. Точно, въ его время были въ обычаѣ выборы въ Польшѣ; но въ Литвѣ никто еще въ 1430 г., не мечталъ объ нихъ. Собравшіеся бояре признали единогласно Свидригайла, какъ старшаго въ царствующемъ домѣ, своимъ государемъ, не обращая ни какого вниманія на Ягайла, случившагося тутъ, потому что онъ былъ имъ уже чужимъ, Польскимъ, королемъ. Отсюда, также, открывается, что и извѣстный договоръ Ягайла съ Витовтомъ, по которому, въ случаѣ смерти одного изъ нихъ, другой обязывался тотчасъ занять его мѣсто, выдуманъ позднѣйшими Польскими лѣтописцами, потому что когда Витовтъ скончался, не оставивъ послѣ себя мужескаго потомства, то Литовцы и Русины признали своимъ государемъ не Ягайла, но Свидригайла,

вленіемъ слабаго короля, такія же староства, замки и деревни и въ Литвѣ, какія получили уже, большею частью, въ Червоной Руси, непріязненно смотрѣли на вступленіе на Великокняжескій престолъ Свидригайла, побуждали короля присоединить Литву къ Польшѣ, и посѣвали сѣмена раздора и несогласія между королемъ и его братомъ. Особенно этѣмъ отличилось Польско-Латинское духовенство, боявшееся лишиться не только выгодъ, доставляемыхъ ему обращеніемъ въ Католичество, но также и богатыхъ епископій. Впрочемъ, Свидригайло взялъ надлежащія мѣры, не спускалъ противниковъ съ своего глаза, и, перехватывая переписку, которую вели они съ Польшей, зналъ подробно о всѣхъ замыслахъ корыстолюбивыхъ вельможъ и прелатовъ Польскихъ, окружавшихъ короля. Не смотря, однако же, на этѣ пронырства Поляковъ и ссору вѣнчанныхъ братьевъ, дѣло приближалось къ своему концу, какъ вдругъ Свидригайлу донесли, что Поляки, получившіе въ нашей Червоной Руси земли и разныя достоинства отъ короля, узнавъ о смерти Витовта, захватили, измѣннническимъ образомъ, главнаго начальника крѣпости Каменьца, родомъ Литвина, овладѣли и присвоили себѣ ее и другіе замки Подола, въ коихъ находилась Литовская и Руская стража. Этотъ коварный и насильственный поступокъ Польскихъ вельможъ сильно возмутилъ не только Великаго князя, но и весь Руско-Литовскій народъ, считавшій Подолъ своей, а не Польской, собственностью, а потому онъ объявилъ, что до тѣхъ поръ не выпуститъ

изъ Вильны короля и его совѣта, пока не возвратятъ ему земли Подольской и замковъ, Каменца, Смошрича, Скалапа и Червоногорода, причемъ не скупился на колкія выраженія и угрозы. Находясь въ такомъ положеніи, Польскіе вельможи и стража ихъ, бывшая при королѣ, поклялись убить тайно Великаго князя, когда онъ придетъ къ ихъ королю, а равно и всѣхъ, окружающихъ его, овладѣть Виленскимъ замкомъ, въ коемъ, истребивъ Литовцевъ, защищаться до тѣхъ поръ, пока не подойдетъ къ нимъ, для выручки, войско изъ Польши. Они старались, также, склонить къ своему замыслу и самаго короля, увѣряя его, что Великій князь сбирается, какъ его, такъ и всѣхъ ихъ, лишить жизни; но Ягайло, угрызаемый совѣстью за смерть дяди, не хотѣлъ обагрить рукъ своихъ еще и братней кровью, ненавидя, подъ старость, насильственныхъ мѣръ, и, какъ говоритъ Длугошъ, благопріятствуя больше своему дому и Литвѣ, нежели Польскому королевству (156). По этому, рѣшась возвратить Великому князю Подольскую землю, послалъ письменное приказаніе Михайлу Бучацкому, захватившему Каменецъ и засѣвшему въ немъ съ войскомъ, тотчасъ, безъ замедленія, сдать Рускому воеводѣ (duci), Михайлу Бабѣ,

---

(156) Plus sibi (т. е., брату Свидригайлу) et ducatui Litvaniae de terra quam proprio regno favebat. *Dlugosz* pag. 564.

эту крѣпость, равно какъ и весь Подолъ, и оставивши ихъ съ своей стражей (157).

Этотъ поступокъ, во всемъ согласный съ справедливостью и спокойствіемъ, не удовлетворялъ Польскихъ вельможъ и ихъ высшее духовенство. Чтобы уничтожить его, они написали письмо къ, земляку своему, Бучацкому, въ которомъ представляли ему положеніе дѣла и совѣтовали, не только не отдавать Подола, но еще захватить, какъ самаго королевскаго посла, Тарла, такъ и Рускаго полководца, Михайла Бабу, отправленнаго Великимъ княземъ для занятія крѣпости. А какъ при той осторожности, которую наблюдалъ Великій князь, Свидригайло, было опасно посылать письмо, то они спрятали его въ восковой свѣчѣ, и отправили съ, подкупленнымъ

---

(157) Что Подолъ и окрестности Смотрича принадлежали, во время Витовта, Литвѣ, а не Польшѣ, доказательствомъ тому служитъ документъ 1430 года, подлинникъ коего находится у графа Ивана Тарновскаго, въ Диковѣ, и есть слѣдующаго содержанія: „Мы великій князь Витовтъ дали есмо сію нашу грамоту Бедриху што держитъ ѿ насъ двѣ селищи ѡдно Сболочинчи, а другое Верхъ Волванця оу Смотрицкой волости, на тыи двѣ селища записали есмо ему сею нашею грамотою шестьдесятъ копъ Подольскими полугрошники. Колижъ быхомъ хотѣли тыи двѣ селищи любо сами оузяти оу него, или кому приволили быхомъ выкупити, и тогды имѣемо дати ему за тыи двѣ селищи шестьдесятъ копъ тую Подольскими полугрошники по той личбѣ, какъ оу Подольи идетъ. А писана оу Туренску въ Володомерьскомъ Февраля оу ѯа҃ дн҃ь индикта оу з.

мальчикомъ, слугой королевскаго посла, Тарла, поручивши сказать Бучацкому „поискать свѣта въ свѣчѣ.“ Бучацкій, получивши письмо, исполнилъ желаніе вельможъ, т. е., схватилъ вѣрнаго королевскаго слугу, Тарла, и вождя Бабу (158), и, этимъ, удержалъ за ними еще на нѣкоторое время Подолъ.

Положеніе короля, въ которомъ онъ находился въ Литвѣ, произвело впечатлѣніе не только въ Польшѣ, но и въ самомъ Римѣ. Папа Мартинъ V-й, сильно пораженъ былъ тѣмъ, что король правовѣрный, послушный, благопріятствующій духовенству и ревностный апостолъ въ обращеніи отщепенцевъ, находился въ заключеніи еретика и отступника. Онъ писалъ о немъ къ Свидригайлу, императору Сигизмунду, и, можетъ быть, рѣшился бы даже поднять самый крестовой походъ на Литву и Русь, если бы Свидригайло, довольный уступчивостью короля и приказаніемъ его возвратить Подолъ, не освободилъ его изъ Вильны и не позволилъ безпрепятственно отправиться домой (159).

---

(158) Этотъ Тарло былъ потомокъ одного изъ тѣхъ Повисланскихъ Русиновъ, который, въ 1351 г., какъ сказано было выше, въ §. 14, благопріятствуя своему Рускому народу, указалъ бродъ на Вислѣ для переправы Литовцамъ и Русинамъ въ Польшу.

(159) *Dlugosz* str. 560 — 572. *Bielski* str. 335. Ваповскій, а за нимъ и Бѣльскій, пишутъ, что Ягайло ушелъ изъ Литвы на разставленныхъ лошадяхъ; но Длугошъ, современникъ этому происшествію, не упоминаетъ о томъ. Свидригайло самъ освободилъ короля, который, можетъ быть, и увезенъ былъ, потомъ, на подставныхъ лошадяхъ своими вельможами, боявшимися, чтобы не открылось коварство ихъ насчетъ Подола.

1431.

Выпущенный на волю и, за согласіе свое возвратить Подолъ, обдаренный съ окружающими его, золотомъ, серебромъ и драгоцѣнными мѣхами, Ягайло воротился въ Польскую землю, въ началѣ 1431 года, и только тогда Свидригайло замѣтилъ, что его обманули насчетъ Подола, что король и его вельможи дары и драгоцѣнности взяли, а Подолъ удержали. А потому онъ немедленно отправился съ войскомъ своимъ на Подолъ, гдѣ одинъ отрядъ послалъ для осады Смотрича, а другой, усиленный стражей, находившейся въ Збаражѣ, Олескѣ и Кременцѣ, принадлежавшихъ къ Подолу и имѣвшихъ Руско-Литовскій гарнизонъ, въ землю Львовскую и Теребовльскую, т. е., Червоную Русь, оспаривавшуюся подъ Польскимъ ярмомъ, причинилъ значительный вредъ и овладѣлъ большей добычей, но отъ осады Смотрича долженъ былъ отказаться. Въ то время, какъ Свидригайло воевалъ, король, съ своими вельможами, держалъ совѣтъ въ Сандомірѣ, какъ бы смягчить Свидригайла, или даже покорить. Король писалъ къ нему, но напрасно; а потому, не имѣя наготовѣ ни какихъ средствъ противъ него, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, зная, что Русины чрезвычайно любили его (160), рѣшился, съ общаго согласія, воевать съ нимъ въ слѣдующее лѣто. Желая воротить назадъ Луцкъ, Ягайло принялся за дѣло

(160) Quod a Ruthenis miro diligibatur affectu. *Długosz* pag. 573.

осторожно: онъ изыскивалъ средства, не удастся ли ему, какъ-нибудь, обмануть своего противника и получить отъ того какую-либо выгоду. Съ этой цѣлью отправлено было посольство въ Литву изъ двухъ епископовъ и столько же воеводъ, которымъ поручено было требовать возвращенія Луцка и всего завоеваннаго на Подолѣ, равно какъ и предложить съѣхаться Свидригайлу съ королемъ гдѣ-нибудь въ назначенномъ мѣстѣ и переговорить насчетъ Великаго княжества Литовскаго. Великій князь, отвѣчая на это предложенія, сказалъ, что онъ никому не уступитъ Луцка и Подольскихъ замковъ, какъ своей собственности; а что касается Великаго княжества Литовскаго, то онъ владѣетъ имъ по праву естественнаго наслѣдства, потому что братъ его, Ягайло, принялъ чужой вѣнецъ, стало быть и не приходится ему толковать теперь о Рускомъ; въ заключеніе же велѣлъ сказать, что онъ пришлетъ съ своимъ посломъ еще обстоятельнѣйшій отвѣтъ королю, и съ этимъ немедленно отпустилъ въ Польшу епископовъ и воеводъ. Въ Польшѣ ждали довольно долго посла, и, наконецъ, послали какого-то Яна Люшка изъ Бржезя (Береза) королевскаго писаря, чтобы онъ напомнилъ Великому Литовскому князю его обѣщаніе, но Свидригайло, давши этому послу пощечину, отослалъ его съ безчестіемъ домой (161).

Король оставилъ Краковъ послѣ Св. пасхи и

(161) *Dlugosz* pag. 573, 574. *Bielski* 336.

остановился въ воскресенье, называемое Jubilatum, въ Бичѣ, и потчасъ, по совѣту своихъ вельможъ, приказалъ кличь кликать по всей Польшѣ въ походъ противу Луцка, города, въ то время значительнаго, потому что въ немъ могли помѣщаться, во время съѣзда, дворы, какъ мы сказали выше, столь многихъ государей, а вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ и хорошо укрѣпленъ. Когда король находился въ Бичѣ, то, наконецъ, прибылъ къ нему, обѣщанный Свидригайломъ, посолъ, одинъ знаменитый Русинъ какъ своимъ происхожденіемъ, такъ равно и опытностью въ дѣлахъ дипломатическихъ, извѣстный подъ именемъ „Красный Василь“. Ему поручено было сказать устно въ отвѣтъ на королевское предложеніе, сдѣланное черезъ упомянутыхъ выше прелатовъ и воеводъ, „что Великій князь, Свидригайло, никому не уступитъ Луцка и своихъ Подольскихъ замковъ, и притомъ требуетъ воротить ему Каменецъ, захваченный измѣнническѣ, равно какъ и остальную часть Подольской земли. Если все это будетъ сдѣлано, тогда Великій князь не прочь отъ съѣзда съ королемъ для взаимныхъ совѣщаній и заключенія съ нимъ соседственнаго союза; но если города и замки, несправедливо присвоенные себѣ Польшей, не возвратятся ему, тогда совсѣмъ ненужно ни какихъ свиданій, какъ лишнихъ, отягощительныхъ безъ всякой цѣли. Туда же, въ Бичь, явились и два командора ордена Прускихъ Крестоносцевъ, совѣтовавшихъ королю заключить договоръ и приличный миръ съ братомъ своимъ, Ве-

лцкимъ княземъ, и предлогавшихъ посредничество и bona officia своего ордена въ этомъ дѣлѣ. Ягайло съ признательностію принялъ это дружеское вмѣшательство ордена Крестоносцевъ, обѣщалъ начать мирные переговоры, и, видя, съ одной стороны, справедливость требованій брата, а обманъ, жадность и происки Польскихъ вельможъ, и, съ другой, лишенный всякаго вліянія въ своихъ престарѣлыхъ лѣтахъ и безсильный противиться посягательствамъ оныхъ, просилъ тайно Крестоносцевъ помогать, въ случаѣ войны, брату его, Великому князю, Свидригайлу, (162). Между тѣмъ, Польскіе вельможи, надѣясь получить земли и добычу, спѣшили походомъ. Король отправился изъ Бича въ Городло, гдѣ собрались къ нему Малопольскія войска съ своими пушками и военными припасами; тутъ онъ письменно объявилъ войну, которая, такимъ образомъ, и началась, прежде всего, частными набѣгами и стычками.

Какой-то Грыцько Кырдіёвичь, родомъ изъ Червоной Руси, державшійся Польской и королевской стороны, сошедшись съ Рускимъ княземъ, Сенькомъ, сыномъ Романа, разбилъ его войско и положилъ самаго Сенька на мѣстѣ (163). Начальники Владиміра и Збаража, оставили этѣ города съ своимъ Руско-Литовскимъ гарнизономъ и сожгли ихъ, а всѣ

---

(162) *Dlugosz* pag. 580 Sq.

(163) Грыцко Кырдіёвичь былъ человѣкъ низкаго про-

обитатели смежной, Луцкой и Владимірской, земли, удалились, по обычаю Рускому, съ скотомъ и имуществомъ своимъ, въ глубину края. Они тоже сожгли свои жилища, и, такимъ образомъ, оставили, приближающемуся Польскому войску, одну лишь пустую и голую степь.

21-го Іюня король перешелъ границу съ своей главной и значительной Польской арміей, и, переправившись, подъ Городломъ, черезъ Бугъ, вступилъ въ непріятельскій край, гдѣ и раскинулъ станъ свой подъ Устилугомъ. Передніе отряды часто встрѣчались и имѣли стычки съ Русью и Литовскими Татарами, коими, по всему вѣроятію, были поражаемы и возвращались къ главному войску, а по увѣреніямъ Польскихъ лѣтописей, т. е., Длугоша и Бѣльскаго (164), напротивъ того всюду били Русиновъ и оставались побѣдителями. Король, которому эта война вовсе не нравилась, еще разъ отправилъ къ Свидригайлу двухъ каштеляновъ, предлагая ему выгодный миръ; но

исхожденія, родомъ Русинъ, но храбрый и мужественный. Людвикъ, король Угорскій и Польскій, наградилъ его заслуги дворянствомъ, и далъ ему гербъ Кырдіёва (*Бѣльскій* стр. 335). Онъ, равно какъ попомъ и Ягайло, ввѣрили ему важное начальство надъ войсками. За это Грыцько питалъ къ своимъ государямъ чувство особенной благодарности и былъ вполнѣ преданъ имъ во всѣхъ случаяхъ жизни. Князь Сенько Романовичь происходилъ также отъ Русскихъ князей, сражался подъ Руско-Литовскими знаменами Свидригайла, и палъ, защищая свое отечество отъ Поляковъ. Я очень увѣренъ, что онъ былъ изъ того княжескаго дома, отъ котораго происходятъ Сангушки.

(164) *Bielski* str. 337.

какъ эпѣ, желавшіе войны, представляли, вопреки королевской воли, жестокія условія, що, попому, и были отправлены назадъ ни съ чѣмъ, и дѣло пришлось рѣшить оружіемъ. Въ это время Сбигнѣвъ Олесницкій, епископъ Краковскій, бывшій душей Польскаго совѣта и самымъ пламеннымъ виновникомъ этой войны, съ цѣлью истребить еретиковъ, благословивши собранную армію и оставивши опытнаго въ дѣлахъ на своемъ мѣстѣ, Сандомирскаго викарія, Држевецкаго (Деревецкаго), для управленія волей короля, самъ воротился въ Краковъ.

Польскія войска овладѣли остатками города Владиміра, уцѣлѣвшими отъ пожара, равно какъ такогоже рода нѣсколькими селами, которыя, съ своей стороны, обратили въ прахъ, далѣе, взяли три небольшіе острова и лѣсъ, находившійся среди непроступныхъ болотъ, куда скрылась горсть Русиновъ съ своимъ семействомъ и скотомъ, коихъ всѣхъ и отвели въ полонъ. А чтобы раздѣлить имѣнія Русиновъ, король даровалъ всю занятую имъ, Владимірскую землю внуку своему, по сестрѣ, князю Федюшку, исповѣдывавшему Рускую православную вѣру, приказалъ написать грамоту объ этомъ и объявить всюду, что, однако же, не произвело ни какого дѣйствія и впечатлѣнія на Руси. Въ награду за Владимірскую землю, которой Федюшко не получилъ, данъ былъ ему, для его содержанія, Жидачевскій уѣздъ въ нашей Галицкой Руси.

Изъ Владиміра король двинулъ станъ свой далѣе къ Луцку; между нимъ подоспѣло къ нему

и вспомогательное Великопольское войско, равно какъ и послы Свидригайла, Конспантинъ и Седиборъ; но какъ предложенія ихъ были слишкомъ унизительны для Польши, то ихъ и не приняли. Войска двинулись къ Стырѣ, и произошла стычка подъ Луцкомъ, въ которой Русины были отражены, и, потому, принуждены, отступить, а Свидригайло ввѣрилъ начальство надъ этой крѣпостью храброму вождю, Юрку, родомъ Русину. Поляки предложили ему сдаться, но онъ отвергъ ихъ требованіе, почему городъ, бывшій до того великолѣпнымъ, сожженъ, и, за тѣмъ, приступлено, 5 Августа, къ тѣсной осадѣ крѣпости. Когда Поляки осаждали Луцкъ, то одинъ отрядъ Рускаго войска зашелъ имъ въ тылъ и вторгся въ Бельзскую землю, которая, какъ мы уже выше сказали, заселена была, по большей части, Мазовецкимъ дворянствомъ, и, прежде нежели Польское войско, подъ начальствомъ Мазовецкаго князя, Казиміра, и королевскаго Рускаго старосты, Яна Мужика изъ Дубровы, успѣло догнать его, опустошилъ всю окрестность, сжегъ Бужскъ и воротился домой съ значительной добычей (165). Польскій отрядъ, пришедши въ Бельзскую землю и не нашедши въ ней уже непріятеля

(165) Русины, по словамъ *Бѣльскаго* (стр. 388), были разбиты въ землѣ Бельзской, равно какъ и всюду, на бумагѣ; но Длугошъ, достойный всякаго вѣроятія, ничего о томъ не знаетъ. Этотъ староста Мужикъ былъ вовсе не Русинъ, но Полякъ, управлявшій нашими Рускими краями.

ля, вздумалъ осадить Олесько, въ которомъ начальствовалъ Русинъ, Богданъ Рогатинскій; но, предвидя долгую осаду и сильное сопротивленіе, ни съ чѣмъ воротился къ главному войску. Этотъ Рогатинскій былъ изъ той части Галиціи, которая находилась подъ властію Ягайла, и владѣлъ въ ней значительнымъ имѣніемъ; а когда открылась война, то онъ перешелъ къ Великому князю, Свидригайлу, защищавшему права его народа, и получилъ въ начальство крѣпость Олесько. Король, наказывая отступничество его, взялъ имѣніе его, Рогатинъ, со множествомъ селеній, и даровалъ ихъ, въ вѣчное владѣніе, придворному своему, Поляку, Николаю Поравѣ-Любинскому.

Между тѣмъ осада Луцка продолжалась. Поляки предпринимали нѣсколько приступовъ, но были мужественно отражены. Русины дѣлали частые вылазки не безъ успѣха. Нѣсколько разъ начинались переговоры о прекращеніи войны, но все понапрасну, пока, наконецъ, согласились, 22-го Августа, на слѣдующія условія. Прежде всего положено было остановить военныя дѣйствія, а потомъ назначить, съ той и другой стороны, нѣсколько вельможъ для переговоровъ о мирѣ. Отъ Свидригайла явились Олешко и Василь, князья Рускіе, далѣе Гедыгольдъ и пять другихъ Литовцевъ, которые и приступили къ переговорамъ въ королевскомъ станѣ.

Пока это продолжалось, королевская крѣпость, Рапно, въ коей вся стража состояла изъ Галицкихъ Русиновъ, сдалась Свидригайлу и была сожжена. Ру-

сины врывались въ тылъ Польскаго войска, въ землю Холмскую, и пустошили королевскія имѣнія. Слѣдуя Польскимъ писателямъ, королевское войско напугало ихъ, и даже, будто, Поляки, собравши двѣ тысячи вооруженныхъ, пустились съ ними къ Кременцу, чтобы тоже пустошить Рускую землю. Сдѣсь они, разбивши Кременецкую стражу, составленную изъ Русиновъ и Волоховъ и вышедшую противъ нихъ, подъ начальствомъ Рускихъ князей (duces), Василя и Балабана, захватили множество скота и воротились въ станъ свой, гдѣ подкрѣпили этой добычей голодное войско. Потому что въ станѣ былъ большой недостатокъ въ продовольствіи, а конской падежъ до того свирѣпствовалъ, что Польскіе рыцари, прибывшіе подъ Луцкъ съ такой пышностью на нихъ, принуждены были, по окончаніи войны, возвращаться домой пѣшкомъ.

Переговоры о мирѣ продолжались по прежнему. Свидригайло требовалъ, и получилъ, чтобы договоръ этотъ простирался и на Крестоносцевъ, помогавшихъ ему воевать Великую Польшу, равно какъ и на Волоховъ, участвовавшихъ съ нимъ въ опустошеніи Галиціи. Предварительныя условія предложены были, со стороны Руско-Литовской, Рускими князьями, Юріемъ, Семеномъ, Василемъ, и пятью Литовскими, а со стороны Польской—Польскими вельможами, Сѣдзивоемъ (Sędziwoi), Остророгомъ, воеводой Познанскимъ, и Лаврентьемъ Зарабой (Wawrzinec), каштеляномъ Сѣрадскимъ, коимъ король далъ совершенное полномочіе на счетъ прочихъ условій, лишь

бы только, какъ-нибудь, покончить эту несчастную войну.

Пока это дѣлалось, перемиріе, заключенное съ осажденной крѣпостью, кончилось, и, потому, Польскіе отряды подступили, 28 Августа, подъ ея стѣны, но были встрѣчены ужаснымъ огнемъ и принуждены отступить со страхомъ и урономъ. Они увидѣли, что даже нѣкоторые изъ самыхъ Польскихъ вельможъ подкуплены были Свидригайломъ и помогали осажденнымъ оружіемъ и порохомъ. Въ этой измѣнѣ обвиняли Лаврентья Зарѧбу, кастеляна Сѣрадскаго (166). Король, недовольный этой неудачной войной, поручилъ, наконецъ, начальство надъ войскомъ десяти Польскимъ вельможамъ, бывшимъ въ станѣ и распоряжавшимся и до того всѣмъ больше, нежели онъ самъ. Въ то время, какъ онъ готовился ѣхать, пришла вѣсть, что миръ заключенъ и подписанъ, разумѣется, совершенно согласно съ волей Свидригайла. Осада сняпа была, и войско, прежде конное и спройное, начало отступать, 6, Сентября, 1431, пѣшее и из-

(166) Этотъ Зарѧба (Zaremba) происходилъ, безъ сомнѣнія, отъ того рода, который такъ звѣрски убилъ, вмѣстѣ съ Налѧчами (Naleczami), добраго короля, Премисла, въ 1296 году. Увы! Это событіе не рѣдко повторялось въ Польшѣ. А потому, слова Замойскаго, сказанныя Сигизмунду Третьему, будто каждый король Польскій скончался на своемъ ложѣ, равно какъ и хвастовство позднѣйшихъ Польскихъ писакъ, увѣряющихъ, что „никогда еще Полякъ не обагрялъ рукъ своихъ кровью царской,—чистая ложь. Лешекъ Бѣлый палъ отъ меча Гданскаго старосты, Святополка, которому нашъ Галицкій король, Данiилъ, мстилъ за то, какъ сказано было выше, въ §. 5. Ниже замѣтимъ

пуренное. Король отправилъ вотчасъ Николая Закревскаго, а Свидригайло Русина Чапана, въ Великую Польшу къ войску Крестоносцевъ, завоевавшихъ было цѣликомъ ее, сжегшихъ 24 значитель-

---

мы, что и на жизнь короля Сигизмунда Стараго также посягали. Лучшій изъ Польскихъ государей нѣсколько разъ подвергался лишенію жизни отъ рукъ Градовскаго (*Siarczynski* Obraz wieku Zygmunta III. Tom. I. str. 155) и Зборовскихъ. Онъ уцѣлѣлъ; но погубить его многимъ хотѣлось; скончался на постели, однако отъ яду (*Albertrandi* Dzieie Krolestva Polskiego, str. 149). Пекарскій дважды нанесъ ударъ кинжаломъ въ голову Сигизмунда Третьяго; рана, къ счастію, была несмертельна, но кровь королевская пролилась. Преступникъ осужденъ былъ на жестокую смерть и погибъ подъ пыткой (*Siarczynski* Obraz wieku Zygmunta III. Tom. II. Str. 77.). Равнымъ образомъ, такая же опасность угрожала и другому богатырю, королю Яну III-му, отъ руки злодѣя Верыги Даровскаго, которому присудили, въ 1679 году, отсѣчь обѣ руки и потомъ сжечь его. Кому неизвѣстно посягательство на жизнь Станислава Августа, 1771? Онъ былъ насильно увезенъ, раненъ въ голову, и только чудомъ Провидѣнія спасенъ. Злодѣи: Казиміръ Пулавскій, (который и теперь еще, къ стыду, находитъ сочувствіе у вѣтренниковъ, и котораго въ Славянинѣ, изданномъ въ Львовѣ, 1837, Том. I. стр. 67, выставили намъ богатыремъ, мужемъ славы), Справинскій, Лукавскій, и другіе, осуждены были на поносную смерть, но только два изъ нихъ попали въ руки палача, а прочіе всѣ, главнѣйшіе виновники, спаслись бѣгствомъ (Processus judiciarius in causa horendi criminis Regicidii et caet. Varsoviae, typis S. R. Majestatis, A 1774, fol.). Слѣдовало бы предать вѣчному забвенію преступленія подобнаго рода, если бы хвастливые и неосмотрительные писаки, своими пустыми увѣреніями, не вызывали опытнѣйшихъ показать имъ, какъ мало знаютъ они исторію и дѣянія собственнаго своего народа.

нѣйшіе города и множество селъ, и произведшихъ ужасное опустошеніе (167). Посланные должны были объявить имъ о заключеніи мира, и, слѣдовательно, прекращеніи непріятельскихъ дѣйствій ими, потому что договоръ простирался, по волѣ Великаго князя Литовскаго, и на нихъ, союзниковъ его.

Хотя эта война ограничивалась на Руси только нѣсколькими квадратными милями, однако она ведена была съ рѣдкимъ ожесточеніемъ и упорствомъ. Русины всюду истребляли Латинское духовенство, на пр., пять Доминиканцевъ умерло позорной смертью въ Луцкѣ, а по заключеніи мира народъ сжегъ всѣ Латинскія церкви, какъ въ немъ, такъ и въ другихъ своихъ краяхъ, и лишилъ жизни священниковъ, неуспѣвшихъ спастись бѣгствомъ (168).

Ни одинъ изъ Польскихъ лѣтописцевъ не упоминаетъ намъ, обстоятельно, объ условіяхъ этого мира, какъ унизительнаго для Польши. Мы только видимъ, что Свидригайло сказывалъ его, и получилъ все, чего желалъ. За собой онъ удержалъ Великое княжество Литовское, всю Владимірскую Русь, Подолъ, а изъ Галиціи освобождены были: Збаражъ и Олесько, и, можетъ быть, еще болѣе. Съ другой стороны, земля Холмская и Бельзская опустошены были Русинами, Великая Польша — Кре-

(167) *Bielski* str. 339.

(168) *Długosz* pag. 580—592. *Kromer* pag. 298—301. *Koiałowicz* pag. 148—150. *Stryikowski* str. 542 a 543.

стоносцами, а Галиція, т. е., земли Снятинская и Галицкая — Александромъ, воеводой Молдавскимъ, уведшимъ съ собой въ плѣнъ безчисленное множество народа, скота и другой добычи изъ Червонной Руси. Потому что Александръ, какъ союзникъ Свидригайла и Русиновъ, однаго съ ними вѣроисповѣданія, считалъ дѣло ихъ своимъ, и отъ того воевалъ съ ними заодно Польшу (169). И хотя Длугошъ пишетъ, будто бы Александръ пораженъ былъ, на возвратномъ пути, Польскимъ войскомъ, подъ начальствомъ Феодорика и Михайла изъ Мушила Бучацкихъ, однако же этому рѣшительно не льзя вѣрить, потому что онъ точно также поражаетъ перомъ и Свидригайла подъ Луцкомъ, между тѣмъ какъ на дѣлѣ открывается совершенно противное. Да и въ самомъ дѣлѣ, если бы Поляки оставались всюду такими побѣдителями, приняли ль бы они

(169) Alexander enim Voievoda Moldaviae, volens duci Switrygal placere, quem sciebat fidei Graecorum affectissimum esse, cujus ipse Voievoda cum gente sua ritum sequabatur, congregata omnium suorum potentia subditorum, Vladislao Rege tunc adhuc circa castri Lucko obsidionem cum suis fidelibus continuante, nihilque tale suspicante, in terras Podoliae et Russiae regno Poloniae subiectas irruit et districtus Sniatynensem, Haliciensem, et Camenecensem crudeliter vastavit, praedas plurimas, tam hominum, quam pecorum et cujuslibet generis spoliorum secum abducens. *Długosz* pag. 596. Изъ этого показанія узнаемъ мы, какъ Молдавцы вѣрно держались до этѣхъ поръ Восточнаго исповѣданія, и что увѣреніе нѣкоторыхъ духовныхъ Латинскихъ писателей, будто они въ то время слѣдовали Римской вѣрѣ, равно какъ и то, что Латинскія епископства, Черетское, Баконское и какое-то третье, были in partibus infidelium—чистая ложь.

столь унизительныя для себя условія мира, а король, окруженный такими храбрыми богатырями, благословенный епископомъ Олесницкимъ, начальствовавшій войскомъ, собраннымъ изъ Великой и Малой Польши и Галиціи, ограничился ли бы онъ, побѣдитель, такъ ничтожнымъ походомъ отъ Городла до одного лишь Луцка, и, наконецъ, показались ли бы такія печальныя слѣдствія войны, какъ ниже увидимъ, и столько ранъ, кои доброе сердце его старалось залѣчить?

Послѣ неудачнаго, Руско-Литовскаго, похода, король воротился пѣшкомъ съ остальнымъ войскомъ въ Львовъ, гдѣ его окружило множество несчастнаго дворянства изъ Великой Польши и Галицкой Руси, лишившагося въ эту войну всего достоянія своего, и молившаго его не допустить ихъ, нищихъ, умереть, съ женами и дѣтьми, отъ голода, холода, бѣдности и нужды. Равнымъ образомъ просило у короля помощи и дворянство сопровождавшее его на войну и потерявшее тамъ коней, сбрую и все прочее. Сердце этого добраго, но слабаго, короля раздиралось на части при видѣ ихъ бѣдствій. Онъ полной рукой сыпалъ имъ милости, черпая для того средства изъ имѣній и денегъ, оставшихся еще въ его распоряженіи. Но, лишенный всего Латинскимъ духовенствомъ и Польскими вельможами, умѣвшими пользоваться щедростью его, былъ не въ состояніи удовлетворить всѣхъ, и, потому, рѣшился помочь горю, нанесенному нѣсколькими гор-

дыми и корыстолюбивыми, вельможами, съ имѣній духовныхъ. Поэтому назначилъ онъ въ временное пребываніе своимъ воинамъ нѣсколько селъ изъ многочисленныхъ помѣстьевъ архіепископа Гнѣздненскаго, епископа Познанскаго и игуменовъ (170). Однако, высшее духовенство тотчасъ сильно воспротивилось этому. Гнѣздненскій архіепископъ, Войтѣхъ Ястребецъ (Jastrzebiec), и епископъ Краковскій, Сбигнѣвъ Олесницкій, пріѣхали въ Львовъ, гдѣ послѣдній изъ нихъ, бывшій главной пружиной войны и самъ благословившій военный станъ короля, держалъ гордую рѣчь къ нему, не соглашаясь ни на какое пособіе для бѣдныхъ и складая всю вину неудачи на Ягайла, говоря, „что онъ не присутствуетъ, въ надлежащее время при св. Богослуженіи, предается пьянству, не покровительствуетъ и не украшаетъ церквей и монастырей, простираетъ руки къ духовнымъ имѣніямъ, расточилъ свои сокровища, а осадой Луцка худо начальствовалъ, и т. п.“ Словомъ, король, униженный этимъ, обѣщалъ исправиться, а несчастные скипальцы должны были отойти отъ него безъ всякаго пособія (171).

---

(170) *Długosz* pag. 598 et 599. *Бѣльскій* (стр. 340) пишетъ, что „король приказалъ было отвести жилища этимъ несчастнымъ въ духовныхъ имѣніяхъ только на одну зиму (это было, собственно, глубокой осенью).“ И это-то приказаніе короля такъ сильно вооружило противъ него прелатовъ!

(171) Это вѣрное изображеніе войны между Польшей съ одной стороны, а Русью и Литвой съ другой,

§. 28.

1452.

Слѣдствія этой войны напугали какъ совѣтъ Польскаго короля, такъ равно Латинское духовенство и, даже, самаго Римскаго папу. Совѣтъ и вельможи королевства видѣли, что не только погибла всякая надежда на богатыя старостства и доходы въ Литвѣ, Володимірiи и Подолѣ, но, сверхъ того, грозитъ еще опасность и самой независимости Польши. Огромное Литовско-Русское государство, слагавшееся изъ Литвы, Жмуди, княжествъ Витебскаго и Смоленскаго, Володимірiи, Волыни, Подола и части Галиціи, при своемъ наступательномъ и оборонительномъ союзѣ съ орденомъ Крестоносцевъ, владѣвшимъ Прусіей, равно какъ Молдавскимъ воеводой, и управляемое дѣятельнымъ Свидригайломъ, было въ состоянiи, рано или поздо, поглотить небольшія владѣнія Польши, охвативъ ее непріятельской цѣпью

происходившей въ 1431 году и основанной на современникѣ Длугошѣ. Любопытенъ, потому, вопросъ, на чемъ утверждаетъ Ходынецкій (въ своей Исторіи Львова, стр. 50), вопреки истинѣ, что Свидригайло, въ 1430 году, сбирался овладѣть Львовымъ, что отъ Львова отправился на Волынь, и т. д.? Вѣроятно, онъ основалъ мнѣніе свое на болтовнѣ Зиморовича, вмѣсто показанiй Длугоша. Витовтъ умеръ 27 Декабря, 1430 года, а вступленіе на престолъ Свидригайла, и споръ его съ Ягайломъ, произошли въ Вильнѣ и продолжались остальное время года; стало быть, ежели Свидригайло воевалъ Львовскую землю, то это случилось не прежде 1431 года.

отъ впаденія Вислы въ Балтійское море до самыхъ Седмиградскихъ горъ. Даже на часть нашей Галиціи, которая оспавалась еще при Польшѣ, грозила, при первомъ случаѣ, оппаденіемъ своимъ. Уже Богданъ Рогашинскій, оставивъ, какъ сказано было, родную землю, соединился съ, единовѣрными, Литовскими, Русинами, и даже вѣрность Грыцька Кырдіёвича, до шѣхъ поръ державшаго сторону короля, сдѣлалась сомнительной, потому что люди его сдали, въ послѣднюю войну, королевскій замокъ, Рашно (172), приверженцамъ Свидригайла. Въ не меньшемъ страхѣ находилось и Польско-Латинское духовенство съ папой. Тутъ дѣло шло о потерѣ цѣлой жатвы, сѣмена коей были уже брошены на Руско-Литовскую ниву, потому что Свидригайло разрушилъ и сжегъ, съ своими Русинами, всѣ Латинскіе храмы, изгналъ епископовъ и монаховъ, селившихся, было, тамъ и сямъ, и отнялъ имѣнія ихъ. Все это не стоило большаго труда, напротивъ, принято со всеобщимъ одобреніемъ какъ новообращенной Литвой, въ которой сѣмя папства еще не укоренилось, такъ равно и Русью, дышавшей ненавистью и местью къ Римской церкви. Епископства, Виленское, Луцкое, Каменецкое, сдѣлались

(172) Этого Рашна не слѣдуетъ смѣшивать съ городомъ Рашномъ, въ Литвѣ, на Припетѣ, потому что пламя войны туда не досягало. Это былъ какой-то важный замокъ, и, спаться можетъ, даже мѣстечко, гдѣ-то, въ Жовковскомъ округѣ Галиціи, на потокѣ Рапѣ; но теперь его трудно отыскать.

пустымъ шипломъ, и подобная же судьба угрожала тоже Львовскому и Перемышльскому. Папа, Мартинъ V, писалъ, было, какъ сказано выше, къ Свидригайлу, чтобы онъ покорился королю, потому что Польское королевство только отъ покорности Литвы и Руси можетъ ожидать желанныхъ плодовъ новонасажденнаго ученія; однако, этотъ гордый еретикъ мало уважалъ увѣщанія папы и, даже, кажется, не удостоилъ его своимъ отвѣтомъ. Между тѣмъ, въ совѣтѣ короля, состоявшемъ изъ высшаго духовенства и вельможъ, душей коего былъ мужъ высокихъ способностей и непреклоннаго характера, Сбигнѣвъ Олесницкій, епископъ Краковскій, положено было употребить всѣ средства, лишь бы только задушить эту опасную гидру. Прежде всего, постановлено было пригласить Свидригайла лично пожаловать въ Парчевъ на свиданіе съ королемъ, полагая, не льзя ли будетъ достигнуть, посредствомъ переговоровъ и дипломатическихъ сношеній, своей цѣли, въ чемъ Поляки далеко превышали Литовцевъ и Русиновъ, хотя, съ своей стороны, и уступали въ этомъ Нѣмцамъ: доказательствомъ тому можетъ служить намъ Кошицкій договоръ, 1412 года (173).

(173) Тогдашніе Поляки далеко были опытнѣе въ политикѣ и дипломатикѣ, нежели Русины или Литовцы. Хотя свѣтъ ученія, при помощи Краковской Академіи, доходилъ, нѣкоторымъ образомъ, и до вельможъ, при всемъ томъ, духовенство безмѣрно превышало ихъ своимъ образованіемъ. Опытное въ Латинскомъ языкѣ, знакомое съ исторіей, Римскимъ церковнымъ правомъ и церковной исторіей, оно занимало уже на всеобщихъ соборахъ почетное мѣсто,

Но если бы не удалось и этимъ путемъ достигнуть намѣренія своего, рѣшено прибѣгнуть ко всѣмъ прочимъ средствамъ, не исключая даже измѣны, подкуповъ и бунта, держась, въ этомъ случаѣ, правила, по которому, для достиженія цѣли, вовсе не слѣдуетъ разбирать ни какихъ средствъ: „Si finis bonus, laudabile totum.“

А чтобы не слишкомъ поразить употребленіемъ неприличныхъ средствъ, и, вмѣстѣ съ нимъ, усыпить 84-хлѣтняго старца, Ягайла (родился 1348; *Нарушевичъ.* VI. стр. 31), болѣзновавшаго

а отправляя исключительно должности канцлеровъ, подканцлеровъ и секретарей королевскихъ, пріобрѣло отличную опытность въ политикѣ и управленіи государствомъ. Эти-то два источника составляли основаніе той политики его, которая не обращаетъ вниманія на средства для достиженія цѣли. Напротивъ, Руское духовенство не занималось изученіемъ Латыни, не имѣло ни какого вліянія на общественныя дѣла; но было высоко уважаемо, но ограничивалось однимъ лишь служеніемъ Богу, молилось къ нему за народъ, который учило, благословляло, порицало преступленія, мирило ссорющихся, и никогда не посягало на бразды правленія. Еще меньше занимались Латынью и политикой Рускіе и Литовскіе бояре, князья и вельможи; дѣло ихъ было биться, а не писать. А потому, всякой разъ, какъ только заключали какой договоръ на языкѣ Латинскомъ, то, хотя онъ и былъ переводимъ имъ на ихъ языкъ, вѣчно представляли они себѣ дѣло въ другомъ видѣ, и вѣчно оставались обманутыми. Вотъ почему Свидригайло на этотъ разъ добылъ себѣ, на Парчевскій съѣздъ, полурыцаря и полудуховнаго, т. е., главнаго начальника Крестоносцевъ, искуснаго въ государственныхъ дѣлахъ и языкѣ Латинскомъ.

о ссорѣ съ родцымъ своцмъ брашомъ, Свидригайломъ, и невозможности охонитьси въ Литовскихъ дебряхъ, обѣщано было, на Сѣрадскомъ съѣздѣ, 1432 года, наслѣдство престола одному изъ сыновей его, мимо всѣхъ Пястовъ. Парчевскій съѣздъ, назначенный въ день Срѣтенія, кончился ничѣмъ. Правда, Свидригайло прибылъ на предѣлы своего государства, въ Брестъ Рускій, равно какъ привезли въ Люблинъ и старца Ягайла, однако, Свидригайло, помня, какъ Поляки хотѣли, было, убить его въ собственномъ его краѣ, Вильнѣ, не соглашался ѣхать въ Польшу, въ Парчевъ, а, съ другой стороны, и Ягайлу неприлично было отдаватьси въ его руки, потому что, по причинѣ старости и добродущія своего, онъ могъ болѣе вредить, нежели помочь дѣлу. Такимъ образомъ, послѣ нѣкоторыхъ сношеній черезъ пословъ, обѣ стороны, видя, что Свидригайло имѣлъ у себя совѣтникомъ очень искуснаго политика, католика, командора Прускихъ Крестоносцевъ, Людвика де Ланше, а потому трудно на этотъ разъ поймать въ дипломатическія сѣти Литовцевъ и Русиновъ, разъѣхались съ пустыми руками. Польскій совѣтъ положилъ употребить другія, надежнѣйшія, средства.

Этимъ вторымъ средствомъ и, какъ увидимъ ниже, самымъ дѣйствительнымъ, было отыскать соперника Свидригайлу, такого, впрочемъ, который бы не грозилъ намѣреніямъ Польши своимъ умомъ, мужествомъ и вліяніемъ на народъ, и который

обязанный возвышеніемъ своимъ Польшѣ, ревностно исполнялъ приказаніе и желаніе ея. Для достиженія этой цѣли рѣшено было не щадить ни происковъ и пронырствъ, ни денегъ, только бы, какъ-нибудь, найти соперника въ Литвѣ. Въ то время былъ въ Литвѣ самый младшій братъ знаменитаго Витовта, называемый Католиками Сигизмундомъ, человѣкъ, слабый тѣломъ и душей, и, при томъ, жестокой пьяница, который, за свою неспособность, получилъ отъ брата удѣлъ для прожитія, городъ Стародубъ съ уѣздомъ. Онъ не участвовалъ въ войнахъ Витовта, не посѣщалъ его двора, свиданій съ Ягайломъ, равно какъ и самаго короля, провождая жизнь, совершенно праздную и ничтожную. Этого-то ограниченнаго князя совѣтъ Польскихъ вельможъ положилъ употребить орудіемъ для своихъ цѣлей. И такъ, отправленъ былъ къ нему надежный человѣкъ, съ предложеніемъ, не хочетъ ли онъ получить Великое княжество Литовское, въ чемъ обѣщаются помочь ему, всѣми мѣрами, король и его вельможи. Хитро умѣли внушить ему, слабому умомъ, какъ его несправедливо обидѣли, какъ по смерти бездѣтнаго Витовта взошелъ на Литовскій престолъ не отъ, братъ его и сынъ Кейстута, но Свидригайло, и какъ король Ягайло, довольный великимъ Польскимъ королевствомъ, не ищетъ Литвы, а отъ всего сердца желаетъ ему ее. Коварныя предложенія подѣйствовали на сердце и слабый умъ Сигизмунда, и онъ согласился, чтобы его сдѣлали Великимъ княземъ. Тогда приказали ему

терпѣть и молчать, и быть готовымъ при первомъ зовѣ.

Обезпечивши себя, такимъ образомъ, въ кандидатѣ на Великое княжество, оставалось послать кого-либо, опытнаго, въ Литву, для склоненія въ ней, словомъ и деньгами, Литовскихъ бояръ на сторону Сигизмунда. Выборъ палъ на того самаго Лаврентья Зарембу, Сѣрадскаго кастеляна, который измѣнилъ было родинѣ своей подъ Луцкомъ, продавая и доставляя осажденнымъ оружіе и порохъ. Полагали, что это будетъ самое лучшее лице для разыгранія такой роли.

Онъ былъ отправленъ изъ новаго города, Корчинъ, къ Великому князю, Свидригайлу, подъ предлогомъ приглашенія его помириться съ королемъ и утвердить еще больше Литовцевъ въ вѣрности къ нему, потому что она, со временемъ, могла быть сомнительной и опасной для обоихъ государей. Это былъ *видимый предлогъ* его посольства. Напротивъ, тайный — стараться всѣми мѣрами о томъ, чтобы Литовскіе бояре оставили Свидригайла, а приняли бы и сдѣлали Великимъ княземъ, ни къ чему годнаго, Сигизмунда (174).

---

(174) Et inde Laurentium Zaremba Castellanum Sieradensem in Lithvaniam ad fratrem suum ducem Switrigal transmittit, solicitans et exhortans illum, ut dimissa pertinatia sua, etc. etc. Et haec quidem erat Zarembe *aperta legatio.* Verum aliud erat regis (84-хлѣтній старецъ, столько привязанный къ родинѣ и дому своему, разумѣется, ничего объ этомъ не зналъ) et consiliariorum in missione

Польскіе историки ничего не пишутъ намъ о томъ, какія Заржба употребилъ средства; вѣроятно, они были очень темны и дорого стоили. Впрочемъ, то лишь одно извѣстно, что онъ отлично исполнилъ порученіе и оправдалъ выборъ свой. Такъ, когда Великій князь находился съ семействомъ

---

sua propositum. Solicitare enim missus erat animos principum et nobilium Lithvaniae, ne paterentur ducem Switrigal imperare, sed illum pro ut jam ad id noverat Rex eos conspirasse, nullo metu aut de Rege habito, a sede Magni ducatus Lithvaniae eiicerent et excluderent, ac ducem Sigismundum Starodubski in ejus locum surrogarent, *certificaretque, eos de omni assistentia illis per regem praestanda.* Movebatur enim Rex et Consiliarii ad id faciendum, quoniam dux Switrigal praefatus non solum pessimo regimine et crudeli (изгопялъ Латинскихъ монаховъ) praerat, sed etiam in sectam Graecorum propensior existens, ritum Graecorum ultra Catholicum effere et promovere (hinc illae lachrymae! Вотъ о чемъ они хлопотали!) solicitante eum ad id consorte sua, quam noviter ex principibus de Thwera acceperat nitebatur. Itaque Zaremba fideliter in his, quae sibi mandatu erant procedens, etc. etc. *Długosz* pag. 610, 611. Почтенный Бѣльскій гораздо простосердечнѣе выражается (стр. 341): „Того же, 1432, года, послалъ король въ Литву Лаврентія Заржбу, чтобы тихонько, взбунтовалъ Литовскихъ бояръ противъ безпокойнаго Свидригайла.“ *Коялович* pag. 152. Причины къ этой революціи могли быть слѣдующія: во первыхъ, вѣроятно было уже нѣсколько семействъ Литовскихъ, принявшихъ Латинскую вѣру и сильно къ ней привязавшихся; во вторыхъ, между Литовцами были двѣ стороны, одна благопріятствовала дому Кейстута, а другая Ольгерда. Первая могла считать обязанностью своей присоединиться къ тому дѣлу, въ которомъ шло о возведеніи Кейстутовича на Великокняжескій престолъ. Наконецъ, всюду и во всякое время, была и есть голь, которая надѣется въ каждомъ возмущеніи найти свои выгоды, и кою всегда можно покупать за деньги.

и дворомъ своимъ въ Ошмянахъ, вдругъ, нежданно, напалъ на этотъ городъ отрядъ вооруженныхъ, ведшій съ собой князя Сигизмунда, и, вѣроятно, достигъ бы цѣли своей, т. е., схватилъ бы Великаго князя, Свидригайла, если бы одинъ Литвинъ, Ивашко Монивидовичъ, не замѣтилъ измѣны и не предупредилъ о ней своего государя, принужденнаго спасаться бѣгствомъ на Червоную Русь (175). Прекрасно Заржба устроилъ весь переворотъ, потому что въ одно и то же время города и замки, Вильна, Троки и Городно, были заняты во имя Сигизмунда, другіе подали голосъ свой въ пользу его, а прочіе послѣдовали примѣру прочихъ, такъ что одна только Русь осталась вѣрной Свидригайлу.

Но, чтобы вполнѣ оцѣнить виновниковъ этого дѣла, образцоваго въ своемъ родѣ, слѣдуетъ показать намъ, въ какое коротkое время было произведено оно, и откуда происходитъ, что надъ нимъ давнымъ давно трудились, приготовляя средства къ перевороту. Десятаго Августа король находился въ Вислицѣ; сдѣсь онъ принялъ епископа

(175) Fugiens metuebat proditionem, in terras Russiae se contulit, sciens quod Lithvanorum animos offensos haberat (не знаю, для чего? Исторія не приводитъ намъ ни причинъ, ни событій, могшихъ произвести offensionem hanc. Развѣ для того, что онъ старался не допустить своей земли подъ власть чуждаго народа? Впрочемъ, въ такое коротkое время не льзя было еще произвести народной непавистиl), Ruthenorum vero plurimum, cum ex largitionibus, tum ex favore *Ritui* eorum impenso conciliatos et obstrictos. *Dlugosz* pag. 611.

Сбигнѣва Олесницкаго, присутствовалъ при спорѣ съ Чешскими ересиками, выслушалъ пословъ короля Кипрскаго, и такихъ же отправилъ къ нему отъ себя, послѣ чего поѣхалъ онъ изъ Вислицы въ Новое Мѣсто, откуда и посланъ былъ Заржба въ Литву, а когда прибылъ, 8 Сентября, въ Сѧдомиръ (Сандомиръ), то получилъ уже извѣстіе изъ Литвы объ изгнаніи Великаго князя, Свидригайла, изъ государства. Все это случилось въ 28 дней (176), изъ чего заключать можно, что надъ этой перемѣной трудился уже кто-то другой еще до Заржбы по порученію Сбигнѣва Олесницкаго, и что Заржба отправленъ былъ туда только для окончательнаго приведенія ее въ дѣйствіе, сообщенія дѣлу большей важности и заохочиванья нерѣшительныхъ заговорщиковъ. Безъ сомнѣнія, этѣми дѣятелями было Латинское духовенство.

Лишь только совѣтъ королевства Польскаго получилъ эту вѣсть, которой дожидался уже заранѣе на границѣ, тотчасъ отправилъ въ Литву комисію изъ семи Польскихъ сенаторовъ, въ челѣ коихъ былъ Сбигнѣвъ Олесницкій; цѣлію ея было утвержденіе Сигизмунда и вліянія Польскаго въ этомъ княжествѣ. Вмѣстѣ съ ней послано было и придворное войско, чтобы, какъ можно скорѣе, занять замокъ Олеско, которымъ владѣлъ, по волѣ Великаго князя, Свидригайла, Ивашко Прислужичь Рогатинскій, сынъ извѣстнаго Богдана, что, послѣ кровопролит-

(176) *Długosz* pag. 670—612.

наго сопротивленія Русиновъ, скоро произведено было въ дѣйствіе. Между тѣмъ, какъ Польское войско осаждало Олеско, гораздо важнѣйшее дѣло совершено было Сбигнѣвомъ Олесницкимъ въ Городнѣ, и, при томъ, безъ малѣйшаго кровопролитія. Бездарный Сигизмундъ подписалъ, 17 Октября, 1432, вопреки совѣтамъ, случившагося тутъ, главнаго начальника Крестоносцевъ, и нѣкоторыхъ Литовскихъ бояръ, особенно Георгія Бутрина, акть подданства, присягнулъ въ вѣрности королю, его преемникамъ и королевству Польскому, уступилъ Польшѣ городъ и уѣздъ Городельскій, принадлежавшій Владимірской Руси, отказался отъ правъ на земли, Подольскую, Луцкую, Олеськую, Ратненскую, Лопашинскую (Vethli?), и обѣщалъ править Литвой только до своей смерти, и ни съ кѣмъ не вступать ни въ какой союзъ, безъ позволенія совѣта Польскаго королевства, но всегда быть вѣрнымъ васаломъ. За это, въ день св. Ядвиги, Олесницкій провозгласилъ его Великимъ княземъ отъ имени короля и Польскаго королевства, и тутъ же вручилъ ему мечь. Такимъ образомъ, Литва, до тѣхъ поръ независимая и страшная Польшѣ, заключившая съ ней, въ 1413 году, миръ и союзъ, сдѣлалась, наконецъ, зависимой областью не только короля, но и самаго королевства Польскаго. Всѣ эти благодѣянія были только слѣдствіе женидьбы Ягайла съ Польской королевой и введенія Латинской вѣры (177).

---

(177) *Онъ же* стр. 613—617.

§. 29.

Событіе, описанное въ предыдущемъ §., было знакомъ къ войнѣ. Свидригайло, удалившійся изъ Литвы, къ Витебску, собралъ войско изъ Подпѣпрской Руси и началъ нападенія на Литву. Федько, князь Осторогскій, защищалъ именемъ его Подолъ, а начальство надъ Волынцами поручено было Рускому вождю (dux), по прозванію, Носъ. Съ противной стороны начальствовалъ войскомъ въ Литвѣ Сигизмундъ, коему помогали Великополяне, подъ предводительствомъ одного, опытнаго въ воиномъ искуствѣ, Поляка. Противъ Волынянъ главное начальство въ Холмской землѣ ввѣрено было преданному Польшѣ, Грыцьку Кырдіёвичу и Поляку Яну изъ Сѣнна, получившему въ управленіе, только что покоренный замокъ, Олеско. Наконецъ, противъ Федька Осторогскаго, который, по словамъ Польскаго лѣтописца (178), „ex omnibus principibus Lithvaniae et Russiae vir magnae audaciae et magnae in armis aestimationis“, отправился самъ король въ Львовъ, гдѣ, призвавъ къ себѣ отрядъ, осаждавшій Олеско, равно и другіе отдѣлы, ввѣрилъ начальство надъ ними Полякамъ, Самопульскому и, своему Рускому старостѣ, Яну Мяжику de Dombrova, и отправилъ ихъ на Подолъ.

Лишь только Польскія войска вступили на Подолъ, Федько, не пускаясь въ рѣшительную би-

(178) *Długosz* pag. 618.

нву, началъ, по Рускому обычаю, отступать съ своими войсками далѣе и далѣе въ глубину края, и предпринимать только небольшія стычки, безпокоя и захватывая въ плѣнъ непріятеля всякой разъ, какъ скоро отдѣлялся онъ отъ главнаго войска для отысканія продовольствія. Такимъ образомъ, Польскія войска завлечены были имъ въ глубь Руси. Онъ сжегъ городъ Брацлавъ, многолюдный и снабженный продовольствіемъ, полагая, что, съ наступленіемъ суровой осени, легко удастся ему истребить или взять въ полонъ Польское войско, ослабленное голодомъ и неблагопріятнымъ климатомъ. Сражаясь съ недостаткомъ и видя каждый день убывающее число своихъ, Польскіе полководцы сдѣлались осмотрительнѣе, и тотчасъ поворотили назадъ. Когда они проходили болотистыя окрестности рѣки Морахвы, то вдругъ, близъ селенія Конострипъ, увидѣли себя окруженными, 30 Ноября, 1432 года, въ самомъ опасномъ для себя мѣстѣ, войскомъ Федька и принуждены принять кровопролитное сраженіе. Здѣсь непремѣнно были бы они совершенно истреблены, или же взяты въ плѣнъ, если бы не подоспѣлъ къ нимъ „divina providentia," какъ говоритъ Длугошъ, на помощь храбрый королевскій рыцарь, Кѣбичь (Kębicz), возвращавшійся, съ значительнымъ отрядомъ, изъ фуражированья. Прибытіе новаго сильнаго отряда заставило Федька, покрывши окрестности Морахвы трупами, пропустить непріятеля далѣе, который, преслѣдуемый Русью, Татарами и Бесарабами, съ трудомъ, и числомъ въ небольшомъ числѣ, воро-

тился къ своей границѣ. Между тѣмъ, король Ягайло проживалъ въ Львовѣ, гдѣ, желая склонить къ себѣ умы Рускаго дворянства, и, помощію ихъ, дѣйствовать на Луцкихъ и Подольскихъ обитателей, издалъ постановленіе, чтобы подданные Рускаго дворянства давали подводы и жилье одному лишь королю во время его пріѣзда въ ихъ землю, чтобы церкви ихъ не были разоряемы и опустошаемы, и чтобы никого не принуждать къ принятію Латинскаго вѣроисповѣданія (179). Это постановленіе смягчило Га-

---

(179) *Kromer* pag. 303. *Bandtkie* II. str. 34. Это есть первая, такъ называемая, привилегія короля Польскаго для Руси. Дмитрій *Бантышъ-Каменскій* пишетъ, въ своей Исторіи Малой Росіи (стр. 67), что Кіевляне или Малоросіяне отправили, въ 1410 году, подъ начальствомъ князя Вячеслава Святольдича, происходившаго отъ настоящихъ Рускихъ князей, тридцать семь тысячь человѣкъ, въ которомъ были полковниками: какой-то Ольговичь, Острегета, Рагдай, Потыличь, Громвалъ, Колядичь и Купалдей. Это войско отличилось храбростью своей въ битвѣ Таненбергской съ Крестоносцами, за что Ягайло и даровалъ Русинамъ, въ томъ же самомъ году, грамоту на соединеніе. И, что особенно замѣчательно, историкъ даже приводитъ намъ эту привилегію въ примѣчаніи 44. Должно удивляться, какъ могло это чудище найти мѣсто въ, его замѣчательномъ, сочиненіи. Читая его, каждый тотчасъ видитъ, что это есть плохая поддѣлка XVII-го вѣка. Языкъ ея не Рускій, но Польскій съ Латинскимъ, поддѣланный на образецъ Рускаго. Въ то время не было еще въ Малоросіи сословія Рыцарскаго или Шляхетскаго, но только князья, бояре, дѣти боярскіе, придворные, бортники, и, можетъ быть, козаки. Въ ней владѣлъ въ то время Андрей Ивановичь, князь Рускій, тесть Витовта, находившійся подъ его верховной вла-

лицкихъ Русиновъ, для коихъ вѣроисповѣданіе ихъ было самымъ драгоцѣннымъ наслѣдствомъ: ему-то одному приписать должно то обстоятельство, что

спью; но о Вячеславѣ Святольдичѣ современная исторія ничего не упоминаетъ. Русины никогда не употребляли крестнаго имени, Вячеславъ. Рускіе князья и бояре носили Христіянскія и Славянскія имена, между тѣмъ какъ тутъ читаете вы какія-то варварскія, языческія: Рагдай, Громвалъ, Купалдей, и т. п. Далѣе, Ягайло не могъ давать привилегій землямъ, находившимся подъ властію чужой, то есть Витовтовой и Андреевой; не могъ соединять ихъ съ Польшей, потому что и Витовтъ не позволилъ бы этого, и княжество Кіевское отдѣлено было отъ краевъ, принадлежавшихъ Польшѣ, Волынью и Подоломъ. Да и самые Русины не желали бы такого соединенія, составляя собой въ Литовско-Рускомъ государствѣ ядро и большинство народа. Въ 1410 году никто не мечталъ еще ни о какихъ договорахъ и соединеніи. И, въ самомъ дѣлѣ, когда Польская олигархія стала думать, по смерти Витовта, о присоединеніи Литвы къ Польшѣ, то не только Русины, но и самые Литовцы, воспротивились всякому соединенію. Даже признающіе Городельской договоръ 1413, о которомъ говорено было выше, въ §. 25, должны отвергнуть привилегію 1410 года, по той причинѣ, что въ ней говорится о древнѣйшемъ соединеніи, которое, между тѣмъ, произошло только спустя три года послѣ. Также и слѣдующее обстоятельство показываетъ, что Владиславъ Ягайло не давалъ ни какихъ подобныхъ привилегій Русинамъ на пользованіе равными правами. Въ 1434 году, стало быть, спустя 24 года, Галицкіе Русины, молили, какъ скажемъ ниже, въ §. 30, нововѣнчаннаго сына его сравнить ихъ въ правахъ и преимуществахъ съ Поляками, то есть, чтобы онъ и ихъ освободилъ: „quatenus illo iisdem iuribus praerogativis, quibus alii regnicolae Poloniae fruuntur donet, libertet et privilegiat.“ Современный *Длугошъ*, стр. 669. Въ этомъ ссылались они на отца его, объщавшаго имъ это: „Vladislaum geni-

Русь наша осталась въ то время при Польшѣ и не пыталась сбросить съ себя ига рабства. Узнавши же о печальномъ положеніи своего войска, король,

---

torem suum eis promisisse." Ежели, потому, обитатели Червоной Руси (я не могу отстать отъ привычки называть Русь нашу Червоной, хотя чувствую, что это названіе ошибочно. Червоной Русью могъ называться край въ окрестностяхъ Холма, Люблина, Бельза и Любачева и, можетъ быть, еще Перемышль; наша же Русь звалась частью Волынью, Подоломъ, а частью Галицкой Русью), присоединенной непосредственно къ Польшѣ, не получали этѣхъ правъ при Ягайлѣ, то, спрашивается, откуда же родилась у него охота дарить ими и Задиѣпровскихъ Русиновъ, зависѣвшихъ отъ Литвы въ 1410 году, ему, который, въ слѣдующемъ же 1411 году, приказалъ выгнать духовенство и выбросить гробы Русскихъ князей изъ Перемышльскаго замка, а Православную церковь обратить въ костелъ? Только въ 1432 году, въ войнѣ съ Свидригайломъ, Ягайло, видя перасположеніе къ себѣ Руси, перемѣнилъ прежнюю свою политику: запретилъ разрушать церкви и неволить Русиновъ къ вѣроотступничеству.—Эта, такъ называемая, привилегія, помѣщенная Каменскимъ въ своемъ сочиненіи, выдумана, во время припѣсненія Малороссіянъ и войнъ Казацкихъ, потомъ досталась въ руки архіепископу Конискому, который и приводитъ ее въ своей Исторіи Русовъ. Цѣль выдумки неопытнаго въ исторіи поддѣльщика была доказать, что Малороссія вовсе не была завоевана, но добровольно соединилась съ Польшей, равно какъ польскому знаменитому, въ то время, Русину, Адаму Кисилю, воеводѣ Кіевскому, бывшему посредникомъ между Польскимъ правительствомъ и Козаками и имѣвшему гербъ, называемый Святольдичь, и доказать, что родъ его происходитъ отъ прежнихъ владѣтельныхъ Русскихъ князей. Вотъ почему назвали этого, вымышленнаго, князя, Вячеслава Святольдичемъ. Самъ господинъ Бантышъ-Каменскій (стр. 132) прибавляетъ, что Кіевское воеводство и послѣ соединенія въ 1569 году (то есть, Литвы съ Польшей), остава-

во все пребываніе свое въ Львовѣ, день и ночь молился Богу, во храмѣ святаго Креста, принадлежавшемъ Францисканамъ, падая на колѣна, вознося очи и руки вверхъ, и со слезами прося избавить вождей своихъ отъ страшной опасности. Длугошъ, въ подобномъ случаѣ краткій и сжатый, слишкомъ обширно распространяется надъ этой битвой, и приписываетъ побѣду въ ней, какъ и во всякой другой, Польскому войску. Но побѣды оцѣниваются по ихъ слѣдствіямъ. Такъ, въ этомъ случаѣ, останокъ Польскаго войска очутился, въ Декабрѣ, на своемъ возвратномъ пути, не на Подолѣ, но въ Галиціи, а Федько изъ Острога, вытѣснивши Поляковъ изъ окрестностей Каменца, расположился въ нихъ на зиму (180).

Когда это происходило на Подолѣ, Свидригайло вступилъ въ Литву съ своими, Витебскими, Смо-

---

лось при Литвѣ. А это показываетъ, что оно принадлежало Литвѣ до этого соединенія, что дѣйствительно такъ было, и, слѣдовательно, не могло получить ни какихъ привилегій отъ короля Польскаго, имѣя, въ 1410 году, своего собственнаго Великаго князя (Витовта). Впрочемъ, и то увѣреніе Бацпыша Каменскаго, что воеводство Кіевское оставалось при Литвѣ и послѣ 1569 года, также неосновательно, потому что дѣло было совершенно наоборотъ, то есть, это воеводство было оторвано отъ Литвы и присоединено къ Польшѣ (Volumen legum II. pag. 759), удержавши за собой одно лишь судопроизводство по Статуту Литовскому и языкъ Рускій въ государственныхъ и судебныхъ дѣлахъ.

(180) *Długosz* pag. 618—621. *Bielski* str. 342, *Kojalowicz* pag. 158.

ленскими и Подиѣпровскими, Русинами, равно какъ съ вспомогательнымъ отрядомъ Ливонскимъ и Литовцами, недовольными этой унизительной, для края ихъ, перемѣной, предводя 20,000 вооруженнаго войска. 1432 года, Декабря 8, произошла битва, проигранная, по описанію Длугоша (стр. 622), Кромера (сократившаго описаніе предыдущаго, стр. 445, Базельскаго изданія) и Бѣльскаго (стр. 343), Свидригайломъ, лишившимся въ ней убитыми 10,000 и плѣнными 4,000. Длугошъ не упоминаетъ, гдѣ произошла эта битва, а Кромеръ помѣщаетъ ее подъ Ошмянами. Неизвѣстно, какъ далеко справедливы эти показанія. Впрочемъ, можно усумниться въ такомъ большомъ пораженіи, потому что мы не видимъ ни какихъ слѣдствій, которыя бы произвела такая знаменитая побѣда. Сраженіе произошло въ средниѣ Литвы, въ нынѣшней Виленской губерніи, подъ Ошмянами, между тѣмъ какъ тотъ же самой Длугошъ, ниже, на стр. 645, разсказываетъ намъ, что, въ 1433 году, Свидригайло, спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ помянутаго большаго сраженія, снова пустошилъ, огнемъ и мечемъ, Виленскую землю, Троки, Городно и Лиду, лежащія въ самой Литвѣ, или лучше не въ дальнемъ разстояніи отъ границы Польской. Этого бы не могло быть, если бъ онъ понесъ, за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ, такой рѣшительный ударъ подъ Ошмянами (181). И дѣйствительно, Сигизмундъ,

(181) *Koialowicz* pag. 161. *Stryikowski* str. 548.

узнавши, что Литовскіе бояре и дворяне, недовольные униженіемъ, покрывающимъ ихъ родной край, составили заговоръ для изгнанія его изъ Литвы, схватилъ двухъ, самыхъ знаменитыхъ, вельможъ, Яна Монвида, воеводу Троцкаго, и Румбольда, маршала Великаго княжества, приказалъ ихъ лишить жизни, и тѣмъ удержалъ за собой свое государство.

1433.

Но и Рускій князь, или вождь (dux), по прозванію Носъ, не терялъ, по пустому, времени на Волыни, въ Луцкѣ, гдѣ онъ былъ главнымъ начальникомъ. Онъ, переправившись, весной, 1433, черезъ Бугъ, рыскалъ всюду и пустошилъ Холмскую землю. Грыцько Кырдіёвичь, державшій сторону Поляковъ, сразившись подъ Грубешовымъ, заставилъ его удалиться, съ добычей своей, за Бугъ и перестать безпокоить, нѣкоторое время, этотъ край. А потому Кромеръ (стр. 304) и Бѣльскій (стр. 343), ошибаются утверждая, будто Кырдіёвичь поймалъ этого полководца, потому что Длугошъ, изъ котораго они черпали, пишетъ только (на стр. 628) слѣдующее: „hunc ducem *in fugam*, vertens, plures suos (а не его) captivavit.“ Да и послѣ этотъ же самой Носъ, соединясь съ Федькомъ изъ Острога, осаждалъ замокъ, Брестъ Рускій, что приводятъ ниже, какъ самъ Кромеръ (стр. 307), такъ равно и Бѣльскій (стр. 346).

Но воротимся къ храброму Федьку Острогскому. Онъ, перезимовавши послѣ битвы на Мо-

рахвѣ, близъ границы Подольской, рѣшился овладѣть, весной, 1433, важной крѣпостью, Каменцемъ Подольскимъ, въ которой начальствовалъ, знаменитый въ то время, военачальникъ, Феодорикъ Бучацкій. И такъ, чтобы выманить непріятеля изъ крѣпкаго мѣста, Федько приказалъ небольшимъ отрядамъ нападать и грабить городъ, а самъ скрылся, съ войскомъ своимъ, въ горахъ. Бучацкій, думая, что только отдѣльный отрядъ пустошитъ окрестности, вышелъ напугать разбойниковъ, которые, отбиваясь отъ него, начали отступать, и, тѣмъ, заманили Бучацкаго, съ его войскомъ, въ засаду. Отрѣзанный отъ крѣпости и окруженный множествомъ Рускаго войска, онъ, не смотря на свое храброе сопротивленіе, былъ разбитъ совершенно, попался, съ небольшимъ числомъ оставшихся въ живыхъ, въ полонъ, а крѣпость занята непріятелемъ. Федько послалъ Бучацкаго къ Свидригайлу, гдѣ, впослѣдствіи, при заключеніи мира, былъ обмѣненъ онъ на командора Крестоносцевъ. Потомъ, оставивши въ ней достаточную стражу, Федько отправился, мимо Теребовли, Олеська, вверхъ по Бугу, къ самому Владиміру. Тутъ, соединясь съ Волынскимъ войскомъ, подъ начальствомъ Носа, пустились они черезъ Любовлю на Подлѣсьѣ, гдѣ принялись осаждать замокъ Брестъ, занятый Польской стражей. Но, по случаю приближенія отряда, шедшаго на выручку этой крѣпости, и другихъ военныхъ препятствій, оба полководца, сжегши городъ, сняли осаду.

Въ концѣ 1433 года дѣло Свидригайла находилось еще въ довольно хорошемъ положеніи. Литовско-Рускіе края, по прежнему, были его. Подолъ не только принадлежалъ ему, но и находился въ такомъ хорошемъ оборонительномъ состояніи, что Федько изъ Остroга могъ отправиться, съ войскомъ своимъ, на Подлѣсье и осадить Брестъ. Въ такомъ же положеніи находилась и Волынь, потому что начальникъ ея, Носъ, соединился съ нимъ. Кромѣ того, Свидригайло тѣснилъ въ Литвѣ Сигизмунда, а Крестоносцы бились съ Поляками (182).

Еще въ этомъ, 1433, году случилось выгодное для Польской политики событіе. Александръ, воевода Молдавіи, умеръ, оставивъ двухъ сыновей, старшаго Иліо, и младшаго Стефана. По волѣ отца и порядку престолонаслѣдія взошелъ на княжескій престолъ Илія. Но Стефанъ, рожденный отъ другой матери, бѣжалъ къ Туркамъ, и, получивши отъ нихъ помощь, вступилъ съ войскомъ въ Молдавію. Илія вышелъ противъ его съ своимъ войскомъ, которое, однако же, измѣнило ему и перешло на сторону Стефана, а Илія принужденъ былъ бѣжать, съ женой и дѣтьми, въ Польшу и просить короля о вспоможеніи, надѣясь на то тѣмъ

(182) *Стрыйковскій* (стр. 548) пишетъ, что Сигизмундъ принужденъ былъ скрываться отъ Свидригайла съ женой и сыномъ въ лѣсахъ, а потому эта побѣда подъ Ошмянами кажется сомнительной.

болѣе, что женатый на сестрѣ королевы Софіи, дочери Андрея Ивановича Кіевскаго, былъ своякомъ королю. Впрочемъ, онъ обманулся въ своей надеждѣ. Спефанъ умѣлъ снискать себѣ дарами расположеніе совѣта королевства Польскаго, потому что Ягайло не имѣлъ уже ни въ чемъ воли, а совѣтъ могъ несравненно больше требовать и ожидать отъ Спефана, какъ незаконнаго привласшпителя, нежели отъ Ліи. Потому первый признанъ былъ воеводой и допущенъ къ присягѣ на вѣрность, а Ліи даны были, для содержанія его, нѣкоторыя имѣнія на нашей Руси. Пораженный этой несправедливостью, Лія хотѣлъ оставить Польшу, но былъ схваченъ Полякомъ, Яномъ Коломъ, и заключенъ, какъ государственный преступникъ, въ Сѣрадѣ. Спефанъ, питая за это пламенную благодарность къ Польшѣ, рѣшился показать на самомъ дѣлѣ привязанность свою къ ней. И шакъ, улучивъ благопріятное время, онъ напалъ, въ расплохъ, на Брацлавъ, занятый Русинами, овладѣлъ городомъ и замкомъ и отдалъ ихъ Полякамъ (183).

1434.

Въ слѣдующемъ, 1434 году, весной, отправился король Ягайло на Русь, потому что положено было, чтобы Спефанъ, воевода Молдавскій, присягнулъ при всѣхъ, и при шомъ лично, на подданство и вѣрность въ Галичѣ. Ягайло прибылъ, въ Маѣ, въ, любимое свое пребываніе на Руси, Медыку, гдѣ простудился,

(183) *Długosz* pag. 696.

слушая ночью соловья, и скончался въ Городкѣ, подъ Львовымъ, а не на Подлѣсьѣ, какъ нѣкоторые утверждаютъ, 31 Мая, на 86 году своей жизни (184).

Онъ былъ король добрый и щедрый до излишества, какъ для свѣтскихъ особъ, такъ равно и для духовенства, но ума слабаго и легковѣрный. Отличался похвальными качествами, приличными больше частному, а не владѣтельному, лицу. Польскіе вельможи, пользуясь его щедростью, разграбили королевскія имѣнія, и напрасно папа, Мартинъ V, не признавалъ этѣхъ его подарковъ. Онъ вовсе не былъ храбрымъ, какъ воспѣваетъ его Нѣмцевичъ, напротивъ Вагнеръ, историкъ Литовскій, считаетъ его, какъ сказано было выше, трусомъ. Жизнь провождалъ онъ подвижную, безпрестанно переѣзжая изъ города въ городъ. Самымъ любимымъ пребываніемъ его была наша Русь и Литва. Въ глубокой старости до того ослабѣлъ, что вельможи легко овладѣли правленіемъ, оставивъ ему одно пустое имя короля. Сбигнѣвъ Олесницкій упрекаетъ его въ пьянствѣ; но это былъ наслѣдственный порокъ всѣхъ Гедиминовичей и Ягеловичей. Длугошъ считаетъ его суевѣрнымъ, а суевѣрія эти привила ему, еще въ молодости, мать его, Русинка. Какъ бы то ни было, большинство добрыхъ свойствъ велитъ отнести намъ его къ числу лучшихъ государей. Онъ, перешедши въ Ла-

---

(184) Читайте ниже, примѣч. 191.

тинскую вѣру, тѣснилъ Руское вѣроисповѣданіе, но не изъ нерасположенія къ нему, а скорѣе побуждаемый къ тому своими совѣтниками, окружавшими его и состоявшими, большею частію, изъ Латинскаго духовенства. Далѣе, онъ раздавалъ Полякамъ имѣнія Рускаго дворянства, неблагопріятствовавшаго Польскому господству. Причиной этого, кромѣ упомянутаго выше, могла быть и перемѣна вѣры, за которую Русины не терпѣли его, и охотнѣе держались стороны Витовта, а впослѣдствіи Свидригайла. Странно, что Юрій Самуилъ Бантке, мужъ, столько опытный въ исторической критикѣ, упрекаетъ его (въ Исторіи народа Польскаго, II. стр. 35) въ томъ, что онъ не строилъ новыхъ замковъ, не починялъ старыхъ, не вступался, по примѣру Казиміра Великаго, за города и простолюдиновъ, не обуздывалъ Польскаго дворянства, занимавшагося разбоемъ, и былъ слишкомъ расточителенъ. А развѣ упрекающій его въ этомъ забылъ, что власть Ягайла была не та, которую имѣлъ Казиміръ, потому что она значительно была подкопана уже въ царствованіе Людвика, и что Ягайло, какъ чужой, не имѣвшій права на Польскій вѣнецъ, могъ держаться на престолѣ, только похлѣбствуя дворянству и осыпая его дарами? Въ послѣднее время своей жизни оспалась ему только одна тѣнь власти; настоящимъ же государемъ былъ Сбигнѣвъ Олесницкій, нѣкогда его компанный служитель, а теперь кардиналъ и епископъ Польскій.

Во время смерти Ягайла Польшу составляли: Великая и Малая Польша, Галиція, за исключеніемъ нѣкоторыхъ сѣверныхъ краевъ около Олеська и Лопатина (185), и часть Володоміріи на лѣвой сторонѣ Буга, т. е., прежній Замойскій округъ и Холмская земля; кромѣ того, ей принадлежала верховная власть надъ Великимъ княжествомъ Литовскимъ и Молдавіей. Другая часть Литвы находилась въ распоряженіи Сигизмунда, а Рускіе края, именно: остальная Володомірія, Волынь, Подолъ (кромѣ Брацлава), часть Кіевскаго княжества, Смоленское и Витебское княжества, состояли подъ властію Свидригайла, имѣвшаго подъ собой еще много мелкихъ князей Рускихъ, правившихъ удѣлами.

§. 30.

По смерти Владислава Ягайла вступилъ на Польскій престолъ 10-тилѣтній сынъ его, Владиславъ, по прозванію, Варнскій, т. е., сынъ Литовца отъ Русинки. Уже при самомъ вступленіи и вѣнчаніи его начали сильно бурлить вельможи и совѣтъ государства, присвоившій себѣ, подъ слабымъ правленіемъ стараго Ягайла, чрезвычайное вліяніе и власть къ совершенному вреду государства. Потому что были даже такіе, которые не позволяли вѣнчать молодаго государя, но которые, однако же, должны были, напослѣдокъ, уступить большинству, видѣвшихъ въ возведеніи на престолъ чужаго дѣтища, проис-

(185) *Długosz* pag. 696.

ходившаго отъ Руской крови, собственныя свои выгоды и цѣли. Выгоды эти были довольно важны, потому что власть правительственная не была нигдѣ сосредоточена, напротивъ, въ каждой землѣ высшее и богатое дворянство выбирало изъ среды себя правителей, коимъ и ввѣряло правленіе государствомъ. Правда, было нѣсколько умныхъ головъ, менѣе увлекавшихся личными выгодами, и желавшихъ отдать бразды правленія Земовиту, князю Мазовецкому, происходившему отъ крови прежнихъ королей и бывшему, также, въ родствѣ съ новымъ; но это не понравилось толпѣ, присвоившей себѣ верховную власть. Они считали поношеніемъ для себя допустить родственника князя править собой, потому что онъ былъ подручникъ Польши, слѣдовательно, чтобы подданный повелѣвалъ подданными (186).

При этомъ случаѣ Руское, т. е., Галицкое, дворянство (187), просило, 1434, дозволить и ему пользоваться свободой и правами прочихъ Поляковъ. Потому что оно обязано было не только, по примѣру Поляковъ, исполнять военную службу, возлагаемую на него его дворянствомъ, но, сверхъ того, разнаго рода подати и тому под., какъ народъ покоренный. Это съ большимъ трудомъ позволено было ему. Длугошъ относитъ это и къ Подолу, однако ошибается въ томъ. Подолъ оставался въ

---

(186) *Онъ же* стр. 668.
(187) *Онъ же* стр. 669. Смотрите выш., примѣч. 179.

это время еще подъ владѣніемъ Свидригайла и князя Федька изъ Острога. Развѣ допустишь, что Покутье принадлежало въ то время къ Подолу. За то, тѣмъ менѣе простиралось это сравненіе въ правахъ на княжество Кіевское и Малоросію, какъ думаетъ г-нъ Банпышъ-Каменскій (на стр. 73). Кіевское княжество и, такъ называемая впослѣдствіи Поляками, Украйна, имѣли въ эту пору собственныхъ своихъ князей, зависѣвшихъ отъ Литвы, именно отъ Свидригайла. Эти князья, зависѣвшіе отъ Литвы, владѣли той землей до самаго 1471 года, въ которомъ она поступила въ непосредственное завѣдываніе Литвы, а въ 1569, какъ сказано было выше (въ 179), соединена съ Польскимъ королевствомъ. А что касается до привилегіи, помѣщенной г-мъ Каменскимъ на стр. 82, части 1, то, если бы уже хотѣли мы признать ее истинной въ томъ видѣ, въ какомъ она предлогается намъ (что, однако же, подлежитъ большому сомнѣнію, потому что языкъ Польскаго правительства, которымъ оно сносилось съ своими областями, былъ въ то время Латынскій, и на немъ только выдавались привилегіи), въ такомъ случаѣ пришлось бы отнести ее только къ одной нашей Галицкой Руси, отнюдь же не къ Малоросіи. Конечно, Польскіе короли выдавали Руско-Литовскимъ краямъ грамоты и на Рускомъ языкѣ, но это имѣло мѣсто тогда лишь, *когда они были вмѣстѣ съ тѣмъ и Великими князьями Литовскими.* Никто не покажетъ намъ Руской грамоты Яна Албрехта, потому что онъ былъ

только королемъ Польскимъ, а братъ его, Александръ, Великимъ княземъ Литовскимъ. Только съ 1569 года, т. е., со времени соединенія Русскихъ краевъ (не Галицкихъ) съ Польшей, правописьсиво Польское обязывалось писать, согласно съ закономъ, по Руски къ нимъ. Точно такъ Австрійскій императоръ издаетъ для всѣхъ своихъ земель законы на языкѣ Нѣмецкомъ, между тѣмъ какъ въ Угріи всѣ государственныя бумаги должны выходить на Латинскомъ или Угорскомъ.

1435.

Въ 1435 году, по словамъ Длугоша (188), а въ 1436, по увѣренію Вагнера (189), пришло, наконецъ, дѣло Великаго князя Сигизмунда съ Свидригайломъ къ своему рѣшенію. Обѣ стороны воевали съ перемѣннымъ счастіемъ съ 1432 года; наконецъ, Свидригай-

---

(188) *Онъ же* стр. 682.

(189) *Вагнеръ* (стр. 164). Вагнеръ шелъ, безъ малѣйшей критики, шагъ въ шагъ за Длугошемъ, и, вмѣстѣ съ нимъ, до невѣроятности разилъ Русиновъ и Крестоносцевъ. Онъ говоритъ, что этихъ послѣднихъ, столько опытныхъ воиновъ, пало тутъ двадцать тысячъ человѣкъ, между тѣмъ какъ исторія свѣдѣтельствуетъ намъ, что Нѣмецкіе Крестоносцы не такъ-то легко позволяли, кому бы то ни было, побить себя. Конечно, не льзя приписать имъ много добродѣтелей, однако, ни какъ не возможно отказать въ мужествѣ и военномъ искусствѣ, которымъ они превышали другія войска. Онъ ссылается на Русова и Кельха; но оба они черпали только изъ одного Длугоша и повѣрили просто на слово этому прелату.

ло собралъ свои Рускія войска, изъ областей Витебской, Смоленской и Полоцкой, къ коимъ присоединилъ вспомогательные полки Ливонскихъ Крестоносцевъ, и ввѣрилъ все это главному начальству двоюроднаго брата своего, Сигизмунда Корибутовича, который, будучи избранъ Гуситами въ короли Чешскіе, усовершенствовался у нихъ въ военномъ искусствѣ. Вторгшись въ Жмудь, онъ встрѣтилъ, подъ Вилкоміромъ, Польско-Литовское войско, предводимое Полякомъ, Яковомъ Кобылянскимъ. Сигизмундъ Корибутовичъ хотѣлъ, было, примирить спорящія стороны; но, какъ ему это не удалось, рѣшился отступить назадъ, для занятія выгоднѣйшаго положенія передъ битвой; однако, войско его не выполнило предположенія, сдѣланнаго вождемъ своимъ. Поляки наступили на него и заставили дать сраженіе въ невыгодномъ для себя мѣстѣ. Произошла кровопролитная битва; полководецъ жертвовалъ собой съ необыкновенной храбростью, но, когда часть Рускаго войска была прорвана и потомъ показала тылъ, онъ попалъ въ плѣнъ, весь покрытый ранами. Крестоносцы бились съ обыкновенной своей стойкостью, и множество знаменитыхъ мужей ихъ легло на мѣстѣ, а Свидригайло спасся бѣгствомъ съ окружающей его дружиной. Негодный тиранъ, Сигизмундъ Кейстутовичъ, слушаясь такого же негоднаго совѣта Польскихъ вельможъ, желавшихъ больше всего истребленія Рускихъ и Литовскихъ князей, приказалъ страшно замучить плѣнника своего, Сигизмунда Корибута,

своего родственника, именно, двоюроднаго брата, знаменитаго полководца и бывшаго короля Чешскаго (190). Въ этой битвѣ не участвовали войска южной Руси, т. е., Волыни и Подола, потому что, желая очутиться въ Жмуди, подъ Вилкомiромъ, на границѣ Пруской, имъ слѣдовало бы пробраться либо вдоль Литвы, принадлежавшей непріятелю, либо же вверхъ по Березинѣ, къ Двинѣ, а оттуда въ Жмудь, стало быть, больше 700 верстъ. Впрочемъ, дѣло возможное, что какая-нибудь часть Подола и въ 1435 году поддалась Польскому королю.

---

(190) По убіеніи бездѣтнаго Сигизмунда Корибутовича оставалось въ живыхъ изъ всего потомства Гедиминова, нѣкогда столь многочисленнаго, только пять человѣкъ мужескаго пола, то есть, два Ягайловыхъ сына, Владиславъ и Казиміръ, Свидригайло, дядя ихъ, и Сигизмундъ Кейстутовичь, котораго Поляки посадили въ Литвѣ, да сынъ его, Михаилъ; прочіе же всѣ частью вымерли разнымъ образомъ, а частью истреблены собственными родственниками или братьями. Витовтъ отравилъ Вигунта, повѣсилъ Наримунта, и приказалъ отсѣчь голову Коригайлу, а Скиригайла отравилъ монахъ, и т. д. Я потому здѣсь упоминаю объ этомъ, чтобы показать послѣ всю ничтожность тѣхъ домовъ, которые въ слѣдующихъ вѣкахъ старались выводить происхожденіе свое отъ Гедимина, или же называться Ягайловичами. Провидѣніе наказало даже тѣхъ изъ нихъ, которые, истребляя другихъ, остались въ живыхъ, именно безплодіемъ. Витовтъ не имѣлъ сына, Свидригайло также умеръ безъ всякаго потомства. Даже самый Ягайло, родившій, на 76 и 78 году, Владислава и Казиміра, увѣренъ былъ, что не онъ ихъ отецъ, и только на представленія государственнаго совѣта прекратилъ розыскъ, столько непріятный для народа.

И въ самомъ дѣлѣ, нѣкоторые сочинители (191) (современный Длугошъ ничего не упоминаетъ объ этомъ), разсказываютъ, что Свидригайло, вѣроятно, завидуя успѣхамъ Федька изъ Осprога, или же, по тому, что этотъ послѣдній рѣшился уже не полагаться болѣе на силы Свидригайла, но только на свои собственныя, какъ происходившій самъ отъ, нѣкогда владѣтельныхъ, Русскихъ князей, вторгся на Подолъ, поразилъ Федька и взялъ его въ плѣнъ. Сосѣдственные Польскіе полководцы на Руси, Викентій изъ Самопулъ и Михаилъ Бучацкій, ударили на Свидригайла, принудили его отступить и освободили изъ плѣна князя Федька, называемаго ими шутъ, вѣроятно, по владѣнію его, Несвижскимъ. Благодарный Федько отдалъ королю Брацлавъ (192) и Кременецъ (вѣроятнѣе Каменецъ, взятый имъ въ 1433). Король, обрадованный переходомъ и присягой, такъ сильнаго вельможи и славнаго богатыря, подтвердилъ ему не только наслѣдственное имѣніе его, Збаражъ, Винницу, Хмельникъ и Соколъ (193), но даже отдалъ назадъ Брацлавъ

---

(191) *Kromer* pag. 311. *Bielski* str. 351.

(192) А потому Брацлавъ, завоеванный, въ 1433 году, Стефаномъ, воеводой Молдавскимъ, какъ сказано выше, въ §. 29, и отданный Полякамъ, Федько изъ Осprога долженъ былъ снова отнять у Поляковъ въ томъ же 1433, или 1434 году; иначе, не владѣя имъ, онъ не могъ бы возвращать его королю Польскому 1435.

(193) Это долженъ быть Соколовъ между Осprогомъ и Осprожкомъ на Волыни. Кромеръ называетъ его Socoliciam.

и Кременецъ въ посмертное владѣніе (194). Это событіе могло быть слѣдствіемъ уже благоразумнѣйшей политики Польскаго правительства на счетъ Червоной Руси, т. е., слѣдствіемъ повелѣнія короля Ягайла, даннаго имъ въ Львовѣ, какъ сказано было выше, въ §. 29, подъ 1432 годомъ, по коему никто не смѣлъ разрушать или пустошить Русскихъ церквей, равномѣрно неволить Русина къ принятію Католической вѣры. Можетъ быть на это имѣло также свое вліяніе и то постановленіе короля и совѣта Польскаго, при вѣнчаніи Владислава молодаго, въ 1434, въ слѣдствіи коего Руское дворянство сравнено было въ правахъ своихъ съ Польскимъ. Такое измѣненіе въ образѣ мыслей Руси тѣмъ болѣе вѣроятно, что въ то время не было ни однаго могущественнаго одноплеменнаго государства, къ которому бы Русины могли прильнуть и на него опереться.

Уже выше, подъ 1433 годомъ, сказано было, что Илія, воевода Молдавскій, былъ заключенъ въ Сѣрадѣ, а братъ его, Стефанъ, вопреки всякому праву, удержался, при помощи Польскихъ вельможъ, на своемъ престолѣ. Въ 1435 году снова держанъ былъ совѣтъ, не лучше ли было бы освободить его; но мнѣнія были противъ этого. Между тѣмъ Илія, недовольный всѣмъ, бѣжалъ тайно изъ заключенія, счастливо прибылъ въ Молдавію и былъ окруженъ

---

(194) Послѣ увидимъ, что этотъ Брацлавъ принадлежалъ Литовской Руси, а вождемъ въ немъ былъ князь Черторыйскій.

своими приверженцами, при помощи коихъ захватилъ значительную часть земли, и, такимъ образомъ, открылась кровопролитная война между братьями. Польское правительство приступило къ примиренію. Такъ какъ Илія, владѣя землей, имѣлъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и средства склонить другихъ на свою сторону, то, потому, совѣтъ Польскаго государства, слѣдуя правилу Римлянъ: „Divide et impera," раздѣлилъ Молдавскіе края между двумя братьями — соперниками. Илія получилъ часть, составленную Польшѣ, съ городомъ Сучавой, а Стефанъ край вдоль Чернаго моря, съ столицей Акерманомъ или Бѣлгородомъ. Оба они обязаны были явиться, въ 1436 году, въ Львовъ, въ день св. Михаила, и присягнуть въ вѣрности и подданствѣ Польскому королю и его престолу. Король Владиславъ самъ прибылъ въ Львовъ и торжество совершено было при всѣхъ, на торговой площади, Иліей и его боярами; при этомъ онъ обязался доставлять королю, ежегодно, отъ имени своей земли, какъ дань, 100 возовъ рыбы визиры, 400 воловъ, 100 коней и 40 шелковыхъ матерій, называемыхъ багряница (purpura), а сверхъ того уступилъ еще королю землю Сепинскую, т. е., Хотинъ, Черминъ и Хмелевъ. Задобривъ Польскихъ вельможъ богатыми подарками, онъ, въ награду за то, получилъ Галицкій замокъ. Когда послы Стефана прибыли и просили назначить день своему государю для присяги, то Илія до того успѣлъ уже скло-

нишь на свою сторону Польскихъ вельможъ, что ихъ даже не выслушали (195).

1437—1438.

Свидригайло, узнавши о томъ, какъ счастливо удалось Молдаванину, Ильѣ, обработать дѣло свое въ Польшѣ подарками и деньгами, тоже рѣшился пойти путемъ его, чтобы склонить Польшу, по крайней мѣрѣ, не вмѣшиваться въ его дѣло. Такимъ образомъ, прежде всего, отправилъ онъ пословъ съ значительными подарками для вельможъ (196), а потомъ и самъ прибылъ въ Краковъ, 13 Августа, 1437 года, гдѣ до того успѣлъ, что склонилъ королевскій совѣтъ (quibus omnibus magni ponderis munera obtulerat), что положено было съѣхаться въ Сѣрадъ для совѣщаній объ его дѣлѣ. Если бы онъ уже не жалѣлъ до конца подарковъ, то, конечно, успѣлъ бы въ своемъ дѣлѣ, тѣмъ болѣе, что онъ склонилъ было на свою сторону, обѣщаніемъ уступить (197) замки свои, Луцкъ и Олесько, двухъ, самыхъ трудныхъ для подкупа, вельможъ, т. е., Викентія изъ Самотулъ и Яна изъ

---

(195) *Długosz* p. 690. *Gebhardi* S. 119.

(196) Cum notabilibus muneribus. *Długosz* pag. 696.

(197) Такимъ образомъ, Олесько, завоеванное въ 1432 году Поляками, и отданное тогда же во владѣніе, какъ показываютъ намъ §§. 28 и 29, Поляку Яну de Sienno, снова досталось въ руки Свидригайла, обѣщавшаго опять подарить его этому же самому Яну изъ Сѣнна.

Сѣнаго, потому что королевскій совѣтъ отправилъ къ Сигизмунду Кейстутовичу архіепископа Гнѣзденскаго, епископа Краковскаго, и другихъ вельможъ, предлогая ему помириться съ Свидригайломъ. Это было уже большимъ шагомъ впередъ, потому что правительство Польское признавало этѣмъ законность его требованій и ставило на одной доскѣ съ Сигизмундомъ. Но такъ какъ, съ одной стороны, Сигизмундъ не жалѣлъ, также, сокровищъ для вельможъ, а съ другой Свидригайло не склонялся на такую низкую зависимость, какую принялъ Сигизмундъ, то, потому, дѣло и остановилось въ томъ самомъ положеніи, какъ прежде было, и Свидригайло удержалъ за собой только одну Волынскую землю и часть Подола (198). Можетъ быть, этому много содѣйствовало еще нападеніе Ташаръ, въ слѣдующемъ 1438 году, на Подолъ и Галицкую Русь. Произошла битва между Польско-Русскими войсками и Ташарами, въ которой первые были поражены на голову и цвѣтъ Рускаго дворянства легъ на мѣстѣ сраженія (199), или же достался въ поносную неволю. Въ числѣ убитыхъ былъ и Михайло Бучацкій, староста Подольскій. Но гдѣ происходила эта битва, о томъ Польскіе историки не оставили намъ ни какихъ свѣдѣній.

---

(198) *Długosz* pag. 697. Слѣдовательно, не былъ въ изгнаніи, какъ ложно увѣряетъ позднѣйшій писатель. Онъ отправлялъ пословъ съ дарами для подкупа, и даже самъ пріѣхалъ въ Краковъ, 1437 года.

(199) Praestantiores milites Russiae cecidisse. *Długosz* pag. 707.

1439.

Христіянская церковь, за исключеніемъ нѣкоторыхъ ересей, пораженныхъ на первыхъ семи соборахъ, оставалась въ единеніи и согласіи до самаго 858 года, хотя нѣкоторые народы, страны и края, слѣдуя особымъ, первоначально у нихъ заведеннымъ и временемъ утвержденнымъ, церковнымъ обрядамъ, различно отправляли богослуженіе и другія религіозныя установленія (200). Въ 858 году, Христіянство раздѣлилось на двѣ большія половины не только въ обрядахъ и церковномъ порядкѣ, но даже въ ученіи вѣры. Римская церковь, подъ начальствомъ своего епископа, называемаго папой, съ духовенствомъ Западнымъ, зависящимъ отъ него, стала на одной сторонѣ, а патріархъ Греческій, Цареградскій, съ патріархами Александрійскимъ, Антіохійскимъ и Іерусалимскимъ и своимъ духовенствомъ, стали на другой сторонѣ, подъ своей собственной хоругвью. Описывать причины раздѣленія и основанія, на которыхъ каждая изъ нихъ опираетъ свое ученіе, не принадлежитъ къ предмету моего сочиненія, а потому довольно будетъ сказать, что раздѣленіе это продолжается по сю пору, и что Русины приняли Христіянство, въ 928, отъ Грековъ, равно какъ и прочіе Славянскіе народы перво-

(200) Die vorzüglichsten Denkwürdigkeiten der christkatholischen Kirche, von Anton Joseph *Bintrem.* Mainz 1827.

начально слѣдовали тоже ученію этѣхъ послѣднихъ и считали исповѣданіе свое православнымъ, Римско-Латинское же отщепнымъ; напротивъ, Римляне считали и считаютъ Грековъ и держащихся ихъ стороны раскольниками. Конечно, папа и другія знаменитыя владѣтельныя особы старались нѣсколько разъ соединить обѣ стороны, однако предпріятіе это всякой разъ было суетно и напрасно. Въ это время, т. е., около 1139, царство Греческое клонилось къ упадку. Тѣснимое могущественными Турками, оно ограничивалось слишкомъ тѣсными предѣлами, которые Турецкій Султанъ, Амуратъ II-й, сбирался уже захватить себѣ. Помощь для поддержанія клонившагося къ паденію Греческаго царства, была крайне необходима, а потому императоръ, Иванъ Палеологъ, отправился къ папѣ, Евгенію, главѣ Западнаго Христіянства, и просилъ вспоможенія и спасенія. Римскій епископъ согласился на это, но съ условіемъ, чтобы императоръ, съ Цареградскимъ патріярхомъ и его духовенствомъ, соединился съ Римской церковью, отказался отъ догматовъ, противныхъ ей, призналъ папу главой всего Христіянства, и, для конечнаго повершенія такого соединенія, называемаго уніей, прибылъ бы на соборъ, въ Италіи, назначенный сперва въ Ферарѣ, а потомъ во Флоренціи. Императоръ, приведенный въ крайній недостатокъ и ничтожество, былъ даже не въ состояніи предпринять на собственный счетъ этого путешествія, и потому отправился въ Италію, на судахъ, присланныхъ папой, съ

патріархомъ своимъ, Іосифомъ, и 20-ю архіепископами, епископами и многими высшими, духовными и свѣтскими, особами. Онъ, со всей своей дружиной, около 700 особъ, получалъ содержаніе отъ папы во все свое пребываніе въ Италіи на соборѣ. Въ числѣ сопровождавшихъ патріарха находился, также, и Исидоръ, родомъ Грекъ (201), митрополитъ Рускій, Кіевскій. Соборъ происходилъ во Флоренціи; соединеніе, по видимому, совершилось, было подписано и объявлено всюду. Однако, прежде, нежели приступлено было къ исполненію, Цареградскій патріархъ скончался во Флоренціи, а Маркъ, митрополитъ Ефескій, намѣстникъ патріарха Антіохійскаго, котораго ни какъ не удалось папѣ склонить на свою сторону золотомъ, не только не принялъ соединенія, предложеннаго соборомъ, но даже осудилъ оное во всеуслышаніе.

Когда окончены были засѣданія собора, касавшіяся соединенія, императоръ отплылъ, съ дружиной своей, назадъ въ Грецію, въ концѣ Іюля, 1439 года. Онъ получилъ отъ папы 20 тысячъ червонцевъ, который, сверхъ того, обязался содержать еще, для защиты Константинополя, двѣ галеры съ тремя стами стрѣльцевъ, а въ случаѣ нужды доставить, въ полгода, 20, а въ годъ, 40 судовъ. Если бы же императоръ нуждался еще въ помощи и на цвер-

---

(201) Kirchengeschichte, von *Berault Bercastel.* XV Band. S. 408.

дой землѣ, но папа обѣщалъ употребить все свое вліяніе на государства Римскаго исповѣданія, чтобы только доставить ему оную. Но напрасны были усилія и заботы папы; соединеніе это кончилось ничѣмъ. Греки, лишь только воротились въ Константинополь, принуждены были, возставшимъ низшимъ духовенствомъ и народомъ, отречься отъ Флорентійскаго собора. Не лучшая судьба ожидала и Рускаго Исидора, получившаго отъ папы кардинальскую шапку. Воротившись въ свою столицу, онъ попалъ въ большую опасность: былъ заключенъ въ темницу, изъ которой едва убѣжалъ, и только въ Римѣ нашелъ безопасное убѣжище себѣ (202).

Хотя историкъ церкви, Берольцъ Беркастель (203) и увѣряетъ, что постановленія Флорентійскаго собора были приняты на Руси, смежной съ Польшей, т. е., въ нашей Галиціи, однако въ этомъ не льзя ему вѣрить, потому что зачѣмъ же происходила послѣдующая Унія, 1595, Унія, при введеніи которой должно было бороться, цѣлое столѣтіе, съ такими опасностями, и только въ 1708 удалось, нѣкоторымъ образомъ, осуществить ее? Это подтверждаетъ и самъ Длугошъ (стр. 727), описывающій намъ, въ 1440 году, прибытіе Исидора, какъ кардинала и посла съ

(202) *Также* Церковная исторія. XV. книж. 51.
(203) *Также*, стр. 408.

булами папы въ Польшу, который совершалъ, прежде всего, литургію торжественно въ Сѫчѣ (Sącz), а потомъ въ Краковѣ, въ Латинскихъ церквахъ; но, прибывши на Русь, худо былъ принятъ ею, осмѣянъ, обруганъ, заключенъ въ темницу, лишенъ всѣхъ огромныхъ богатствъ, собранныхъ имъ, и что эта Унія продолжалась только самое коротkое время. Вотъ собственныя слова современнаго Длугоша: „Unio tamen illa ecclesiae cum Graeca breviusculo duravit tempore, Graecis et Ruthenis, qui circa illam praesentes non erant, eam irridentibus et contemnentibus, unde cum praefatus Cardinalis ad suos suffraganeos in Rusiam et Moscoviam venisset, per principes Moscoviae capitur, in carcerem includitur et omnibus thesauris, quos jam notabiles conquisiverat, spoliatur.“ Впрочемъ, разсудивши надлежащимъ образомъ, откроется, что эта Унія едва ли продолжалась у насъ и самое коротkое время. И, въ самомъ дѣлѣ, что было нужды Русскому народу, еще въ то время крѣпкому, если митрополитъ его, и притомъ Грекъ, отрекся, съ нѣсколькими, можетъ быть, духовными, Православной вѣры? Это было дѣло его, отщепенца, а не народа, могло обязывать его только однаго, а не народъ (204).

---

(204) Греки и Русины, говоритъ *Стрыйковскій* (стр. 561), смѣялись надъ Римскими обрядами и пренебрегали Уніей. Когда Исидоръ прибылъ въ Львовъ исовершалъ литургію въ Латинскомъ храмѣ, то Русины косо смотрѣли на это, пишетъ Зиморовичъ, и не присутствовали на ней.

Нѣсѣцкій (часть 1., стр. 90) пишетъ, что эта Унія существовала уже съ 1364 по 1515, и что уничтожена была только при Іонѣ, митрополитѣ Кіевскомъ. Это ложь, потому что, если бъ это была правда, въ такомъ случаѣ не нужно бъ было ѣздить на Флорентійскій соборъ, Русины не изгнали бъ Исидора, и не было бы нужды крестить Ягайла и братьевъ его во второй разъ по Римскому обряду. Однимъ словомъ, исторія предлогаетъ намъ самые неопровержимые доводы противъ ея существованія.

§. 31.

1440.

Уже семь лѣтъ прошло тому, какъ Сигизмундъ Кейстутовичь, навязанный Польшей Русинамъ и Литовцамъ и ненавидимый ими, владѣлъ Литвой, какъ подручникъ Польши, среди войнъ съ Свидригайломъ. Онъ опротивѣлъ и нетерпимъ былъ обоими народами уже на другой годъ своего вступленія на княжескій престолъ, и, разумѣется, господство этого тирана давнымъ бы давно кончилось, если бъ не стража и помощь Польская. Онъ видѣлъ, что народъ его терпѣть не можетъ, и мстилъ за это ужаснѣйшимъ свирѣпствомъ, отдавая первѣйшихъ особъ земли въ руки палача. Хотя Поляки и желали, въ сущности, имѣть такого неспособнаго и ничтожнаго государя въ Литвѣ и Руси, и тѣмъ воспользоваться имъ и народомъ его для собствен-

ныхъ своихъ выгодъ, при всемъ томъ и они не одобряли его правленія, предвидя, что ненависть народа къ нему, какъ къ творенію и орудію ихъ, должна также обратиться и на нихъ самихъ. Съ этой цѣлью совѣтовали они ему управлять съ большимъ человѣколюбіемъ и кротостію, но совѣты ихъ были напрасны. Наконецъ, пробилъ и его часъ. Недовольные, видя, что имъ не льзя сбыть съ рукъ навязаннаго имъ государя открытой войной и оружіемъ, рѣшились избавиться, ненавистнаго имъ, измѣной. Предводителемъ заговорщиковъ былъ знаменитый боярин, родомъ и вѣрой Русинъ, князь Иванъ Черторыйскій (205).

---

(205) „Nam dux Iwan Chartoryiski *ritus et generis Ruthenici*, cum nonnullis Lithvanis et Ruthenis conspirationem contra Sigismundum Magnum Ducem Lithvaniae fecit", пишетъ современникъ *Длугошъ* (кн. XII, стр. 723), а *Кромеръ* (стр. 318): „Sigismundum conspiratione Iwani Russi ducis Czartoriensis et aliorum quorumdam Russorum et Lithvanorum procerum apud Trocos interfectum esse." И такъ, приведенныя сейчасъ слова современника Длугоша и, достойнаго вѣроятія, хотя позднѣйшаго, Кромера, не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что князья Черторыйскіе суть Рускаго, а не Литовскаго, роду, не изъ дому Ягайловцевъ, какъ это старались доказать изъ лести нѣкоторые новѣйшіе генеалоги и панегиристы, особливо Латинскіе монахи (Князь Иванъ Черторыйскій, жертвовавшій собой съ такимъ самоотверженіемъ въ дѣлѣ народа своего противъ Сигизмунда, не предвидѣлъ того, что спустя четыре вѣка, одинъ изъ потомковъ его приметъ участіе въ возмущеніи Поляковъ противъ народа Рускаго). Прадѣдъ князей Черторыйскихъ, быть можетъ, заключалъ уже, какъ князь

Онъ, дождавшись, съ своей дружиной, благопріятнаго времени, т. е., когда стража ширана слушала службу Божію, въ Вербное воскресенье, 1440 года, ворвался шайкомъ въ покои княжескіе, убилъ преступнаго Сигизмунда, и тѣмъ избавилъ

Рускій, въ 912 или 945 г., вмѣстѣ съ другими князьями, бывшими подъ начальствомъ В. князя, договоры съ Греческими императорами (Руская Правда. II. стр. 1—8), когда предки Ягайла, въ то время полудикіе, питались еще въ Литовскихъ дебряхъ желудями. Съ смертію Сигизмунда Августа прекратился родъ Ягайловскій въ мужескомъ колѣнѣ; но любовь Поляковъ къ этому добродушному роду, такъ была велика, что они заставили жениться храбраго Стефана Баторія на 52-лѣтней Аннѣ, потому только, что она была изъ дому Ягайловскаго, а по смерти Баторія искали даже за моремъ далекой отрасли упомянутаго рода. Этого бы вовсе непужно было, если бъ кто-нибудь существовалъ еще изъ любимаго дома въ Литвѣ или Польшѣ. Начало знаменитыхъ родовъ Польскихъ и Рускихъ болѣе всего затемнили, какъ я сказалъ уже, гонявшіеся за наградой генеалоги-монахи въ своихъ посвященіяхъ разнаго рода книгъ, равно какъ и надгробныхъ рѣчахъ. Это бѣшенство до того простерлось, было, что каждый выводилъ родъ свой, ежели не отъ королевскаго или княжескаго колѣна, то, по меньшей мѣрѣ, отъ иноземнаго. Считали честью доказывать свое происхожденіе отъ Римлянъ, Грековъ, Галовъ, и т. п., лишь бы только не быть Славяниномъ, Русиномъ, Полякомъ, потому что это считалось униженіемъ. Однимъ словомъ, чужеземность (peregrinitas) считалась честью. Приведу, для смѣха, одинъ примѣръ. Домъ Шептицкихъ принадлежитъ въ Галиціи къ числу самыхъ знаменитыхъ, древнихъ и довольно богатыхъ, Рускихъ, домовъ. Въ 1620 г. одинъ священникъ, издавая книгу въ Угорцахъ и посвящая ее Шептицкому, не могъ болѣе превознесть

край свой отъ его свирѣпства. По убіеніи Сигизмунда Литва раздѣлилась, или лучше вельможи ея, на нѣсколько сторонъ. Виленскій Латинскій епископъ, Полякъ, и всѣ, принявшіе его вѣроисповѣданіе, а потому благопріятствовавшіе Польшѣ, далѣе, Ви-

---

его похвалами, какъ только назвавъ „Рускимъ." Но въ 1743 доминиканецъ Ходыкевичь, посвящая свое разсужденіе митрополиту Афанасію Шептицкому, уже не довольствовался этой честью, но искалъ другой, и нашелъ ее. Онъ гдѣ-то вычиталъ, что былъ, когда-то, предъ Р. Х., нѣгдѣ какой-то Римскій преторъ, или что-то въ этомъ родѣ, который звался Titius *Septitius*, и сейчасъ же пожаловалъ этого Тиція Септиція въ родоначальники Шептицкимъ. Подобнаго рода глупостей я могъ бы привести безчисленное множество. — Возвращаюсь еще разъ къ, такъ названнымъ похлѣбниками, Ягайловцамъ, т. е., Корибутовичамъ, Коріатовичамъ, и п. и. По словамъ Нѣсѣцкаго (стр. 94), еще предъ 1416 г, стало быть, въ царствованіе Ягайла, былъ князь Несторъ Олгимунтовичь (т. е., племянникъ или другой какой родственникъ короля, Гедиминовичь, Ягайловичь) Рускимъ владыкой, т. е., епископомъ, въ Луцкѣ. Можно ли же думать, чтобы такой близкій родственникъ короля, былъ презираемымъ въ ту пору Рускимъ епископомъ? Говорю презираемымъ, потому что, когда во время съѣзда государей, случившагося тогда въ Луцкѣ, духовенство вышло на встрѣчу императору Сигизмунду, то одного только Латинскаго епископа чествли, а Рускаго и Армянскаго посадили на одной лавкѣ съ Жидовскимъ равиномъ. Сшаточное же дѣло такое неуваженіе близкому родственнику короля? Отсюда открывается, что ни онъ, ни преемники его, князья Кобринскій и Збаражскій, Холмскіе владыки, равно какъ и другіе князья, такъ называемые, впослѣдствіи, Корибутовичи, Коріатовичи, и т. п., не были потомками Гедимина, родственниками Ягайла, но, просто, Рускими князьями.

ленскій каштелянъ Осцикъ, хотя Русинъ, и Гаспольдъ Монвидъ (206), желали, чтобы король Польскій былъ вмѣстѣ и Великимъ княземъ Литовскимъ. Другіе, обязанные возвышеніемъ своимъ убитому Сигизмунду, держали сторону сына его, Михайла, а нѣкоторые склонялись къ Александру, князю Слуцкому, или сыновьямъ его. Но большинство, вмѣстѣ съ Русинами, а въ томъ числѣ и Черторыйскій, придерживались Свидригайла, и потому сдали ему городъ и замокъ Луцкій, гдѣ Русины составляли стражу (207). Онъ освободилъ брошенныхъ Сигизмундомъ въ темницу, и тѣмъ еще болѣе снискалъ себѣ сердца и умножилъ силы свои (208). Въ это время Болеславъ, князь Мазовецкій, пользуясь замѣшательствомъ, захватилъ часть Руси, т. е., землю Добрынскую, съ замками, Мѣдники и Бѣльско.

Пока все это происходило въ Литвѣ и на Руси, въ совѣтѣ Польскомъ разсуждали о средствахъ, какія слѣдовало принять относительно этихъ краевъ. Безъ сомнѣнія, самымъ лучшимъ средствомъ для присоединенія Литвы къ Польшѣ (209),

---

(206) *Bielski* str. 360.

(207) Ruthenis qui in eo erant, et sibi mirabiliter afficiebantur. *Dlugosz* pag. 725.

(208) *Kojalowicz* p. 177.

(209) Пускай это не удивляетъ читателя, что я, пиша исторію народа Рускаго въ Галиціи, безпрестанно говорю о Литвѣ. Галицкая Русь съ Волынской, Владимірской и Подольской Русью составляютъ одинъ

было занять эту область во имя короля Владислава. Но какъ онъ, избранный въ короли Угорскіе, долженъ былъ туда удалиться для занятія престола, а Литовцы, кромѣ того, противились соединенію съ Польшей, то, потому, положено было отправить въ Литву, съ достаточной силой, 14-лѣтняго Казиміра, брата короля, обязывая его править Литвой, не какъ Великій князь, но какъ намѣстникъ короля и губернаторъ королевства Польскаго (210). По крайней мѣрѣ такъ пишетъ объ этомъ Длугошъ; напротивъ того, Коялович (211), не смотря на то, что списывалъ только Длугоша, прикрашивая простой слогъ его, шутъ отступаетъ отъ него и доказываетъ, что большая часть Литовскихъ вельможъ всѣхъ сторонъ, предводимыхъ, на съѣздѣ своемъ, княземъ Гольсой и Юріемъ Алгимондомъ, согласилась принять къ себѣ Казиміра, но такъ, чтобы съ Польшей не имѣть ни какой связи. Потому они отправили къ нему двухъ братьевъ, Кейзгайловъ, а Казиміръ,

---

и тотъ же народъ, такъ что рѣшительно не льзя провести между ними надлежащихъ границъ, потому что эти послѣднія въ разное время разно измѣнялись. Далѣе, дѣяній Волыни и Володиміріи тоже не льзя отдѣлить отъ Литвы, потому что эти, со временъ преобладанія Литвы, составляли одно тѣло съ Витебскомъ, Полоцкомъ, Смоленскомъ и княжествомъ Кіевскимъ. А потому, вся Русь, отъ Карпатъ по Волгу, и отъ Двины по Черное море, была и есть одинъ великій народъ, хотя въ разное время имѣла разныхъ владѣтелей.

(210) *Długosz* pag. 726.

(211) *Kojałowicz* pag. 180 и 181.

вопреки воли Польскихъ вельможъ, тихонько ушелъ изъ Сѫдоміра (Sądomirza) въ Брестъ Рускій, гдѣ съ радостію былъ принятъ, провозглашенъ Великимъ княземъ и выслушалъ присягу въ вѣрности. Сообразивши послѣдующія обстоятельства, мы не усумнимся въ правдоподобіи Кояловичева разсказа.

Вотъ и прибылъ Казиміръ въ Литву. Вступивши, черезъ Нѣменъ, въ предѣлы этого края, онъ былъ привѣтствованъ большей частью Литовскихъ и Рускихъ бояръ, между которыми знаменитѣйшіе Русины: Олесько Кіевскій, Юрко Семеновичь, Василь Путята, Оботко Корибутъ (212) и Сенько Гедигольдовичь. Поляки, сопровождавшіе его, были богато одарены и отосланы изъ Литвы, чтобы они не препятствовали Великому князю совершенствоваться въ народномъ языкѣ, обычаяхъ и правахъ. Потому что Литовцамъ не были тайной намѣренія Польскихъ вельможъ, дожидавшихся только прибытія короля изъ Угріи, чтобы тотчасъ приступить къ дѣлежу Литвы и Руси, по которому намѣревались къ Польшѣ присоединить Брестъ и Кре-

---

(212) Надобно замѣтить, что имя Корибутъ принадлежало собственно не одному лишь сыну Ольгерда, брату Ягайла, потому что были и другія особы, носившія это имя, на примѣръ Оботко Корибутъ; но что оно значило, и было ли оно Славянское, или Литовское, это мнѣ не извѣстно. Можетъ быть, это было Христіянское имя, но только переиначенное, подобно имени Ягайло, которое, собственно, значитъ Яковъ.

менецъ, за Болеславомъ Мазовецкимъ, скрѣпишь землю Добрынскую Михайлу Сигизмундовичу назначишь какой-нибудь удѣлъ, а остальную Литву и Русь разбишь на двѣ части, изъ коихъ одну ввѣришь правленію Казиміра, а другую оставишь Свидригайлу, и, такимъ образомъ, утвердишь вліяніе и значеніе Польши въ этомъ раздробленномъ государствѣ (213).

1441.

Польскіе вельможи, видя себя отдаленными отъ обладанія Литовской Русью, передались на сторону Михайла Сигизмундовича и Болеслава Мазовецкаго. Первый домогался своего отцовскаго наслѣдства, а Казиміръ и Литовцы ни коимъ образомъ не соглашались на возвращеніе его въ Литву, опасаясь, чтобы и его, подобно какъ отца его, не употребили Поляки орудіемъ къ безпокойствамъ. Второй же овладѣлъ, по убіеніи Сигизмунда, Добрынской землей, и не хотѣлъ воротишь ее назадъ, а потому оружіе должно было рѣшишь споръ за обладаніе ею. Въ этѣ-то споры положили вмѣ-

(213) Quatenus ducatus ipse in plures partitus, acciperet in his terris, quae nondum cultae sunt, augmentum, et regibus Poloniae atque regno cui subiectus est, taliter diminutus, culcitrare non auderet. *Długosz* pag. 753. Такъ какъ это правило сказалось, прежде всего, въ Польшѣ, то, слѣдовательно, Польша по всему праву была, впослѣдствіи, раздѣлена другими, quia nondum culta fuerat. Словомъ: Nil novi sub sole.

шаться Польскіе вельможи, какъ посредники, собираясь помогать обоимъ, Михайлу и Болеславу, потому что они желали видѣть Рускую Добрынскую землю подъ властью слабаго Мазовецкаго князя, тѣмъ болѣе, что, по прекращеніи дома его, владѣнія его должны были достаться Польшѣ. Съ этой цѣлью рѣшено было съѣхаться, для примиренія обѣихъ сторонъ, въ день св. Мартина, въ Парчевъ. Хотя Литовскіе и Рускіе бояре пріѣхали туда, однако съ Поляками не сошлися, потому что они, теперь уже пріобрѣвшіе болѣе опытности въ дипломатическихъ сношеніяхъ, не дались въ обманъ. А потому Поляки тѣмъ больше утвердились въ намѣреніи раздѣлить Литву на мелкія княжества (214). Между тѣмъ, Казиміръ, не обращавшій вниманія на происки Поляковъ и любимый своими подданными, старался упрочить благоденствіе края. Онъ мирно кончилъ дѣла свои съ бездѣтнымъ дядей, Свидригайломъ, владѣвшимъ частью Волыни и Подола, а Олельку Владиміровичу, происходившему, по мнѣнію нѣкоторыхъ, отъ князей Литовскихъ, а по моему, отъ Рускихъ, скрѣпилъ владѣніе Кіевскимъ княжествомъ.

1442.

Пока все это происходило въ Литвѣ, Польшѣ и на Руси, Владиславъ, король Польскій, бывшій въ

(214) Consultumque est Lithvaniam dividendam partiendamque in plures principes, ut potestate imminuta, insolientia quae ex illa oriebatur, conquiesceret. *Dlugosz* pag. 763.

Угріи, готовился къ войнѣ, Онъ нуждался, для большаго усиленія себя, въ помощи земель Польскихъ. Поэтому, по приглашенію его, отправились къ нему въ Угрію, въ 1441 году, Петръ Одровяжъ (Odrowąż), воевода и староста Львовскій, Грыцько Кырдіёвичь, теперь уже воевода Подольскій, съ значительнымъ отрядомъ, собраннымъ ими изъ Руско-Галицкаго дворянства, отъ чего край этотъ, лишенный всякой защиты, подвергся, около Троицына дня, 1442 года, нападенію Татаръ, ворвавшихся на Подолъ и опустошившихъ его, равно какъ и Галицію до самаго Львова, и уведшихъ съ собой безчисленное множество плѣнниковъ изъ дворянъ и простаго народа, а также и разнаго рода добычи. Не было никого, кто бы могъ противопоставить сопротивленіе, потому что дворянство, способное носить оружіе, отправилось въ Угрію. Правда, какой-то Виндика шенуторій Глинянъ отважился, было, противостать имъ съ малымъ числомъ, и даже поразилъ нѣкоторые Татарскіе отряды, однако же, окруженный, подъ конецъ, сильнымъ и многочисленнымъ непріятелемъ и разбитый на голову, погибъ богатырской смертью на мѣстѣ сраженія. Причиной этихъ несчастій было корыстолюбіе Поляковъ и несправедливое правленіе легкомысленнаго Владислава. Поляки считали Руско-Галицкую землю хорошей добычей, и потому относились къ королевскому двору въ Угріи съ прозьбами о дарованіи имъ городовъ и селеній на Руси и Подолу. Король безразсудно удовлетворялъ этимъ просьбамъ,

и приказывалъ выдавать дарственныя грамоты имъ на владѣніе землями, селами и городами, испоконъ принадлежащими Русинамъ. Поляки, вступивши съ оружіемъ въ рукахъ и помогая другъ другу, отнимали имущество и имѣнія у Русиновъ, обращая бѣднѣйшихъ въ подданство себѣ, а болѣе богатыхъ цѣликомъ грабя. Эти несчастныя и невинныя жертвы чужаго насилія, гонимыя нуждой и мщеніемъ, убѣгали къ Татарамъ, и, не могши ворошить свои, кипящія медомъ и млекомъ, земли, принуждены были приглашать этихъ разбойническихъ наѣздниковъ, а тѣмъ разорять и пустошить свое отечество. Хотя Длугошъ, вовсе не благопріятствуя Русинамъ и Рускому дѣлу, умѣлъ прикрасить даже безстыдные поступки своихъ соотечественниковъ, однако же не могъ скрыть этой несправедливости и тиранства, взывавшихъ о мщеніи. Если не изъ любви къ Русинамъ, по крайней мѣрѣ отъ сожалѣнія, что столько жадныхъ его земляковъ, захваченныхъ Татарами въ неволю, сдѣлалось жертвой своего корыстолюбія, и что такъ плодородная область опустошена, оставилъ намъ нѣкотораго рода объ этомъ свѣдѣтельство: „Augebat etiam hujusmodi malum“ (т. е., Татарскія нападенія), Baronorum Poloniae ambitio, qui a rege donationibus oppidorum et villarum in terris Russiae et Podoliae impetratis antiquos incolas et haeredes de illis excludebant, qui inopia et egestate pressi, et quadam desperatione compulsi ad Tartaros fugiebant, illosque postmodum ad vastandum terras Russiae et

possessiones, de quibus eiecti fuerant, inducabant. *Dlugosz* pag. 773. *Bielski* pag. 371 (214).

1445.

Второе нападеніе Ташаръ, указанное тоже одними и тѣми же скипальцами, произошло въ 1444. Ташары проникли даже въ предмѣстья са-

---

(215) Уже выше (§. 14, примѣч. 29), подъ 1351 годомъ, намекнули мы, что рабство въ Галицкой Руси, до поступленія ея подъ власть Польши, или вовсе не существовало, или же только кое-гдѣ, и что селенія заняты были вольными людьми, названными, въ грамотѣ 1351 года, бортниками, владѣвшими собственной землей. Въ имѣніяхъ, которыхъ Польскіе короли не успѣли еще раздать своему Польскому дворянству, или заложить, и изъ которыхъ, впослѣдствіи, образовались, такъ называемыя, старостива, и теперь находятся цѣлыя деревни, извѣстныя у насъ подъ именемъ дробной шляхты, а, въ Росіи одводворцевъ, какъ то: Чайковичи, Билина, Городыще, Кульчицы, Селецъ, Высоко, Комарники, и другія. Нѣкоторые изъ нихъ называются боярами, на прим., цѣлое село Нерыбка, подъ Перемышлемъ, а нѣкоторые князьями, на пр. Любича. Всѣ они свободны, владѣютъ собственной землей, ни кому не платятъ подати и не отправляютъ ни какой барщины. Число ихъ, во время занятія Галиціи Казиміромъ, или лучше Ядвигой, въ 1387, долженствовало быть безмѣрно, которое, время отъ времени, уменьшалось, и, наконецъ, только кое-гдѣ уцѣлѣло. Впрочемъ, еще въ XVIII вѣкѣ ихъ было значительное количество, на пр., Блазовъ, Гордыня, Кропильникъ, Литыня, Ступница, Кринница, Ильникъ, Явора, Тополынница, Дверникъ, и пр. д. Нѣкоторыя изъ эшехъ деревень утратили, давнымъ давно, свою независимость вслѣдствіе насилія, а въ новѣйшее время судебныхъ крючковъ. Еще по присоединеніи Галиціи къ Австріи су-

маго Львова, захватили значительную добычу, многія тысячи душъ и воротились безъ малѣйшаго препятствія въ свои улусы. Многіе изъ этого не-

---

ществовала, такъ называемая, чиншовая (оброчная) шляхта въ Подольскихъ уѣздахъ, которой теперь, однако же, и слѣду нѣтъ. Это были люди вольные, коренные пуземцы, и до одного Русины. Сначала неволили ихъ, подъ видомъ королевскаго согласія, къ нѣкотораго рода услугамъ, незначительной подати, а потомъ уже и къ постоянной барщинѣ. Могъ ли простолюдинъ, владѣвшій только нѣсколькими десятинами земли, противиться Польскому старостѣ, имѣвшему нѣсколько сотъ, а иногда и тысячь, собственнаго своего войска? Ему не оставалось больше ничего, какъ только бѣжать на Днѣпръ, или же поддаться воли пана. Притѣсненія сильнѣйшихъ простирались не только на отдѣльныя селенія, но даже на цѣлыя земли и уѣзды, которыя короли Польскіе, по недостатку въ деньгахъ, отдавали въ залогъ своимъ вельможамъ за извѣстную сумму, какъ это увидимъ ниже, въ §. 36, подъ 1465 годомъ. Нѣкоторыя изъ этихъ вольныхъ селъ получили, подъ правленіемъ императорскимъ, дворянскія свидѣтельства и вписаны, какъ дворяне, въ ея геральдическія книги или государственную метрику. Трудно доказать, откуда происходятъ эти дворянскія привилегіи. Правда, Польскіе короли имѣли право, до самаго 1578 (*Skrzetuski* Prawo Polskie. T. I. str. 75), жаловать въ дворяне, кого имъ вздумается, при всемъ томъ нигдѣ не найдемъ мы, ни въ Исторіи, ни въ Volumina legum, ни какого извѣстія, чтобы король пожаловалъ дворянство вдругъ цѣлой общинѣ, состоявшей изъ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, общинѣ бѣдныхъ Рускихъ пахарей, исповѣдывавшихъ вѣру, которой Польское правленіе не благопріятствовало, а только принуждено было, по неволѣ, терпѣть. Впослѣдствіи, именно, послѣ 1578 года, когда право возводить въ дворянство признано было одному лишь сейму, и когда онъ съ трудомъ давалъ его частнымъ лицамъ, тѣмъ менѣе могли получить дворян-

счастнаго дворянства и вольныхъ людей, лишенныхъ своего отечества, равно какъ и другихъ плѣнниковъ Татарскихъ, погибли въ степяхъ; но съ

ство цѣлыя деревни, и потому, напрасно искали бы мы подобнаго примѣра въ дѣлахъ сейма. Стало быть, вольность этѣхъ Рускихъ селеній должно относить ко времени, предшествовавшему Польскому владычеству, то есть, ко времени правленія этѣмъ краемъ Рускихъ князей. Тутъ представляется еще вопросъ: пользовались ли эти вольные обитатели правомъ дворянства въ древнѣйшее время, именно, въ царствованіе Ягайла? Что до меня, то я, по крайней мѣрѣ, сомнѣваюсь въ этомъ: тогда они должны бы имѣли и обязанности этого сословія, то есть, отправлять лично, конную и пѣхотную, военную службу, дома и за границей (Jeckel III. §. 8), которая, по причинѣ значительныхъ издержекъ, была довольно тяжела, даже для самыхъ достаточныхъ людей (смотр. выше, §. 26, подъ 1426 год.). Отсюда заключаю, что только по прекращеніи Ягайловскаго дома, когда введено было вольное избраніе и бурные сеймы, Польскіе вельможи, будучи старостами (а только въ имѣніяхъ королевскихъ или старостахъ находились такія села), открыли двери сеймовъ, для умноженія своихъ приверженцевъ, этѣмъ бѣднымъ, но вольнымъ, Русинамъ, признали ихъ своими братьями, а тѣмъ самымъ и дворянами. Только такимъ образомъ получили Польскіе вельможи большинство голосовъ и распространили вліяніе и перевѣсъ свой (*).

(*) Такіе вольные люди существуютъ цѣлыми общинами не въ одной лишь Польшѣ и Руси, подъ названіемъ дробной шляхты, одноодворцевъ, но и у другихъ Славянскихъ народовъ, на примѣръ Чеховъ, подъ Нѣмецкимъ названіемъ Freysassen, именно, въ краѣ Берунскомъ, Куржимскомъ, Чаславскомъ, Пильзенскомъ и Таборскомъ. Безъ сомнѣнія, въ прочихъ Славянскихъ земляхъ существуютъ тоже подобные свободные люди, владѣющіе своей (собственной) наслѣдственной землей, или, по крайней мѣрѣ, можно бы открыть слѣды прежняго ихъ тамъ пребыванія. Вотъ новый предметъ для изслѣдованій любителямъ древней Славянщины.

другой стороны, многіе изъ нихъ, поселясь на берегахъ Днѣпра, около пороговъ, были праотцами тѣхъ славныхъ Козаковъ, которые, мстя, въ послѣдующіе вѣки, за несправедливость, нанесенную ихъ предкамъ, и передавая ненависть свою къ Польскому племени изъ поколѣнія въ поколѣніе, привели Польское государство къ паденію (215). Изъ предыдущаго легко отгадать, зачѣмъ Поляки такъ настойчиво налегали на присоединеніе Литвы, Волыни, Подола и Кіева, къ Польшѣ. Мы увидимъ послѣ, что дождавшись этого, они съ нетерпѣніемъ бросались, болѣе всего, на Волынь, Подолъ и Украину, и захватили себѣ въ руки рѣшительно всѣ государственныя имѣнія. Это также объясняетъ намъ, откуда уже въ XV в. появилось такое множество Польскаго дворянства на Руси.

1444.

Мы уже сказали выше, подъ 1440 годомъ, что Болеславъ, князь Мазовецкій, овладѣлъ, по убіеніи Сигизмунда Кейстутовича, землей Добрынской; а такъ какъ онъ медлилъ воротить ее добровольно, то, въ 1444, собрались Литовско-Рускія войска и подступили подъ Дорогичинъ. Болеславово войско

---

(215) О происхожденіи Козаковъ тоже самое говоритъ и Пясецкій (стр. 53): Maxime ex provinciis Poloniae russicis, т. е., изъ нашей Галиціи, Волыни и Подола.

состояло изъ Мазуровъ и Поляковъ, при которомъ находился и зять его, Михайло Сигизмундовичъ, коего Полякамъ сильно хотѣлось пристроить гдѣ-либо въ Литвѣ. Ужь все готово было къ битвѣ, какъ вдругъ спорящія стороны заключили между собой миръ, вопреки желанію Поляковъ. По этому миру Болеславъ отказался отъ Дорогичинской земли, а Великій князь, Казиміръ, обязался заплатить ему 6 тысячь широкихъ Пражскихъ грошей и согласился на присоединеніе Болеславомъ, къ своему Мазовецкому княжеству, округа, называемаго Угровъ, который также принадлежалъ къ княжеству Дорогичинскому, а потому самому и Руси. Деньги были отданы, земля Дорогичинская возвращена, а Угровъ все же остался при Литвѣ (216). Это было послѣднее происшествіе, касавшееся Руси въ царствованіе Владислава III-го, потому что въ Ноябрѣ мѣсяцѣ, 1444 года, палъ этотъ король-юноша въ битвѣ съ Турками подъ Варной, какъ это достаточно извѣстно читателю изъ другихъ источниковъ.

§. 32.

1445.

Извѣстіе о пораженіи подъ Варной и смерти короля Владислава наполнили печалью Польшу и

---

(216) *Długosz* pag. 797.

все Христіанство: онъ палъ жертвой собственнаго вѣроломства и отвратительныхъ происковъ папы Римскаго. Когда смерть его сдѣлалась всѣмъ извѣстной, то высшее духовенство и вельможи Польскіе, съѣхались, 23-го Апрѣля, въ Сѣрадъ, и рѣшили просить Великаго князя, Казиміра, какъ брата павшаго, принять Польскій вѣнецъ. Казиміръ медлилъ, отъ Апрѣля 1445, по Іюль 1447 года, слишкомъ два года, занять престолъ Польскій, потому что онъ зналъ, какъ Польскіе вельможи стараются больше и больше уменьшать права королевскія, что они привыкли приписывать удачу себѣ, а неудачу ограниченному королю, и, наконецъ, спремятся овладѣть княжескими и подданныхъ его имѣніями, точно такъ же и въ Литвѣ, какъ это сдѣлали въ Польшѣ, Червоной Руси и на Подолѣ. По этому-то Казиміръ и не соглашался на нѣсколько посольствъ и просьбъ принять столь тяжкую власть, тѣмъ болѣе, что онъ былъ страстно привязанъ къ народу, языку и обычаямъ Рускимъ, господствующимъ въ Литвѣ, и чрезвычайно любимъ своимъ народомъ. Въ этомъ намѣреніи его отказаться отъ Польскаго вѣнца подкрѣплялъ его Литовскій совѣтъ, опасавшійся, чтобы Казиміръ, сдѣлавшись королемъ и не могши освободиться отъ настойчивости Польскихъ вельможъ, не соединилъ съ Польшей Подола, Волыни и другихъ Рускихъ земель (217).

---

(217) *Cromer* pag. 329.

Быть можетъ, онъ дѣйствительно не принялъ бы его, если бы Польскіе вельможи не положили на Пѣшковскомъ съѣздѣ, 1446, объявить Польскимъ королемъ Болеслава Мазовецкаго въ томъ случаѣ, если Казиміръ рѣшительно откажется отъ ихъ престола. Съ этѣмъ рѣшеніемъ отправили они еще разъ пословъ къ Казиміру, предлогая ему на выборъ, хочетъ ли онъ самъ быть королемъ Польскимъ, или же желаетъ видѣть имъ Болеслава.

Избраніе Болеслава сдѣлало впечатлѣніе на Казиміра и расположило къ Польшѣ преданный ему Литовскій совѣтъ. Извѣстно было, что этотъ пылалъ ненавистью къ Казиміру за отнятіе у него Угрова и Дорогичинской земли, равно какъ и зять его, Михайло Сигизмундовичъ, внукъ Кейстутовъ, изгнанный изъ Литовскаго княжества и лишенный достоянія послѣ отца своего, нѣкогда Великаго князя Литовскаго. Это склонило Казиміра, вопреки своему желанію, принять Польскій вѣнецъ.

1446.

Не мое дѣло описывать, дѣйствительно любопытныя, но къ исторіи Червоной Руси мало относящіяся, подробности избранія Казиміра и принятія имъ Польскаго вѣнца. Отсылаю къ Длугошу читателя, любопытствующаго знать подробности этого происшествія. Впрочемъ, долженъ прибавить, что Казиміръ отправилъ Русскихъ князей, Василія, по про-

званію Краснаго, и Юрія Семеновича Осипрогскаго, какъ начальниковъ посольства, съ отказомъ отъ Польскаго вѣнца, въ началѣ 1446 года, въ Пёшрковъ, гдѣ былъ съѣздъ Поляковъ; къ нимъ прибавилъ онъ еще четырехъ бояръ Литовскаго происхожденія (218). Когда въ послѣдній разъ Польскіе вельможи, между коими находился и Петръ de Sprova, воевода Львовскій, съѣхались съ Казиміромъ и его совѣтомъ въ Брестѣ Рускомъ, то король объявилъ условія, на которыхъ согласился принять вѣнецъ, то есть, требуя, чтобы Поляки, съ этѣхъ поръ, не присвояли себѣ ни какого права на Волынь, Подолъ, Рашно, Лопашинъ, Городло и землю Олеськую (219). Польскіе послы, боясь возбудить недоброжелательство въ своихъ товарищахъ, просили короля отказаться отъ своего требованія или, по крайней мѣрѣ, не говорить о немъ, присоединяя, если онъ овладѣетъ вѣнцемъ, то можетъ поступать тогда съ этѣми краями, какъ ему угодно, точно такъ, какъ отецъ его, въ чемъ и они обязываются подкрѣплять его мнѣніемъ своимъ и совѣтомъ (220).

---

(218) *Długosz* XIII. pag. 10.

(219) Слѣдовательно, никто не сомнѣвался въ томъ, что Поляки не имѣли ни какого права на княжество Кіевское и Украину, тѣмъ болѣе, когда нигдѣ не говорится ничего подобнаго даже о краяхъ, лежавшихъ ближе къ ихъ границамъ, и отдѣлявшихъ Польшу отъ Украины. Лопатинъ и Олеська земля лежитъ въ Галиціи, а Городло въ губерніи Люблинской.

(220) *Bielski* str. 384. *Koialowicz* pag. 199.

Итакъ, онъ принялъ вѣнецъ; но, чтобы показать, что онъ вовсе не намѣренъ слѣдовать вполнѣ требованіямъ Поляковъ, приказалъ отдѣлить отъ Польши земли: Ломазы и Полубицы, со многими селами, на лѣвомъ берегѣ Буга (которыя Поляки хотѣли имѣть границей между Польшей и Русью), занять ихъ еще до вѣнчанія своего, и присоединить къ Бресту Рускому, а потому къ владѣніямъ Литовско-Рускимъ (221).

1447.

25 Іюня, 1447 года, совершилось вѣнчаніе на престолъ въ Краковѣ, на которомъ, между прочими высокими особами, присутствовалъ также и князь Свидригайло, съ Русскими князьями, Юркомъ Семеновичемъ, Васильемъ Олешковичемъ и Васильемъ Краснымъ. Такимъ образомъ, это былъ уже третій король, родомъ Литвинъ-Русинъ, взошедшій на престолъ Пястовъ (222). Кромѣ того, при этомъ вѣнчаніи присутствовали еще князья Мазовецкіе, Владиславъ и Болеславъ. Это дѣйствіе должно

---

(221) *Długosz* XIII. pag. 22, 23, 24. *Cromer* pag. 331. Эти земли, Ломазы и Полубицы, лежащія между Бугомъ и Вислой, подтверждаютъ сказанное нами выше, въ §. 5., то есть, что на лѣвой сторонѣ Буга дѣйствительно была Русь, названная мною Надвислянской, и для того-то Казиміръ эти земли, какъ Рускія, отдѣлилъ отъ Польши, и присоединилъ ихъ къ Руси Литовской.

(222) *Długosz* XIII. pag. 27.

было произвести на умы ихъ непріятное впечатлѣніе, потому что вотъ уже во второй разъ престолъ Польскій обошелъ ихъ, настоящихъ наслѣдниковъ и преемниковъ его. Длугошъ приписываетъ это наказанію неба за то, что предокъ ихъ, Болеславъ Смѣлый, убилъ святаго Станислава, а Конрадъ, князь Мазовецко-Куявскій, поругался Краковскому собору. Впрочемъ, кажется, что чуть ли на это не имѣла самаго большаго вліянія причина, приводимая имъ на стр. 23, книги XIII, т. е., вельможи Польскіе опасались, чтобы Болеславъ Мазовецкій, вступивши на престолъ, не потребовалъ, какъ истинный наслѣдникъ, государственныхъ имѣній, присвоенныхъ себѣ сильнымъ дворянствомъ въ царствованіе Ягайла и Владислава Варнскаго, что, конечно, непремѣнно случилось бы, потому что король Польскій былъ бы не въ состояніи поддерживать достоинство своего вѣнца безъ доходовъ Литвы и Руси (223).

Юрій Самуилъ *Бандтке* неосновательно и ложно описалъ прописки и событія, случившіяся во время

(223) Та же самая судьба постигла бы въ это время и короля Польскаго безъ Литвы и Руси, какая, впослѣдствіи, постигла Владислава IV-го, короля Угорскаго. Вельможи его до того обобрали его, что онъ былъ не въ состояніи содержать даже собственной своей кухни. Versuch einer Darstellung der ungarischen Constitution. Leipz. 1812. S. 5 Впрочемъ, не въ лучшемъ положеніи находился и *Казиміръ* въ Польшѣ: объ его бѣдности и недостаткѣ читайте *Кромера* XXVII. pag. 409. изданія Кельпскаго.

междуцарствія, т. е., по смерти Владислава Варнскаго (стр. 44 и 45. Час. II.), въ чемъ легко увѣрится читатель, сравнивши мое описаніе и Длугоша. Между прочимъ, онъ говоритъ, что Литовцы требовали возвращенія Подола и Волыни, присоединенныхъ къ Польшѣ: это рѣшительно наоборотъ, потому что, и теперь, и послѣ, Поляки домогались присоединенія Волыни *отъ Литвы къ Польшѣ.* На Волыни владѣлъ Свидригайло, а Подолъ былъ въ рукахъ Литвы, и только *впослѣдствіи*, 1456 года, согласился король Казиміръ, чтобы староста Каменца Подольскаго присягнулъ Польшѣ въ вѣрности, чѣмъ сильно обидѣлись Литво-Русы. Въ самомъ дѣлѣ, Литво-Русы требовали возвращенія назадъ Лопашина, Олеська и земли Теребовльской, присвоенныхъ себѣ Поляками и признаваемыхъ Литво-Русами частью Подола. Нынѣ Лопашинъ, Олесько и Теребовльская земля составляютъ часть Австрійской Руси или Галиціи.

Въ 1446 году умеръ, въ Красномъ Спавѣ, Казиміръ, князь Мазовецкій и вмѣстѣ Бельзскій, не оставивъ по себѣ ни какого потомства.

Въ Августѣ, 1447 года, съѣхались вельможи Польскіе въ Пёшрковѣ, гдѣ сдѣлали нѣкоторыя постановленія и молили короля присягнуть въ сохраненіи преимуществъ, данныхъ имъ предками его, а вмѣстѣ съ тѣмъ объявить, что онъ не будетъ требовать возвращенія Русскихъ земель, т. е.,

Волынской и Подольской, въ коихъ находится Польская стража, и простить Феодорику Бучацкому, старостѣ Подольскому, отнявшему, за нѣсколько времени передъ тѣмъ, у Литовцевъ, или лучше Русиновъ, силой тамошніе замки, Межиборъ, Хмельникъ и Караводъ. Но король отказалъ этѣмъ требованіямъ, и вскорости уѣхалъ въ Литву, гдѣ провелъ цѣлую зиму и весну, и только послѣ праздника Божіяго тѣла, 1448, воротился въ Люблинъ, въ коемъ открылъ сеймъ для Польскихъ и Литовскихъ вельможъ.

1448.

Предметомъ сношеній были земля Подольская и наши уѣзды и замки, Олесько, Лопатинъ, Ветлы (?) и Городло. Поляки предъявляли чудовищныя права на этѣ края, которыя Литво-Русы опровергали, какъ смѣшныя и неосновательныя; споры продолжались долго, но обѣ стороны, ничего не сдѣлавъ, разъѣхались, тѣмъ болѣе, что и самъ король отговаривался поѣздкой въ Галицію, куда и отправился черезъ Величку, Войничь и Перемышль, и въ концѣ Іюля прибылъ въ Львовъ. Тутъ узнавши, что Петръ, воевода нижней Молдавіи или нынѣшней Бесарабіи, сынъ Стефана, о которомъ выше было говорено, отравилъ Романа, воеводу верхней Молдавіи, сына Иліи, отъ Маріи, княжны Руской, тетки короля Казиміра, изгнаннаго имъ еще прежде изъ княжества, и, отдавшись подъ покровительство Угріи, отка-

зывался присягнуть въ вѣрности и подданствѣ Польшѣ, рѣшился послать на него Руско-Галицкое войско. Сборное мѣсто для войска назначилъ онъ Галичъ, перваго Августа, 1448 года. Сюда прибыла также къ королю и тетка его, Марія, мать отправленнаго, съ младшимъ сыномъ Александромъ и двумя сотнями конницы Волошской, державшей сторону ея сына. Она получила отъ короля, для содержанія своего, городъ и землю Коломійскую. Собравши нѣсколько войска, король отправился къ Каменцу; однако до непріятельскихъ дѣйствій не пришло. Петръ покорился, и отправился было уже въ путь, для принесенія лично присяги, какъ вдругъ король поспѣшно поворотилъ въ Литву, приказавши четыремъ вельможамъ, между коими находился также и Петръ Одровążъ, воевода Рускій, кончить дѣло съ Петромъ Молдавскимъ. Эти взяли съ него поруку въ вѣрности и готовности явиться лично, для принесенія присяги, въ то время и мѣсто, куда и когда назначитъ король (224).

Спустя 15 дней послѣ отъѣзда короля въ Литву, ворвались Татары на Подолъ, и, не щадя ни

---

(224) *Dlugosz* pag. 43. Хотя я здѣсь и послѣдовалъ Длугошу, однако, кажется, произошли, было, какія-то событія, неблагопріятныя для Польши, заставившія короля отказаться отъ своего намѣренія и отправиться въ Литву.

пола, ни возраста, опустошили значительную часть края и увели съ собой безмѣрное число плѣнниковъ. И хотя Феодорикъ Бучацкій, староста Польской части Подола, силился дѣйствительно отнять, въ болотистыхъ околицахъ, захваченныхъ Татарами въ полонъ, однако же, не имѣя достаточной военной силы, не могъ, надлежащимъ образомъ, осуществить своего предпріятія. Обвиняли короля и Литву въ томъ, что это нападеніе произведено было съ ихъ вѣдѣнія и согласія, потому что Поляки желали присвоить себѣ Подолъ, а Литовцы и Русины хотѣли лучше видѣть его опустошеннымъ, нежели во власти Поляковъ. Говорили также, что какой-то Русинъ, Юрша, начальствовавшій въ Брацлавѣ, дружески угощалъ у себя Татарскаго хана, возвращавшагося изъ этого похода, и что другой какой-то Русинъ, по имени Калина, бывшій, за нѣсколько передъ тѣмъ, у короля посломъ отъ хана, и имѣвшій тайныя съ нимъ совѣщанія, сражался, послѣ, въ рядахъ Татаръ противъ Поляковъ, и что, наконецъ, набѣгъ Татаръ простирался только на ту часть Подола, которая имѣла Польскія войска (225).

Несогласіе, между тѣмъ, отстранявшее Казиміра отъ принятія Польскаго вѣнца, усиливалось, больше и больше въ Польшѣ. Великополяне, вступаясь за Гнѣздненскаго архіепископа, какъ государственнаго примаса, жили въ открытомъ раздорѣ

(225) *Długosz* pag. 44, 45. *Cromer* pag. 333.

съ Малополянами, державшими сторону епископа Краковскаго, Сбигнѣва Олесницкаго, который, получивши кардинальскую шапку, съ безграничной гордостью старался первенствовать во всемъ, на сеймахъ и въ королевскомъ совѣтѣ. Ни одинъ сеймъ не могъ достигнуть своей цѣли; потому что, когда Великополяне приходили на совѣтъ, Малополяне тотчасъ оставляли ихъ, а королевская власть до того была унижена, что, безъ позволенія и помощи совѣта Велико-и Малополянъ, никто не могъ привести ничего въ исполненіе. Сеймы разрушались на ничемъ, между тѣмъ какъ убійства, грабежи и разбои приводили государство до послѣдней степени неустройства. Не шайки обыкновенныхъ разбойниковъ грабили купцовъ и слабѣйшихъ, но господа и значительнѣйшее дворянство, на прим., Петръ Шафранецъ, Краковскій подкоморій, Влодекъ de Skrynno, и друг., предводившіе мошенниками и не позволявшіе ни какихъ производить сыскныхъ слѣдствій и судовъ, называемыхъ Rugi (226). На сеймѣ 1447 года въ Пётрковѣ (227), 1448 въ Люблинѣ (228), 1449 въ Пётрковѣ (229), 1451 тамъ же (230) и въ Парчевѣ (231), 1452 въ Сѣрадѣ (232),

(226) *Онъ же* стр. 33, 54, 56, 57, 58, 66, 67, 68, 69, 93, 110.
(227) *Онъ же* стр. 30.
(228) *Онъ же* стр. 36.
(229) *Онъ же* стр. 54.
(230) *Онъ же* стр. 65 и 69.
(231) *Онъ же* стр. 73 и 77.
(232) *Онъ же* стр. 93.

и 1453 въ Парчевѣ (233), Польскіе вельможи, вмѣсто забонъ о средствахъ унять разбой и своеволіе, раздирающіе внутренность края, сильно налегали на короля присягнуть имъ, сохранять права и вольности ихъ и Польскаго престола. Подъ правами Польскаго престола разумѣли они, вособенности, присоединеніе, или лучше вѣчное сліяніе Литвы съ Польшей и уступку Руси, Подола, Волыни, Олеська, Городла и Лопашина Польскому правленію. Король защищался присягой своей, данной Литовцамъ еще до избранія своего въ короли въ томъ, что онъ сохранитъ государство ихъ въ цѣлости, а потому и не можетъ уступить ничего изъ принадлежащаго этому, безъ воли и согласія Литовско-Рускаго народа и нарушенія своей клятвы. Правда, Литовскіе и Польскіе вельможи спали было договариваться касательно Рускихъ краевъ, но все это не имѣло ни какого дѣйствія. Литовцы, защищая права свои на эти области, ссылались на долголѣтнее обладаніе ими, пріобрѣтенное силой оружія и утвержденное согласіемъ Русиновъ, а Поляки указывали на даръ Ягайла, документы и пергаменъ съ печатями, въ отвѣтъ на что Литовцы утверждали (234), что бумаги эти не обязываютъ ихъ, что ихъ не понимали тѣ, которые привѣши-

(233) *Онъ же* стр. 110.

(234) Всюду подъ именемъ *Литовцы* я разумѣю также и Русиновъ, потому что оба народа были въ то время тѣсно связаны между собой, а среди *Литовскихъ* бояръ находилось больше бояръ Рускихъ, нежели *Литовскихъ*, и всѣ они употребляли языкъ Рускій.

вали печати, что ни Ягайло, ни другой кто, не имѣлъ права присоединять Литовскіе края къ другому государству и лишать ихъ независимости. Отвѣчая на это, Поляки указывали на то, что они дали имъ за Литву прекрасную Ядвигу съ престоломъ и Польскимъ вѣнцемъ, что они принесли имъ свѣтъ Римской вѣры, приняли, нѣкоторыхъ изъ Литовскаго дворянства, въ Городлѣ, въ свой гербовникъ, и, напослѣдокъ, предлогали Литовцамъ соединеніе, то есть, *чтобы оба народа составляли, на одинаковыхъ правахъ, одинъ народъ, именно народъ Польскій, уничтоживши, однажды навсегда, названіе Литвы.* Предложеніе это Литва и Русь отвергли съ неудовольствіемъ, и потому дѣла остановились въ прежнемъ своемъ положеніи, а съѣзды оканчивались ничѣмъ. Если бы рѣшеніе этого дѣла отдано было на нашъ судъ, то, не признавая притязаній ни той, ни другой, стороны на края чисто Русскіе и для нихъ чуждые, края, настоящіе господа которыхъ жили еще въ потомкахъ князей рода Рюрикова, все, однако же, должны бъ были мы, обративъ вниманіе на положеніе дѣла, въ какомъ оно тогда находилось, и сравнивъ требованія и тѣхъ и другихъ, произнести рѣшеніе въ пользу Литвы, потому что а) въ 1340 году, когда Казиміръ, въ первый разъ, овладѣлъ королевствомъ Галицкимъ, равно какъ и въ 1349, когда онъ, съ согласія Ольгерда Литовскаго, занялъ его или какую-то часть его во второй разъ (235), давнымъ

(235) Ольгердъ, пишетъ *Бандтке* (Том. II. стр. 9), подѣлился Червоной Русью съ Казиміромъ.

давно владѣли уже законные или незаконные Литовскіе князья въ Володомірiи, на Волыни и въ незначительной части Подола, напр., Ольгердъ, Кейстутъ, Любартъ, Наримундъ, Явнута, и др., либо другъ подлѣ друга, либо же одинъ за другимъ, женившись на Русскихъ княжнахъ (236). б) Это господство Литовскихъ и нѣкоторыхъ Рускихъ князей продолжалось до времени самаго Ягайла, который, убивши дядю своего, Кейстута, какъ сказано выше, назвался Великимъ княземъ; но это не дѣлало его еще государемъ цѣлой Литвы. Другіе Литовскіе и Рускіе князья пользовались въ своихъ удѣлахъ правами верховной власти, съ тѣмъ единственнымъ ограниченіемъ, что родъ Ольгердовъ признавалъ его, Ягайла, старѣйшиной своего рода и начальникомъ семейства. А потому Ягайло, владѣтель одной лишь половины Вильны, не могъ присоединить къ Польшѣ краевъ, надъ которыми не имѣлъ вовсе ни какой, или же очень посредственную власть. в) Нарушевичъ, въ VI-й части, именно въ родословной Литовскихъ князей, приводитъ Латинскіе документы, данные Литовско-Рускими князьями, въ коихъ говорится о какой-то зависимости и подданствѣ ихъ Ягайлу и Ядвигѣ; но, частью то обстоятельство, что въ подлинности ихъ можно усомниться, потому что при Казимірѣ Поляки никогда не ссы-

---

(236) Напр. Юрія Бельзскаго, Димитрія Волынскаго, Андрея Ивановича Кіевскаго, и другихъ.

лались на нихъ, а частыо, что ежели Рускіе князья и прикладывали печати къ этѣмъ Латинскимъ бумагамъ, непонимаемымъ ими, но никогда не могли подумать, чтобы такой хламъ обязывалъ ихъ отречься отъ своего самодержавія, и скорѣе считали ихъ знаками взаимнаго согласія и мира. Наконецъ, все царствованіе Ягайла показываетъ намъ, а древніе Польскіе историки могутъ подтвердить, что власть его и при жизни Ядвиги, и по смерти ея, т. е., въ теченіи 36 лѣтъ, простиралась только на одну часть Галиціи нашей, и, слѣдовательно, Нарушевичевы документы не имѣли ни какой важности. г) Впрочемъ, допустимъ, что другіе мелкіе князья (чему, однако же, противорѣчитъ исторія) уступили Ягайлу право даровать или присоединять владѣнія ихъ къ чужому государству, спрашивается, могъ ли Ягайло сдѣлать это безъ согласія самаго народа? Если Поляки оспоривали у короля право уступать другимъ, какимъ бы то ни было образомъ, что-либо изъ Польскихъ владѣній, то какъ же они могли признать право Великому князю Литовскому даровать или присоединять цѣлое Литовское княжество? Когда бы король Польскій, Владиславъ Варненскій, избранный въ короли Угорскіе, отказалъ, въ своей духовной, Уграмъ всю Польшу, то считали ль бъ Поляки такой документъ важнымъ, даже когда бы нѣкоторые изъ приверженцевъ короля приложили печати свои на этой бумагѣ, особенно же, если бъ она писана была по Угорски? д) Ягайло желалъ видѣть соединенными эти два

сосѣдственные народа, для мира, взаимнаго согласія и обосторонней помощи, но никогда не считалъ ихъ однимъ, напротивъ, Литовскій всегда отдѣльнымъ, имѣвшимъ своего особаго государя, сперва въ лицѣ Скиргайла, потомъ Витовта, далѣе Свидригайла, Сигизмунда Кейстутовича, и, напослѣдокъ, короля Казиміра, ведшимъ свои войны съ Новгородомъ, Москвой и Татарами, и потому имѣвшимъ и свои особыя завоеванія. е) Документъ Городельскаго соединенія въ 1413 году былъ, какъ сказано уже въ другомъ мѣстѣ, единственно оборонительнымъ и наступательнымъ договоромъ противъ Крестоносцевъ, писаннымъ опытными Польскими политиками на Латинскомъ языкѣ, котораго простодушные Литовцы не разумѣли, какъ неумѣвшіе ни писать, ни читать, и ни мало не воображавшіе, чтобы онъ могъ когда-либо послужить для уничтоженія ихъ народности и приведенія ихъ въ подданство Польшѣ. ж) Что же касается договора съ Сигизмундомъ, писаннаго въ 1432, то уже выше, въ §. 28, подробно показали мы, къ какимъ проискамъ и ухищреніямъ прибѣгали Польскіе вельможи во время дряхлой старости Ягайла для отдаленія Свидригайла и возведенія Сигизмунда Кейстутовича на престолъ Литовскій, и что этотъ, нежданно возвысившійся, князь согласился бы и на самыя постыдныя условія, предложенныя ему Сбигнѣвомъ Олесницкимъ, лишь бы только получить, хотъ на одно мгновеніе, верховную власть, а потому доку-

менитъ этотъ и присяга, столько поносныя для народа, не могли обязывать оный.

§. 33.

1450.

Петръ, господарь Молдавскій, о которомъ выше говорили мы, подъ 1448 годомъ, не долго держался въ своей землѣ. Александръ Ильичь, поселившійся съ матерью въ Коломіи, имѣлъ своихъ приверженцевъ въ Молдавіи, призвавшихъ его и изгнавшихъ Петра. Впрочемъ, и этотъ не долго держался. Какой-то Богданъ, самозванецъ, выдававшій себя за побочнаго брата умершаго князя, Ілію, собралъ шайку людей, которымъ нечего было терять, спустился съ горъ и прогналъ Александра вторично на Русь, въ Коломію. Тогда Александръ обратился къ королю Казиміру, какъ брату по шепкѣ, съ прозьбой о помощи и присылкѣ войска. Въ королевскомъ совѣтѣ вельможи положили завоевать Молдавію, и, какъ плодородную и богатую страну, навсегда присоединить къ Польшѣ, а Александра наградить помѣстьями въ Польшѣ; но король, отвергши такое предложеніе, велѣлъ вооружиться дворянству Русскихъ краевъ, т. е, Галицкому, Львовскому, Саноцкому и Перемышльскому, собраться подъ Львовымъ, и, подъ начальствомъ Петра Одровжа, воеводы Львовскаго, и Предбора Конецпольскаго, спароспы Перемышльскаго,

возвращенъ Александру Молдавію. Войска собрались, и, по присоединеніи къ нимъ Феодорика Бучацкаго, воеводы Подольскаго, и Николая Поравы, старосты Галицкаго, вступили, 1450 г., въ Молдавію, гдѣ потерпѣли страшное пораженіе отъ непріятельскихъ войскъ въ городѣ, называемомъ Краснополе. И если бы Молдавское войско, державшееся Александра, не подоспѣло, то побѣда непремѣнно осталась бы на сторонѣ непріятеля; но непріятель, устрашенный прибывшимъ пособіемъ, далъ тылъ и спасался бѣгствомъ. Хотя побѣда осталась на сторонѣ Польско-Русскихъ войскъ, однако дорого она обошлась имъ, потому что на мѣстѣ битвы пали лучшіе изъ воиновъ: Пешъ Одровжъ, главный полководецъ, староста Николай Порава, Михайло Бучацкій, Николай Клюшъ, Иванъ Незвоевскій, Иванъ Бешковскій, Станиславъ Давидовскій, Адамъ и Иванъ Самекъ, Львовскіе мѣщане (237). Впрочемъ, несчастіе Русскихъ земель этѣмъ не кончилось. Когда Галицкіе Русины проливали кровь свою

(237) Особенно-сіи Львовскіе мѣщане, равно какъ и другихъ вольныхъ Галицкихъ городовъ, на пр. Ланцута, Пржворска, Ярослава, Бича, Санока, Перемышля, Самбора, Стрія, Коломіи, Снятыня, Теребовли, Бужска, и Бельза, вообще пользовались значительными преимуществами. Первые владѣли даже землями и участвовали, вмѣстѣ съ дворянами, въ вольныхъ походахъ. Кромѣ того есть слѣды, указывающіе на то, что эти города, по примѣру Нѣмецкихъ соединенныхъ городовъ (Der Schwaebische Staedtebund), имѣли каждый годъ свои собранія, на которыхъ, какъ это мы ниже подробнѣе объяснимъ, совѣщались о своихъ городскихъ дѣлахъ.

въ Молдавіи за дѣло чуждое, Татары, узнавши, что они заняты походомъ въ эту послѣднюю, ворвались на Подолъ и въ Галицію, опустошили и ограбили цѣлый край и Олеську землю по самый Городокъ и Бельзскую границу, захватили безчисленное множество народа въ неволю, которое частью продали далѣе, частью заставили принять свою вѣру. Возвращавшіеся изъ Молдавскаго похода оплакивали взятыхъ въ плѣнъ братьевъ, женъ, дочерей, сестръ (238). Въ этомъ, 1450, году умеръ Иванъ Одровążъ, архіепископъ Львовскій, отъ горести по потери брата, Петра, воеводы, павшаго въ Молдавіи, а на мѣсто его посвященъ былъ въ архіепископы кардиналомъ, Сбигнѣвомъ Олесницкимъ, магистръ Григорій изъ Санока (239).

Убитый Иваномъ Черторыйскимъ Сигизмундъ Кейстутовичь оставилъ сына Михайла. По договору между Польскими вельможами и убитымъ, этотъ сынъ не имѣлъ ни какаго права на престолъ, а долженъ былъ только наслѣдовать одно отцевское имѣніе. По смерти Сигизмунда принялъ, какъ извѣстно, бразды правленія Литвой Казиміръ, теперь король Польскій; но и Михайло предъявлялъ также право на Великое княжество, увѣренный, что кто имѣетъ за собой силу и могущество, для

(238) *Długosz* pag. 62, 63. *Cromer* pag. 335. *Bielski* str. 391. *Stryikowski* str. 586.

(239) *Długosz* pag. 65. *Cromer*, pag. 335., называетъ его „homo plebeius e Sanoko oppido ortus.“

того найдется и право; и даже безъ него можно обойтися. Не обращая, потому, ни какого вниманія на благодѣянія, оказанныя Казиміромъ, подарившимъ ему въ Польшѣ большія помѣстья, и, сверхъ того, въ Сѣверіи Брянскъ и Стародубъ, въ Подлѣсьѣ Бѣльскъ и Суражъ, въ Жмуди Кейданы, и въ Новогородскомъ Клецкъ, составилъ заговоръ на жизнь Казиміра, котораго рѣшился схватить на охотѣ, между Троками и Меречемъ, и даже убить (240). Извѣщенный о предпріятіяхъ Михайла, Казиміръ хотѣлъ было обезопасить себя отъ него, но тотъ убѣжалъ и нашелъ пріютъ у Болеслава Мазовецкаго. Когда Казиміръ принялъ вѣнецъ и прибылъ въ Польшу, Михайло спокойно проживалъ въ Мазовшѣ и старался, съ одной стороны, разными способами умилостивить короля, а съ другой, напротивъ, дѣлалъ тайные происки и сносился съ Литовцами, обязанными отцу его благодарностью, надѣясь, при пособіи ихъ, овладѣть Литвой. Но его происки открылись, и король отставилъ подозрительныхъ Литовцевъ отъ начальства надъ замками, а Михайла приказалъ схватить, который, видя себя въ опасности въ Мазовіи, бѣжалъ въ Силезію (241). Въ 1448 году, когда король готовилъ походъ на Петра, господаря Молдавіи, Михайло проживалъ у этого послѣдняго; но какъ скоро Петръ смирился, то и онъ долженъ былъ уйти отсюда. Послѣ того онъ

(240) *Koiałowicz* pag. 192.
(241). *Długosz* pag. 31.

обратился къ хану Татарскому, стараясь побудить его противъ Литвы и короля. И, дѣйствительно, нашедши тамъ помощь, ворвался съ Татарами въ Литву, занялъ Стародубъ, Новгородъ Сѣверскій и другіе замки, а Литовско-Русскіе края приказалъ опустошить. Казиміръ отправилъ противъ него, въ 1449 году, свое войско, которое разбило его, отняло замки и прогнало съ Татарами изъ края (242). Король мало заботился объ имѣніяхъ, имѣя еще довольно для раздачи своего собственнаго, тѣмъ болѣе, что почти все потомство Гедимина, за исключеніемъ стараго Свидригайла и этого Михайла, вымерло. Онъ позволялъ ему брать доходы изъ имѣній, но не хотѣлъ держать въ краю человѣка безпокойнаго, который, будучи орудіемъ пролазъ, могъ быть очень опаснымъ для спокойствія государства, а для Польскихъ вельможъ самымъ желаннымъ въ Литвѣ. Потому что, составь онъ тамъ еще двѣ партіи, когда легко бъ удалось ему возобновить потерянное вліяніе Польши и воскресить перевѣсъ, основанный въ 1432 году и ослабленный королемъ, благопріятствовавшимъ Литвѣ. Хотя всѣ хорошо знали, что намѣреніе короля непремѣнно, и что онъ не позволитъ собой управлять, какъ нѣкогда Ягайломъ, однако же кардиналъ Олесницкій, вліяніе и гордость котораго были безграничны, жившій въ коротцкихъ сношеніяхъ съ матерью короля, Софіей, обитавшей въ Польшѣ, и

(242) *Она же* стр. 48.

потому имѣвшій на нее неограниченное вліяніе, рѣшился попытать, не удастся ли ему поколебать, духовной властью, совѣсть короля, и, такимъ образомъ, склонить его принять Михайла.

1451.

И такъ, на частномъ сеймѣ, въ Корчинѣ, 22 Іюня, 1451, онъ произнесъ отличную рѣчь и увѣщаніе, въ которой, напомнивъ королю обязанности христіянина, неудачу всѣхъ его намѣреній, какъ слѣдствіе гнѣва Божіяго за сдѣланное злодѣяніе, предлогалъ ему помириться съ Михайломъ, возвратить его имѣнія и позволить жить въ Литвѣ. Это пастырское напоминаніе подкрѣпили еще присутствовавшіе вельможи своей просьбой; но напрасно: король проникъ ихъ намѣренія и остался непреклоннымъ. Сбигнѣвъ Олесницкій, бывшій самой дѣятельной пружиной низведенія съ престола Свидригайла и возведенія на него Сигизмунда, причинившій множество потерь и кровопролитія въ Литвѣ, главная причина отдѣленія двухъ областей и уничтоженія всего полезнаго краю, не заботившійся, не смотря на свое великое вліяніе въ государствѣ, ни малѣйше о прекращеніи разбоевъ и убійствъ, былъ столько мелочнымъ, что строго упрекалъ короля и выставлялъ на очи всѣмъ грѣхъ гнѣваться на безпокойнаго родственника. Конечно, Польскіе вельможи не премнули бы и впередъ дѣлать тайные происки въ Литвѣ и на Руси во имя этого Михайла, если бы

смерть не захватила его въ слѣдующемъ, 1452, году, въ Москвѣ, и тѣмъ не прекратила надежды досаждать королю и безпокоить Литву. Тѣло его было привезено изъ Москвы и положено въ Вильнѣ, въ гробѣ, родственныхъ ему, Великихъ князей (243).

Кромѣ приведеннаго выше обстоятельства было еще и другое, важное, которое сильно занимало Польскихъ вельможъ на этомъ съѣздѣ. Въ Молдавскомъ походѣ палъ Петръ Одровѫжъ, воевода Рускій. Достоинство это соединено было съ большими доходами, а потому высшее духовенство и Польскіе вельможи боялись, чтобы король не отдалъ его какому-нибудь Русину, что могло бы повлечь за собой отпаденіе Галицкой Руси отъ Польши; поэтому молили короля почтить симъ мѣстомъ лучшаго изъ нихъ. Но король, предоставляя исполненіе этого желанія одной только своей волѣ, оставилъ его до дальнѣйшаго времени (244).

Изъ новаго города, Корчина, отправился король въ Галицію, гдѣ прожилъ 12 дней въ Перемышлѣ, а отшуда, 23 Августа, 1451 года, прибылъ въ Самборъ. Вскорѣ за тѣмъ явилось къ нему, нежданно, посольство отъ имени матери

(243) *Bielski* str. 393. Жизнь Михайла Сигизмундовича, со времени смерти отца его до самой кончины въ Москвѣ, именно, бѣгство и скитаніе его въ Мазовіи, Силезіи, Молдавіи, у Татаръ и въ Москвѣ, представляетъ прекрасной предметъ для историческаго романа.

(244) *Długosz* pag. 70, 71.

его, королевы Софіи, кардинала Олесницкаго, кастеляна Яна изъ Чижова и Яна изъ Тэчина (Tęczyna) воеводы Краковскаго. Посольство это составляли: Янъ изъ Бобрка, кастелянъ Бицкій, и историкъ Янъ Длугошъ, каноникъ Краковскій. Цѣль его была слѣдующая: Свидригайло, этотъ славный воинъ, потерявъ, послѣ разнообразной судьбы, всѣ свои края, кромѣ любви народной, удержалъ за собой одну только Волынь и часть Володиміріи, и жилъ въ, столицѣ своей, Луцкѣ. Глубокая старость и тяжкіе недуги не обѣщали ему надежды на долгую жизнь; онъ ненавидѣлъ Поляковъ, какъ причину несчастій своего отечества, напротивъ того къ Руси и Литвѣ, какъ сказано уже выше, искренно былъ привязанъ. А потому, не подлежало ни какому сомнѣнію, что онъ, безпотомный, распорядится такъ на случай смерти, что Литовцамъ отпкажетъ всѣ свои земли. Чтобы воспрепятствовать этому, Польскіе вельможи отправили упомянутое выше посольство, отъ своего и матери короля имени, зависящей отъ Олесницкаго, прося его взять средства для присоединенія Луцка къ Польшѣ. Они грозили, что если король не захочетъ послушаться ихъ, то вельможи сами подымутся и употребятъ всѣ силы, чтобы эта область была присоединена къ Польшѣ, что, разумѣется, не послужитъ къ королевской славѣ; далѣе говорили, чтобы онъ не думалъ, будто можетъ что-либо приказывать или запрещать Польскому духовенству и вельможамъ такое, чего бы сами они добровольно не хо-

шѣли сдѣлать (Это — собственныя слова посла и историка Длугоша). На такое, хотя нѣсколько дерзкое, требованіе, король отвѣчалъ спокойно, запрещая имъ ничего не предпринимать касательно Луцка, но съѣхаться, въ извѣстный день, съ Литовскими вельможами, въ Парчевѣ, и тамъ посовѣтоваться съ ними какъ о Луцкѣ, такъ равно и о другихъ спорныхъ земляхъ. И такъ, собрался этотъ сеймъ, въ Парчевѣ, 28 Сентября, 1451 года; но и въ этотъ разъ согласія не было. Литовскіе и Русскіе вельможи не только не хотѣли уступить Луцка и Волыни, но даже основательно доказали Польскимъ, что Подолъ, Лопашинъ, Олесько (245), Вешлы и Равно, составляютъ не Польское, но Русское владѣніе, соединенное съ Литвой (246).

Взаимная ненависть обоихъ народовъ достигла теперь высшей степени. Литовцы, подозрѣвая Поляковъ въ томъ, что они сбираются ихъ вырѣзать во время переговоровъ, разбили станъ свой за городомъ, и узнавъ, что Поляки готовятся напасть на нихъ, тайкомъ удалились въ Брестъ, въ свои предѣлы. Потомъ, когда сказали имъ, что Поляки по удаленіи ихъ, дѣйствительно напали на пустой станъ, до того досадовали и сердились, что многіе изъ нихъ пренебрегли даже гербами, данными имъ въ Городлѣ, именно, Гаспольдъ, Монивидъ,

---

(245) Оба теперь бѣдныя мѣстечка въ Галиціи.
(246) *Długosz* pag. 72, 77.

Кейзгалъ, Радивилъ Монгердовичь, и др. (*Стрыйковскій* стр. 587), и единогласно всѣ объявили войну Полякамъ. Извѣщенный объ этомъ движеніи и устрашенный имъ, король тотчасъ поспѣшилъ въ Литву, стараясь успокоить взволнованные умы (247).

Когда король трудился въ Литвѣ надъ успокоеніемъ и отклоненіемъ Литовцевъ отъ войны съ Польшей, Сбигнѣвъ Олесницкій мало обращалъ вниманія на эти угрозы; онъ тотчасъ, по закрытіи сейма обоихъ народовъ, собралъ своихъ приверженцевъ, и имѣлъ съ ними, 6 Генваря, 1452 года, частное совѣщаніе въ Опатовѣ. Собравшіеся тамъ Поляки писали королю, чтобы не забывалъ, что онъ королемъ Польскимъ, и не позволялъ бы Литовцамъ занять Луцкъ. Потомъ отправили въ Луцкъ Николая de Panchow, подсудка Сѣндомірскаго, съ цѣлію наблюдать за ходомъ дѣла, и уговорить, какъ жену Свидригайла, такъ равно и Луцкаго старосту, Русина Немира, князей и бояръ Волынскихъ, поддаться Польшѣ, приказывая ему не щадить ни обѣщаній, ни угрозъ, для достиженія своего намѣренія (248).

1452.

Но судьба не благопріятствовала желаніямъ Польскихъ вельможъ. Свидригайло, умершій 10 Февраля, 1452 года, призвалъ еще при жизни своей

(247) *Kolałowicz* pag. 211—212.
(248) *Długosz* pag. 82, 83.

къ себѣ старосту своего, Немира, князей, Михайла и Ивана, Черторыйскихъ, и другихъ Волынскихъ бояръ, и поручилъ имъ отдать, по смерти его, Луцкъ и землю Волынскую Литовцамъ. И, въ самомъ дѣлѣ, вскорѣ послѣ того прибыли туда отъ Литвы Юрій, князь Пинскій, Радивилъ, Гостиковичъ и, Русинъ, Юрша, начальствовавшій прежде въ Брацлавѣ. Всѣ они еще при жизни Свидригайла взяли присягу въ вѣрности отъ Немира, князей и бояръ Луцкихъ, и заняли Волынь и Луцкую землю своимъ войскомъ (249).

---

(249) *Długosz* pag. 84. Еще слѣдуетъ кой-что припомнить о Свидригайлѣ. *Энгель* (стр. 30) увѣряетъ, вопреки истинѣ, что Свидригайло не смотря на свой безпокойный характеръ и пьянство, былъ обязанъ Великокняжескимъ престоломъ вліянію Ягайла и своему Римско-Католическому исповѣданію. Напротивъ, современникъ Длугошъ, какъ мы уже выше видѣли, въ §. 27, (примѣчаніе 155 и 160), утверждаетъ, что онъ былъ любимъ народомъ, особливо Русинами, а потому вступилъ на княжество скорѣе по праву старѣйшинства, нежели по вліянію Ягайла, и, безъ сомнѣнія, умѣлъ бы удержаться на немъ, если бы не происки Поляковъ. Онъ также упрекаетъ Свидригайла въ пьянствѣ и безпокойномъ характерѣ; но все это черпано имъ изъ историковъ самаго непріязненнаго къ нему народа, именно Польскаго Имя его столько было страшно и вмѣстѣ ненавистно Польшѣ, что въ ней и въ послѣдующіе вѣки каждаго, кого хотѣли осмѣять, называли Свидригайломъ. Этотъ же самой Энгель (стр. 31) утверждаетъ еще, будто онъ, разбитый въ 1435 году, бѣжалъ въ Молдавію, и тамъ пасъ овцы; но это очевидная выдумка. Хотя Свидригайло и былъ разбитъ въ 1435, какъ сказано въ §. 30, при всемъ томъ онъ удержалъ за собой владѣнія, значеніе и земли, и, спустя годъ послѣ этого происшествія, то есть, въ 1437,

Когда это случилось, Польскіе вельможи чрезвычайно разгнѣвались, видя, что надежды ихъ не исполнились. Они, мимо короля, сами составляли частные сеймы въ Краковѣ, Сѣдомірѣ и Львовѣ. Не разъ отправляли они къ королю дерзкія посольства, требуя возвращенія Луцка и подтвержденія присягой правъ и вольностей Польскихъ, даже хотѣли

подкупалъ, черезъ пословъ, Польскихъ вельможъ на свою сторону (*Длугошъ* стр. 629). А пріѣхавши въ Краковъ, до того расположилъ ихъ денежными дарами и уступкой замковъ, какъ сказано выше, что всѣ они объявили себя за нимъ. Нетерпѣливый Энгель цѣликомъ полагался на исторію Стрыйковскаго, писанную стихами и заслуживающую вѣроятіе въ тѣхъ только событіяхъ, которыя случились въ его время. Энгель не пользовался, какъ видно по всему, Длугошемъ, а потому представилъ съ ложной точки зрѣнія какъ войну съ Польшей, такъ равно и событія, происшедшія въ Литвѣ. Энгелева исторія Галиціи и Украйны до того испорчена, вѣроятно по торопливости, что я вовсе не могъ пользоваться ею въ этой эпохѣ, то есть, съ 1340 по 1595. Что касается Свидригайла, то не худо было бы, если бъ кто-либо изъ земляковъ этого, столько опозореннаго мужа, занялся, съ надлежащей критикой, описаніемъ жизни его, и возвратилъ бы ему отнятую у него заслуженную славу. Но, кажется, теперь мало занимаютъ Литовцевъ дѣянія ихъ народа. Они, какъ бы исполняя желаніе Олесницкаго, совершенно *ополячились*. *Албертранди*, или лучше *Онацевичъ* (Часть I. стр. 72). пишетъ, что „Свидригайло былъ человѣкъ непостоянный, нетвердый во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ, неумѣвшій, своимъ ограниченнымъ умомъ, править государствомъ, что онъ, видя приближеніе своей смерти, и забывъ всѣ свои присяги, позволилъ Литовцамъ задобрить себя дарами и пустыми обѣщаніями, и потому приказалъ отдать Луцкъ Литвѣ.“ Можно ли было ждать, чтобы разсуди-

было оружьемъ завладѣть Волынью; но, такъ какъ это не могло обойтись безъ помощи дворянства и Великополянъ, не ожидавшихъ отъ того ни какой особенной пользы, потому что только Малопольскіе вельможи пожинали плоды побѣдъ, пріобрѣтенныхъ кровію бѣдныйшихъ на Руси, то, потому, ничто изъ предположеній ихъ не могло состояться. Душей всѣхъ этихъ происковъ и замѣшательствъ былъ кардиналъ Сбигнѣвъ Олесницкій, коего, потому, и называлъ король „virum superbum et hostem suum (250)." Для успокоенія упомянутыхъ недоразумѣній король назначилъ сеймъ въ Сѣрадѣ, въ Великой Польшѣ, къ 24 Августа, 1452 года, на который прибыли послы, также, и со стороны Литвы: Андрушко Довойновичъ и Михайло Монтолдовичъ. Споры продолжались, какъ и прежде, безъ всякихъ послѣдствій. Поляки налегали на короля подтвердить права и вольности ихъ

тельный и безпристрастный историкъ девятнадцатаго вѣка, и притомъ професоръ исторіи, написалъ это? Какая путь, въ этомъ происшествіи, находится непостоянность или пустота? Могъ ли старшій въ владѣтельномъ родѣ Литовцевъ, желать скорѣе видѣть землю свою въ рукахъ чужой ему Польши, нежели Литвы? Долженъ ли былъ онъ болѣе благопріятствовать врагамъ, лишившимъ его престола, чѣмъ своему отечеству? И что это за присяги, которыхъ онъ не сдержалъ? Да и можно ли, съ здравымъ умомъ, повѣрить, чтобы умирающій, восьмидесятилѣтній, старецъ, бездѣтный и знаменитый князь, увлекся дарами?

(250) *Długosz* pag. 87.

клятвой, который едва могъ успокоить ихъ письменнымъ обѣщаніемъ исполнить это имъ черезъ годъ. Въ слѣдующемъ, 1453, году былъ снова созванъ сеймъ въ Парчевѣ, на которомъ оба народа, по прежнему, исчисляли права свои на Рускія земли, и, ничего не сдѣлавъ, разъѣхались. Впрочемъ, король, принужденный, наконецъ, необходимостью, присягнулъ Полякамъ, какъ говорится, въ руки кардинала Олесницкаго, что, впрочемъ, ни мало не ограничивало Литву въ обладаніи Рускими землями (251).

§. 34.

Въ предыдущемъ параграфѣ сказано было, что, хотя войска земли Руской и потерпѣли значительный уронъ въ битвѣ на Красномъ Полѣ, при всемъ томъ, одержавши побѣду надъ приверженцами самозванца Богдана, отстояли Александру Ильичу нѣкоторую часть Молдавскаго княжества. Въ 1451 году, во время пребыванія короля въ Самборѣ, прибыла къ нему, въ началѣ Сентября, мать Александрова съ своими боярами, прося у него помощи противъ Богдана, все еще владѣвшаго значительной частью Молдавіи и вторгавшагося, для грабежа, во

---

(251) *Онъ же* стр. III. Въ сочиненіи *Онацевича* (Часть I-я, стр. 73—80) читаете вы, съ внутреннимъ неудовольствіемъ, всѣ жесткіе и несправедливые упреки, кои долженъ былъ выносить этотъ несчастный король отъ дерзкаго кардинала и его послѣдователей.

владѣнія Александра. Король обѣщалъ подать ей помощь послѣ Парчевскаго сейма, на который совѣтовалъ прислать тоже двухъ Молдавскихъ бояръ. Между тѣмъ, онъ поручилъ Андрею Одровжу, старостѣ Львовскому, защищать Александра отъ нападеній Богдана. Сеймъ этотъ, какъ извѣстно, ограничивался одними только прѣніями и кончился ничѣмъ. Король не могъ подать другой помощи Александру, кромѣ отправленія трехъ Польскихъ каштелянъ къ Богдану для примиренія обоихъ соперниковъ. Послы, не имѣя войска и особенной власти, могли склонить Богдана только обѣщать, для удержанія себя при своемъ владѣніи, признать верховную власть короля, явиться въ Краковъ на судъ его, и, кромѣ того, давать, на содержаніе Александра, ежегодно королю по 50 тысячъ золотыхъ Польскихъ, съ тѣмъ, чтобъ, по достиженіи Александромъ мужескихъ лѣтъ, уступить ему свой престолъ. Когда Польскіе каштеляны отправились назадъ съ этимъ договоромъ, вдругъ какой-то Петръ, объявлявшій тоже права свои на эту землю, но вмѣстѣ съ тѣмъ и державшій сторону Александра, напалъ на пьянаго Богдана, схватилъ и приказалъ отсѣчь ему голову. Александръ, надѣясь на расположенность Петра, пустился къ нему, съ матерью своей и приверженными боярами, и прибылъ въ Сочаву; но, узнавши тамъ, что Петръ замышляетъ удержать за собой княжество, а съ нимъ поступить, какъ съ Богданомъ, принужденъ былъ бѣжать назадъ. И только при помощи Польскихъ

вельможъ Александръ успѣлъ принудить Петра удалишься внутрь края; вскорѣ потомъ нѣкоторыя крѣпости объявили себя на сторонѣ его (252), и онъ, такимъ образомъ, снова овладѣлъ нѣкоторой частью Молдавіи.

1453.

Когда Польскіе вельможи, мало уважая приказанія короля, спорили съ нимъ, а онъ, тѣснимый ихъ настойчивостью, принужденъ былъ просить у нихъ прощенія на колѣнахъ (*Onacewicz*, Tom. I. str. 83), что побуждало ихъ присоединять къ себѣ болѣе и болѣе новыхъ земель, хотя и тѣхъ, коими владѣли, были не въ силахъ защищать, вторглись Татары, около 24 Іюня, 1452 года, черезъ Подолъ въ Русь (253), вторично, около 24 Августа, того же года, проникли до самаго Львова (254), третично въ Генварѣ, 1453, черезъ Волынь, по самое Олеско (255), а въ Маѣ, черезъ Подолъ, въ землю Теребовльскую (256), гдѣ, предавая все безнаказано опустошенію, захватили въ полонъ безчисленное множество народа. Правда, нѣкоторыя лица пытались было противостать непріятелю, на пр., 1453 Янъ Лящъ изъ Зѣнкова съ Яномъ Нѣмымъ изъ Лепичева и Матвѣйкомъ изъ Межибожа,

(252) *Dlugosz* pag. 73, 79 и 81.
(253) *Онъ же* стр. 91.
(254) *Онъ же* стр. 96.
(255) *Онъ же* стр. 105.
(256) *Онъ же* стр. 108.

но это были частныя усилія. И хотя имъ, среди несчастій народа, удалось освободить нѣкоторыхъ плѣнниковъ, однако печаль, грабежъ и опустошеніе отечества были неописанны.

Въ 1451 папа Николай V-й, снисходя на представленіе кардинала Олесницкаго, разрѣшилъ Польшѣ и Литвѣ отпущеніе грѣховъ на 9 мѣсяцевъ. Для торжествованія этого отпущенія была приглашена, кромѣ Кракова, Гнѣздна, Вильны, и наша столица, Львовъ. Желавшій получить отпущеніе грѣховъ, долженъ былъ внести, въ особенную сокровищницу, половину расходовъ, издерживаемыхъ на путешествіе въ Римъ и назадъ, считая въ томъ и 15-тидневное пребываніе въ этомъ послѣднемъ, равно какъ посѣщать, въ теченіе цѣлыхъ трехъ дней, Львовскіе храмы, назначенные для того духовной властью. Доходы, собранные за эпѣ отпущенія грѣховъ, дѣлились на четыре части. Двѣ назначены были королю, для защищенія Католиковъ (Римскихъ) отъ Татаръ, третья королевѣ Софіи, матери короля, составлявшей съ кардиналомъ одну душу, а четвертая должна была поступить въ распоряженіе папы. Въ Львовской сокровищницѣ, однако жъ, мало нашлось денегъ, отчасти потому, что край этотъ населенъ былъ, большей частью, еретиками, а частію потому, что кардиналъ испросилъ для своего Кракова, чтобы набожные вносили одну лишь четвертую часть, вмѣсто половины, на путешествіе въ Римъ, и, кромѣ того, юбилей продолженъ былъ въ этомъ городѣ еще на четыре мѣсяца. Стеченіе на-

рода въ Краковѣ было такъ велико, что въ немъ набралось три большіе сундука (capsae) золота и разной другой монеты (257).—Въ 1452 году умеръ, Лаппинскій Перемышльскій епископъ, Петръ Хржасповскій, въ Березовѣ (Brzozowie). Король предложилъ капитулѣ избрать, на его мѣсто, своего секретаря, Николая De Blazeiowice, а вельможи, безпрестанно мѣняясь съ королемъ бранными письмами, запретили капитулѣ избрать королевскаго приверженца. Однако, король, предстательствомъ своимъ въ Римѣ, доставилъ любимцу своему утвержденіе.—Польскіе лѣтописцы (*Стрыйковскій*, стр. 589), а за ними и Энгель (изд. Гальское, стр. 36), пишутъ, что Исидоръ, прежній Кіевскій митрополитъ и кардиналъ, прибылъ, въ 1452, въ Польшу, вмѣстѣ съ, назначеннымъ себѣ въ преемники отъ папы Николая IV, митрополитомъ Григоріемъ, и что онъ, съ собраннымъ войскомъ изъ Рускаго дворянства, пробился сквозь огромное Турецкое войско, явился на помощь императору Палеологу въ Царьградѣ, и тамъ храбро сражался самъ и Русины его съ Турками. Конечно, дѣло возможное, что онъ былъ въ Польшѣ у Казиміра и просилъ его, отъ имени папы, подать помощь умирающей Греческой имперіи; равно какъ и то извѣстно намъ изъ исторіи, что онъ находился папскимъ посломъ при послѣднемъ императорѣ, во время осады Цареграда; но едва ли вѣроятно, чтобы собранное имъ незначительное число Рускаго дворянства могло пробиться черезъ

(257) *Онъ же*, стр. 80.

Турецкое войско и поспѣшь на помощь осажденнымъ. Потому что, кто бы захотѣлъ проникнуть изъ Руси въ осажденный Царьградъ, тому нужно было пройти вдоль всю Валахію, переправиться черезъ Дунай, миновать Булгарію, Балканы и цѣлую Румилію, предпринять многонедѣльный походъ черезъ Угрію, Сербію, Булгарію и Румилію, и, въ обоихъ случаяхъ, пробиться, подъ Цареградомъ, сквозь Турецкое войско, состоявшее изъ 400-тысячь, либо же, наконецъ, сѣсть гдѣ-нибудь на Черномъ морѣ на суда и проложить себѣ путь черезъ осаждающій Турецкій флотъ. Все это кажется невѣроятнымъ, тѣмъ болѣе, что *Халкокондилъ* (Греческій историкъ), описывающій осаду Константинополя (кн. VIII. стр. 156—163), вовсе не упоминаетъ ничего о столь славномъ подвигѣ Рускаго дворянства. Равнымъ образомъ, и то могло статься, что папа наименовалъ Григорія митрополитомъ Кіевскимъ; но папы и съ 1232 безпрестанно назначали Латинскихъ епископовъ въ Кіевъ и на Русь, которые, по словамъ Энгеля (стр. 38), были in partibus infidelium, не владѣя ни пядью земли на Украйнѣ, и не имѣя ни однаго алтаря въ Кіевѣ.

1454—1464.

Въ теченіе 10 лѣтъ, отъ 1454 по 1464 годъ, не произошло ни какихъ важныхъ событій въ исторіи Руско-Галицкаго народа, или, справедливѣе сказать, Польскіе лѣтописцы не сохранили ихъ потомству, а Рускіе письменные памятники всѣ пропали. Ко-

роль Казимiръ занятъ былъ войной Пруской, а Литовцы, между тѣмъ, не забывая правъ своихъ на часть Подола, Олеська и другихъ Рускихъ владѣній, захваченныхъ Польшей, безпрестанно безпокоили короля, въ 1455, 56, 57, 60, 61 и 63, возвратить ихъ назадъ. Они предлогали ему оставить Польшу, въ которой долженъ былъ онъ провождать жизнь, полную горечи, воротиться въ Литву и жить среди любящаго его народа, или же, если это не возможно, позволить имъ избрать себѣ другаго Великаго князя, въ особѣ Симеона Олельковича, князя Кіевскаго, и не сердиться на нихъ, если они объявятъ войну Польшѣ и будутъ стараться, съ оружiемъ въ рукахъ, воротить принадлежащія имъ земли. Въ то время краями Литовско-Рускими управляли, Литвинъ, Гастольдъ, и Русинъ, князь Юрій Острогскій, которые послали, съ представленiемъ къ королю отъ имени народа, 1456 года, какого-то Феофила, Николая Немировича, сына Луцкаго старосты, бывшаго при смерти Свидригайла, и Остафія. Король нѣсколько разъ пріѣзжалъ въ Литву, гдѣ проживалъ довольно долгое время съ своей женой, и умѣлъ просьбой, дарами и пріятнымъ обхожденiемъ не только отлогать годъ отъ году нетерпѣливость и требованія Литовцевъ и Русиновъ (258),

---

(258) *Онъ же* стр. 165, 190, 201, 257, 265, 313, 317 и 329. *Stryikowski* str. 602. Онъ же пишетъ, что Литовцы и Русины потому хотѣли возвесть на Великокняжескій Литовскій, Жмудскій и Рускій престолъ Симеона Олельковича Кіевскаго, ибо другаго, ближайшаго послѣ

но даже согласился, на представленіе Польскихъ вельможъ, чтобы староста Каменца и нѣкоторыхъ другихъ Подольскихъ замковъ присягнулъ, въ 1456 году, на вѣрность Польшѣ (259). Впрочемъ, не весь Подолъ зависѣлъ отъ Польши. Въ нѣкоторыхъ замкахъ стояли еще Рускія войска, какъ, на пр., князь Михайло Чернорыйскій начальствовалъ Брацлавомъ, въ коемъ имѣлъ, въ 1463 году, особеннаго рода приключеніе. Въ это время Турки осаждали свободный городъ, Кафу. Жители Кафы отправили однаго изъ среды себя къ королю съ просьбой позволить имъ набрать нѣсколько войска въ Польшѣ. Король согласился на ихъ просьбу, и Кафянинъ нанялъ на Руси 50 дворянъ (milites), родомъ Поляковъ, и пустился съ ними, черезъ Брацлавъ, въ Крымъ. Во время пребыванія своего въ Брацлавѣ, Поляки, поссорясь въ одномъ шракширѣ съ обитателями, убили какого-то мѣщанина, зажгли городъ и отправились далѣе своимъ путемъ.

короля Казиміра, не было. Такимъ образомъ, онъ самъ же уничтожаетъ собственныя свои увѣренія, оброненныя имъ въ разныхъ мѣстахъ своего сочиненія, о разныхъ родахъ, ведущихъ, будто бы, начало свое отъ Гедимина. Симеонъ, безъ сомнѣнія, былъ потомокъ Андрея Ивановича, по сестрѣ Витовта, слѣдовательно, соединенъ съ королемъ двойными родственными узами, во первыхъ тѣмъ, что былъ самъ, по бабушкѣ своей, изъ рода Кейстута, а во вторыхъ, что Казиміръ былъ сынъ тетки его, Сонки. Смотр. §. 25, примѣч., и ниже, §. 35. примѣч.

(259) *Онъ же*, стр. 196. Dzieie krolestwa Polskiego, przez *Albertrandego*, str. 84.

Князь Черторыйскій погнался за ними съ своими Русинами, 4 раза сразился, но, всякой разъ, какъ обыкновенно пишутъ Польскіе литописцы, былъ разбитъ, принужденъ бѣжать, и только, напослѣдокъ, хитростью успѣлъ одолѣть храбрыхъ на рѣкѣ Бугѣ, такъ что спаслось лишь пять человѣкъ изъ нихъ, а Русинъ Черторыйскій получилъ добычу, цѣной въ 30 тысячъ золотыхъ (260). — Литовцы были, нѣкоторымъ образомъ, правы, склоняя короля оставить Литву и поселиться на Руси, потому что жизнь его въ Польшѣ была незавидная. Всѣ удачныя событія въ военныхъ предпріятіяхъ и внутреннемъ управленіи всьмо-жи Польскіе приписывали себѣ, напротивъ того они дѣлали острые и дерзкіе упреки королю въ худомъ правленіи и по дѣлу Волынской земли (261). — Краковское духовенство не соглашалось принять назначеннаго королемъ ему епископа, держа сторону того, котораго хотѣлъ дать имъ папа Пій II-й, отсюда множество непріятностей и безпорядковъ, и только непреклонная твердость короля помогла ему удержать свое значеніе. Это Краковское епископство лишилось своего начальника, кардинала Олесницкаго, умершаго, въ 1455 году, и тѣмъ избавившаго короля отъ непріятнаго и опаснаго ему и его власти человѣка. Олесницкій былъ великій политикъ, и Польша обязана ему сво-

(260) *Dlugosz* pag. 318.
(261) *Онъ же*, стр. 247.

имъ временнымъ величіемъ. Вмѣстѣ съ нимъ и подъ его руководствомъ образовались мужи, опытные въ дѣлѣ правленія, которые, имѣя въ рукахъ своихъ во все время жизни бразды правленія, умѣли сохранить это величіе ея во всѣхъ случаяхъ. Основаніе этой политики было: внутри ограниченіе власти государя, а извнѣ заставлять, сосѣдственныя земли, если не оружіемъ, то договорами, признать свою зависимость отъ Польши, или, даже, присоединиться къ ней. Олесницкій, самый пламенный защитникъ папской власти, непріязненный другимъ исповѣданіямъ, былъ, въ высшей степени, гордъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, умѣлъ управлять, и потому умной распорядительностью своей, при большихъ доходахъ Краковскаго епископства, до того умножилъ свои сокровища, что купилъ даже для своей епископіи княжество Сѣверское, а землю Спижскую держалъ у себя въ закладѣ. Онъ происходилъ изъ дворянскаго рода, не очень, впрочемъ, значительнаго. Отецъ его былъ судьей Краковскимъ. Въ молодости служилъ онъ при дворѣ Ягайла, и, снискавши милость государя, возвысился на степень епископа Краковскаго; вмѣстѣ съ собой умѣлъ онъ также вознести до высокаго значенія и родъ свой. Братъ его былъ Сѣдомірскимъ воеводой. Мы видѣли выше, что онъ былъ неблагодаренъ своему доброму государю, и, подобно извѣстному Фомѣ Каппербурскому, всякой разъ чувствовалъ неизъяснимую сладость, когда только могъ дать почувствовать ему свое значеніе и важность.

Въ 1456 году показалась въ Галиціи моровая язва, истребившая совершенно окрестности Кросна и Римановa (262). Въ 1457 явились Татары, которые, кромѣ опустошенія Руси по самый Потиличь (263), увели еще въ неволю множество дворянъ и простаго народа. Имъ было вышла на встрѣчу Варѳоломей Бучацкій, староста Подольскій, и Иванъ Ляцъ, съ своимъ небольшимъ отрядомъ, но были окружены толпами Татаръ и погибли, со всей дружиной, богатырской смертью (264).

Въ 1462 умеръ послѣдній Мазовецко-Бельзскій князь. По смерти его король приказалъ занять Бельзскую землю во имя Польши, поставилъ старостой Бельзскаго замка какого-то Яна Лясновскаго, и отдалъ ее ему въ содержаніе (265). Но Литовцы, зная, что это княжество, принадлежавшее, нѣкогда, къ Володиміріи, составляетъ собственность Руси, присоединили, къ притязаніямъ своимъ на часть Подола, Олеська и Рашна, также еще и Бельзъ, и не замѣшкали требовать возвращенія себѣ этой земли (266). — Къ несчастіямъ, удручавшимъ наше бѣдное, Руско-Галицкое, отечество, т. е., Татарамъ, Волохамъ и Польскимъ старостамъ, угодно было еще Всемогущему низпослать

(262) *Онъ же* стр. 190. Кросно лежитъ въ Ясельскомъ, а Римановъ въ Саноцкомъ уѣздѣ.
(263) Потыличь — мѣстечко въ Жовковскомъ уѣздѣ.
(264) *Długosz* pag. 213.
(265) *Онъ же* стр. 288.
(266) *Онъ же* стр. 313—317.

на этотъ край новый родъ бѣдствій. Это были Крестоносцы, или лучше Крестовики, т. е. люди Латинскаго исповѣданія, которые, повинуясь булѣ папы Пія II-го, взяли святой крестъ, и, украсивъ имъ свое платье, рѣшились отправиться, черезъ Угрію, пройдя Турковъ. Въ 1463 и 64 собралось множество разнаго рода бѣдняковъ, не имѣвшихъ чѣмъ жить, и, преступниковъ, думавшихъ загладить прежнія свои злодѣянія войной противъ невѣрныхъ и жаждавшихъ случаевъ къ грабежу. Начальство надъ ними, въ числѣ двѣнадцати тысячь, въ Малой Польшѣ и на Руси, принялъ какой-то Счастный. Въ надеждѣ, что злодѣянія ихъ отпустятся имъ, они тотчасъ, еще до столкновенія своего съ бусурманами, поспѣшили показать знаки своего мужества на самой Руси, а потому, пока что, начали бить и грабить Жидовъ и Русиновъ, отказывавшихся отъ послушанія Риму; а показавши опытность свою въ этомъ, не щадили потомъ уже и самыхъ исповѣдниковъ Латинской вѣры. Опустошивши разныя околицы и загнавши дворянъ въ Львовъ, они остановились, наконецъ, подъ нимъ и требовали выдачи городскихъ Жидовъ. Городъ вошелъ въ договоръ съ разбойниками, заплатилъ имъ окупъ, далъ продовольствіе, и, какъ обнесенный каменными стѣнами, спасся отъ грабежа. Такія притѣсненія и всеобщее безпокойство склонили начальниковъ города и дворянство Львовской и Жидачевской земли заключить между собой, въ 1466 году, договоръ взаимной обороны отъ всѣхъ непріятелей,

отваживающихся нападать и грабить городъ и дворянскія владѣнія. Договоръ этотъ помѣщенъ въ прибавленіи подъ буквой М. Меньше счастливъ былъ Краковъ, въ который ворвались Крестовики, ограбили Жидовъ, на улицѣ св. Анны, и 30 убили изъ нихъ; при этомъ досталось, также, и христіянамъ. А какъ бѣдные мѣщане не защищали Жидовъ отъ 12 тысячь разбойниковъ, собранныхъ папской булой, то и принуждены были за то, въ наказаніе и довершеніе своего несчастія, заплатить еще королю три тысячи золотыхъ, что теперь равняется сорока тысячамъ (267).

§. 35.

1465—1474.

Пруская война съ Крестоносцами продолжалась еще и въ началѣ этого періода, и кончилась только славнымъ Торунскимъ міромъ, 1466 года, въ пользу

---

(267) *Бѣльскій* стр. 432. *Зиморовичъ*, изданный *Пивоцкимъ*, стр. 149. Какой особенной опекой пользовались Жиды подъ Польскимъ владѣніемъ, и какъ несправедливо должны были отвѣчать города за обиды, нанесенныя имъ кѣмъ-либо третьимъ, покажу я ниже, описывая хищеніе, произведенное, въ 1664 году Езуитскими студентами и дворовыми людьми Польскихъ вельможъ надъ Львовскими Жидами. Этотъ союзъ Галицкаго дворянства, съ одной стороны земли Львовской и Жидачевской, а съ другой города Львова, заключенный для взаимной обороны, былъ направленъ, какъ противъ Крестовиковъ, такъ равно и противъ воеводы Одровѫжа, державшаго въ залогѣ эти земли, и утѣснявшаго ихъ, что все покажемъ въ слѣдующемъ, 1465, году.

Польши. Избраніе королевскаго сына, Владислава, на Чешскій престолъ, который, какъ пишетъ Длугошъ (pag. 467), принялъ онъ „ad decus linguagii Slavonici“, и Казиміра, втораго королевскаго сына, на престолъ Угорскій, впянуло Польшу въ споры съ тѣми Чехами и Уграми, которые противились такому избранію. Отсюда, Польскіе лѣтописцы, занятые, по большей части, описаніемъ войнъ, происшедшихъ отъ этого случая, мало оставили намъ свѣдѣній о внутреннемъ состояніи нашихъ Русскихъ краевъ. Впрочемъ, судя и по оставленному намъ о томъ Длугошемъ (стр. 345 и 346), можно увѣриться, что судьба Червоной Руси была печальна. Расточительный Владиславъ Варнскій оставилъ нашу Галицкую землю, за значительную сумму, въ залогъ сильному Польскому дому, Одровжамъ, правившимъ его самовольно подъ именемъ воеводъ и старостъ Русскихъ. По смерти Андрея Одровжа Русскіе жители Галиціи принесли королю жалобу на жестокія притѣсненія, многія злодѣянія и страшные разбои, причиняемые имъ этимъ домомъ. Янъ Одровжъ, преемникъ Андреевъ, мало уважалъ жалобы жителей, равно какъ и приказаніе короля явиться къ нему, потому что прошло уже то время, когда король былъ въ состояніи отдавать справедливость слабѣйшему передъ сильнѣйшимъ. Кромѣ того Одровжъ зналъ хорошо, что, желая удалить его отъ владѣнія Галиціей, должно было, прежде всего, взнести ему деньги по записямъ его на земли и замки Львовскій, Жидачевскій, Самборскій, и друг., на что король не имѣлъ

ни охоты, ни возможности. А потому, въ проводное воскресенье, 1465 года, король прибылъ въ Львовъ и приказалъ, съ согласія обитателей земель Львовской, Галицкой и Бельзской, платить, для удовлетворенія Одровжовъ, съ каждого лана „fertones (т. е., по 12 грошей)“, а каждому жителю, имѣющему свое хозяйство и семейство, доставить по одному волу. Такимъ образомъ, на собранную дань и проданные 20 тысячь воловъ, выкупили изъ залога земли Львовскую, Жидачевскую и замокъ Глиняны (268). Но не одна наша Русь находилась въ подобномъ залогѣ; Каменецъ и часть Подола, занятаго Поляками, подобнымъ же образомъ отданы были роду Бучацкихъ, и подобнымъ же образомъ выкуплены, въ 1463 году (269). Король не всегда бралъ деньги за подобныя земли; частію давалъ онъ кусокъ земли либо въ награду за какую-нибудь услугу, либо же на настоянія какого-нибудь Польскаго вельможи, желавшаго владѣть той или другой землей, или подарить ее своему родственнику, но всегда съ условіемъ, тогда только возвратить ее, когда взнесется ему за то извѣстное количество денегъ. Ежели получившій, такимъ образомъ, землю былъ человѣкъ совѣстливый, то онъ довольствовался, какъ господинъ, однимъ только оброкомъ съ обывателей ея и участіемъ Русина въ его военныхъ похо-

(268) *Бѣльскій* стр. 436.
(269) *Онъ же* стр. 432.

дахъ; но ежели онъ былъ менѣе совѣстливъ, то отбиралъ Русину землю и его имѣніе, предоставляя ему полную волю, какъ уже мы выше замѣтили, въ §. 31, искать счастія на бѣломъ свѣтѣ. Такіе скитальцы, бѣглецы и изгнанники, удалялись къ Татарамъ, промышляли грабежемъ, и, дыша местью, мирились, подъ именемъ Козаковъ (270), съ Та-

(270) *Dlugosz* pag. 449. Слово *Козакъ* значило витязь, человѣкъ благороднаго происхожденія, вольный, воинъ (Miles, Nobilis). Воинъ какъ выражается о немъ царь Иванъ Васильевичь въ письмѣ своемъ къ Чапибеку, хану Крымскому: „Еще не имѣя на силы, на власти, и будучи единственно *Козакомъ*, ты спрашивалъ у меня," и такъ далѣе (*Карамзинъ* VI. стр. 91). Кажется, у Татаръ было три степени богатырей, именно: Уланъ, Князь и Козакъ. Доказательствомъ тому служитъ договоръ этого же самаго царя съ ханомъ, Менгли-Гиреемъ, въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „не воевати ни моимъ Уланомъ, ни Княземъ, ни Козакомъ (*Карамзинъ* VI. стр. 39, примѣчаніе)." Братъ Татарскаго хана, Шахмата, находившійся, въ царствованіе Великаго князя, Александра, въ Литвѣ, котораго сбирались послать въ Крымъ съ какимъ-то порученьемъ, носилъ званіе Козака. *Кромеръ* (стр. 443 и 444) пишетъ: „Placuit igitur ipso assentiente fratrem quidem ejus *Cosacum Soltanium* in Scythiam mitti. His ita constitutis, *Cosacus* accepto a rege viatico etc." У Польковъ воевать на собственной счетъ называлось „ишли въ Козачество." *Бѣльскій* (стр. 500) говоритъ, что братья Спрусы отправились въ Италію „козаковать." Предаваться „Козацкимъ забавамъ" значило участвовать въ турнирахъ, охотѣ и вообще рыцарской войнѣ. *Стрыйковскій* (изданіе *Богомольца*, стран. 376). Въ Русскихъ лѣтописяхъ первое извѣстіе о Козакахъ встрѣчаемъ подъ 1444 годомъ, именно въ то самое время, когда нашъ Галицкій вольный народъ Поляки лишали собственности и заставляли удалятьси на Днѣпръ.

тарами; они-то наслали, въ 1469 году, три орды на Рускія земли. Первый отдѣлъ ихъ продрался, безъ малѣйшаго сопротивленія, черезъ уѣзды Володимірскій, Кременецкій, Кузминскій, Чудовскій и Житомірскій, захвативъ съ собой, кромѣ драгоцѣнностей и скота, до 10 тысячъ плѣнниковъ. Другой отдѣлъ, спремившійся къ Теребовлѣ, узнавъ, что Польское войско готово встрѣтить его, подъ начальствомъ Рафаила Ярославскаго, старосты Львовскаго, и Павла Ясинскаго, старосты Бельзскаго, воротилось, съ небольшой добычей, въ степи; третій же отдѣлъ грабилъ Валахію (271). Не только Татары и Козаки разоряли несчастную Галицію, но и Угры, державшіе сторону короля своего, Матвѣя, противъ Казиміра, сына короля Польскаго, рѣшились отмстить ему за посягательство на чужой вѣнецъ. По этому, въ 1474 году, вторглись они, нежданно, въ Галицію, овладѣли Змигородскимъ замкомъ, ограбили города: Дуклю, Ясльі, Берестокъ, Колачицы, Фришпакъ, Ясліска, Мушине и Дабовдѣлъ, какъ называетъ его Длугошъ, или нынѣшній Дубовецъ, сожгли многолюдный городъ Пилзно (272), и возвратились, съ добычей, за Карпаты (273). Въ то самое время, какъ это дѣлалось на Угорской границѣ, ворвались, черезъ Подолъ, на нашу Русь, около св. Іоанна Кре-

(271) *Długosz* pag. 450.

(272) Всѣ эти города находятся въ Галиціи.

(273) *Długosz* pag. 506. *Bielski* str. 459

спиппеля, 1474, Ташары, безъ сомнѣнія, вмѣстѣ, съ, упомянутыми выше, изгнанниками, опустошили, огнемъ, мечемъ и плѣномъ, окрестности Каменца, Збаража, Гологоръ, Дунаева, Глинянъ и Галича, пространствомъ на 700 верстъ, а шириной 210, забрали безчисленное множество не только поселянъ, но и дворянъ, съ ихъ движимымъ имуществомъ и скотомъ, и увлекли ихъ въ отдаленныя стороны. Никто не противился имъ; одинъ лишь архіепископъ Львовскій, Григорій, осмѣлился защищаться въ замкѣ своемъ, Дунаевѣ, и еще какой-то дворянинъ, Свинка, въ Поморянахъ; а какъ Ташары не заботились о взятіи укрѣпленныхъ мѣстъ, но они и остались въ живыхъ. Этѣ Ташары овладѣли Збаражскимъ замкомъ и схватили въ немъ князя Ивана (274) и жену его. Князь лучше хотѣлъ сги-

(274) *Збаражскіе* князья были такіе же Рускіе, какъ и Черторыйскіе, а не Литовцы, какъ утверждаетъ Гваньинъ (стр. 321) и другіе. Они происходятъ отъ чистыхъ Русиновъ, а не отъ какого-то Василія Корибутовича. Возможно ли, чтобы князь Збаражскій, будучи Литовцемъ, сыномъ или внукомъ Корибута, Ягайлова брата, жилъ, съ своимъ родомъ, безъ всякихъ почестей и значенія, въ ничтожномъ Збаражѣ, совершенно въ неизвѣстности, между тѣмъ какъ двоюродный братъ его возсѣдалъ на Польскомъ и Литовскомъ престолѣ и объявлялъ притязанія на Угорскій и Чешскій вѣнецъ для своихъ сыновей? Возможно ли, чтобъ Польскіе короли, Ягайло, Владиславъ Варнскій и Казиміръ, съ такой расточительностью обогащавшіе Поляковъ, допустили провождать, въ совершенной безызвѣстности, дни свои роднымъ и двоюродпымъ братьямъ,

пушь, нежели нищи въ неволю, а потому зажегъ замокъ и сдѣлался, вмѣстѣ съ Татарами, хотѣвшими увезть его, жертвой пламени. Одинъ изъ сыновей его подался было въ плѣнъ; но слуга его, Ру-

---

довольствоваться ограниченными доходами дворянскаго имѣнія? Во время вѣнчанія на престолъ, обрученія, рожденія и другихъ придворныхъ празднествъ, пріѣзжало къ Польскому двору множество Силезскихъ, Нѣмецкихъ, Мазовецкихъ, и другихъ князей, коихъ всѣхъ Длугошъ называетъ поименно, между тѣмъ какъ о князьяхъ Збаражскихъ, Вишневецкихъ, Черторыйскихъ и Сангушкахъ, происходящихъ отъ Корибута, Любарта и Коріята, нигдѣ ни малѣйшаго упоминанія. Причина этому была самая простая, именно: всѣ они принадлежали не къ королевскому роду, не имѣли значенія при дворѣ; но, какъ Русины по происхожденію, были презираемы побѣдителями, а потому рѣшились лучше провождать жизнь свою въ деревенской тишинѣ, выжидая благопріятнѣйшаго времени. Ни одинъ изъ современныхъ и позднѣйшихъ историковъ, въ теченіе цѣлаго полутора вѣка, не считалъ ихъ отпрослью королевскаго дома, напротивъ, каждый называлъ ихъ природными Русинами. *Бѣльскій* (стр. 360) первый говоритъ о Черторыйскихъ, бывшихъ въ его время уже сильными, слѣдующее: „Этѣ князья тоже происходятъ отъ Гедимина," а *Кояловичъ* еще яснѣе (стр. 174): „Lubarti Gediminiadae filius." Ягайло былъ страстно привязанъ къ своему роду и старался возвышать его; для этого-то онъ заботился выдать Витовтову племянницу, дальнюю свою родственницу, Цимбарку, за эрцгерцога Австрійскаго, Эрнста (*Кояловичъ* стр. 90). Могъ ли же этотъ король, такъ сильно привязанный къ родственникамъ, совершенно забыть своихъ братьевъ и племянниковъ? Ни Длугоша, ни Кромера никакъ не льзя обвинять въ незнаніи и неосновательности, потому что Длугошъ жилъ при дворѣ, былъ учителемъ королевичей, употреблялся въ дипломати-

сынъ, бывшій, вмѣстѣ съ нимъ, въ неволѣ, убилъ Татарина, освободилъ себя и дитя господина своего, и потомъ счастливо бѣжалъ. Это нападеніе Татаръ опустошило значительную часть Подола,

---

ческихъ посольствахъ; слѣдовательно, могъ ли такой мужъ не знать роду царствующаго дома? Равнымъ образомъ, не льзя упрекнуть его и въ неосновательности, его, который, въ этомъ отношеніи, даже черезъ чуръ ужь точно описываетъ намъ каждаго вельможу и дворянина по имени, прозванію и гербу. Одни только позднѣйшіе Польскіе писатели стали обращать Русскихъ князей въ Литовцевъ, и притомъ потомковъ Гедимина, не исключая отсюда и самаго Кояловича, написавшаго, спустя 250 лѣтъ послѣ вступленія на престолъ Литовца, Ягайла, и послѣдняго соединенія Литвы съ Польшей, превосходнымъ Латинскимъ языкомъ, исторію Литовскаго народа. Впрочемъ, сочиненіе его есть просто только историческій романъ, для коего взялъ онъ дѣйствующія лица изъ хроникъ Меховиты, Длугоша, Кромера, Спрыйковскаго и другихъ Польскихъ писателей; дѣянія же ихъ, рѣчи и причины дѣйствій развилъ изъ собственной своей фантазіи, прикрашивая мнѣнія упомянутыхъ выше сочинителей: Онъ тоже выводитъ князей Вишневецкихъ и Збаражскихъ отъ Сѣверскаго князя, Димитрія Корибута (Часть 2-я, стр. 42—46.), Ягайлова брата, позволяетъ Витовту изгонять его изъ своего Сѣверскаго княжества, и потомъ надѣляетъ огромными помѣстьями на Подолу, именно: Брацлавомъ, Винницой, Кремепцемъ и Соколовымъ, которыя внимательный читатель лѣтописи послѣ этого времени, т. е., послѣ 1395 года, находитъ совершенно въ другихъ рукахъ, и которыя, полагать должно, принадлежали, во время сочиненія Коляловичемъ своей исторіи, дому Вишневецкихъ и Збаражскихъ. Если, въ самомъ дѣлѣ, жилъ, на бѣломъ свѣтѣ, Сѣверскій князь, Димитрій Корибутъ, и былъ братомъ короля, то можно ли повѣ-

находившагося подъ Польскимъ правленіемъ, и Галиціо: они увели съ собой до 100 тысячь душъ. Обвиняли Литовцевъ и Русиновъ, бывшихъ подъ властью Литовской, что они благопріятствовали эшѣмъ Та-

---

рить, чтобы Витовтъ рѣшился итти войной на него, единственно только для того, чтобы изгнать изъ княжества, осадить въ Новгородѣ Сѣверскомъ, заключавшемъ въ себѣ большія сокровища, чтобы *Витовтъ боялся прихода Русскихъ князей на помощь осажденному Литовцу Литовцемъ?* Далѣе, чтобы, по взятіи города, Витовтъ захватилъ себѣ всѣ княжескія и частныхъ людей сокровища, собранныя въ замкѣ и церквахъ, чтобы онъ, называемый Поляками присяжнымъ королевскимъ подданнымъ, держалъ на Волыни въ оковахъ роднаго королевскаго, а своего двоюроднаго, брата, съ женой и дѣтьми, безъ всякой причины, чтобы, потомъ, князь Вишневецкій, отъ рода Ягайлова или Ольгердова, былъ слугой у Сигизмунда Августа, и, напослѣдокъ, чтобы Турецкій Султанъ приказалъ повѣсить, за ребро на крючекъ, другаго Вишневецкаго князя, Ягайловича? Разумѣется, ни коимъ образомъ! Какъ Димитрій Корибутъ Сѣверскій, такъ равно Владиміръ Кіевскій и Федоръ Подольскій (Часть 2-я, стр. 42), были, безъ сомнѣнія, Русскіе князья. А что осмотрительный *Нѣмцкій*, придерживался описанія современныхъ родописцевъ, и назвалъ ихъ, можетъ быть, вопреки собственному убѣжденію, Ягайловичами, то это, съ его стороны, было очень осторожно, потому что онъ не хотѣлъ навлекать на себя негодованія чрезвычайно сильныхъ въ свое время Руско-Польскихъ домовъ, которые, не довольствуясь своимъ славнымъ Русскимъ происхожденіемъ, крѣпко желали породниться съ Литовцами. Не должно, однако же, этого Димитрія, названнаго Корибутомъ, смѣшивать съ Сигизмундомъ Корибутомъ, родственникомъ Ягайла. *Нарушевичъ* (VI. стр 36) считаетъ Димитрія роднымъ братомъ Ягайла, а *Бѣльскій*, напротивъ того (стр. 325), называетъ Сигизмун-

царскимъ набѣгамъ по ненависти къ Полякамъ. И въ самомъ дѣлѣ князь Черторыйскій, начальствовавшій въ Литовской части Подола, и Маршинъ Гаспольдовичь въ княжествѣ Кіевскомъ, не только

да братомъ Витовта. Этотъ послѣдній, начальствуя Литовскимъ войскомъ, вторгся, въ 1409 году, въ Прусскіе края (*Коялович* стр. 81. *Бѣльскій* стр. 290), и причинилъ имъ значительный вредъ, а впослѣдствіи былъ избранъ Чехами-Гуситами себѣ въ короли. *Нарушевичъ* (стр. 37) считаетъ Сигизмунда сыномъ Димитрія; но это несогласно съ истиной, потому что Димитрій, посаженный въ 1395 году, въ темницу, въ Вильнѣ, имѣлъ только малыхъ дѣтей и свои помѣстья на Подолѣ, слѣдовательно, не могъ имѣть сына на Литовскомъ княжествѣ, сколько ужь возмужалаго, чтобы онъ, въ 1406, велъ свое войско противъ Прусаковъ. Стало быть, Димитрій Корибутъ былъ князь Рускій, а Сигизмундъ Корибутъ, король Чешско-Гуситскій, котораго Сигизмундъ Кейстутовичь, плѣнивъ 1435 года, въ сраженіи, подъ Вилькоміромъ, приказалъ убить, былъ, какъ выше сказано, въ §. 30, княземъ Литовскимъ, племянникомъ Ягайла. Изъ всѣхъ, такъ называемыхъ, Литовско-Рускихъ князей, помомковъ, будто бы, Гедимина, одни только Олельковичи *Слуцкіе* могли, по моему мнѣнію, дѣйствительно принадлежать къ роду Гедимина, и, кажется, въ женскомъ колѣнѣ. Эти Слуцкіе князья пользовались большими почестями, какихъ не имѣлъ ни одинъ княжескій домъ, даже Вишневецкіе, Збаражскіе, и другіе. Почести эти сосполяли въ томъ, что князь Слуцкій, по смерти Сигизмунда Августа, 1573 года, отправилъ, наровнѣ съ иностранными державами, Литовскими государственными чинами и зависимымъ княземъ Прускимъ, своихъ пословъ на совѣтъ королевства, извѣщая, что онъ прибудетъ на избраніе короля, въ чемъ ему никто не отказывалъ ни какого права (*Бѣльскій* стр. 672),

не проникнулись Татарамъ, но еще, сверхъ того, послали, по князю Глинскому, дары имъ, и оказывали всякое вниманіе. Должно быть, ненависть Русиновъ и Литовцевъ къ Полякамъ дошла до нельзя, ежели они желали видѣть края свои лучше опустошенными и лишенными народонаселенія, нежели въ рукахъ Поляковъ. Это же самое увидимъ мы и ниже, въ самомъ XVII вѣкѣ, потому что Русины всегда предпочитали Татарскую неволю и господство Польскимъ (275).

между тѣмъ какъ князю Прускому это не было позволено. А когда зашла рѣчь о мѣстѣ, которое долженъ былъ занять онъ въ Сенатѣ, то всѣ признали, что ему слѣдуетъ сидѣть рядомъ съ Виленскимъ епископомъ (*Бѣльскій* стр. 672). Это было чрезвычайной почестью, потому что епископы занимали, по обѣимъ сторонамъ престола, первыя кресла. А какъ епископъ Виленскій былъ пятымъ по числу, потому князь Слуцкій, занявши шестое кресло, имѣлъ послѣ себѣ двѣнадцать епископовъ, всѣхъ Польскихъ и Литовскихъ сенаторовъ и министровъ. Только одинъ онъ занималъ мѣсто между духовными, отличіе, котораго не давали даже самымъ Мазовецкимъ князьямъ. Извѣстно, также, что въ Литвѣ всегда была сторона, желавшая доставить Великокняжескій престолъ князьямъ Слуцкимъ, какъ это упомянули мы уже выше, въ §. 34, подъ 1454 годомъ. Изъ всего этого открывается, что эти Слуцкіе князья были соединены родствомъ съ владѣтельнымъ домомъ, а всѣ прочіе Рускіе князья, даже доказавшіе происхожденіе свое отъ Рюрика, относимы были Поляками къ числу другихъ обитателей.

(275) *Dlugosz* pag. 514, 515 и 516 *Bielski* str. 462.

Въ это время, именно, въ 1468, произошла важная перемѣна въ образѣ Польскаго правленія. Прежде короли Пястова дома, владѣя самодержавно, обращались только за совѣтомъ и мнѣніемъ къ высшему своему духовенству и вельможамъ, и притомъ тѣмъ, коихъ угодно было имъ почтить своей довѣренностью, и кои, потому, назывались „совѣтники (consiliarii, въ царствованіе Людвика)." Но во время дряхлой старости Ягайла, заботившагося только объ удержаніи себя на чуждомъ ему престолѣ, въ малолѣтство сына его, Владислава Варнскаго, и въ правленіе Казиміра, Польскіе вельможи и епископы присвоили себѣ значительную часть власти, а потому король очень мало былъ въ состояніи что-либо сдѣлать безъ ихъ согласія. Стало быть, это было монархично-олигархическое правленіе. Дворянство начало завидовать вліянію богатыхъ сосѣдей своихъ, не захотѣло слушаться ихъ приказаній и пожелало также участвовать въ высшемъ правленіи. Должно было допустить и его, и потому въ этомъ-то году положено было дозволить дворянству участвовать въ общественныхъ дѣлахъ, названныхъ послѣ сеймами, на кои присылать ему изъ каждой земли пословъ своихъ, и, такимъ образомъ, правленіе Польское обратилось въ монархично-аристократическое (276).

Въ 1471 умеръ Симеонъ Олельковичь, владѣтельный князь Кіевскій. Передъ смертью отпра-

(276) *Онъ же* стр. 431 и 436.

вилъ онъ къ королю Казиміру, какъ Великому князю Литовскому и своему верховному начальнику, посла, ввѣряя совѣсти его свое княжество, жену, сына и дочь. Король поручилъ правленіе этѣмъ княжествомъ, по желанію дѣтей, равно какъ и самую опеку ихъ, Литовцу, Мартину Гаспольдовичу, какъ шестію умершаго и дѣду оспавшихся двухъ спротъ (277).

Въ это время княжилъ въ Молдавіи Стефанъ, человѣкъ воинственный, который могъ противустоять даже Туркамъ и побѣждать ихъ, но который, однако же, предвидя, что временное торжество его не защититъ его отъ пораженія и гибели, если еще разъ вторгнутся Турецкія войска въ Молдавію, рѣшился обратиться къ королю Казиміру, присвоявшему себѣ надъ нимъ верховную власть, и представлялъ ему свой страхъ и опасность, грозившую Польской Руси на случай вторичнаго нашествія Турковъ на эти страны. Разумѣется, Казиміръ охотно подалъ бы помощь, такъ называемому, подданному своему, ежели бы имѣлъ людей и деньги; а потому онъ отложилъ намѣреніе свое въ этомъ до другаго времени.

---

(277) *Онъ же* стр. 191 и 462. По словамъ *Кояловича* (стр. 238) отъ этого Симеона Олельковича и, малолѣтнаго сына его, Василія, произошли князья Слуцкіе. Смотр. примѣчаніе 274.

Впрочемъ, Литовскіе и, даже нѣкоторые, Польскіе вельможи побуждали его подать просимую помощь. Одинъ изъ нихъ, по имени Держекъ Рытвянскій, до того даже простеръ было дерзость свою, что на Люблинскомъ сеймѣ, 1475 года, дѣлалъ королю острые и неприличные упреки, и обвинялъ его въ нерадѣніи, не обращая вниманія, что казна была истощена, королевскія имѣнія расхищены, и что король едва могъ удовлетворить изъ собственныхъ доходовъ наемныхъ воиновъ въ Пруской войнѣ. На Сѣрадскомъ сеймѣ, 1475 года, онъ рѣшительно не могъ получить нужныхъ денегъ для приданаго своей дочери (278); да и послѣ, сколько разъ ни требовалъ денежнаго пособія у дворянства, получалъ или очень мало, или даже вовсе ничего.

§. 36.

1475.

Наконецъ, спустя сто лѣтъ, вспомнили Угры, что предки ихъ, когда-то, присвоили себѣ право на Галицкую Русь, Молдавію и Валахію. По этому случаю король Угорскій, Матвѣй, дѣлалъ Польскому правительству сильныя представленія; и потому, съ согласія обѣихъ сторонъ, положено было рѣ-

---

(278) *Długosz* pag. 537. *Onacewicz* II. str. 161. Казиміръ, пишетъ *Бандтке* (стр. 49), имѣлъ дѣло съ двумя непріятелями, Крестоносцами и Польскимъ дворянствомъ, потому что, когда приходилось ему биться съ первыми, то долженъ былъ, въ это же самое время, торговаться съ послѣдними.

нить этотъ предметъ, взаимными силами, на Угорскомъ сеймѣ, 1475 года. Для этого назначилъ король Казиміръ, отъ лица Галиціи, 10-ть нарочныхъ (комисаровъ), и притомъ самыхъ Поляковъ, потому что по смерти Грыцька Кырдіёвича, ни одинъ уже Русинъ не имѣлъ больше ни какого достоинства, или высшаго мѣста. Эти нарочные съѣхались въ Новый Сачъ; но, проживъ тамъ нѣкоторое время, узнали, что сеймъ Угорскій не состоится, по какимъ-то важнымъ причинамъ, въ текущемъ году, и воротились въ свои дома, а потому рѣшеніе спора отложено было на неопредѣленное время (279).

1476.

Въ слѣдующемъ, 1476, году вступили Турки въ Валахію. Господарь Стефанъ усильно молилъ о помощи того, который называлъ себя верховнымъ повелителемъ его и требовалъ, въ мирное время, присяги въ вѣрности. Положено было сдѣлать всеобщее ополченіе дворянству земель Галицко-Русскихъ. Начальство надъ нимъ получилъ Полякъ, Павелъ Яснискій, помощникъ государственнаго казначея, и собралъ дворянство подъ Каменцемъ. Онъ, однако же, не подалъ ни какой помощи утѣсненному Валаху, даже причинилъ, какъ увѣряетъ Бѣльскій (280), не меньше вреда самыхъ Турковъ, и, когда эти, по случаю потопленія кораблей своихъ съ военными припасами на Черномъ

(279) *Онъ же* стр. 535.
(280) *Bielski* str. 467.

морѣ, оставили Молдавію, но и онъ распустилъ свои войска. Длугошъ приписываетъ (pag. 547), по обыкновенію своему, недѣятельность вождя, бывшаго, вмѣстѣ съ нѣмъ, и помощникомъ государственнаго казначея, одному лишь королю, который долженъ былъ въ Польшѣ, какъ это козлище Израиля, носить на себѣ грѣхи цѣлаго народа.

1477.

Въ слѣдующемъ, 1477, году, Генваря 29, оставилъ, совершенно неожиданно, этотъ свѣтъ, Григорій, архіепископъ Львовскій, мужъ ученый, правившій паствой около 30-лѣтъ. Длугошъ подозрѣваетъ, не отравила ль его одна изъ женщинъ, къ которымъ онъ неумѣренно былъ привязанъ (281).

1478.

Въ 1478 присутствовалъ король Казиміръ на сеймѣ Литвы и Руси, въ Брестѣ. На этомъ сеймѣ Литовцы умоляли его назначить имъ одного изъ королевскихъ сыновей въ государи; но напрасно. Казиміръ отвѣчалъ, что онъ, пока живъ, никому не поручитъ управленія Литвой (282). Ибо онъ опасался, во первыхъ, что Литовцы, дыша ненавистью къ Полякамъ, могутъ начать войну съ

---

(281) *Długosz* pag. 553.
(282) *Онъ же* pag. 565.

ними, а во вторыхъ, отказавшись отъ доходовъ Литовскихъ, онъ не былъ въ состояніи поддерживать свой домъ и вліяніе.

Вскорѣ потомъ явились Татарскія орды на границахъ Подола; но узнавъ, что тамъ находилось нѣсколько войска подъ начальствомъ Спышка изъ Ярославля, воеводы Львовскаго, и Яна Одровжа (того самаго, котораго, недавно, выкупили Русины, только бы сбыть его съ рукъ), воеводы Подольскаго, тотчасъ скрылись. Но когда Польскія войска воротились назадъ, то Татары напали ночью на городъ Брацлавъ, и напугали князя Черторыйскаго до того, что онъ долженъ былъ скрыться въ замокъ, между тѣмъ какъ другіе ограбили и сожгли городъ, а жителей полонили и удалились съ добычей (283). Очень вѣроятно, что и Поляки, подобно Литовцамъ, облегчавшимъ поражать Поляковъ и пустошить уѣзды, занятые ими, тоже, въ этотъ разъ, плания взаимностью, сильно содѣйствовали разбитію Литовцевъ и, ненавистнаго имъ, Русина, князя Черторыйскаго.

1479.

Съ 1479 годомъ прощаюсь я съ Яномъ Длугошемъ, самымъ лучшимъ Польскимъ лѣтописцемъ, который, хотя страстно привязанъ къ дѣяніямъ и славѣ своего народа, къ вѣрѣ, имъ исповѣдуемой, и

(283) *Онъ же* стр. 572.

духовному званію, коего былъ знаменитымъ членомъ, при всемъ томъ оставилъ намъ, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя свѣдѣнія о дѣяніяхъ и несчастіяхъ Рускаго народа. Потерявши этого почтеннаго руководителя, освѣщавшаго намъ безпрестанно путь нашъ, мы принуждены будемъ теперь скитаться по непроходимымъ степямъ невоздѣланной исторіи. Хотя Длугошъ старался выставить, какъ можно, въ непріятномъ видѣ дѣянія Руси, а украшалъ и оправдывалъ Польскія, однако онъ оставилъ намъ безцѣнный памятникъ своимъ описаніемъ событій и дѣйствій, особенно современныхъ себѣ. А потому, исполняя его благочестивое желаніе, изъявленное имъ въ концѣ своей лѣтописи (стр. 592), охотно, но только по Славянски, говоримъ ему: „Вѣчная память!“

1484—1485.

Въ 1484 году Баязетъ, султанъ Турецкій, отправился съ большимъ войскомъ, для покоренія Валашскихъ земель; онъ взялъ Килію, Бѣлгородъ, разбилъ Валаховъ, занялъ Молдавію, и заставилъ господаря Стефана, съ остальной своей дружиной, искать укрытія въ лѣсахъ и горахъ. Такъ какъ король Польскій присвоялъ себѣ право на владѣнія Стефана, то этотъ послѣдній и обратился, наконецъ, съ просьбой къ своему верховному государю помочь ему въ нуждѣ. Король, посовѣтовавшись съ своими вельможами, рѣшился помочь подручнику, но съ условіемъ, чтобы онъ лично явился къ нему и

присягнулъ въ зависимости. А между тѣмъ приказалъ собраться весной, 1485 года Рускому и Подольскому дворянству, подъ Львовымъ (284), на войну, куда и самъ отправился съ Польскими и Литовскими охотниками. Войска собралось около 20 тысячь конныхъ, хорошо вооруженныхъ, съ коими король, переправившись, подъ Галичемъ, черезъ Днѣстръ, и пославъ приглашеніе къ Стефану, прибылъ въ Коломію и разбилъ станъ свой на равнинѣ. Вскорости явился и Стефанъ, который условился, однако же, присягать не въ присутствіи всѣхъ, но въ королевской палаткѣ. Это было ему обѣщано; впрочемъ, въ то самое время, какъ онъ, павши на колѣна, преклонилъ голову свою передъ королемъ, стѣны палатки вдругъ опустились на земь, съ цѣлію, чтобы все войско и присутствующіе могли видѣть колѣнопреклоненнаго васала (285). По окончаніи присяги, Стефанъ получилъ себѣ въ помощь только три тысячи (286) конныхъ, подъ начальствомъ Поляка, съ которыми и воротился въ Мол-

(284) Руское дворянство, или Руской народъ, берется здѣсь въ двоякомъ смыслѣ, какъ Галицкое дворянство, коего край назывался, подъ владѣніемъ Польши, исключительно Рускимъ воеводствомъ, и какъ вообще Рускій народъ, былъ ли онъ подъ властію Польши, Литвы, или собственныхъ князей. Впрочемъ, не должно думать, чтобы и въ первомъ значеніи Руское дворянство было дѣйствительно Руское, потому что большую часть его составляли Поляки, поселившіеся на Руси.

(285) *Bielski* str. 475.

(286) *Зиморовичъ*, въ переводѣ *Пивоцкаго*, стр. 161

давію, вмѣстю упомянутыхъ нами двадцати тысячь, которые собрались единственно для того, чтобъ видѣть, какъ такой храбрый воинъ будетъ стоять на колѣнахъ, а по совершеніи присяги тотчасъ разбѣжались. Эта незначительная помощь, купленная стыдомъ, мало принесла пользы; онъ не могъ, съ этой горстью, вступить въ открытый бой съ Турками, которые, хотя и оставили Молдавію, однако большую часть владѣній его, именно, Бессарабію съ крѣпостями Киліей и Бѣлгородомъ, удержали за собой (287).

1488—1489.

Въ этомъ, только что описанномъ мною, походѣ Польскія войска мало имѣли успѣха, но въ 1489 судьба больше благопріятствовала имъ. Уже въ 1488 ворвались Татары на Подолъ. Плачь и стоны обитателей дошли до слуха короля Казиміра, и онъ отправилъ сына своего, Яна Албрехта, въ 1489 году, съ придворной дружиной на Подолъ, поручая Рускому и Подольскому дворянству собраться подъ его начальство и обуздать дерзость Татаръ. Предпріятіе удалось: королевичъ догналъ непріятеля, ведшаго съ собой значительное число плѣнныхъ обоего пола и разнаго рода добычу, собранную на Руси, ударилъ на него, и, подкрѣпленный Козаками, разбилъ и отнялъ захваченное (288). Польскіе лѣтописцы чрезвычайно увеличиваютъ пора-

(287) *Cromer* pag. 425 *Bielski* str. 475.
(288) *Crómer* pag. 426. *Bielski* str. 478. *Wapowski.*

женіе, понесенное Татарами. Не имѣя противъ этого письменныхъ доказательствъ, мы принуждены вѣрить имъ; при всемъ томъ невольно рождается сомнѣніе, не съ намѣреніемъ ли слишкомъ превозносили этотъ походъ, то есть, съ цѣлію сыскать напередъ любовь и расположеніе Поляковъ къ королевичу, какъ будущему наслѣднику престола. Сомнѣніе это подкрѣпляетъ послѣдующее нападеніе Татаръ, сдѣланное, спустя нѣсколько лѣтъ потомъ, на эту же самую Подольскую и Рускую землю, которые, будь однажды укрощены надлежащимъ образомъ, не посмѣли бы, съ такой дерзостью, рыскать по Руси и Подолу.

1490—1492.

Теперь приступаю къ описанію важнаго событія въ Галицкой Руси, для котораго, однако же, недостаетъ мнѣ нужныхъ источниковъ. Это есть бунтъ, возстаніе, какого-то Мухи. Вотъ какъ разсказываетъ намъ его Кромеръ, который обыкновенно коротокъ въ своихъ описаніяхъ событій. Король Казиміръ, проживая въ Литвѣ, вдругъ вынужденъ былъ поспѣшно отправиться въ Польшу. Къ этой поспѣшности принуждало его, частью дѣло сына, Яна Албрехта, избраннаго въ Угорскіе короли, и разбитаго роднымъ братомъ своимъ, Владиславомъ, королемъ Чешскимъ (что, впрочемъ, для нашей исторіи дѣло постороннее), частью совершеніе брака дочери своей, Анны, съ Богуславомъ, княземъ Шчецинскимъ, а частью (что особенно важно

для насъ), чтобы подать помощь Руси (ut Russis opem ferret). Потому что какой-то посполитинъ, по прозванію Муха, собравши десятитысячное войско изъ Валаховъ и Русиновъ на Покутьѣ, безпокоилъ Русь (то есть, нашу область), коему Стефанъ, воевода Молдавскій, навѣрное помогалъ, можетъ быть даже и подстрекнулъ. И хотя на первыхъ порахъ Николай Chodecius (Ходечь былъ домъ значительный, изъ коего произошло нѣсколько Львовскихъ старостъ), по прозванію Земелька, мужъ храбрый и опытный въ военномъ искусствѣ, предводя наемнымъ Польскимъ войскомъ, разбилъ, сдержалъ и разсѣялъ его разнопеструю толпу, при всемъ томъ Муха впослѣдствіи снова началъ усиливаться въ царствованіе Яна Албрехта. Наконецъ, Русское дворянство, подстерегши однажды, какъ онъ былъ тайкомъ у одной Русинки, которую страстно полюбилъ и часто навѣщалъ, схватило его и отправило въ Краковъ къ королю, гдѣ онъ кончилъ жизнь свою въ темницѣ (289). Вотъ все, что исторія оставила намъ о

(289) Nam Rusticanus quidam homo cognomento Mucha, collecto e Valachis et Russis Pocuciensibus decem millium hominum exercitu, Russiam infestabat, si non concitante, connivente quidem certe Stephano Palatino Moldaviae. Tametsi Mucham tunc Nicolaus Chodecius cognomento Zemelca, vir fortis et rei militaris peritus cum mercenario milite Polonorum aere conducto, cui praecerat, fudit, et repressit, multitudinemque illam promiscuam dissipavit, coeperat tamen Mucha posterius Joanno Alberto ram regnante exercitum reparare. Sed cum ad mulierem quandam Russam in quam deperibat, clanculum subinde commearet, observatus et captus a Russis nobilibus, Cracoviam ad Regem missus est, ibique in carcere vitam finivit. *Cromer* pag. 438.

немъ. Теперь слѣдуетъ намъ привести нѣкоторыя замѣчанія объ этомъ событіи. И такъ, а) этотъ бунтъ или возмущеніе должно быть обширно, и по своимъ послѣдствіямъ опасно, если король, вопреки договору, принужденъ былъ вооружиться, для подавленія его, тѣмъ болѣе, что и Польскій лѣтописецъ, привыкшій, обыкновенно, съ презрѣніемъ, отзываться о силѣ непріятеля, признается, что войско (exercitus) Руспина Мухи, безпокоившее край, состояло изъ десяти тысячъ. Допустивши даже, что онъ въ самомъ дѣлѣ имѣлъ не болѣе войска, все же количество его будетъ значительно, потому что и самый король, отправившійся, въ 1485, какъ бы на помощь Молдавскому воеводѣ, Стефану, едва могъ собрать, подъ Львовымъ, двадцать тысячь Рускаго дворянства и Польскихъ и Литовскихъ охотниковъ, равно какъ и сбѣжавшихся для одного только любопытства, что составляло въ то время большое количество. б) Эта революція продолжалась два или три года, потому что началась она въ 1490 или 1491, а кончилась только въ царствованіе Яна Альбрехта поимкой Мухи. Впрочемъ, мы не знаемъ ничего ни о военныхъ дѣйствіяхъ этого смѣльчака, ни о средствахъ, употребленныхъ Польскимъ гетманомъ противъ него. в) Хотя и разсказываетъ намъ Кромеръ, что Ходечь, опытный въ военномъ искусствѣ вождь наемнаго Польскаго войска, разбилъ, вѣроятно, при помощи, посланной ему королемъ изъ Польши и Литвы, бунтовщиковъ, однако же не въ со-

спояніи былъ прекратить возмущеніе, потому что оно безпрестанно продолжалось, и Богъ вѣсть чѣмъ бы кончилось, если бъ не схватили хитростью начальника мятежниковъ. Словомъ, возстаніе это далеко долѣе продолжалось, нежели Польское въ 1831, хотя мятежники имѣли дѣло съ не менѣе сильнымъ въ то время Польскимъ королевствомъ. г) На первый взглядъ кажется, что это былъ бунтъ черни, судя по выраженію Кромера: „Rusticanus homo", но всмотрѣвшись, надлежащимъ образомъ, дѣло является совсѣмъ въ другомъ видѣ. Если бы Муха былъ простымъ мужикомъ и предводителемъ шайки черни, то не могъ бы сопротивляться цѣлые два года съ своимъ войскомъ (exercitus) Польскому правительству и храброму дворянству, не называлъ бы Кромеръ, Польскій Ливій, войско его exercitus, но просто шайкой (turba), а схваченный былъ бы, какъ обыкновенный разбойникъ, четвертованъ или посаженъ на колъ на самомъ мѣстѣ преступленія, подобно Фомѣ Мицеру, Пфейферу, и другимъ предводителямъ черни. Напротивъ, Муха, схваченный, отправленъ былъ въ Краковъ къ самому королю и кончилъ жизнь, какъ государственный преступникъ, въ темницѣ. Съ позднѣйшими Рускими возмутителями, Наливайкомъ, Лободой, Павлюкомъ, Сулимой, и другими, не смотря на то, что они имѣли на своей сторонѣ расположеніе Рускаго народа, иначе было поступлено. д) По словамъ Кромера къ поимкѣ этого бунтовщика больше всего способствовало Руское дворянство; шутъ, подъ Рускимъ

дворянствомъ, слѣдуетъ разумѣть Поляковъ, коимъ короли даровали земли и имѣнія на Руси, какъ то: Бучацкихъ, Одровжовъ, Ярославскихъ, Яспискихъ, Кобылинскихъ, de Chodecz, de Sienno, и всѣхъ тѣхъ, большихъ и малыхъ, о которыхъ говорено было выше, въ §. 31, подъ 1442 годомъ, и которые, опираясь, какъ это нѣсколько разъ мы замѣтили, на дарственныя королевскія грамоты, отнимали частью силой у вольныхъ людей ихъ собственность, а частью заставили покориться себѣ (290).

Выше приведенныя объясненія показываютъ намъ явственно, что война Мухи съ Польшей предпринята была съ цѣлію освободить край свой отъ рабства наѣздниковъ, что Муха долженъ быть значительный Рускій дворянинъ, лишенный, безъ сомнѣнія, своего имѣнія, либо же наскучившій тиранствомъ, что добродушный король, Янъ Албрехтъ, умѣлъ цѣнить благородную цѣль даже усмиреннаго непріятеля, даровалъ ему жизнь, и только, заключеніемъ въ темницѣ, старался обезопасить себя отъ дальнѣйшихъ его покушеній, и, напослѣдокъ, что Галицкіе Русины старались, не смотря на все свое ослабленіе, при каждомъ случаѣ освободиться отъ Польскаго владычества. Потомки Русиновъ воспѣвали въ своихъ народныхъ пѣсняхъ подвиги своего Валація и Костюшки, и, желая означить му-

(290) *Dlugosz* pag. 773 и 774.

жество, чье бы то ни было, выражались: „Якъ Козакъ Муха!“

Въ Іюнѣ, 1492 года, умеръ, въ Городнѣ, король Казиміръ. Лишь только произошла смерть его, Литовско-Русскіе Чины приступили, съ величайшей поспѣшностью, къ избранію себѣ собственнаго Великаго князя, спараясь тѣмъ освободиться отъ, навязываемаго имъ, соединенія съ Польшей. А какъ старшій королевичъ, Владиславъ, былъ королемъ Угорскимъ и Чешскимъ, а младшій, Янъ Албрехтъ, имѣлъ самое ближайшее право вступить на Польскій престолъ, то, потому, и былъ избранъ въ Великіе князья Литовскіе, третій королевичъ, Александръ, и народъ присягнулъ ему въ вѣрности. Такимъ образомъ, Литовско-Русскія земли снова отдѣлились отъ Польши.

Чтобы дать читателю понятіе о торжествѣ, какое наблюдалось при возведеніи на Великокняжескій Литовскій престолъ, предлагаю здѣсь описаніе обряда *Бѣльскимъ* (стр. 479) и *Кояловичемъ* (стр. 259). Литовско-Русскіе вельможи, князья, Василій и Михайло, Глинскіе (291), Семенъ, князь Слуцкій, князья Голшанскіе, Мстиславскіе и Гедройцы, не спрашиваясь Поляковъ, мечтавшихъ о соедине-

---

(291) *Карамзинъ* (VII. стр. 15) говоритъ, что князь *Глинскій* происходилъ отъ какого-то Татарскаго князя, пришедшаго, во время Витовта, то есть, нѣсколькими годами прежде, въ Литву, крестившагося въ ней

нін, провозгласили, въ Виленскомъ замкѣ, Великимъ княземъ, Александра, возложили на него княжескій вѣнецъ, осыпанный бисеромъ и драгоцѣнными камнями, а равно и порфиросвѣтную одежду, и возвели на престолъ. Виленскій епископъ благословилъ его,

---

и получившаго отъ него имѣніе. Напротивъ, Польскіе писатели считаютъ его Рускимъ, что, кажется, гораздо ближе къ истинѣ. Потому что, какъ бы щедро ни одарилъ Витовтъ новокрещеннаго Тапарина, все бы онъ и домъ его не могъ, въ нѣсколько лѣтъ, получить такое большое вліяніе, значеніе, имѣть такія обширныя владѣнія на Руси, какъ сейчасъ увидимъ это, не могъ бы породниться съ самыми знаменитыми и гордыми Русинами; однимъ словомъ, извѣстный, славный и великій, полководецъ, современникъ его, князь, Константинъ Ивановичъ, Острогскій, происходившій, безъ сомнѣнія, отъ Даніила, былъ сынъ княжны Анны Глинской. Далѣе, обстоятельство, приводимое этимъ же самымъ писателемъ, на стран. 91, будто Михайло Глинскій принялъ Греческое исповѣданіе только въ Москвѣ, совершенно ложно, потому что Польскіе историки прямо утверждаютъ, что онъ былъ Рускаго исповѣданія, и выводилъ родъ свой отъ владѣтельныхъ Рускихъ князей. Обстоятельство, касающееся вѣроисповѣданія его, достаточно объяснено въ сочиненіи: „Rerum Moscoviticarum auctores varii in unum corpus nunc congesti. Francofurti, apud haeredes Andreae Wecheli, 1600., именно, что Михайло Глинскій былъ съ молодости воспитанъ въ Руской вѣрѣ, потомъ, служа въ заграничныхъ войскахъ, а, можетъ быть, и изъ угожденія королю, Александру, принялъ Латинское, но въ Московскомъ плѣну снова воротился къ собственному, народному, исповѣданію. *Нѣмцевичъ* (въ исторіи Сигизмунда Третьяго, часть I-я, стр. 75) утверждаетъ, что Глинскіе князья вышли изъ нашей Червоной Руси въ Литву. Разумѣется, мы не устыдились бы имѣть земляком своимъ такого знаменитаго мужа, однако, не смотря на ссылки Нѣмцевича на

а великій маршалъ Литовскій, Хребтовичь, подалъ ему, по древнему обычаю, мечь, говоря по Руски: „Возьми, Свѣтлѣйшій князь, избранный нами въ Великіе князья и вожди себѣ, этотъ мечь, *и господствуй надъ нами вполнѣ*, памятуя, что ты правишь княжествомъ, *которое стоитъ всѣхъ иноземныхъ царствъ и королевствъ.* Только царствуй нами такъ, чтобы въ одной рукѣ твоей былъ мечь а въ другой милость, то есть, смиряй злыхъ строгостью и правосудіемъ, а добрыхъ привлекай къ себѣ своей царской дѣятельностью и добротой. Если ты поступишь такъ, то сравнишься *съ каждымъ королемъ*; а если чего-либо не выполнишь изъ

гербовникъ, должно сказать, любя правду, что этотъ славный мужъ, о которомъ мы впослѣдствіи поговоримъ подробнѣе, происходилъ не изъ Галиціи, а изъ Волыни, или Наддиѣпровской Руси. Какъ велико было могущество и значеніе Глинскихъ, доказательствомъ тому можетъ служить нынѣшнее возведеніе Великаго князя. Глинскій былъ поставленъ выше не только князей Рускихъ, Мстиславскаго и Голшанскаго, но даже самаго Семена Слуцкаго; а чѣмъ были Слуцкіе, мы уже сказали, въ примѣчаніи 274. Возможно ли, чтобы гордые князья, соединенные родствомъ съ домомъ владѣтельнымъ, уступили первенство сыну Татарина, недавно передъ тѣмъ окрещеннаго? И это тѣмъ больше, что, судя по всему вѣроятію, мѣстничество наблюдалось, также, съ самой строгой точностью, и между князьями Руско-Литовскими, какъ между Руско-Московскими. Ничто не въ силахъ было склонить того, кто считалъ себя высшимъ, уступить первенство свое низшему, или служить подъ его начальствомъ, между тѣмъ какъ Глинскіе имѣли первенство передъ всѣми прочими, какъ при дворѣ Великихъ князей Литовскихъ, такъ равно и Московскихъ.

сказаннаго, когда сдѣлаешься причиной собственной своей и нашей гибели.“ Стало быть, этотъ обрядъ показываетъ намъ, что при немъ не было ни малѣйшаго слова ни о pacta conventa, ни о замѣшательствахъ, обыкновенныхъ при избраніи и вѣнчаніи на престолъ, ни о клятвѣ Великаго князя. Вотъ почему Литва была столько любезна Ягайловцамъ; въ ней, не смотря на неограниченную власть государя, вы не слышите ни какихъ жалобъ на тиранство или деспотизмъ. Литовцы и Русины считали себя счастливыми и вольными подъ отцовскимъ правленіемъ, не хотѣли ничего знать о пресловутой Польской вольности, и всѣми силами уклонялись отъ нея. Могущественные Рускіе князья, Глинскіе, Мстиславскіе и Слуцкіе, совсѣмъ уваженіемъ преклонялись передъ государемъ, зная, что безъ этого не можетъ быть ни какого порядка и спокойствія, между тѣмъ какъ въ Польшѣ каждый силился освободиться отъ власти, не уважалъ короля и ставилъ себя выше всякаго права (292).

Tęsknił Jagieło nieraz w tey koronie;
Syn jey niepragnął, zwlekając czas długi;
Zygmunt choć mowił, że smiało na łonie
Poddanych spocznie za liczne wysługi,
Targnęliście się po dwakroć nań dzicy,
Buntem we Lwowie, a kulą w stolicy.

Adam Naruszewicz.

---

(292) Теперь слѣдуетъ намъ обратить вниманіе свое на то, что Рускіе историки сказали намъ о нашей от-

чизнѣ, Галиціи, съ 1340 по 1492, въ періодъ, который мы старались теперь описать, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, исправить ошибки ихъ, замѣченныя нами. Впрочемъ, мы не думаемъ тѣмъ уменьшать ихъ заслуженной славы, но только предостеречь будущаго историка Галиціи, чего онъ долженъ опасаться и чему вѣрить. Ученый *Карамзинъ* (IV, изданіе 2-е, стр. 21) говоритъ, ссылаясь на Витодурана, что по смерти послѣдняго нашего Рускаго князя, Юрія, скончавшагося около 1336 года, ханъ Татарскій прислалъ, для владѣнія Галиціей, двухъ королей, или, какъ Нарушевичь называетъ ихъ, цариковъ, однаго за другимъ, которыхъ предки наши отравили, и, съ позволенія хана, поддалися Болеславу Мазовецкому. Мы должны отвергнуть это увѣреніе. Правда, что Witoduranus жилъ дѣйствительно въ это время, но онъ писалъ далеко отъ насъ. Онъ жилъ въ Швейцаріи, и писалъ то лишь, что слышалъ изъ разсказовъ. Въ томъ вѣкѣ гораздо труднѣе было узнать, въ Швейцарскомъ монастырѣ, что дѣлается на Руси, нежели теперь, когда журналистика, подкрѣпляемая книгопечатаніемъ, тотчасъ передаетъ вамъ все, что ни случится въ Авганистанѣ, Канадѣ или Австраліи. Знаемъ, что Татарскіе ханы вели войны съ государями Галицкими, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, знаемъ и то, что они не имѣли надъ ними ни какой верховной власти. Могущество ихъ заслоняло Польшу отъ Татарскаго насилія, что подтверждаютъ, какъ мы уже выше (§. 4 и прим. 32-ое, тетради 1-й) замѣтили, Нарушевичь и Карамзинъ. Дѣло возможное, что Галицкіе государи, не могши одолѣть Татаръ въ томъ или другомъ сраженіи, откупались, на время, отъ побѣдителей, но они никогда не платили настоящей дани, какъ Великорускіе князья, и не терпѣли баскаковъ въ своемъ краѣ. Далѣе: отъ смерти Юрія, случившейся въ 1336 или 1337, до смерти отравленнаго Болеслава, въ 1339 или въ началѣ 1340, прошло едва два, а по большей мѣрѣ, три года. Невѣроятно, потому, чтобы въ такое короткое время, т. е., три года, владѣли у насъ, сперва два Татарскихъ царька, одинъ за другимъ (sucessive, пишетъ Витодуранъ), потомъ Болеславъ Мазовецкій нѣсколько лѣтъ (regni gubernacula per plura annorum curricula strenue gesisset, выражает-

ся тотъ же Виподуранъ), и чтобы Русинамъ всякой разъ удавалось такъ искусно отдѣлываться отъ каждаго изъ нихъ отравой. Татарскіе ханы живали въ степяхъ, въ окрестностяхъ Каспійскаго моря, а потому, пока бы дошла къ нимъ вѣсть о смерти Юрія, прошло бы довольно времени, а пока бы отправилъ ханъ въ Галицію королька, этотъ прибылъ въ нее и былъ отравленъ, тоже прошло бы значительное время; потомъ извѣстіе въ орду о случившейся смерти перваго царька, сборы въ путь, прибытіе и вторичное отравленіе другаго, прошеніе у хана позволить избрать себѣ въ государи Болеслава, его избраніе, посольство къ нему, приходъ его на Русь и самое правленіе, всѣ эти измѣненія и перевороты ни какъ не могутъ умѣститься въ пространствѣ трехъ лѣтъ, а потому и слѣдуетъ считать ихъ выдумкой. И это тѣмъ болѣе еще, что Виподуранъ говоритъ, будто ханъ далъ предкамъ нашимъ, послѣ отправленія своихъ Татарскихъ царьковъ, въ государи Болеслава Мазура (procuravit eis Christianum Latinum). Если бы Русины наши отравили, одинаго за другимъ, присланныхъ къ нимъ двухъ королей Татарскаго рода, то ханъ (Imperator Tartarorum) не замедлилъ бы примѣрно наказать непослушныхъ своей волѣ, и не давалъ бы имъ Мазура, совершенно себѣ чуждаго, съ которымъ не имѣлъ ни какихъ связей. Знакомые съ исторіей знаютъ политику Татарскаго двора, по коей они ни въ одномъ завоеванномъ краѣ не поставляли королей изъ своего народа, но удерживали всегда мѣстныхъ и туземныхъ государей, довольствуясь одной лишь податью, что подтверждаетъ и Устряловъ (въ 1 й части, стр. 205): „Впрочемъ, ханъ никогда не поручалъ княжеской власти Монгольскимъ сановникамъ или не потомкамъ Рюрика.“ Если онъ не поставлялъ изъ среды своего народа въ князья ближайшихъ къ себѣ Великорусовъ, то для чего жь бы поступилъ иначе въ самомъ отдаленномъ краѣ Руской земли? Наконецъ, Гнѣздненскій архидіаконъ, современникъ происшествію и, спало быть, ближайшій къ намъ, какъ живший въ Польшѣ, прямо говоритъ, что Болеславъ Мазуръ вступилъ на Галицкій престолъ послѣ дяди своего,

Юрія, а не послѣ Татарскихъ корольковъ. Слѣдовательно, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что Татарскіе короли никогда не владѣли въ Галиціи и не были оправлены.

На страницѣ 153, части V-й, пишетъ тотъ же сочинитель, что Ягайло уступилъ, около 1392, Витовту Волынь и Брестъ, между тѣмъ какъ мы видѣли выше, что этѣ края въ то время, и по самой 1569 годъ, не принадлежали къ Польшѣ, слѣдовательно, не могли быть уступлены, но что Поляки всегда объявляли на нихъ свои притязанія, а Литовцы сильно защищали ихъ.— На страницѣ 252, II-й части, онъ, слѣдуя Польскимъ писателямъ, изображаетъ намъ Свидригайла пьяницей, безумнымъ и вѣтреннымъ; но что это было совершенно иначе, сказано нами уже выше, равно какъ и то, что онъ вовсе не пасъ овецъ, какъ хотѣлось этого Энгелю.— На стран. 253 той же самой части, обманутый позднѣйшими Польскими родописцами, Карамзинъ дѣлаетъ Черторыйскаго внукомъ Ольгерда; но мы выше доказали, что это — чистая баснь. Напослѣдокъ, на этой же самой страницѣ, называетъ онъ Михайла Сигизмундовича добродушнымъ; но объ этомъ никто ничего не знаетъ. Да и трудно называть того добродушнымъ, кто посягаетъ на жизнь своего государя и родственника.

Теперь приступимъ уже къ исторіи Малой Росіи, сочиненной Дмитріемъ *Бантышъ-Каменскимъ*. Сочинитель этотъ надѣлалъ еще больше ошибокъ, большей частью потому, что онъ не пользовался осмотрительными Польскими лѣтописцами, но легковѣрно послѣдовалъ Французу, Солиньяку. Я приведу здѣсь только нѣсколько ложныхъ его увѣреній. На стр. 40-й, части I-й, пишетъ онъ, что королева Ядвига, прельщенная пріятнымъ видомъ Ягайла, влюбилась въ него, между тѣмъ какъ мы видѣли, что она, принужденная, противу воли, бросить настоящаго своего мужа, не охотно подала руку свою другому.—На стран. 58 представляетъ намъ, такъ называемое, Городельское соединеніе, 1413 года, совершенно ложно, потому что смотрѣлъ на это событіе съ ложной точки зрѣнія.—На стр. 68 говоритъ, что Витовтъ былъ ревностнымъ католикомъ, между тѣмъ какъ онъ

и на то и на другое исповѣданіе смотрѣлъ равнодушно, былъ, скорѣе, глубокимъ политикомъ, нежели католикомъ, и даже болѣе благопріятствовалъ Руси, какъ свѣдѣтельствуетъ Длугошъ (на стр. 120), говоря, въ, упомянутомъ уже выше, §. 23, о Витовтѣ: „Et propter Ruthenorum assistentiam qui illi propter *ritus sui identitatem* magnopere afficiebantur.“—На стр. 70 пишетъ, что Свидригайло и Литовцы, напуганные угрозами Республики, то есть, Польши, освободили Ягайла, въ 1430, изъ Вильны; но это не такъ: Польша еще не была республикой; угрозы ея не подѣйствовали бы на Свидригайла, который далъ пощечину самому Польскому посланнику. Ягайло освобожденъ былъ потому, что подписалъ приказаніе отдать Свидригайлу Каменецъ. Это не были заговорщики, но отдѣльный, независимый, Литовскій и Рускій, народъ, съ государемъ своимъ, Свидригайломъ.—На стр. 72-й утверждаетъ, что императоръ Сигизмундъ помогалъ Свидригайлу въ войнѣ съ Сигизмундомъ Спародубскимъ, съ 1433 по 1435, и что Чехи и Силезцы находились въ его рядахъ; но и это несогласно съ истиной. Императоръ находился, съ 1431 по Августъ 1433, въ Италіи, гдѣ папа вѣнчалъ его на императорскій престолъ, 1435. Онъ не могъ помогать ему деньгами, потому что самъ ихъ не имѣлъ, равно какъ и войскомъ Чешскимъ, потому что Чехи не признавали его своимъ королемъ, и только въ 1436 примирились съ нимъ, въ Иглавѣ, и признали его своимъ королемъ. А если и были какіе Чехи у Свидригайла, о чемъ Длугошъ ничего не знаетъ, то, навѣрное, это небольшая дружина Сигизмунда Корибутовича, бывшаго короля Чешско-Гуситскаго, предводившаго въ этой войнѣ Свидригайловымъ войскомъ.—На стр. 74 пишетъ онъ, что Сигизмундъ Кейстутовичъ созвалъ сеймъ въ Литвѣ и палъ отъ ножа убійцъ; но въ то время не было сеймовъ въ Литвѣ, а только государственный совѣтъ состоявшій изъ князей, бояръ и важныхъ чиновниковъ.—Тамъ же утверждаетъ онъ, что Михайло добродушный, послѣ убіенія отца своего Черторыйскимъ, бѣжалъ въ Росію, гдѣ и былъ отравленъ. Но мы уже выше показали, что Михайло, по смерти отца своего, бѣжалъ не въ Росію, но, прежде всего, въ Мазовію, Силезію,

потомъ въ Молдавію, Крымъ, а напослѣдокъ уже и въ Москву, гдѣ и кончилъ жизнь свою. И онъ, слѣдуя Карамзину, называетъ Михайла добродушнымъ, между тѣмъ какъ это совсѣмъ иначе было.—На стр. 77 увѣряетъ, что Казиміръ Ягайловичь, чтобы получить королевскій Польскій вѣнецъ, обѣщалъ присоединить Литву къ Польшѣ, но не сдержалъ слова; однако, это было совершенно иначе. Онъ не только не обѣщалъ присоединить Литву, а напротивъ прямо выговорилъ себѣ не безпокоить его просьбой объ уступленіи нѣкоторыхъ Русскихъ уѣздовъ; еще болѣе: онъ до своего вѣнчанія на престолъ отдѣлилъ онъ Польши Рускія земли, Ломазы и Полюбицы, и соединилъ ихъ съ Литвой.—На страницѣ 81-й утверждаетъ, что Руское воеводство, то есть, наше Галицкое королевство, было соединено съ Польшей въ 1342, Подольское въ 1434, а Бельзское 1436 году, и всѣ обращены въ воеводства. Но дѣло было совершенно иначе. Мы уже выше обстоятельно представили иную судьбу Галиціи или Рускаго воеводства. Подолъ же, то есть, Каменецъ, соединенъ съ Польшей только въ 1456 (Длугошъ, стр. 196), а остальное напр., Брацлавъ, еще въ 1463 и 1478, имѣло своего Литовскаго начальника и Рускую стражу, подъ вѣдѣніемъ князя Чертворыйскаго, и только въ 1569 оторвано отъ Литвы и соединено съ Польшей, вмѣстѣ съ воеводствами Подлѣскимъ и Волынскимъ. (Volumen legum II. pag. 745 и 752); Бельзская же земля или княжество присоединено къ Польшѣ лишь въ 1462, по смерти послѣдняго Мазовецко-Бельзскаго князя (Длугошъ, стр. 313 и 317. Volumen legum I. pag. 199).

Только въ концѣ 1839 года удалось мнѣ достать Рускую исторію *Устрялова*, коей первая часть издана еще въ 1837, въ С.-Петербургѣ. Это твореніе написано съ большей основательностью, осмотрительностью и знаніемъ не только Руской исторіи, но и исторіи сосѣдственныхъ народовъ. Изъ всѣхъ трехъ, извѣстныхъ мнѣ доселѣ, Рускихъ историковъ, Устряловъ первый распространилъ отношеніе нашей Руси, названной имъ „Западной,“ къ Литвѣ и Великой Руси или, по его, „Восточной,“ и привелъ на то надлежащія причины и ихъ слѣдствія. Я ссылался на него въ, приведенныхъ выше примѣчаніяхъ, всюду,

гдѣ только слѣдовало мнѣ подтвердить мнѣніе свое важностью такого разсудительнаго писателя. Ошибки его въ исторіи Галиціи касательно эпохи, изложенной нами тутъ, малозначительны, именно только слѣдующія: на стр. 281 думаетъ онъ, слѣдуя ложному мнѣнію старинныхъ лѣтописцевъ, что Мазуръ Болеславъ, царствовавшій у насъ два года, былъ послѣдователемъ Рускаго исповѣданія. Но мы уже выше, въ §. 9., показали, что этого не было, и даже быть не могло.—На стр. 289 утверждаетъ, что Поляки приняли Христіянскую вѣру, сперва по обряду Латинскому, въ княженіе Мечислава, что, конечно, отчасти только справедливо, потому что уже прежде распространено было у нихъ Христіянство по обряду Греческой Церкви, какъ сказали мы выше, въ §. 2-мъ, и какъ это ученый *Мацѣёвскій* подробно и основательно изложилъ въ своихъ Памятникахъ, издан. въ 1839., части I.—На стр. 297 сочинитель впалъ въ заблужденіе по случаю разсказа о вступленіи Людвика на Польскій престолъ и присоединеніи Галиціи къ Угріи. Сравнивъ описаніе его съ тѣмъ, что мы сказали уже выше, въ §. 17 и 18, каждый легко убѣдится, что не вельможи Польскіе избрали въ короли Людвика, но что Казиміръ самъ, для того объявилъ племянника своего по сестрѣ пріемникомъ себѣ, чтобы только облегчить владѣніе Галиціей и удержать ее за Польшей, обходя, такъ образомъ, какъ ближайшихъ преемниковъ въ мужескомъ колѣнѣ, Пястовъ, такъ равно и самую дочь свою (если только женщины имѣли у Славянъ какое-либо право на престолъ). Вельможи не заключали ни какихъ договоровъ (pacta conventa) съ Людвикомъ, и онъ не присягалъ имъ имъ (*Albertrandi* исторія Польши, стр. 58); напротивъ, онъ облегчилъ дворянству подати и даровалъ нѣкоторыя права единственно лишь по собственной королевской волѣ, желая, какъ можно, расположить къ себѣ новыхъ подданныхъ и тѣмъ удержаться на престолѣ, не принадлежавшемъ ему, и склонить ихъ признать дочь свою, послѣ своей смерти, королевой Польской. Притомъ, онъ не присоединялъ Галиціи тотчасъ къ Угріи, но только уступилъ ее ближайшему притязателю на вѣнецъ Польскій, какъ независимое государство. А какимъ образомъ Галиція была присоединена къ Угріи, это показано было нами уже выше. Равнымъ обра-

зомъ, я описалъ нѣсколько иначе, въ §. 20., обстоятельства, сопровождавшія избраніе Ядвиги и связи ея съ эрцгерцогомъ Вильгельмомъ, нежели какъ это излагаетъ сочинитель, на стр. 298. Также я показалъ, что Ядвига не ѣздила съ Ягайломъ крестить Литву, какъ утверждаетъ это Устряловъ, слѣдуя Польскимъ лѣтописцамъ, напротивъ она въ это время, т. е., въ 1387, воевала края плѣнной своей сестры, Маріи, именно, нашу Галицію.—Стр. 302: Ягайло вовсе не противился возложенію Витовтомъ на себя королевскаго вѣнца, но одно лишь Латинское духовенство и Польскіе вельможи. — Стр. 303: Я нигдѣ не нашелъ у Длугоша, чтобы Свидригайло намѣревался сдѣлаться королемъ Литовскимъ; а только одинъ Длугошъ, какъ современникъ, достоинъ вѣроятія. Ягайло не только не хитрилъ съ нимъ, но, напротивъ, благопріятствовалъ ему гораздо больше, чѣмъ Польшѣ (*Длугошъ* стр. 564), и только, когда Ягайло достигъ глубокой старости, потерялъ волю и силу, бразды правленія достались въ руки Сбигнѣва Олесницкаго и Польскихъ вельможъ, и т. д.

Я съ намѣреніемъ сдѣлалъ это отступленіе, потому что должно желать, и даже рѣшительно необходимо, чтобы ученые Рускіе историки нѣсколько лучше знакомились съ дѣяніями, образомъ правленія, законами, обычаями и отношеніями бывшей, нѣкогда, Республики Польской и Литвы, что дастъ имъ возможность основательно разрѣшить не одно обстоятельство. И, въ самомъ дѣлѣ, съ какимъ же краемъ могла имѣть Росія больше всего соприкосновеній, споровъ, дипломатическихъ сношеній, войнъ и договоровъ, какъ не съ Польшей?

ПОДЛИННЫЯ БУМАГИ,

ОТНОСЯЩІЯСЯ КЪ ЭТОМУ СОЧИНЕНІЮ.

А.

Михаилъ милостію Божіею Архіепископъ Митрополитъ Кіевскій Галицкій и всеа Россіи.

Смиреніе наше будучи намъ телесне зде во градѣ Львовѣ посѣщающе расточенное стадо хрістіановыхъ овецъ. Слышачи великое обстояніе и бѣды отвсюду съдержащая жителеи града того, и многое смущеніе отъ иновѣрныхъ, и своихъ нерадивыхъ безчинныхъ Пастыреи: и мнозіи отъ вѣры вразличныхъ ересехъ погибоша, пачеже отъ Благороднѣйшыхъ Пановъ. Благочестивіи же хранящеі преданія святыя съборныя церкве нашея гражане Львовскіе зѣло нищи во всемъ обрѣтошася. И понеже церковь книгописства ихъ огнемъ поторѣвши успеніе Пресвятыя Владычица нашея Богородица, и вся домы церковныя отъ огня многорѣвши обнищаша. И ученіе святыхъ писаній зѣло оскудѣ, пачеже словенскаго *Россискаго* языка, и вси человѣцы приложишася простому несъвершенному *лядскому* писанію, и сего ради вразличныа ереси впадоша, невѣдуще в Богословіи силы съвершеннаго граматическаго словенскаго языка. Божіимъ же благоволеніемъ, приде во градъ и Львовъ святѣйшій Кyръ Іоанъ Патріархъ великія Антіохіи Божіа града. И совѣтова устроити чинъ церковнаго Братства и школную Грамматиче-

скую науку еллинскаго и словенскаго писанія. Притомже и друкарню И о семъ возвѣсти своимъ писаніемъ в Константинъ градъ ко вселенскому Патріарху, яже вселенски Патріархъ привиленнымъ писаніемъ своимъ вся сіа укрѣпивши постановивъ. Посемже и самъ пришествіемъ своимъ второе утвердилъ. Сего ради и смиреніе наше съборнымъ писаніемъ нашимъ съ всѣми епископи, Братство, школи, и друкарню во Лвовѣ застановивши утвердили есмо во вѣчныя роды. И просимо всѣхъ васъ, идеже аще обрѣтаетеся всякаго сана благочестивихъ христіанъ, сътворѣте подобающую милостыню от исбытковъ имѣніи вашихъ, на сія недостатки общаго душевнаго ради спасенія вашего, понеже вси купно Братство церковь знову заложили муровати, и всѣ домы церковныя шпиталь школу и друкарню, и домъ поповскый, сподѣваючися на милость Божію и на христіанское посполитое споможеніе, за што ко Господу Богу всегда общая молитва приноситися будетъ. Благословеніе же и молитва нашего смиренія да будетъ съ всѣми вами. Писанъ влѣто отрождества Господа нашего Ісусъ Хріста. 1592 во Лвовѣ мѣсяца генуарія двадцатаго дня:

(М. П.) Михаилъ митрополитъ кіевскій кгалицкый рукою власною.

Б

А се ꙗ князь Левь с҃нъ короля Данила згадавшися емъ снашими боꙗри ꙗко прадѣдъ нашъ царь великый Володомиръ и ѡтецъ нашь и придалъ митрополитомъ и епископомъ по всѣмъ землямъ роусскимъ. такоже и мы Богоу и пресвѣтломоу преѡбраженію. предаемъ кцеркви святаго спаса манастырю. село страшевичи и созань манастырь святаго михаила. Даемъ и придаимъ почепши ѡтъ Дистра по прорвоу, чресъ потокъ воладиславъ черезь гороу по потокъ зовемый стынь а ѡтъ връхъ с҃таго по коблянкоу рѣчкоу до връха. ѡтъ връхъ

кобляньки кременемъ по връхъ соушычкы и подъзоужца по връхъ кольчина а ѡтъ връхъ кольчины раздѣляемъ на рѣкоу полисѣй бродъ. А на дроугоую стороноу. по потокъ чирвоныи до връха доубна даемъ и приписоуемъ на вѣки. зданьми и зроботами и съ всѣми оужитки. и сприходы и справы всѣми и ролями лоуками польми и зрѣками и потокы. и съ всѣми пожитки. влѣсѣхъ и врѣкахъ и вловищахъ ихъ и змлынми даемъ кцркви святаго спаса манастыря. и владыце нашемоу епіскопꙋ ефимію и понюмъ бꙋдоучимь. епіскопомъ комꙋ Богъ изволитъ и дастъ на вѣкы дръжати и поживати и ц҃ркви святыѣ правити и рядити а за нашѣ предъкы и за насъ Бога милого просити. а ктомоу еще придаем коуны врокь споповьдавати и соуды д҃хныѣ ц҃ркви соудить столечнаꙗ. а во то боꙗре нашѣ и дѣти нашѣ. и по насъ боудоучиѣ да не оустоупаются адани и десятины медовыѣ и звиноградовь. и змыты на вѣкы вѣчныѣ да не оудалено боудить отъ ц҃рквіе выше писаноѣ. а кто ꙋстоупить на мое слово соуть снимь предь Богомь. и да боудеть клятва Божиꙗ на немъ. всей вѣкь и въ боудучей. въ денъ страшнаго соуда Божіꙗ. на то есмо грамотоу нашю дали и печать привѣсили свою. а при томь были. митрополить галицкый скрылоса. и владыка перемыскыи лариѡнь. и князь андреи ꙗрославичь. и панъ васко. и иныхъ боꙗрь много было притомъ. а писана и дана грамота въ лвовѣ. въ пятокъ м҃ця октоврна въ и҃ д ень лѣта ҂ѕ҃ѡ҃го. А писецъ захария вихотъ.

В.

А се ꙗ князь левь сынъ кроля данила згадшися есмо снашими боꙗры. ꙗко прадѣдъ пашь ц҃рь віеликыи. володомирь. и ѡтьць нашь. и придалъ митрополитомъ и еп҃пьмъ по всимь землꙗмъ роуськымъ такожіе и мы Богоу и святомоу Иѡанноу. Еп҃пии перемыскои при-

дали есмо. село роушевичи. поченши ѿть оурочищъ. презъ клепино граници роушовской до млиннца. ѿть млинища до дроугого млинища. на глажевѣ ѿть глажева до вирховины до бичища ѿшъ бичища до юльшоховы росохы. ѡ шъ доунковичь. а ѿ шъ юльшоховы до высокой горы. А ѿшъ шой горы до пероунова доуба горѣскломь. а ѿ шъ пероунова доуба до бѣлыхъ береговъ а ѿшъ бѣлыхъ береговъ до кольменскыхъ і попоковъ изобѣма берегы а ошъ кольменскыхъ і попоковъ до черемошнои. а доловъ черменского. до клепина млинища. даемъ сполми и сѣножашми и злоуками и сшавы и млинми и злѣсы и зборшъми и медовыми данми и ѿвчими данми и с всѣми пожишки. и ловищи дали есмо коу свяшомоу иѡанноу въ богомолство на вѣкы вѣчни. ешомъ вьсѣмъ держаши поживаши и на вѣкы вѣчне. а за насъ бога просиши и за нашѣ предкы а на мое слово кшо оусшоушишъ соудъ снимъ предъ Богомъ и да боудешъ кляшва божия на немь всеи вѣкъ и вобоудоучии. во днъ сшрашнаго соуда божия. на шое есмо грамошоу нашоу дали и печашъ свою привѣсили. а пришомъ были. мишрополишъ галицкый скрылоса и влдка перемыскыи ларионъ. и князь андреи ярославичь. и панъ васко. и иныхъ бояръ много было пришомъ. а писана и дана грамоша оуволвовѣ. вняшокъ мсца ѿкшоврия во и днъ лѣша ҂ѕѡ десяшого. а писецъ захария вихоцъ.

Эшошъ документъ В, и вышеприведенный Б, выписаны изъ *грамашики* свящ. Іосифа *Левицкаго*, напечашанной въ Перемышлѣ 1834 года. Оба они находятся въ архивѣ Перемышльской капитулы Греческаго обряда

Г.

А се я князь левъ снъ короля Даніила згадавшися есмо зъ нашими Бояры, прадедъ нашъ Царь великій Владимеръ и Отецъ нашъ и предалъ Митрополитомъ и Епископомъ по всѣмъ землямъ Рускимъ якожъ и мы Богу ирп ечистой Его Мтри ко Церкви Святаго Ел Оу-

спенія Крилоскомъ Попомъ Соборнымъ Мітрополіи Галицкой и всѣмъ Архіеп. и Еп. и Монастыремъ православной с҃той вѣры Греческой дали есмо Право духовное, потомъ же какъ держитъ Кіевская Ц҃рковь по христіанскому и святыхъ О҃цъ оуправленію, и потвердили есмо приданя церковніе на вѣки вѣчніе. Села зъ людми, и поля зъ лѣсы, и еще есмо дали на тоты села грамоты особливіи межи нашихъ Границь и боярскихъ, и въ ихъ поляхъ, и лѣсехъ вызначаючи границы, яко было издавна. и придали есмо десятыны съ Нашего и князскія и ѡтъ превозовъ не возметъ десятину и по боярскимъ селомъ преданніе и даны медовіе, выходы и борты и рыбныя ловища, и Езера даемъ Церкви с҃той Б҃гоматери Митрополітѣ нашемꙋ Григорію, и по немъ будучимъ Архіеппіскопомъ, кому Б҃гъ изволитъ, и дасть держати на вѣки и поживати, и Церковь святую правити и рядити, а Наша предки, и за насъ Милостиваго Б҃га просити, а ктому еще, придаемъ куны въ Рокъ съ Поповъ давати, и суды духовнія судити Ц҃рковь столечная ѿ мірскихъ въ законѣ ѡтлучины, Распусты свадебщини и беззаконно поятія все, духовніе Права судятъ Архіепископы, а сіи людіе ѡпришніи церковніи Игумены, Попове, и діаконы, и священницы, Причетницы церковніи, и Черноризцы Иконніи Писарове, Поповичове и Дяцы, Проскурникове, и Б҃годѣлніи, и странніи и тіе людіе церковніе волны ѿ Насъ, и отъ Бояръ Нашихъ, ѡбладаетъ и судитъ ихъ великая церковь, опрочъ Мірянъ А на мое слово не треба оуступатися нѣкому, ни отняти, ни дѣтемъ моимъ ни тымъ кому по насъ Б҃гъ дасть на вѣки вѣчніе. А се управили есмо святыхъ О҃цъ, и первыхъ Царей хрістіанскихъ. А кто на мое слово оуступитъ Судъ мы съ нимъ предъ Богомъ и отлученъ будетъ Милости Божія, въ день страшнаго Божого сꙋда, и да будетъ клятва Божая на немъ въ сей вѣкъ и въ будущій.

На шоесмо Грамоту нашу дали и печать свою привѣсили. А притомъ были Митрополишъ Кіевскій Кипріанъ Владыка Перемышлскій Ларіонъ и Князь Андрѣй Ярославичъ, и Панъ Васко, и иныхъ Бояръ много було при шомъ. А писана и дана Грамота въ Галичи въ Четвершокъ Мѣсяца Марша, въ осмый день. Лѣша, Шестьшысящнагѡ осмсотного девятогѡ. А писецъ Захаріа Выхошъ.—

Выписана изъ „*Dissertationes historico-criticae*“ Хѣдыкевича, и свѣрена со спискомъ, находящимся въ дѣлахъ Львовской капитулы.

Д.

Sigismundus Dei gratia, Rex Poloniae, Magnus Dux Litvaniae, Russiae totiusque Prussiae ac Mosoviae etc. Dominus et Haeres. Manifestum facimus omnibus et singulis praesentibus et futuris notitiam habituris. Quia veniens ad praesentiam nostram Venerandus Pater Laurentius Vladica Premisliensis deplorata ingenti calamitate, quam ob ignem, conflagratione Ecclesiae ac Synagogae Ritus eorum Ruthenici (*) in Civitate Nostra Premisliensi accepisse se exposuit in qua non res tantum et fortuna tam sua quam ecclesiae, sed etiam ornamenta ecclesiastica atque litterae et priviligia totaliter exusta sunt. Quorum quidem privilegiorum exempla veraciter ut ipse asserebat ex originalibus litteris Serenissimi olim Regis Vladislai Avi Nostri, et *Ducis Leonis* descripta coram nobis exhibuit, et instanter petiit, ut tenores eorumdem, praesertim vero Vladislai Regis, litteris Nostris inferri, atque authoritate Nostra simul et decreto, approbare et confirmare dignaremus; cujus quidem exempli literarum Serenissimi Vladislai Regis tenor talis erat „In Nomine Domini Amen. Ad perpetuam rei memoriam.—Vladislaus Dei gratia Rex Poloniae Terrarumquae Cracoviensis, Sandomiriensis, Seradensis, Lanciciensis, Cuiaviensis, Pomeraniae Litvaniaeqve Princeps supremus, et haeres Russiae.

(*) Изъ презрѣнія къ Греческому обряду церкви называли Синагогами.

Notitiam facimus his nostris litteris praesentibus et futuris. Agnovimus ad petitionem honorabilis in Domino Deo Kipriani Metropolitani kiiovienſis et haliciensis, totiusque Russiae, et Illustrium Principum Domini Simeonis Lochviena et Domini Feduszka Lubartovicza Fratribus nostris dilectis, et etiam aliorum fidelium Nostrorum Nobilium Russiae servitium volentium, Nostram gratiam exhilarare Premisliensis Wladyctwa, Templi Sancti Joannis consecrati, grecae religionis et Russiae et ita eo tempóre. Religioso Aftanasio Vladicae Przemysliensi et ejus Successoribus, post eum et aliis Vladicis Russiae omnibus quibuscunque conferetur in aevum, in latitudine Regni Nostri, terrarum Russiae in Districtibus Przemysliensi et Samboriensi, villas quas ex antiquo ad laudem Dei collatae sunt superius scriptae Cerkwie pertinentes et quaelibet curiola nomine vocata hoc est: Walawa, Malkowice, Tarnawce, Gniewnowice, Kalnikow, Monasterium Hruszewice, Małe Stubienko, Makuniowo, w Wielunicach tres curiae, Korostowice, Dziewięczyce. w Boniowach sex curiolae, w Buszkowicach duae curiolae, w Pleszowicach duae curiolae, w Grochowcach tres curiolae, Jaskmanicach duae curiolae, w Komanicach duae curiolae, w Klokowicach curiola, et circa Przemysliam civitatem Nostram in sola margine Mosciska, Monaster, Mukuliñce, Arcem versus, quinque curiolae, Szczeholzyce curiola, et w Samborach, Straszewice, Babina, Wolkowice, Monastèr Sgo Spasa, Templum monasteria Sosań, Smolnica et Ławrów. Monaster Sgo Onufrego et alia omnia monasteria, quae sunt sub obedientia Vladicae. — Quemadmodum Villae superius scriptae et cum monasteriis et etiam curiolis cum additis ad spirituales, cum omnibus et singulis censibus et fructibus, pertinentiis et juribus omnibus, cum agris, campis, pratis, silvis, maericis, gais, quercinis, rubetis, virgis, barćmi z pastwami, et cum fluviis, piscinis, stagnis, lacubus, aquis, et cum prachensione piscium, emolumentis, et cum venatione ferarum et avium et aliis omnibus quibus cunque nominibus vocitentur,—Z dolinami, montibus y równościami, et cum aliis przebiegi ad eas villas, vel etiam monasteriis superius descriptis, sicut ex antiquo pertinebatur, et Nos damus et donamus, et robora-

mus, et ex Nostra libera adauctione, perpetua dotatione, in aevum superius descriptae Cerkwie omnibus, Vladicis tenere, habere, possidere, et uti, frui, et Dominum Deum pro omnibus rogare, et superius descriptarum illarum ex quolibet Cmethone ex Laneo, vel etiam ex curiola alias Dworzyska (*) singulis Annis per duos grossos monetae Nostrae et debet dari ad Nostram cameram, dum alii dant, et alia jura nostra regalia, solutiones vel etiam servitia omnium Vladicarum et subditorum ejus, Sacerdotum et omnium spiritualium in tota terra Russiae liberos eos facimus in omnibus rebus, et ita spiritualium negotia, superius dicto Vladicae et Judicia spiritualia quae ex antiquo pertinebant, ad providentiam Vladicae Religionis Grecae Russiae et uni z popów et Judicia spiritualia damus et adscribimus perpetuo et in aevum iudicare et regere secundum jus spirituale et conditionem consuetudinemque. In cujus rei melius et efficatius testimonium ad has nostras Litteras Sigillum Nostrum est subappensum. Actum et datum Sandomiriae post primam dominicam Assumptionis Mariae ab Anno nativitatis Christi Millesimo quadringentesimo septimo, et circa haec erant testes superius sescripti, Honorabilis in Christo pater Kiprian Metropolitanus et Dominus Semion Lochwienny (?) Dominus Fiduszko Łubartowicz, et etiam Magnifici et milites Dominus Chryszczon cracoviensis, D. Joannes Tarnowski Palatinus sandomiriensis, D. Michael Lubelski, Dominus Clemens vislicensis, Dominus Adalbertus Judex sandomiriensis, et allji quam plures bona fide digni. — Mandatum Regiae Majestatis. — Post cujus quidem praeinserti exempli exhibitionem Ipse Vladica ad comprobandam veritatem tenoris praeinserti litterarum obtulit coram nobis litte-

(*) Dworzysko (дворикъ) значитъ тоже, что curiola, или фольваркъ, praedium, хуторъ, т. е., извѣстное пространство земли, состоящей изъ полей, луговъ, пастбищъ, и т. д. Пространство такого дворика можно себѣ представить слѣд. об: Въ Бушковицахъ, по свѣдѣтельству этого документа, Русскіе епископы владѣли двумя подобными двориками, впослѣдствіи перешедшими во владѣніе Перемышльской Дашинской капитулы, и теперь составляющими одну деревушку, назыв. *Бушковички*; слѣд., два дворика занимаютъ столько пространства, сколько деревушка Бушковички.

ras Nobilium Districtus przemysliensis sub eorum sigillis, quibus testabantur, se vidisse hujusmodi litteras originales et earum tenorem intelexisse, quodque in hujusmodi exemplo ad ipsius originali nihil minutum, aut additum sit, fidem facere, et in super dictus Vladica paratum se dicebat, jurejurando confirmare velle, una cum duobus poponibus praeinsertum exemplum veraliter descriptum esse, ex litteris originalibus per ignem consumptis. Nos itaque attendendo quod nihil aeque sit dignum Principe christiano, quam eos qui vel per naufragium, vel per ignis voraginem, aut hostium incursionem, rerum et fortunarum suarum jacturam passi sunt, et nedum res sed etiam litteras et privilegia bonorum immobilium, atque libertatum fulcimenta amisserunt, clementer sublevare, litteras praeinsertas, earumque tenorem cum omnibus clausulis et conditionibus, in eis insertis, quatenus in earum usu et possessione Vladicae przemyslienses fuerunt, innovandas, approbandas, ratificandas, et confirmandas, decrevimus, prout innovamus, approbamus, ratificamus, et confirmamus, praesentium per tenorem, dantes et concedentes praefato Patri Vladicae przemysliensi bona omnia, supra in tenore litterarum descripta, oppignorata de manibus tenutariorum et possessorum eorumdem redimere et juridice eliberare. Decernimusque ut praeinsertae litterae in omnibus punctis et clausulis obtineant robur et firmitatem, tam in judiciis, quam extra ubique locorum perpetuo et in aevum.— In quorum omnium et singulorum fidem et testimonium sigillum Nostrum annulare, quo in praesens utimur praesentibus est sub appensum. Actum et Dattum vilnae feria quarta post Dominicam laetare proxima. A. D. Millesimo quingentesimo trigesimo quinto Regni vero Nostri vigesimo nono. Praesentibus Rdo in Christo Patre, magnificis, generosis, et venerabilibus: D. Joanne Choienski Episcopo przemysliensi, Nicolao Wolski woynicensi et Serenissimae conjugis Nostrae Magistro curiae, sanocensi Capitaneo, Petro Opaliński sandecensi Castalano, et serenissimi D. Sigismundi filij Nostri charissimi Magistro curiae, costenen: et olstinensi Capitaneo, Sylvestro Ożarowski cubiculi Nostri praefecto, ac in Zawichost Capitaneo, Augustino Kotwicz stabuli Nostri Praefecto. Nicolao

Gralec Succamerario sieradensi, Stanislao Oleśnicki scarbimiriensi Praeposito, Canonico cracoviensi et Secretario Nostro. Sebastiano Bruniecki Cancellario gnesnensi et Referendario Nostro, et aliis quam plurimis testibus fide dignis. Sigismundus Rex—Locus Sigilli pensilis.

E.

Ex Libro privilegiorum regiae metropolitanae urbis Leopolis tomo 1. pag. 317.

In Nomine Domini Amen. Ad perpetuam Rei memoriam — Ne eror neglectarum rerum interdum suum non adferat damnum, eximium Regum ac Principum consilium dederunt Senatores illi per litteras et per testes fieri confirmatum in aevum — Qua propter nos Casimirus Dei gratia Rex Poloniae, nec non terrarum Cracoviae Sandomiriae, Siradiae, Lanciciae, Cuiaviae, atque Magnus Dux Lithvaniae Russiae, Prussiae, Chełmensis, Elbingensis, Pomeraniae Dominus et Haeres -Significamus vigore harum literarum omnibus et singulis quorum interest, praesentibus et futuris, praesentium litterarum notitiam habituris. Quomodo reproductum est Nobis ex parte Religiosi Poponis Iwan ritus Graeci Praefecti templi divi Nicolai in civitate nostra seu in suburbio civitatis leopoliensis consistentis. Petitum est a Nobis ut litteras seu privilegium sibi olim a piae memoriae Duce Leone et ejus antecessoribus gratis concessum, atque in perpetuum donatum, ex *graeco* in latinum transferre, et translatum renovare, confirmare et approbare dignaremur, ex singularia gratia Nostra regia. Quarum quidem litterarum sive privilegij tenor de verbo ad verbum sequitur estque talis ‚Ego Leo Dux terrarum Russiae, filius Regis Danielis, consilio capto cum senatu nostro, Quem admodum Atavus Noster more Ruthenico Caesar Wlodimirus nuncupatus, terrarum quoque Russiae dominus et parens noster magna ex pietate sua erga multa ecclessis vel potius aedibus divinis *Ritus graeci* ubique in terris Nostris Russiae donavit dedit. Nos quoque in gloriam Nominis omnipotentis Dei et laudem sacrarum aedium, videlicet dedicationis sancti Nicolai in suburbio

leopoliensi sub castro superiori penes montem vulgo nuncupatum Budelnicza consistentium, apud plateam vel apud vulgarem sive communem viam, quae tendit in Leopoli ex regione Wolhyn concedimus atque donavimus in aevum huic praefatae ecclesiae divi Nicolai loca idonea alias place atque curias ex ambabus partibus praefatae plateae et alterius de regione Wolhynen: quae tendit a porta civitatis leopoliensis, incipiendo a templo et curia divi Nicolai, quae curia versus templum divi Nicolai ex inferiori parte plateae praemissae a prima curia quae data atque donata est diaconibus, Diacis, Criliis Servis inservientibus templo divi Nicolai. Quae curiae versus templum divi Nicolai post viam praefatae plateae qua inferiori alias żaden leży, parte adjacet, ad templum divi Fedorii et infra ad latus templi resurectionis Christi salvatoris Nostri usque ad hanc viam, quae tendit a templo praefato Domini Nostri Jesu Christi videlicet suae sanctissimae resurectionis et declinavit inferius ad fluvium et retro templum divi Fedorii usque ad portam civitatis leopoliensis et retro superius praefatae plateae Wolhynensis, a divo Nicolao usq. ad divum Onuphrium ex ambabus partibus praefatae plateae omnes domos, hortos, curias, census labores, servitia cum omnibus obedientiis alias z posłuszeństwem incipiendo a templo et curia divi Nicolai in longitudinem ad monasterium divi Onuphrij usque simile fiat fundamentum vel dominium alias grunt cum fundamento monasterij cemeterij atque hortus divi Onuphrij et reciproce ad divum Nicolaum totus mons vulgo nominatus Budelnicza ad viam que tendit per montem Calvariae in superiori parte ipsius Budelnicza comparando cum horto templi divi Nicolai et in eodem horto divi Nicolai liberam ei potestatem capiendi vel hauriendi aquam quae fluit in curiam nostram civitatis leopoliensis, vel potius inferius castrum ad culinam ita ipsi tenendi, utifruendi, perpetuo et in aevum censuimus atque concessimus. In his amb: curiis divi Nicolai suprànominatae plateae omnis generis artificibus, liberum erit unicuique illorum artificium suum exercere, videlicet sartoribus, pellionibus, sutaribus, fabris laniis, et omnis generis artificij, omnibus modis commodum suum more civili investigare, et om-

nes denique utilitates more civium uti, usus fructus quoque ut omnes cives leopolienses mercantiis et omnis generis mercibus in aliis quoque partibus vel regionibus eadem libertate tanquam cives leopolienses gaudere, in civitate quoque liberum erit, emere, vendere, ut civibus leopoliensibus sive in civitate sive in aedibus suis, nullumque inde censum vel contributiones tam ex commodis, quam usufructibus suis, nec ex mercibus suis dare tenebuntur, nullaque servitia tam ad fiscum principis, neque officio castrensi neque officio civili, solum omnes sumptus et impensas suas ad meliorandas et corroborandas restaurandasque aedes divi Nicolai conferre debebunt, vel quidem Officium ipsi templi adinvenerit eisque mandaverit. Ad haec concedimus atque donamus templo divi Nicolai ex praefata superiori platea et ex omnibus plateis circa superius castrum, apud Calvariae montem incipiendo a porta ad templum divi Nicolai et ex ambabus partibus platearum ut quilibet paterfamilias qui praeest domui suae, vel potitur pane suo, tenebitur duos grossos quolibet anno perpetuo et in aevum ad necessitatem domus istius ecclesiae sacrae divi Nicolai et in caeteris omnibus necessitatibus praesertim spiritualibus ex praemissis plateis et curiis, ex patribus quoque familias nullibi quam ad templum divi Nicolai *ritus graeci* semper, perpetuo et in aevum parati esse et obedire tenebuntur.—. Insuper praefatae ecclesiae ac praefecto ipsius damus donamus, et in omnibus sylvis civitati ac castro adjacentibus, leopoliensibus ad construenda aedificia, et ad alias omnes necessitates liberum usum fructum Hoc autem templum divi Nicolai praefatum cum omnibus suis fructibus, attinentiis et pertinentiis, damus, donamus Notario Nostro Zeldecki Simeonowi Iwanowi. zu, uxori, liberis et successoribus ejusdem perpetuo et in aevum, sive sint illi spirituales sive non, nihil refert parum, licitum erit eidem alios Popones sive spirituales habere, ac pro arbitrio suo et gloria Dei omnipotentis non negligetur.—Tandem locum primum penes pontificem *eorum* alias Wladika damus et concedimus Simeoni Iwanowiczu et Successoribus jus, in eorundem posessione erit praefatum templum divi Nicolai, et apud nullum aliud templum in civitate, vel extra civitatem leopoliensem in toto districtu leopoliensi nullus debebit

esse *Vicesgerens* vel officialis nisi apud divum Nicolaum et Officiales leopolienses sive praefatus Vicesgerens cum Canonicis hoc est kryloszani proventus similes habebit, praefatus autem officialis tenebitar consecrare vetus templum, hoc nihil pertinebit ad Canonicos, neque pontifex eorum alias Vladyka solum modo supranominatus Vicesgerens vel Officialis et templum praemissum divi Nicolai—Ad haec supranominatis aedibus divi Nicolai, et praenominato Simeoni Iwanowiczu. — *Nobili Zeldecki* et successoribus ejus damus donamus perpetuo et in aevum in majus commodum ejus latitudinem et longitudinem fundi, ad conficiendum foenum, cum cognominibus eorum quibuscunque vocitentur nominibus alias Ziemie łęgu, obiazdu z uroczyskami inferius fluvij vulgo nuncupati Poltew incipiendo a primo loco, to iest od pierwszego uroczyska Łupuszna y Themczyska vocato, et in superficiem ejus, alias poprzek ipsius loci dicti Łęgu, a fluvio quidem tendit ad montes vocatos Chelmiczow, et inter fluvium praemissum. Poltew montem dictum Cholmicz in eodem ipso loco alias w Łęgu in instanti mandavimus Villico, Nostro Michaeli Kuroposiqu foveam alias rów facere in signum perpetuae memoriae — Ibique ulterius de ista fovea in montes per collem parum vulgo nominatum Chełmicz et per profundam paludi Tysatowa Debrza nuncupativi et per alium quoque locum krzywy potok vocatum, i przez kamienny garb alias Mochnaty vocatum, usque ad vias sibi per profundum contiguas alias do wiwozów qui tendit ex oppido Gliniany usque ad Leopolim, et inferius per viam incipiendo a superiori parte do wierzchu błota Rudy, et ex inde na dół potokiem, usque ad foveam alias do przekopu supra rivulum alias nad potokiem iacentem, et a fovea inferius recta mensura ad superiorem portem to iest brodu kamienopolskiego inferius ad monasterium Divi Michaelis, super fluvium Poltew consistens, et retro superius fluvii Połtew ad primum locum alias Wieczyska Łopuszny, Niemczyska et inter haec loca alias uroczyskami praenominati fundi, alias gruntu, liberum erit omnem utilitatem, atque commodi pro suo arbitrio sibi comparare, Gaios sive sylvas prohibere, Cnethones locare, prata et campos commodi sui causa comparare et his supranomi-

natis commoditatibus et proventibus ad templum divi Nicolai pertinentibus praenominatus Simon et ejus legitimi successores utifruentur, nullam facultatem eos ipsos alienandi, et diminuendi habebunt, neque ex eisdem commoditatibus supra dictus Simeon una cum suis successoribus Nobis ac posteritati Nostrae nullo census labores, nec ad bellum vel servitium ejus tenebitur, nec pontifici ullos proventus tenebitur, nec successores ejus tenebuntur, solummodo orationibus suis pro Nobis et antecessoribus et successoribus Nostris Deum placare tenebitur, nullum impedimentum. aeque nobiles Nostri quam subditi, et liberi posteritasque Nostra, ac nemo id alienare a praenominatis aedibus divi Nicolai supranominatisque Simeoni ejusque successoribus debebit.—Si autem quis mandata et vuluntatem meam ac donationem istam perpetuam interrumperit, impediverit violaveritque Deus accerime judicabit, haneque eam inter me et ipsum discernet, et maledictio Dei omnipotentis in hoc saeculo et in futuro hordo Juditio Dei perpetuo et in aevum durabit, et ad ejusdem testimonium litteras Nostras seu privilegium dedimus, sigillumque Nostrum appendi jussimus in praesentia Venerabilis Metropolitae haliciensis Josephi s Krylosz, Andreae ducis *Jaroslaviensis*, Du.is Marko, Domini Vaśko, et aliorum quam plurimorum fide dignorum circa praemissa existentium. Scriptae hae sunt litterae ruthenicae alias *hramota*. Leopoli feria sexta die octava Mensis Octobris Anno 6800 Notarius Noster Wiktorzyn.—Nos itaque perpensis bene, ac revisis litteris suis praenominatum Iwan Poponem justis ac aequis praecibus benigne se se annuendo, id eidem aequis postulationibus suis non denegandum esse duximus, ut vigore harum litterarum in omnibus ejus punctis, clausulis, articulis, conservetur ex voluntate Nostra secundum litteras originales.—Quemadmodum et praesentibus approbamus, ratificamus, et confirmamus, decernendo serio invitabiliter perpetuis temporibus in suo vigore et robore conservare. Quibus litteris in evidentius testimonium sigillum Nostrum appendi jussimus. Datum in oppido Grodek Feria quarta post dominicam Lactare Quadragesimalem, Anno Domini Millesimo Quadringentesimo Quadragesimo Octauo. Praesentibus Reverendo in Christo patre Domino Gregorio Archi-

episcopo leopoliensi, Magnificis et generosis Dominis de Ostroróg, kalis: Stanislao de Chodecz Russiae, Michaele Miczilo de Buczacz Plocens: Tribunis, Dobeslao Kmita de Wiśnice Lublinen: Dobeslao de Sieradz Premisliensi, Paulo de Sprowa Leopolien. Petro de Szamotuły, Michael de Zakrzew Castelanis. Joanne de Strutsiany Regni Poloniae Marschalco, et aliis quam plurimis circa praemissa existentibus. Datum per manus venerabilis Alberti de Zachlin Custodis Sandomir: Gneznensis, Cracoviensis, Vratislaviensis Posnanensis ecclesiarum Canonici et Regni Poloniae Vice Cancellarij sincere Nobis dilecti. Relatio ejusdem Venerabilis Alberti de Zychlin Regni Poloniae Vice Cancellarij.

Король Стефанъ собственною подписью подтвердилъ дня 14 Іюня, 1578 года, въ Львовѣ. Сигизмундъ III.—собственною же подписью дня 10 Октября, 1611, въ Варшавѣ. Михаилъ—дня 1-го Марта, 1672 года, въ Варшавѣ. Янъ III.—дня 24 Февраля, 1679 года, въ Городнѣ, и Августъ II.—дня 9 Іюня, 1700 года, въ Варшавѣ (*).

(*) Уже *Карамзинъ* въ том. IV. стр. 167. привилегію, данную Крылосу княземъ Львомъ, считаетъ подозрительною. Не высказывая своего мнѣнія о другихъ, а обративши надлежащее вниманіе только на эту грамоту, будто бы данную церкви св. Николая, я, не смотря на то, что она внесена въ дѣловыя книги, долженъ согласиться съ Карамзинымъ. Къ этому побуждаютъ меня слѣдующія причины: а) Подлинника этого документа на Русскомъ языкѣ нѣтъ; есть только плохой Польско-Латинскій переводъ, будто бы подтвержденный Казимиромъ IV., въ среду, послѣ воскресенья Laetare Quadragesimali 1448 года, и находящійся въ его, т. е., короля Казимира, привилегіи, и, слѣд., за неимѣніемъ подлинника, можно сумнѣваться въ спискѣ, тѣмъ болѣе, что б) король Казимиръ въ этомъ документѣ, данномъ въ 1418 году, называется княземъ, господиномъ и наслѣдникомъ Прускимъ, Холмскимъ, и Ельблѧжскимъ, между тѣмъ какъ король Казимиръ пріобрѣлъ Прусскія страны спустя семь лѣтъ, т. е., только 1455 года, въ которомъ присовокупилъ ихъ къ своимъ титуламъ; в.) Воскресенье Laetare есть четвертое поста, и приходится въ Мартѣ; а постомъ 1448 года король Казимиръ находился не на Руси, въ Городнѣ, подъ Львовымъ, гдѣ подписалъ этотъ документъ, но въ Литвѣ, т. е., въ Брестѣ „*ex Vilna processit in Brescie et ibi fere totam Quadragesimam continuavit, pro Dominica vero Palmarum Vilnam reversus est, et ibi egit dies festos paschae est*" пишетъ *Длугошъ*. Липс. изд. 1712 года.

Ж.

А се я Князь Левъ сынъ короля Даніла згадавшися есмо зъ нашими Бояры, яко прадедъ нашъ Царь великій Володимиръ, и отецъ нашъ придалъ Мнипропо-

---

томъ II. стр. 36.—Далѣе, *Длугошъ* пишетъ тамже, отъ стр. 41 по стр. 48., что король выѣхалъ *feria secunda* (во вторникъ) наканунѣ Св. Маргариты, т. е., въ Іюлѣ, изъ Кракова на Русь, въ Воскресенье послѣ Святой Маргариты прибылъ въ Перемышль, а въ Воскресенье наканунѣ Маріи Магдалины, также въ Іюлѣ,—въ Львовъ, гдѣ оставался одиннадцать дней," *feria quarta ante festum Sancti Petri ad Vincula* выѣхалъ изъ Львова и *feria sexta post festum Petri*, т. е., Августа 8 дня, остановился въ Галичѣ и пробылъ тамъ 4 дня, и потомъ, наканунѣ Св. Лаврентія, посѣтилъ Каменецъ, гдѣ, проживъ 12 дней, *feria quarta ante festum S. Bartholomei*, отправился оттуда въ Литву черезъ Теребовлю, Козловъ, Луцкъ, Пинскъ, и, въ день Пресвятыя Богородицы, т. е., 8 Сентября, прибылъ въ Новгородокъ; стало быть, этотъ документъ не былъ писанъ въ Городнѣ, въ среду, послѣ четвертаго воскресенья поста, потому что въ то время король, дворъ и кабинетъ его, тамъ не были. г.) Лица и именитые господа, въ присутствіи которыхъ этотъ документъ данъ былъ королемъ Казимиромъ 1448 года., и которыхъ имена тутъ находятся, или совершенно не существовали, или, по крайней мѣрѣ, не въ томъ году и не такъ. Въ 1448 году Львовскимъ Латинскимъ архіепископомъ былъ не Григорій изъ Сянока, а Янъ Одровążъ (Jan Odrowąż), умершій 1450 года; мѣсто его заступилъ Григорій въ 1451 году, (*Несецкій* том. 1. стр. 25. *Длугошъ* стр. 36, свѣдѣтельствуетъ, что, на Люблинскій сеймъ въ 1448 году прибылъ къ королю Янъ, архіепископъ Львовскій, послѣ праздника Божьяго тѣла, и, слѣд., послѣ поста, а на стр. 65, что Григорій въ 1451 былъ посвященъ въ Краковѣ въ санъ архіепископскій.). Въ 1447 год. былъ Мартынъ изъ Калиновы, а до 1451 год. Лаврентій изъ Калиновы, по гербу Зарѧба; Станиславъ же изъ Остророга былъ воеводою Калишскимъ не въ 1448, а около 1477 года (*Несецкій* том. 1. стр. 126.). — Воеводою Рускимъ былъ въ то время Андрей изъ Спровы Одровążъ до самаго 1465 года, а послѣ его вступилъ на воеводство Станиславъ изъ Ходча, котораго имя и прозваніе находится на этомъ документѣ, относящемся къ 1448 году (*Несецкій* томъ 1. стр. 151., и *Длугошъ* стран. 65.). — Воеводою Плоцкимъ былъ тогда Прандота Равичъ изъ Желязны, а упоминаемый въ этомъ документѣ Михаилъ Мичыло изъ Бучачъ не былъ ни Плоцкимъ, ниже какимъ другимъ, воеводой (*Несецкій* стр. 151). Сочинитель этой поддѣльной грамоты называетъ воеводъ Полатини *Tribuni*; но воеводы Полатини всегда назывались *Palatini*, что свѣдѣтельствуетъ и *Длугошъ* подъ тѣмже 1446 годомъ. Достоин-

лиюмъ и епископомъ по всѣмъ Рускимъ землямъ. Тако же и мы Богу и Пречистой Богомаперп и Святому преподобному отцу Онуфрію дали есмо Монастырь

ство подъ названіемъ, *Tribuni*, Послы, введено въ Польшѣ гораздо позже; да если бъ оно было и въ то время, то, слѣдуя порядку въ достоинствахъ, прежде были бы упомянуты сенаторы кастелляны, а потомъ уже послы рыцарскаго сословія „*Tribuni*“. Люблинскимъ кастелляномъ въ 1448 былъ Креславъ изъ Курозвукъ (*Длугошъ*, стр. 36, говоритъ, что онъ въ 1448 году прибылъ на Люблинскій съѣздъ. *Несѣцкій* стр. 230). Добѣславъ же Кмита, о которомъ говорится въ этомъ документѣ, получилъ кастелянство уже послѣ 1457 год. Кастелянства Перемышльскаго въ то время еще не было, и, слѣд., Добѣславъ изъ Сѣрада—позднѣйшая выдумка. Кастелляномъ Львовскимъ былъ въ то время Николай Кмита, а Павелъ изъ Сирова никогда имъ не былъ (*Несѣцкій* стр. 224). Кресло Львовскаго кастелляпства было старше, нежели кресло Люблинскаго или Перемышльскаго, основаннаго гораздо позднѣе, а потому въ документѣ, вышедшемъ изъ королевскаго кабинета, было бы упомянуто о Львовскомъ прежде, нежели о Люблинскомъ или Перемышльскомъ. Какого-то кастеляна, Михаила изъ Закревъ ни тогда, ни послѣ никогда въ Польшѣ не было. Вымышленный Иванъ изъ Трутсяны никогда не былъ маршалкомъ, ни великимъ коронпымъ, ни придворнымъ коронпымъ (*Несѣцкій*, стр. 251., Альбертранди Дѣянія Польскаго королевства, стр. 81, 85 и 87.), также Войцѣхъ изъ Зыхлина или Зыхлинскій хотя и былъ подканцлеромъ, но получилъ достоинство это только въ 1460 году, а въ то время, къ которому относится документъ, держалъ меньшую печать, т. е., былъ подканцлеромъ Петръ изъ Щекоцина (*Несѣцкій* стр. 261).

д). Нужды нѣтъ — что этотъ документъ не имѣетъ на себѣ подписи короля Казимира; но вотъ что: почти всѣ утвержденія, выходившія въ этой формѣ, скрѣпляли канцлеры собственноручно. Подлинникъ этой Казимировской поддѣльной, Латинской, грамоты, находится у Яна Честынскаго, гремяльнаго каноника митрополичьей Львовской капитулы и священника у св. Параскевы, къ приходу которато принадлежитъ эта церковь Св. Николая, писанъ на пергаминѣ прекраснымъ Готическимъ почеркомъ, вошедшимъ въ употребленіе гораздо позже вѣка Казимирова, печать привѣшена, но такъ затерта, что на ней ничего не льзя различить. Годъ списанія назначенъ Арабскими числами, именно: 1448 г.; но извѣстно, что въ то время годъ писался или просто буквами, или числами Римскими, или же такъ называемыми, Церковными, но никогда Арабскими.

е). По должномъ разсмотрѣніи этой компиляціи открывается, что она вымышлена въ началѣ царствованія Стефана Баторія, или не

Лавровъ Антонію Владыцы якъ нашъ дѣдко князь Великій Лаверъ придалъ въ Богомольство почовши отъ потока Лопышки кобылы на едину сторону верхомъ потока Лопышки и Прохирова роздѣломъ до высокой поланы и верхомъ Липины, а на другую сторону чрезъ

задолго до вступленія его на Польскій престолъ, и, можетъ быть, была поднесена ему, а потомъ и другимъ королямъ, для подписанія. Въ это-то время Львовскіе горожане, цеховые ремесленники, исповѣдовавшіе Латинскій обрядъ, не допуская въ цехи Русиновъ, жителей предмѣстьевъ, какъ раскольниковъ, запрещали имъ ремесла и продажу своихъ издѣлій, почему Русины производили съ городомъ споры какъ въ царствованіе Сигизмунда Августа, такъ и при его пріемникахъ. И такъ, цѣль подлога была доказать, что эти жители предмѣстій имѣютъ еще отъ Русскихъ князей право ремесла и продажи. Другая цѣль удержать намѣстничество при священникахъ той церкви, каковое достоинство, можетъ быть, Галицко-Львовскій епископъ (Балабанъ) перенесъ на особу иного священника, потому что во время Льва не было владыцтва или епископства Львовскаго.

e) Въ этомъ, мимо Казимировскомъ, документѣ упоминается, что король Казимиръ приказалъ перевести привилегію короля Льва съ Греч. на Лат. языкъ, какъ будто бы Левъ давалъ свои привилегіи на Греческомъ языкѣ; напротивъ, Русскіе князья употребляли Русскій языкъ и Русскую грамоту. Языкъ этотъ, во времена Казимира IV., былъ болѣе извѣстенъ, нежели Польской или Латинской, какъ самому королю, такъ и большей части пановъ, употреблялся при Дворѣ, въ судахъ, въ Литвѣ и здѣсь, въ Червоной Руси. Это доказывается граничнымъ документомъ, который относится къ 1424, писанъ Русскимъ языкомъ и (Русскимъ) письмомъ, и помѣщенъ здѣсь подъ буквою З; подлинникъ его хранится въ архивѣ В. Алонзія Борковскаго, помѣщика Островскаго, въ Галиціи, въ округѣ Бережанскомъ.

З) Далѣе, въ немъ упоминается, что поселенцы на церковныхъ земляхъ должны платить оброкъ по два гроша только „*ad templum divi Nicolai ritus Graeci*“, какъ будто бы при князѣ Львѣ „*ritus Graeci*“ въ его столичномъ городѣ Львовѣ былъ другой ritus, или была церковь или костелъ Св. Николая не *ritus Graeci*. Ясно, что этотъ документъ вымышленъ въ то время, когда въ Галицкомъ предмѣстіи была основана, или долженствовала быть основанной, церковь Св. Николая *ritus Latini*.

Кромѣ приведенныхъ замѣчаній, въ этомъ документѣ находится столько уклоненій, несогласныхъ съ духомъ времени, тогдашнимъ правленіемъ, правами, обычаями и языкомъ, доказывающихъ его подложность, что если бы я захотѣлъ исчислить и разбирать ихъ, то зашелъ бы слишкомъ далеко.

поле и рику Линину въ гору южь паки опь кóстела монастыра границы поверхъ Потока Семѣнова и Линиики малой верхомъ потока великого презъ оровый верхомъ Линины большой до Поланы великоп далисмо со всѣми пожытки монастирови съ польми и съ Лѣсомъ и ставы и млыны и медовими даньмы въ Богомольство и пастивами и 'зъ нашыхъ людей и съ лѣса дань Монастеру даваши и съ тихшо. Лѣсовъ въ Богомольство абы за насъ Бога прошено и за наши предки кому Богъ дасть въ той святой церкви быши на вѣки вѣчныѣ. А вшое дини наше не вступаются и по нихъ будучые, и да не отдалено будетъ от Монастира выжей писаного. А кто уступитъ на мое слово, Судъ съ нимъ предъ Богомъ и да будетъ кляшва Божія на немъ и Свяшихъ отецъ шриста осмнацять въ сей вѣкъ и въ будучеи въ день страшнаго суда Божого. На шесемо грамошу нашу дали и печать свою привѣсили, а при шомъ были свяшый Митрополитъ Галицкій скрылоса, Аноній Владика перемыскій, славный князь Андрей Ярославичь и панъ Васко и иныхъ бояръ много было пришомъ. Писана и дана грамота въ Премишлю въ Пяшокъ Мѣсяца окшоврія въ 8 день Лѣта опъ сшворенія свѣша ведлугъ Хиспоріи Словенскихъ семшисячного Осмсешнаго. Опъ Пародзенія Сына Божого пысяща 'двѣсша девяшдесять два. А писецъ Захария Вихошъ. М: П.

Эшопъ списокъ взятъ изъ дѣловой заявки, внесенной in Castro Premisliensi feria secunda post Dominicam invocavit Quadragesimalem 1727 года, находящейся въ подлинникѣ въ Львовскомъ архивѣ у Св. Онуфрія, и заключающей подшвержденіе привилегій Лаврскаго монастыря, данное королемъ Яномъ Казимиромъ 1662 г., Августа 8. дня.

3.

А се ꙗ панъ ленко староста Зоудечовьскій. Свѣчю самъ своимъ лістомъ каждомоу добромоу кто коли нань оузритъ. іли хто коли его оуслышитъ чтоучи комоужто егѡ боуде потребно. Аже есмо розѣхали граніцю межи паномъ юрковьскімъ и паномъ ивашкомъ борыніцкимъ Межи ѡстрова и дроховічь. И закопы есмо закопалі вѣчный. А имаютъ пана юрковьского люде из острола исъ юкщовець имаютъ дрыва роубати. Але не паствіти ані свінеі оупоущати оу Лѣсъ. А закопы копали Панъ Михалъ Малеховьскій. Панъ Григорь Бартошовьскій. А слоуга мои илко. А притомъ свѣдці былі панъ Дмитръ ролчьковичь, панъ петръ цебровьскій, панъ Іанъ Зоубрьскій А панъ Куликовскій А панъ сенько процевічь. А панъ татомиръ баліцкій. А иныхъ притомъ досыть добрыхъ было. Ак семоу листу приложили есмо свою печать подъ Лѣты Р҃жтва Х҃ва ҂а лѣть и у҃ лѣть к҃ д҃ го лѣта. М. П.

Удержано тоже самое правописаніе, какъ въ подлинникѣ.

I.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ

изъ Межевой книги (liber fundalis) церкви Греко-Рускаго обряда въ Тыличѣ Сандецкаго Округа, находящейся теперь въ епископскомъ архивѣ, стр. 40.

Superius mentionatum est de exarando statu antiquiori Ecclesiae Ritus Graeci Catholici Loci praesentis. Ante omnia notandum est, quod in Toto Dominio *Musszynensi* ad mensam Episcopalem Episcopatus Cracovienisis *Spectante triganta sex pagi* pertineant, in quibus populus nonnisi *Ritus Graeci* habebatur prout ut nunc est etiam in oppido *Musszyna Ritus Graecus* vigebat *et Ecclesia Ejusdem Ritus* fuit, ubi nunc tantum Coementerium extat, et quemadmodum Curati Latini Ritus Musszynenses allaborabant, ut de eodem

oppido Ritum Graecum extirparent; prout extirparunt, ita Curati Tylicenses Latini Ritus ante annum 1682 allaborare non destiterunt, unde Ritum *Graecum* de oppido Tylicz extirparent, certe non zelo fidei sed motivo mere temporali ducti id praestare curabant equidem advertentes bene, quod Numerus Parochianorum Latini Ritus admodum paucus fuerit, ut vix *Centesima* pars illorum esset de integra communitate *Tylicensi*, cum media ordinaria ad amplectendum Ritum non suppeterent ad eo audaciae pervenerunt, ut *Ecclesiam Ritus Graeci Catholici Tilicensem* vi ac violenter demolire non dubitaverint, quod ut evidentius pateat hic extractu authentius Inquisitio exaratur, quae tenoris sequentis est:"

Inquisitio ex Commissione perillustris et reverendissimi Domini *Joannis Malahowski* Episcopi Premisliensis S. S. Archimandritae Leszczynensis Ritus Graeci, facta super ereptionem Ecclesiae Tylicensis ad suam jurisdictionem pertinentis.

(Fasc. 22. pag. 5. N. 315. Positio 5. in Actis Domini Muoczynensis:)

»Anno Domini Millesimo Sexcentesimo Octuagesimo secundo die 4-ta Februarii:« Мы нижеподписавшіяся лица, пріѣхавши въ мѣстечко Тылычъ, получили такое донесеніе объ осквернепіи церкви. Что пріѣхавши Его Милость, панъ староста, Казимиръ Садовскій, съ казначеемъ паномъ Кѫжскимъ, остановились на дворѣ Тылицкомъ, черезъ два часа пришелъ къ нимъ приходскій Тылицкій священникъ; послѣ чего упомянутые паны вышли съ нимъ въ домъ этого священника. Оттуда послали къ бургомистру, Христофору Билицкому, Ritus Latini, чтобъ онъ созвалъ весь народъ къ ратушѣ; потомъ, по приказанію этого бургомистра, барабанщикъ, такъ же Ritus Latini, два раза обошелъ городъ съ барабаннымъ боемъ. Народъ, тотчасъ собравшійся, ждалъ часъ около ратуши. Къ нему пришли два Гарпика, Данко Вольшинъ изъ Ястребика, и Андрей Мопычка изъ Крипицы, зовя и приказывая всѣмъ итти въ жилище священника, гдѣ прочтено было имъ опредѣленіе 1681 года Ста-

ниславомъ Готфридомъ Сегедіемъ, писаремъ Мушинскимъ, а потомъ приказано народу удалиться изъ избы; священникъ же велѣлъ четыремъ Гарникамъ, барабанщику, подданному Вальку (Валентію), и церковнику, итти въ церковь, говоря: „Идите въ церковь, не пускайте никого, чтобы у меня тамъ попь чего нибудь не взялъ, потому что я знаю, что все, тамъ находящееся, мое; да побудьте тамъ на стражѣ, пока мы придемъ.“ Тутъ вышелъ также священникъ Роговскій, бѣглецъ изъ Угріи, который жилъ въ Тылицкомъ предмѣстьѣ съ осени до Рождества Христова, и сказалъ народу: »Не горюйте, дѣти, я буду служить вамъ въ этой церкви; только приносите мнѣ побольше кнышевъ (постныхъ пироговъ съ лукомъ, капустой, и т. д.).“ Потомъ, упомянутые паны и народъ пошли къ церкви, гдѣ на церковномъ дворѣ читано опредѣленіе, писанное въ священническомъ домѣ; оно было такаго содержанія: „Мы имѣемъ повелѣніе отъ князя, Его Милости, отнять у васъ церковь, и что мы ни дѣлаемъ, на все то имѣемъ приказъ отъ князя, Его Милости.“ Однако спрашивали. „Отъ кого вы имѣете эту церковь?.“ Народъ отвѣчалъ, что имѣетъ ее отъ князя, Его Милости и отъ священной капитулы; послѣ чего велѣно было показать грамоту, которую казначей тотчасъ взялъ, а Его Милость, панъ староста, сказалъ: „Св. Зебрыдовскій и св. Сушицкій будетъ стыдиться этого;“ а мѣщанину, Николаю Паничу, сказалъ: „А тебѣ я тею отрѣжу за то, что ты подговорилъ свящ. Сушицкаго, который обманулъ князя, Его Милость.“ Послѣ приказалъ Его Милость, панъ староста, священнику этой церкви вынести Святые Дары, но онъ отвѣчалъ: „Я не сдѣлаю этого, хотя бы долженъ былъ лишиться не только имѣнія, но и жизни.“ На что Его Милость, панъ староста, сказалъ: „Вѣдь на это есть приказаніе отъ князя, Его Милости.“ Священникъ отвѣчалъ: „У меня есть свой господинъ и пастырь, безъ приказанія

коего я немогу этого сдѣлать.“ Тогда приходской священникъ (плебанъ) велѣлъ сказанному свящ. Роговскому взять Святые Дары, но и тотъ не отважился на это. Тутъ панъ староста сказалъ приходскому священнику: „Такъ возьми самъ, потому что вы братья“ Приход. священникъ тотчасъ послалъ за комжею (бѣлое священническое платье, на подобіе рубашки) и за освященною водою. Когда все было принесено, онъ одѣлся, окропилъ водою Святые Дары и попросилъ, чтобы ему дали колокольчикъ, обѣщаясь возвратить его. Когда священникъ выѣхалъ съ Святыми Дарами, весь народъ палъ на колѣна въ церкви, на кладбищѣ, дворѣ, рынкѣ, и во всемъ мѣстечкѣ Тыличѣ плачь и сѣтованіе были неслыханны. Люди, бывшіе гостями изъ Угріи, такъ же падали на колѣна на дорогѣ, рыдая и требуя мести. Господи! зри обиду Святаго дома сего! По вынесеніи Святыхъ Даровъ, Его Милость, панъ староста, сказалъ народу. „Дѣтки! не сокрушайтесь; это Святое Единеніе: лучше вмѣстѣ молиться.“ На что два бѣдныхъ человѣка сказали, что ихъ предки, въ продолженіе нѣсколькихъ десятковъ, умирали безъ Причащенія, что Гарникамъ приказано было хватать ихъ, но они скрывались. Такъ какъ всюду было великое сѣтованіе, то залился слезами и самъ, бывшій староста, Александръ Носковскій, который, однако жъ, приказалъ народу выйти изъ церкви, а Его Милость, панъ староста, затворилъ упомянутую церковь. Такимъ образомъ, этотъ день кончился скорбію бѣдной Руси. Народъ же Ritus Latini, котораго было только двѣнадцать человѣкъ, а изъ нихъ только двое осѣдлыхъ съ землями, пѣлъ: „Дождались мы, чего желали.“

На другой день, т. е., 13-го Февраля, приходской, Лашинскій, священникъ, уже безъ комисаровъ, одинъ, да съ упомянутымъ свящ. Флоріяномъ, церковнымъ органистомъ и другими своими людьми Ritus Latini, ворвался въ эту

опишную церковь съ тремя сѣкирами, и всѣ бросились къ престолу, на которомъ приносилась Богу достойнѣйшая жертва, и которой они лишили всѣхъ украшеній; убрусы и другіе принадлежности сняли, а потомъ прих. священникъ, Флоріанъ, самъ разрубилъ престолъ на куски, которые и были сожжены. Порогъ, на которомъ стояли Царскія врата, такъ же вырубили. Образъ Пресвятой Богородицы раскололи, ударивши сѣкирою съ другой стороны, такъ что Младенецъ и Святой ликъ Божіей Матери распались надвое. Образъ же, на которомъ были изображены двѣнадцать Апостоловъ, вынесши изъ церкви, опустили въ воду и прошли по немъ, какъ по доскѣ; другіе же бумажные образа, принесши нарочно въ дойникѣ огня, сожигали въ церкви, и гдѣ только былъ какой либо знакъ образовъ, или какого либо письма, вырубали сѣкирами. Кромѣ того, приход. свящ., Тымовскій, пилъ съ прочими для смѣлости въ церкви горѣлку, а потомъ забрали въ церкви все до малѣйшей вещи. Тутъ же взяли съ колокольни два колокола, а за нѣсколько лѣтъ предъ этѣмъ еще два, изъ которыхъ одинъ благочестіе тамошнихъ жителей подарило Тылицкой ратушѣ, неизвѣстно для чьей славы; другіе же колокола находятся при Лашин. церкви; одинъ изъ нихъ былъ взятъ на время изъ Криницы. Когда это происходило, то снова распространился по всему городу Тыличу, какъ и въ прошедшій день, плачь, крикъ и неслыханное сѣтованіе людей Греческаго исповѣданія. Напослѣдокъ, запрещено было подъ казнію называть эту церковь церковію, но капличею Этому угнѣтенію еще болѣе придаетъ великости то, что Юрко Вавковскій давалъ Лашин. приход. свящ. десять золотыхъ, чтобы онъ позволилъ придти къ нему духовнику для исповѣди, чего онъ ни какъ не сдѣлалъ, напротивъ хотѣлъ еще бить посланнаго, и тотъ долженъ былъ умереть безъ исповѣди; тогда тотъ похоронилъ его, и за погре-

бенiе взялъ 16 золотыхъ. Все это засвѣдѣтельствовало цѣлое мѣстечко Тыличь, ... и подтвердило клятвой, что было такъ, а не иначе. Имена свѣдѣтелей суть: Василій Крыницкій, войтъ мѣстечка Тылича, Игнатъ Нестеракъ, бурмистръ, Фома Теличка, Васко Парылякъ, присяжные мѣстечка Тылича, и множество другихъ, которыми была наполнена изба.

Это происходило въ Тыличѣ anno et die quibus supra.

Haec Inquisitio facta est per me *Patrem Kamiński* Ordinis S. Basilii Magni Religiosum Perillustris et Reverendissimi Domini Joannis Małahowski Eppi Premisliensis Vicarium Generalem (L. S.).

Coram me Michaele *Mieyski* Officiali Scepusiensi (L. S.).

Coram me Joanne *Bankowski* Officiali et Visitatore Grali Dioecesis Premisliensis (L. S.).

Coram me Jacobo *Sembratowicz* Officiale Biecensi (L. S.).

Extractum ex Protocolo Actorum Protopresbyteralium Musinensium anno praesenti 1738 die 15 Februarii veteris stilli.

Per me Simeonem *Szczawiński* Parochum R. G. uti Powroznensem Notarium Apostolicum m. p.

СПИСОКЪ СЪ ПРИВИЛЕГІЙ ЦЕРКВЕЙ ГОРОДА ТЫЛИЧА.

(Изъ той же книги стр. 68.)

Petrus Tylicki Dei gratia Episcopus Cracoviensis Dux Severiae etc. etc.

Quae in sortem Patrimonii Ecclesiae Nostrae Cathedralis Cracoviensis temporalis bona venerunt, ut ad ampliora emolumenta educantur, pristinoque suo statui, quem olim tenuerunt, quotiesubditi Nostri sua causa id a Nobis expetunt restituantur, Illorum praecibus deferendum id nobis ducimus, praesertim quando Divinae Gloriae cultum ea ratione auguemtis efficacibus propositum in Nobis persuademus. Proinde cum in Clave Nostra Musinensi locus eatenus Miaskto dictus jus Civitatis habuisset, uti ex privilegio fundationis Ejus compertum, successuque temporis ad conditionem Villae redactus sit, incolaeque Ejus a SS. Catholica Roma-

na Ecclesia deffecerint et *Graecos Ritus* amplexi sint, eorundem subditorum Nostrorum, in loco eodem degentium, precibus moti Ipsis facultatem dandam censuimus Oppidi construendi ut nimirum Villa Nostra et re abolita jure Civitatis censeatur appelleturque a cognomine Nostro derivato Nomine *Tylicz*, ac omnibus praerogativis fruatur sicuti oppidum nostrum Muszyna fruitur. Cui quidem oppido una cum consensu Reverendorum Dominorum praelatorum et Canonicorum totius Venerabilis Capituli Ecclesiae nostrae Cathedralis Cracoviensis hasce praerogativas largimur et conditiones ponimus. Inprimis ut Ecclesia Parochialis SS. Catholicae Romanae Religionis per incolas oppidi ejusdem eo loco extruatur, ubi antiqua ejus fundamentorum signa extant, ad quam fabricandam subditi Clavis Muszynensis ex Sylvis nostris ligna cedent et advehent. Pro sustentatione autem Rectoris Ejusdem Ecclesiae parochialis ut quivis oppidanus ex Manso agro duos modios Siliginis et duos itidem modios avenae pendat, sancimus. Fundos vero Eidem Ecclesiae sive ejus Rectori pro Domo scilicet fabricanda et pro agris peculiari Privilegio addicemus. Permittimusque praeterea, ut in eodem oppido Tylice Ecclesia *Ritus Graeci* aedificetur, ita tamen ut sacerdotes, qui in illa ministrabunt, et populus, qui *Ritus Graecum* sequetur, sub obedientia SS. Catholicae Romanae Ecclesiae Ejusque Summi Antistitis vivat. Sacerdotibusque etiam Graeci Ritus in Communione SS. Catholicae Romanae Ecclesiae viventibus a praestatione portivatione pascue sylvestris immunitatem concedimus. Nulli vero Haeretico aut Schismatico Civitatis jus ibidem in oppido Tylice habere aut bona possidere quocunque nomine licebit sub poena amissionis domicilii et bonorum, atque aedificia, quae interim in fundis iisdem sunt rectae dispositioni, aedificiorum Oppidi efficiunt edicimus, ut tollantur, omnesque Incolae suas aedes collocent intra metas oppidi, quod antiquitus murorum fundamentis circumdatum est, extruentur, aut intra metas easdem Domos more oppidorum aliorum, ut scilicet oppidi circulus sit et Plateae ejus juxta mensuram circuli scribantur, ita tamen, ut inter domos quatuor vel quinque, vel ad summum sex interstitia ad commodam functionem incendii, si quando permissu divino acciderit,

reliquantur. Et quia fundus, qui fundamentis muri est septus, noster est proprius, volumus re per Magistratum oppidi de Consensu Nostro, quem ipsi per praesentes literas ad hoc accommodamus, justo praetio divendatur, pecunia vero inde collecta pars media erogetur pro fabricanda Ecclesia Catholica Latina, altera pars pro fabricando Practorio. Arearum vero hoc modo emptarum Dominium et proprietatem pro se et successoribus suis emptores in perpetuum sorcientur. Nulli etiam libellum..... esse volumus, in suburbio aedes construere, nisi prius intra metas oppidi domus in omnibus areis sunt structae..... tamen exceptis, cuique liceat quovis tempore construere. Et cum communitas villae sine jurisdictione stare nequeat, sancimus, ut in oppido Tylice, quod fundamus, sint quatuor Consules, sicut in oppido Muszynensi, qui Consules eo modo in suum Magistratum adsciscent, sicuti in oppido Muszynensi, et ratione Muszynensium Consulum officia sua administrabunt. Advocatus aut Scultetus in officio gerens et explendo morem quoque oppidi Muszynensis sequatur. Censum quod attinet ordinamus, ut quoad Domos, hortos et reliqua praestationes, quae ex oppidis provenire solent, ea ratione ex hoc oppido Tylicensi, qua ex oppido Muszynensi, pendantur. Ex agris vero, cum pensio porcorum agrorum sive verveum ..... eomodo praestetur, quo hactenus a villanis praestabatur a laboribus, aut servitiis et podvodis Oppidaneos immunes facimus. Ordinamus, ut omnes oppidanei omnia mercimonia tractandi habeant liberam potestatem. Quatuor in anno in eodem oppido nundinae habeantur, videlicet in festo Ephifaniae Domini, deinde Dominica Conductus Paschae, tum in festo SS. Petri et Pauli, insuper festo omnium Sanctorum ordinariam aut diem nundinarum hebdomadanem singulas ferias assignamus; quod si quis ibidem in Tylice manserit, et jus oppidi non susceperit, omnia mercimonia interdicimus. Quod autem limites fundorum oppidi attinet, omnes antiquis circumscribimus, ut scilicet illa per oppidanos possideantur, prout antequam jus habuissent, possidebantque sine ullo praejudicio vicinarum villarum. Quae quidem praerogativa ut perpetuo duraturae firmitatis robur obtineant, edicimus praesentibus Nostris Li-

teris, quibus manu nostra subscriptis et Venerabilis Capituli Ecclesiae Nostrae Cathedralis Cracoviensis Sigillo sunt inpressae. Datum Badzantimi die 26 Junii anno 1612 praesentibus Reverendis et Generosis Dominis Joanne Gostkowski Canonico Cracoviensi, Andrea Lukomski Sandomiriensi, Andrea Zagornii Praéposito Kielecen:, Kłemente Santoski Lancicensi, Cannonicis Georgio Drzewieski, Gasparo Bilinski, Chrystophoro Sokołowski et Blasio Rosinski actorum Curiae Nostrae Notario. *Petrus Tilicki Eppus Cracoviensis.* L. S.

К.

Въ 1615 году въ Львовскомъ архіепископствѣ находилось 7 слѣдующихъ деканствъ (протоіерействъ):

1. Львовское ..... 28.
2. Городецкое ..... 12.
3. Жыдачевское ..... 8.
4. Успенское, нынѣ Галицкое ..... 21.
5. Рогатынское ..... 10.
6. Золотовское, нынѣ Дунаецкое ..... 9.
7. Теребовльское ..... 16.

I. Церкви въ Львовскомъ Деканствѣ.

1. *Старосельская* церковь, одаренная землями помѣщикомъ Иваномъ Завишичемъ изъ Гарбовъ, въ 1454 году, въ пятницу, передъ праздникомъ Богоявленія.
2. *Давидовская*, одаренная Станиславомъ, помѣщикомъ Давидовскимъ, въ 1499 году, въ пятницу, передъ праздникомъ С. Мартина.
3. *Кротосинская.* Не имѣетъ письменныхъ доказательствъ на зе́мли. Ею владѣютъ и управляютъ Доминиканцы.
4. *Волковская.* Не надѣлена землями. Владѣвели ся суть благородные господа Броздовскіе.
5. *Раковецкая.* Надѣлена землями Николаемъ Назаевскимъ въ 1598 году, Декабря 14.

6. *Наварскал.* Не имѣетъ достовѣрной грамоты на земли.
7. *Годовицкая.* Хотя не имѣетъ письменныхъ доказательствъ, но имѣетъ землю и владѣетъ ею.
8. *Зимноводскал.* Надѣлена Иваномъ, помѣщикомъ въ Зимной Водѣ, въ 1453 году, во вторникъ, на Святой недѣлѣ.
9. *Малчинскал.* Надѣлилъ ее Васко Мошончикъ, помѣщикъ Малчицкій, въ 1428, въ пятницу, наканунѣ Маріи Магдалины.
10. *Реснепскал.* Не имѣетъ вѣрныхъ грамотъ на земли.
11. *Кощсевская.* Не имѣетъ письменныхъ доказательствъ на земли.
12. *Жовковскал.* Не имѣетъ крѣпостной грамоты.
13. *Куликовская.* Надѣлена Николаемъ, помѣщикомъ въ Куликовѣ 1399, Іюня 17.
14. *Золтанская.* Не имѣетъ грамотъ на зе́мли.
15. *Каменецкая.* Тоже не имѣетъ.
16. *Зелеховская.* Надѣлена Станиславомъ Каемъ изъ Милопычь, Иваномъ изъ Зелехова, въ 1426 году, въ пятницу, ante Laetare.
17. *Яданская.* Не имѣетъ земель.
18. *Бусенская* Грамота на землю погибла, но возобновлена Сигизмундомъ Августомъ въ 1554 году, Ноября 10.
19. *Ярезовская.* Ее надѣлилъ Николай изъ Книгыничь въ Ярезовѣ, въ 1451 году, въ субботу, передъ праздникомъ перенесенія Святаго Станислава.
20. *Кукезовская.* Не имѣетъ вѣрной грамоты на земли.
21. *Пруская.* Надѣлена Казимиромъ, королемъ Польскимъ, въ 1485 году, въ воскресенье, послѣ праздника 11000 дѣвъ.
22. *Малеховскал.* Ее надѣлилъ Иванъ изъ Хоменшовъ, въ 1521 году, въ четвергъ, передъ праздникомъ Пятидесятницы.

23. *Сокольницкая.* Не имѣетъ письменныхъ доказательствъ на земли.
24. *Зубрицкая.* Тоже не имѣетъ.
25. *Чещенская.* Ее надѣлилъ Николай Дмитровскій, помѣщикъ Чещенскій, въ 1420, въ день Св. Маршина.
26. *Бѣлчицкая.* Ее надѣлили Влодка изъ Бѣлка и Иванъ изъ Германовъ, въ 1441 году, въ середу, послѣ праздника Св. Станислава.
27. *Вижнянская.* Надѣлена Иваномъ Клюшемъ и супругою его, Маргаритой, помѣщиками Вижняковскими, 1400 г., Іюля 17.
28. *Свирская.* Надѣлена мечникомъ Андреемъ Лесовой, въ 1484 году, въ субботу, передъ праздникомъ Очищенія.

II. Церкви Городецкаго Деканства.

1. *Городецкая.* Не имѣетъ грамотъ на земли.
2. *Родатицкая.* Не имѣетъ вѣрной грамоты.
3. *Бружнальская.* Не имѣетъ грамотъ на земли.
4. *Яворовская.* Имѣетъ три грамоты: 1-ю отъ князя Вячеслава Опавскаго и Рашибонскаго, помѣщика Яворовскаго, въ 1454 году, въ середу, передъ сѣдалищемъ Св. Петра; 2-ю отъ Петра Самотульскаго, Перемышльскаго кастеляна, въ 1470 году, въ середу, въ день Св. Валентина; 3-ю отъ Луки Горки, кастеляна Познанскаго, помѣщика Яворовскаго, 1512 года.
5. *Немировская.* Недавно, но не богато, надѣлена господиномъ Иваномъ Спадницкимъ изъ Змигорода, которому принадлежитъ и самый городъ.
6. *Рудская.* Не имѣетъ вѣрныхъ даровъ.
7. *Тулиголовская.* Древняя грамота на земли возобновлена благороднымъ господиномъ Станиславомъ Корытской изъ Подгорцевъ, въ 1600 году, Іюля 23.
8. *Комарнская.* Не имѣетъ грамотъ на земли.

9. *Румянская.* Надѣлена Станиславомъ изъ Ходечь, воеводой Рускимъ, въ 1471 году, въ середу, послѣ 11,000 Дѣвъ.
10. *Сверченская.* Грамота на земли возобновлена Сигизмундомъ Августомъ, въ 1556 году, наканунѣ Св. Агнесы.
11. *Николаевская.* Надѣлена Юріемъ Мнишкомъ, воеводой Сандомирскимъ, въ 1607 году, Маія 17-го.
12. *Корытковская.* Надѣлена дворянином Францомъ Корытком изъ Подгорцевъ, въ 1703 году, Іюня, 1-го, въ пятницу.

III. Церкви Жидачевскаго Деканства.

1. *Жидачевская.* Грамоты на земли не уцѣлѣли.
2. *Роздольская.* Не имѣетъ вѣрныхъ даровъ.
3. *Журавенская.* Надѣлена Иваномъ Ходоровскимъ, помѣщикомъ въ Журавнѣ, въ 1488 г., въ день Св. Доропы, дѣвы.
4. *Вушиловская.* Надѣлена госпожею Елисаветой Синявской изъ Лезениць, въ 1610 году, Іюня 26-го.
5. *Калужская.* Надѣлена королемъ Казимиромъ, въ 1469 году, въ середу, передъ праздникомъ Пасхи.
6. *Долинская.* Надѣлена королемъ Казимиромъ въ 1560 году, въ середу, передъ праздникомъ Пасхи.
7. *Болеховская,* надѣлена благороднымъ господиномъ Николаемъ Галчинскимъ, помѣщикомъ Болеховскимъ, 1607 г., Февр. 5-го, послѣ Богоявленія.
8. *Соколовская.* Надѣлена Иваномъ Дѣдошицкимъ изъ Дѣдошицъ, въ 1520 году, въ чешверкъ, передъ Господнимъ прошеніемъ (Dominica rogatio).

IV. Церкви Устенскаго, нынѣ Галицкаго, Деканства.

1. *Устенская.* Не имѣетъ грамотъ на земли.

2. *Далеёвская.* Надѣлена Иваномъ, по прозванію Кола, помѣщикомъ въ Далеёвѣ, въ 1417 году, въ день Посѣщенія Дѣвы Маріи.
3. *Кукольницкая.* Надѣлена Иван. Решевскимъ, Львовскимъ архіепископомъ, въ 1421 году, Февраля 4.
4. *Букачевская.* Жоравенскій священникъ обязанъ имѣть о ней попеченіе.
5. *Мартыновская.* Надѣлена помѣщикомъ, Мартыномъ Старимскимъ, 1607 года, Августа 1-го.
6. *Галицкая.* Надѣлена Владиславомъ 1427 г., наканунѣ Маріи Магдалины.
7. *Езупольская.* Говорятъ, была сожжена Татарами.
8. *Тысменицкая.* Не имѣетъ ни какой грамоты.
9. *Тысмяничанская.* Тоже не имѣетъ грамоты.
10. *Надворская.* Надѣлена Пав. Куропатвой 1609 года, Февраля 2 дня, послѣ Св. Троицы.
11. *Тлумацкая.* Надѣлена королемъ Казимиромъ въ 1485 г., во вторникъ, на другой день послѣ праздника Св Гала.
12. *Хотимирская.* Не имѣетъ ни какой грамоты.
13. *Жуковская.* Надѣлена Николаемъ Сточиломъ, помѣщикомъ Жуковскимъ, въ 1458 году, въ середу, въ день Св. Алексѣя.
14. *Корсовская.* Не имѣетъ ни какихъ даровъ.
15. *Коломенская.* Нѣтъ никакой грамоты.
16. *Заболотовская.* Надѣлена Станиславомъ Волачкимъ изъ Богушицъ, помѣщикомъ Заболотовскимъ, 1615 г., въ послѣдній день Апрѣля.
17. *Синятынская.* Не имѣетъ грамоты на земли, нужныя для приходскаго священника, но имѣетъ право въ деревнѣ.
18. *Кропецкая.* Надѣлена королемъ Владиславомъ, въ 1421 году.
19. *Переволоцкая.* Не имѣетъ даровъ.
20. *Бучаченская.* Надѣлена Михайломъ Габдакомъ, помѣщикомъ Бучацкимъ, въ 1401 году.

21. *Барисенская.* Надѣлена Еронимомъ Язловецкимъ изъ Бучача, воеводой Сокальскимъ и Червоногородскимъ, въ 1602 году.

V. Церкви Деканства Рогатынскаго.

1. *Рогатынская.* Не имѣетъ грамотъ ни на какія имѣнія.
2. *Подкаменецкая.* Не имѣетъ даровъ.
3. *Княгиницкая.* Не имѣетъ вѣрныхъ даровъ.
4. *Выспенская.* Не имѣетъ вѣрныхъ даровъ.
5. *Васичинская.* Надѣлена Сприбором, помѣщикомъ Васичинскимъ, въ 1455 году.
6. *Журовская.* Не имѣетъ вѣрныхъ даровъ.
7. *Ходоростовская.* Надѣлена Григоріемъ Юршой, шамошнимъ помѣщикомъ, 1460 года, въ субошу, на канунѣ праздника Св. Маршина.
8. *Бороздовская.* Надѣлена Бенкомъ, шамошнимъ помѣщикомъ, въ 1410 году.
9. *Соколовченская.* Надѣлена Анной Спадницкой, въ 1594 году, Марша 2.
10. *Бобрецкая.* Воздвигнута Петромъ Спарчеховскимъ, архіепископомъ, въ 1546 году, Іюня 26-го.
11. *Черторыйская.* Надѣлена Г. Г. Ходоровскимъ, 1651 года, Марша 24.

VI. Церкви Деканства Золочевскаго, нынѣ Дунаевскаго.

1. *Золотовская.* Теперь не имѣетъ грамоты на имѣніе
2. *Зборовская.* Не имѣетъ вѣрныхъ даровъ.
3. *Березанская.* Не имѣетъ грамоты на имѣніе.
4. *Бощенская.* Надѣлена Иваномъ, помѣщикомъ Бощенскимъ, въ 1433 году, въ субошу, на канунѣ праздника св. Лаврентія.

5. *Дупаевская.* Надѣлена Іоаномъ, архіепископомъ Львовскимъ, въ 1485 году, во вторникъ передъ праздникомъ Успенія Пресв. Дѣвы Маріи.
6. *Фирлеевская.* Надѣлена Николаемъ Параевскимъ, Львовскимъ судьей, въ 1573 году, Маія 26.
7. *Янцинская.* Не имѣетъ грамоты на имѣніе.
8. *Сасовская.* Грамота на имѣніе относится къ 1631 году, Января 13.
9. *Гологузская.* Надѣлена Николаемъ изъ Голгуры, въ 1452 году, во вторникъ, послѣ праздника Успенія Пресв. Дѣвы Маріи.
10. *Арелатская* или *Глинянская.* Надѣлена королемъ Владиславомъ, 1397 года.

VII. Церкви Деканства Теребовльскаго.

1. *Теребовльская.* Надѣлена королемъ Владиславомъ, въ 1423 году, вечеромъ праздника Тѣла Христова.
2. *Баворовская.* Надѣлилъ Вячеславъ Біяшевскій, Баворовскій помѣщикъ, 1525 года, въ четвергъ, передъ Пасхой.
3. *Золотницкая.* Надѣлена Михайломъ, помѣщикомъ Золотницкимъ, въ 1459 году, спустя 8 дней послѣ Успенія Богородицы.
4. *Копычинская.* Надѣлилъ ее Яковъ, помѣщикъ въ Копычинцѣ, въ 1443 году, въ середу, на другой день праздника Срѣтенія Пресв. Дѣвы Маріи.
5. *Подгаицкая.* Надѣлена Яковомъ изъ Бучачь, въ 1490 году, въ Троицынъ день.
6. *Яновская.* Надѣлена Иваномъ Гольскимъ, Галицкимъ каштеляномъ, въ 1611 году, Іюня 10.
7. *Гльбовская.* Надѣлена Альбертомъ Людицкимъ, изъ Людицка, въ 1609 году, въ пятницу, послѣ праздника Варѳоломея.

8. *Бодлювская.* Грамота на имѣніе находится въ актахъ Львовскаго архива, 1630 года, Іюля 10.
9. *Кочубинская.* Не имѣетъ грамоты на имѣніе.
10. *Микулинская.* Не имѣетъ вѣрныхъ даровъ.
11. *Чертковская.* Не имѣетъ грамоты на имѣніе.
12. *Тарнополіская.* Не имѣетъ грамоты на имѣніе.
13. *Толстенская.* Не имѣетъ даровъ.
14. *Бѣлобучницкая* — тоже.
15. *Подбородицкая* — тоже.
16. *Бѣлинская.* Надѣлилъ Давидъ изъ Бучачъ, воевода Подольскій, въ воскресенье, послѣ праздника св. Іоана Крестителя, въ 1484 году.
17. *Сколатенская.* Надѣлилъ Христофоръ Вихровскій, мечникъ Галицкій, 1644 года, Января 27.

См. Liber Beneficiorum Archidioecesis Leopoliensis (Ritus Latini) per Adſsimum olim Thomam Pirawski Decanum, post Suffraganeum Leopoliensem. A. D. 1615 conscriptus.

(M. S.)

Л.

1398 год.

ЗАПИСЬ

Луцкаго епископа Іоана, данная королю Ягайлу Владиславу, объ условіи на полученіе Галицкой Митрополіи 1398 года.

Сія пергаменная грамота, писанная полууставомъ, находится у канцлера, графа Н. П. Румянцова. Смотр. Описаніе Кіево-Софійскаго Собора и Кіевской Іерархіи. Кіевъ. 1825. Прибавленіе, стр. 38—39.

✠ А се азъ владыка Иванъ из Луцка знаемо чиню всѣмъ, аже далъ ми Государь мой Великій Король Митрополію Галицкую, хочетми помочи на поставленье Митрополитомъ, а коли Б҃гъ дастъ стану Митрополитомъ, я за то слюбую и хочу дати, оже Б҃гъ дастъ, моему милому Государю Королю двѣстѣ гривенъ Рускихъ, а тритцать коній безъ хитрости и того не хочю иступити, и на то есмь свой листъ далъ и печатъ привѣсилъ в Опатовѣ предъ Громницями у лѣта нароженья Сына божья тысячи триста девяносто осмого лѣта.

(Отъ печати осталися только голубые снурки.)

M.

IN NOMINE DOMINI, AMEN.

Quod magnifica Regum decrevit fieri authoritas pro commodo subditorum ratum atque stabile debet perpetuo permanere. Ea propter Nos Casimirus Dei Gratia Rex Poloniae nec non Terrarum Cracoviae, Sandomiriae, Siradiae, Lancitiae, Cujaviae, Pomeraniae Russiaeque Dominus et Haeres. Notum facimus universis, quod pia consideratione zeloque Regiae Majestatis providere advertereque disturbia ac incommoda quam plurima, quibus Civitas nostra Lwow perplexa noscitur ab hostibus quibuslibet importunis. Et ut eadem Civitas in utilitatibus, commodis, profectibus et prosperitatibus peramplius valeat adaugeri. Inconsolationem itaque dictae Civitatis et ipsius fidelium Incolarum, in augmentum damus perpetuis temporibus tribuimus praedictae Civitati Jus Theutonicum, quod vulgariter Maydeburgense appellatur, removentes ibidem omnia Jura Ruthenicalia et consuetudines Ruthenicales universas, ac quaevis alia quocunque nomine censeantur, quae ipsum Jus Theutonicum perturbare, seu impedire consueverunt. Absolvimus insuper Civitatem praedictam et Incolas ipsius quoslibet ab omnibus jurisdictionibus Palatinorum, Judicum, Subjudicum, Capitaneorum, Ministerialium eorundem et a potestatibus quibuscuque, quocunque nomine dicantur. Ita quod coram ipsis, vel eorum aliquo, pro causis tam magnis, quam parvis furti, incendii, sangvinis, homicidii, membrorum mutilationis et quibusvis aliis enormibus excessibus citati nulli penitus respondebunt nec aliquas poenas solvere teneantur, nisi Cives coram suo advocato, advocatus vero coram Nobis, et hoc, dum per Nostras literas specialiter fuerit citatus et evocatus tantummodo suo Jure Theutonico Maydeburgensi respondebit. In causis autem criminalibus vel quibuscunque emergendis advocato dictae civitatis judicandi, sententiandi, puniendi, corrigendi plectendi et condemnandi secundum Jus Theutonicum prout exigit

et requirit, plenam et omnimodam concedimus facultatem. Et licet toti Civitati praedictae et omnibus habitantibus et commorantibus in ea, tribuimus Jus Maydeburgense supradictum, tamen ex speciali Nostro favore aliis gentibus habitantibus in eadem Civitate, videlicet Armenis, Ruthenis, Saracenis, Judaeis et aliis gentibus cuiuscunque status vel conditionis existant tribuere gratiam specialem, volumus eos circa ritum eorum in ipsorum Jure illibatos conservare, dantes tamen facultatem eis ut pro quibuscunque super causis vel criminibus inter ipsos aut inter eos vel aliis quibuscunque super causis vel articulis emergere habuerint quaestionem licitu sit eis praedicto Jure Maydeburgensi uti coram advocato Civitatis et perfrui juxta eorum petitionem petitam et oblatam. Sin autem refutaverint praedictum Jus Maydeburgense quo perfrui debeat Civitas ante dicta, tum dictae nationes: Armenorum, Ruthenorum, Saracenorum, Tartarorum (a) et Judaeorum et aliarum quarumcunque nationum, quae ibidem congregatae et adinventae fuerint, quaelibet suae nationis jure, praesidente tamen advocato Civitatis eidem judicio ipsorum, quaelibet quaestio debebit terminari et finiri (b). Volentes insuper praedictam Civitatem Lwow gratia prosequi speciali attribuimus eidem Civitati pro melioratione jusdem septuaginta mansos Franconicos in silvis, mericis, pratis et pasciuis secundum quod inibi enumerari siue mensurari poterit, de quibus mansis sexaginta volumus esse censuales singulis annis in festo beati Martini de quolibet manso pro censu solvendo Nobis viginti quatuor grossos computare Ruthenicales. Postquam vero extirpati fuerint reliquos decem mansos in loco vicino Civitati antedictae qui vulgariter Belohowicz (c) apellatur, dimittimus eis pro pasciuis, sine cuiuslibet pecuniae solutione. Ad maiorem autem meliorationem Civitatis saepedictae, Damus eidem Civitati ex speciali Nostra gratia et favore, ut nullus terrigenarum, religiosorum civitatum aut aliarum quarumcunque personarum locet, limitet aut aedificet tabernam vel tabernas per unum milliare mensuratum a civitate eadem distare. In quorum omnium testimonium et evidentiam pleniorem sigillum Nostrum in robur perpetuae firmitatis duximus appendere. Actum Sandomiriae feria sexta infra octavas Pentecostes. Anno Domini Mil-

lesimo trecentesimo quinquagesimo sexto, praesentibus his testibus nostris fidelibus dilectis Ioanne Jura Castellano Cracoviensi, Vilczcone Domino Sandomiriensi, Dobeslao Vislicensi Castellanis, Floriano Praeposito et Cancellario Lenczycensi, Petro Tribuno Cracoviensi, Andrea Cracoviensi, Raphaele Sandomiriensi Succamerariis, Joanne decretorum doctore, Praeposito Gnesnensi et Cancellario Russiae, et aliis etiam nobilibus terrae Russiae veluti Wolczkone de Drohowieza, Iwano dicto Łogi de Skarzeszow (d), Slunieczkone de Rozbora haeredibus et aliis multis fide dignis. Datum et ordinatum per manus Domini Joannis nostri Cancellarii Russiae antedicti.

(a) Неизвѣстно, что это такое за Сарацины, поставленные тутъ объ руку съ Татарами. Послѣднее обстоятельство заставляетъ думать, что они покорены были тогда только, когда Турки приблизились уже къ границамъ этого крал.

(b) Армяне умѣли извлечь пользу изъ этой привилегіи, если только она не была подложна, и имѣли свои особые суды; напротивъ, Русины ничего не знали о ней до самаго 1617 года, когда, въ слѣдствіе жалобъ ихъ, король приказалъ выдать и имъ списокъ съ нея.

(c) Теперь село Бѣлогощъ.

(d) Если признаемъ эту привилегію истинной, что довольно трудно, тогда получимъ мы еще одно новое доказательство къ приведеннымъ уже выше, что земля Рускал простиралась до самаго Тарнова, потому что Иванъ Łogi z Skarzeszowa, „*Nobilis Terrae Russiae*“, поставленъ здѣсь свѣдѣтелемъ. А извѣстно, что въ Галиціи есть только одно Skarzeszowo, именно въ округѣ Тарновскомъ, т. е., два Skrzyszowa, одно подлѣ Ропчицъ, а другое подъ самымъ Тарновымъ. Что же до того, что въ документѣ стоитъ „Skarzeszow“ вм. Skrzyszow, то это ничего особеннаго не заключаетъ въ себѣ; такъ точно въ немъ читаемъ и Belohowic вм. Bilohosez, Drohowicza вм. Drohowyz, и Rosbora вм. Rozborz

H.

CONFAEDERATIO

Terrae Leopoliensis et Districtus Zydaczowiensis cum Civitate Leopoliensi,

METROPOLITANA TOTIUS RUSSIAE.

Nos Georgius Strumiło de Dymoszyn Succamerarius Leopoliensis, Joannes Swinka do Pomorzany Vexillifer, Joannes de Jaczimirz Dapifer, Joannes Chodorowski de Brzozdowce, subdapifer, Petrus de Brańce Judex Terrae Leopoliensis, Joannes et Dobeslaus de Olesko, Andreas de Szenno, Joannes de Kulikow, Jursza de Chodorostaw, Stanko de Davidow, Joannes de ibidem, Paulus et Stano de Czartorye, Petrus Czebrowski de Stoki, Dmitr Láhodowsky de Pohorełcze, Joannes de Czemierzince, Joannes de Niesłuchow, Raphael de Streptow, Michael Kay de Drempliany, Martinus de Milatyn, Stanislaus de Liski, Nicolaus Semp de Zelechow, Martinus Calenik de Podhayce, Joannes de Milatin, Nicolaus Wiprothek de Pieczychwosty, Mychno et Paschko de Borszow, Jurgi de Malczyce, Joannes et Petrus de Zimnawoda, Joannes de Maleczkowice, Włodek de Cuczany, Joannes et Stanislaus de Banunin, Błażek de Sroki, Michael de Miriszczow, Sieńko Hałka de Elgiszow, Sieńko de Nahorecz, Olechno de Drohoszow, Marko et Lenko de ibidem, Petrus Wołczko de Chłodzince, Stecsko et Oniśko et Stezko Ilko de Cercás, Dmitr de Humiátycze, Michael de Strzelcyce, Fiedko de Czołháńce, Fiedko et Stecko de Młyniszcze, Dymitr et Jacko de Dedoszyce, Jacko de Rosznitow, Andreyko de Szwáryczow, Iwáśko de Duleby, Iwan de Choszáwa, Alexá de Wielficze, Tłuczká de ibidem, Danko et Mika de Balicz, Protasi de Suleiáticze, Nicolaus de Czernow, Jácko de Nowosielce,

et Sieńko de Balicz. Significamus tenore praesentium, quibus expedit generaliter universis, praesentibus et futuris, praesentium notitiam habituris. Quomodo, ne in agendis et Causis per Nos tractandis Terrae Civitatisque Leopoliensis ac Districtus Zydaczovensis Rempublicam concernentibus et tangentibus, Regiae Maiestatis es inclitae sacraeque Coronae Regni Poloniae aliquatenus reddamur suspecti primò et principaliùs promittimus Serenissimo Principi et Domino Dno Casimiro Dei Gratia Regi Poloniae M. D. Litv. Russiae, Prussiaeque Domino et Haeredi, Dno nostro gratiossisimo, ac Inclytae et Saerae Coronae Regni Poloniae sinceram Fidelitatem debitaeque obedientiae puritatem. Attendentes insuper, et libramine verae Rationis pensantes, quoniam ex inadvertentia et discordia Nostra, Terra Leopoliensis, Districtusque Zydaczovien. nostrae inhabitationis similiter et Civitas Leopolien. ad quam in extrema necessitate, tota Terra Russiae, tanquam ad Civitatem Capitalem suum habet respectum et refugium, per plurimos annos, usque in hactenus diversis injuriis, impressionibus, gravaminibus, calumniis et damnis hinc inde affliguntur, ita quod prae gravaminum afflictione amplius non valeant respirare: volentesque huiusmodi casum instaurare, ut in adversis, maioribus ad resistendum consiliis et auxiliis abundemus, Cum Consulibus et Civibus totaque Communitate Civitatis praedictae Leopolien. fraterna unione nos univimus, et eos in Confratres nostros nobis Conjuratos, prout et Litera eorum ab altera parte Nobis data eiusdenvis canit, gratanter suscepimus hoc modo. Quia promittimus et spondemus Civitati Leopoliensi omnia Jura et Privilegia eiusdem Civitatis, cum omnibus articulis in eis contentis, ac consuetudines singulas ab antiquo tentas, tenere et observare firmiter illaese. Et quod Consulibus et Civibus totique Communitati dictae Civitatis Leopoliensis pro augmento, et profectu Reipublicae, siue communis boni Civitatis eorum, consiliis, auxiliis, defensionibus, ac omni modo semper et irremisse assistere volumus. Si vero per aliquam, sive aliquas personam vel personas, cuiuscunque status, dignitatis, vel praeeminentiae existat vel existant, in Juribus suis dicta Civitas Leopolien. sive eius Consules, Cives et Incolae vexati, impediti, molestati, debilitati, seu quovis modo perturbati vel etiam quas-

cunque alias passi iniurias fuerint, ita quod pro suis Juribus, iniuriis et oppressionibus, sive defectibus, coram Regia Majestate, vel alibi Actionem habere praetenderent, et Nos pro assisetentia et defensione Jurium et Causarum suarum, requisierint, extunc pro eisdem Juribus, oppressionibus, vel defectibus dictorum Consulum, Civium, et Incolarum Leopoliensium, aliquos de Confratribus nostris Terrigenis Coniuratis Leopoliensibus cum dictis Consulibus sive Civibus ad Regiam Maiestatem, vel alibi, ubi Causa locum audiendi habuerit, mittemus in propriis expensis et impensis: Ita quod dicti Dni Terrigenae Confratres nostri, qui in tali Causa civili per nos fuerint transmissi, dictae Civitatis Leopol. jurium anfractus, iniurias, gravamina, Calumniarum oppressiones, et singulos defectus, coram Regia Maiestate, vel ubi locus fuerit, Una cum dictis Consulibus sive Civibus Leopoli, exponant, producant et defendant, tanquam totius et ipsiusmet Terrae Leopoliensis et Districtus Zydaezoviensis Causam propriam. In Casu etiam quo Civitati Leopoliensi aliqua gravamina manus violenta, insidiae sive insecuritates a quibusque personis: aut insultus hostiles imminerent quoquo modo, et Consules sive Cives Leopolienses pro succursu et auxilio ad unum Terrigenam Leopoliensem sev Zydaczoviensem intimaverint, extunc ille Terrigena ad alios, et illi alii ad caeteros Terrigenas praedictos Fratres nostros Coniuratos destinare debebunt, sub Juramentis et humanitate eorum, ea notificando in instanti, et Nos quam cito ea perceperimus, promittimus in propriis expensis et impensis diei noctique non parcendo, in Civitatem Leopoliensem omnes convenire, quilibet pro posse suo eiusdem Civitatis Leopolien. Consulibus et Civibus in auxilium, consilium, et defensionem, collis et bonis nostris eis omni modo assistentes. Pollicemur etiam et spondemus nullas Conventiones sev colloquia absque Consulibus Leopoliensibus celebrare, sed quod ipsi Consules Leopolienses singulis Conventionibus et colloquiis nostris, ad quae eos invitare, sive vocare debebimus, ipsis diem et locum notificando, in Consiliis nostris semper interesse: et una nobiscum, sive inter nos, locum habere debent, tanquam Fratres nostri Coniurati, pro Republica, Terrae et Civitatis Leopoliensis et Districtus Zydaczoviensis fideliter consulentes. Insuper si acciderit alicui Civi sive

Incolae Civitatis Leopoliensis infra Terram Leopoliensem, aut Districtum Zydaczoviensem, in viis, villis aut quibusvis aliis locis, damna laesiones, violentiae, rapinae, iniustae depactationes, depraedationes, furticina, sive quaecunque iniuriae fuerint illatae, et per eum alicui de praedictis Confratribus nostris Coniuratis, aut in villis eorum, notificatum et expositum fuerit, extune idem Terrigena aut officialis suus reqvisitus, absque mora alios vicinos Terrigenas per nuntios avisare et obdestinare debet; solus, illis non expectatis diligentiam facere debebit celeriter, secundum requisitionem dicti Civis et Incolae Leopoliensis, ejusmodi injuriam passi. Qui omnes obdestinati statim auxiliis, defensione facta, et latronum insecutione, et quovis modo necessario, et opportuno, eidem Civi, sive Incolae Leopoliensi assistere tenebuntur. Praemissa itaque omnia et singula, prout superius pertinenter sunt descripta, sub Juramentis nostris Corporalibus, in sacramento per nos singulos dictis Consulibus, Civibus, et Incolis Leopolien. jam de facto praestitis, ac sub Humanitate, Fide, et Honore nostris promittimus, una cum Successoribus nostris, quos pro Republica in ulteriores Annos conservanda, volumus esse obligatos, praefatis Consulibus, Civibus, et Incolis Leopolien. eorumque Successoribus, fideliter, et absque omni corruptela Humanitatis nostrae tenere, et observare, perpetuum et in aevum. Cuius rei in evidentius Testimonium, et robus majoris firmitatis sigilla nostra praesentibus sunt subappensa. Datum in Conventione Leopoliensi Feria quinta ipso die Sanctae Luciae Virginis Anno Domini Millesimo Quadringentesimo Sexagesimo quarto. Ex originali pergameneo ad verbum desumptum. Cura, J. W. C. L.

Locus quadraginta quatuor sigillorum.

ОПЕЧАТКИ и ПОПРАВКИ.

Стр.	Строк.	*Напечатано:*	*Поправить:*
9,	14:	чѣмъ бы болѣе подвигали	чѣмъ болѣе подвигали бы
10,	13:	Мадьяры стремясь,	Мадьяры, стремясь
11,			
12,	23:	Скиѳовъ	Скифовъ
13,	14:	для составленія такого малаго сочиненія;	для такого малаго сочиненія;
—	26	и всюду: Болгары	Булгары
14,	13:	Славянскихъ родовъ	Славянскихъ колѣнъ
—	16:	Ѳесалоникой	Фесалоникой
15,	20:	Ѳракію, Ѳесалонію,	Фракію, Фесалію,
16,	11:	Подолья,	Подола,
—	18	и всюду: Сандецкомъ;	Сандецкомъ;
19,	3:	принимаютъ	принимаетъ
—	18:	спископами	епископами
21,	2:	Руской сторонѣ.	Руской землѣ.
—	28:	также имѣетъ	имѣетъ также
24,	12	и всюду: Сандомірскомъ	Сѫндомірскомъ
—	14	и всюду: Казимиръ	Казиміръ
26,	17:	Суча,	Сѫча,
27,	3	и всюду: мѣлкаго	мелкаго
35,	13	и всюду: Ягело	Ягайло
37,	13:	кажется	кажется,
—	25:	и въ	и на
—	29:	Дембнѣ	Дѫбнѣ (Дѫбнѣ)
38,	23:	obolere	abolere
39,	24	историческою	исторической
40,	22:	уеловіемъ	съ условіемъ
41,	32	и всюду: свидѣшелствуетъ	свѣдѣшельспвуетъ
42,	8 и 14:	королевство	государство
43,	22:	сторопа	страна
—	25:	Звѣнигородскихъ	Звенигородскихъ
45,	18:	не способны	неспособны
52,	3:	Лодомирією	Володимірією.

Стр.	Строк.		
52,	21 и 22:	и съ сильнымъ Рускимъ войскомъ, пришедши на помощь	и пришедши съ сильнымъ Рускимъ войскомъ на помощь
53,	4	и всюду: предлагаемый	предлогаемый
—	7	и всюду: Завихостомъ	Завихвостомъ
55,	23:	по лѣвому	на лѣвомъ
56,	3:	и всюду: въ Дрогичинѣ	въ Дорогичинѣ
—	31:	Галиціи употребляли	Галиціи, употребляли
57,	30:	Станиславовскій	Станиславскій
58,	13:	Подляское	Подлѣское
59,	27:	к,	К,
60.	35:	Казимиръ Ягело	Казиміръ Ягайловичь
61,	14;	герцогъ	князь
—	16:	герцога	князя
62,	22:	не возможно,	невозможно,
63,	1:	*Engel* hallische	*Engel*, hallische
65,	8:	находятся въ подлинникѣ	находящся въ подлинникѣ,
68,	27:	доказазельства	доказательства
69,	13:	Dissertationes	Dissertationes
—	29:	еще	уже
—	31	и всюду: Кирилла	Кирила
70,	18:	Максима	Максиму
71,	9:	современномъ	современникѣ
72,	10	и всюду: капишулъ	соборныхъ храмовъ
73,	23:	одинъ	одна
—	24:	помѣщенный а другой	помѣщенная а другая
—	26:	Первый	Первая
—	27:	изъ него	изъ нея
74,	1:	А въ другомъ	А въ другой
—	14:	Поруски	по Руски
75,	31:	Латинскій обрядъ	Латинское исповѣданіе
77,	20:	можно читашь	читаете
—	28:	подлѣ этого документа.	рядомъ съ этимъ документомъ,
78,	23:	находящіеся	находящіяся
79,	30:	о немъ то	о немъ-то
80.	12:	изложеніемъ	толкованіемъ
—	15:	изъ моихъ замѣчаній,	замѣчанія,
—	16:	а) Этотъ колоколъ въ 1292 или же въ 1341 году, былъ	а) Этотъ колоколъ былъ отлитъ въ 1292 или же въ 1341 году
—	39:	прочиталъ.	прочелъ
81,	12:	ошибки вкрасться въ дѣло	ошибка въ дѣло
—	19:	имѣлъ мало предусмотрительности;	былъ не очень предусмотрителенъ;
83,	6:	Данила	Данiила

Стр.	Стран.		
84,	22:	при ихъ удѣлахъ происхо-дившихъ	при ихъ удѣлахъ, происходив-шихъ
—	29:	вѣнѣцъ,	вѣнецъ,
91,	3:	Ставропигіянской	Ставропигіяльной
96,	13:	линіи возсѣлъ	линіи, возсѣлъ
105,	32:	послѣ Длугоша	послѣ Длугоша,
106,	25:	каменьями,	камнями,
121,	21:	Грицко	Грыцько
124,	7:	Кырдыевича,	Кырдіёвича,
—	8:	кашпеляна	Каспеляна
128,	17:	сбирались, было,	сбирались было
—	26:	причененаго	причиненнаго
138,	25:	отона	Отона,
143,	13:	fascilo	Fasciculo

144, 15—16: Но посланіе это не находится при подлинникѣ, бывшемъ подъ руками переводчика; вѣроятно, сочинитель позабылъ его присоединить.

145,	16:	помоглъ	помогъ
147,	1:	во владѣнія Полякамъ,	во владѣнія,
148,	19	и всюду: моглъ	могъ
—	35:	приступивши	приступивъ
—	19:	проникъ	проникъ
167,	5:	и до *обузданія*	и для *обузданія*
169,	7:	Саномъ	Сяномъ
170,	21:	моглъ	могъ
172,	15:	Любельской	Люблинской
174,	5:	если ужь не	если не
178,	4:	съ однимъ копьемъ	съ однимъ копьемъ (всадникомъ)
—	30:	conctitutus	constitutus
191,	8:	Угоровъ,	Угровъ,
202,	23:	Гваньинъ	Гваньини
203,	18:	мѣшаясь	мѣшавшимися
—	19:	присволя	присвоявшими
215,	6:	Саноцкой,	Сяноцкой,
217,	14:	Угорская королл	Угорская королева
221,	3:	съ нама	съ ними
224,	9:	и осадилъ	и снабдилъ
246,	29:	присоединена	соединена
248,	23:	заботилась томъ,	заботилась о томъ,
—	26:	ихъ,	его,
254,	10:	побѣды	побѣдъ
270,	23:	Каменьца	Каменца
282,	7:	разбивши	разбивъ
—	27:	Сѫдовоемъ	Сѫдивоемъ (Сѫдивоемъ)
283,	21	и всюду: Зарѫмба (Zaremba)	Зарѫба (Zaręba, Зарѫба)
—	23	и всюду: Налѫчами (Nalęczami)	Налѫчами (Nalęczami, Налѫчами)

Стр.	Строк		
288,	15:	время при	врэмя, при
289,	26:	Декабря,	Октября,
290,	18:	селившихся, было,	селившихся было,
293,	9:	хотѣли, было,	хотѣли было
295,	8	и всюду: Заржбу	Зарѧбу
301,	24:	Кѧбичь (Kębicz)	Кѧбичь (Kębicz, Кѧбичь)
311,	22:	Ягелоновичей	Ягайловичей
328,	27:	исовершалъ	и совершалъ
338,	1:	къ войнъ, Онъ	къ войнѣ. Онъ
—	19:	Виндика тиунторій Глинянъ	Виндика, владѣтель Глинянъ
345,	17:	которыя	которые
371,	13:	цѣликомъ	вполнѣ
379,	30:	ибо,	что
405,	13:	по Руси	на Руси
406,	6:	можетъ быть даже и подстрекнулъ.	и можетъ быть даже подстрекнулъ.
—	22:	ram	iam
407,	5:	вопреки договору,	вопреки сдѣлкѣ,
—	26:	хотя и разсказываетъ намъ Кромеръ,	хотя Кромеръ и разсказываетъ намъ,
410,	1:	мужество, чье бы то ни было,	чье-либо мужество.
411,	14:	изѣстный,	извѣстный,
412,	8:	мечь а	мечь, а
413,	9:	тираншво	тиранство
XII,	24:	заспорившія	заспорившіе
XXX,	10:	ярхіепископства	архіепископства
XXXII,	1:	спокойно,	спокойно;
———	7:	Руси,	Руси;